

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ БАЛКАНИСТИКИ

СЛОВАЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ЧЕХО-СЛОВАЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Раннефеодальные государства и народности

(южные и западные славяне
VI—XII вв.)

МОСКВА "НАУКА" 1991

авторы.

А. АВЕНАРИУС (ЧСФР), Б. ДОСТАЛ (ЧСФР), Й. ЖЕМЛИЧКА (ЧСФР),
З. КЛАНИЦА (ЧСФР), Е. КОЙЧЕВА (РБ), Н. КОЧЕВ (РБ),
Г. Г. ЛИТАВРИН (СССР), Р. МАРСИНА (ЧСФР), Х. МАТАНОВ (РБ),
Е. П. НАУМОВ (СССР), С. РАКОВА (РБ), А. И. РОГОВ (СССР),
В. К. РОНИН (СССР), Д. ТРЖЕШТИК (ЧСФР),
В. ТЫПКОВА-ЗАИМОВА (РБ), Б. Н. ФЛОРЯ (СССР)

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР Г. Г. Литаврин

Рецензенты:
доктор исторических наук Л. В. Горина,
доктор исторических наук И. И. Пол.

Р 22 Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне. VI—XII вв.). — М.: Наука, 1991. — 253 с.

ISBN 5-02-010032-3

В книге рассказывается об образовании и развитии славянских народностей и созданных ими раннефеодальных государств. Авторы прослеживают взаимоотношения славян с Византией, аварами и венграми.

Для историков и читателей, интересующихся историей и культурой славянских народов.

Р 0503000000—153
042(02)—91 51—91. II полуг.

ББК 63.3(4)

ISBN 5-02-010032-3

© Издательство "Наука", 1991

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга написана в результате сотрудничества историков четырех институтов: Института балканстики Болгарской АН, Института истории ЧСАН, Института исторических наук Словацкой академии наук и Института славяноведения и балканстики АН СССР. Она задумана как заключительная, обобщающая работа. Ей предшествовали три сборника, содержащие материалы трех симпозиумов, которые состоялись в 1984 г. в Москве (на тему "Социальная и этническая структура и ее эволюция в процессе зарождения и становления раннефеодальной государственности и раннефеодальных народностей у южных и западных славян"), в 1985 г. в болгарском городе Смоляне ("Общественно-политическая мысль, идеология и культура в раннефеодальных славянских государствах") и в 1986 г. в Праге ("Возникновение и развитие славянских раннефеодальных государств и народностей в Центральной и Юго-Восточной Европе"). Сборники были изданы академическими издательствами тех стран, в которых соответствующие симпозиумы были проведены*.

В центре внимания ученых находились две взаимосвязанные проблемы, занимающие в настоящее время первостепенное место в проблематике исследований медиевистов-славистов, изучающих раннесредневековое славянское общество. Эти проблемы: пути формирования и особенности раннефеодальных славянских государств и общее и специфическое в процессе становления новых славянских этнических общностей — народностей раннефеодальной эпохи.

Выбор темы в решающей степени определялся относительным единством объекта исследования: в весьма близких хронологических рамках совершались у большинства славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы основные процессы их политического и этнического развития в раннее средневековье. Сходными в целом в этих двух регионах в указанную эпоху были также исторические условия, в частности славянские народы или совсем не испытывали воздействия институтов уходящего рабовладельческого общества, или испытывали его в очень слабой степени.

* Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; Структура власти Раннефеодальные славянские государства в политической системе Европы. С., 1990; Typologie rané feudálnich slovanských stád. Pr., 1987.

Осуществленные в марксистской историографии исследования процессов перехода славян от доклассового к классовому обществу, т.е. процессов формирования славянских раннефеодальных государств, позволили сделать вывод, что историческая роль этих государств в возникновении и укреплении новых общественных структур была гораздо более значительной, чем в большинстве стран Западной Европы на сходном этапе развития. Поэтому авторы данной книги, выдвигая на первый план проблему зарождения и укрепления у славян раннефеодальных государств, исходили из убеждения, что более основательное изучение их роли может явиться ключом к решению многих других вопросов не только социального, но также идейного и культурного развития славянских народов. Авторы имели также в виду, что выявление особенностей процессов формирования государственности в отдельных славянских странах и обобщение полученных результатов могут содействовать решению одной из важнейших теоретических проблем, стоящих перед исторической наукой, — проблемы перехода от родоплеменного строя к феодальному. Результаты исследования могут быть полезны и при рассмотрении широкой общеисторической проблемы "власть и общество", интерес к которой неизменно возрастает.

Вторая проблема — этнического развития славян в эпоху перехода к классовому обществу — была поставлена в силу того, что научные исследования последнего времени в сфере этногенеза и этнической истории, в частности проведенное в Институте славяноведения и балканстики АН СССР изучение судеб этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья, показали существование тесной взаимосвязи между процессами формирования государственности и процессами этнического развития. Поэтому мы попытались выяснить, насколько позволяют источники, каким образом процесс становления и упрочения государства воздействовал на образование новой этнической общности — раннефеодальной народности. Эта задача представляется тем более важной, что именно народности положили начало существованию современных наций, а история отношений между этими народностями на начальном этапе после их консолидации оказывала и оказывает заметное влияние на развитие современных межнациональных отношений.

В свою очередь, и формирование народностей, немыслимых вне определенной идеологической общности, и становление государства, нуждавшегося в официальной политической доктрине, предопределяли необходимость рассмотрения в основном синхронно совершившегося процесса христианизации славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Этому вопросу в книге также уделено определенное внимание.

По своей структуре работа делится на две части: аналитическую и обобщающую. В первой части поставленные проблемы рассматриваются на конкретном материале каждой из славянских стран в соответствующий хронологический период. В заключительной части предпринята попытка обобщения и осмысливания выводов и наблюдений, сделанных в первой части книги, прежде всего в таких областях,

как социально-политическое развитие, этническая эволюция, динамика социальных противоречий в обществе и становление идеологии и культуры раннесредневекового славянства.

Авторы стремились придерживаться совместно выработанных принципов и методов рассмотрения подлежащих изучению проблем и характера взаимосвязей между отдельными сторонами исторического процесса в славянских странах эпохи раннего средневековья. Вместе с тем они отнюдь не ставили перед собой цели добиваться единства мнений во всем или по тем или иным рассматриваемым ими конкретным вопросам. Поэтому читатель может обнаружить в отдельных главах работы (и аналитических, и обобщающих) разноречивые оценки исторических фактов и явлений. Это касается оценки степени зрелости отдельных славянских государств, уровня общественного развития кочевников, роли кочевых и славянских народов в развитии некоторых стран Центральной и Юго-Восточной Европы, характера взаимоотношений первоучителей славянства Кирилла и Мефодия с папством и моравскими правителями, исторического значения богослужения на славянском языке и т.д.

Помимо материалов по истории славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в книгу включены разделы, касающиеся процессов становления Венгерского раннефеодального государства. Допуская это отступление от зафиксированной в ее названии тематики, редакционная коллегия руководствовалась в основном двумя соображениями. Во-первых, Венгерское государство в отличие от существенно запаздывавших в формировании своих политических образований восточных романцев и албанцев или от развивавшейся особым путем наследницы рабовладельческой позднеримской империи—Византии формировалось в сходных со славянскими государствами исторических условиях и примерно в рамках одного хронологического периода. Во-вторых, ко времени прихода кочевников-венгров в Среднее Подунавье здесь уже проживало земледельческое славянское население и существовали славянские политические образования (Великая Моравия, населенные славянами провинции Первого Болгарского царства), значительная часть территорий которых вошла затем в состав Венгерского государства. Закономерной поэтому была постановка вопроса о роли славян в переходе мадьяр от скотоводства к земледелию, в формировании у них классового общества и становлении государства.

Авторы и редколлегия отнюдь не склонны полагать, что им удалось решить с большей или меньшей степенью убедительности все рассмотренные вопросы. Они надеются, однако, что их выводы и наблюдения будут содействовать расширению и углублению дискуссии, ведущейся в науке по затронутым ими проблемам.

* * *

Редакционная коллегия книги: А. Авенариус (ЧСФР), Й. Жемличка (ЧСФР), З. Кланица (ЧСФР), Е. Койчева (РБ), Н. Кочев (РБ), Г.Г. Литаврин (ответственный редактор, СССР), Р. Марсина (ЧСФР), В. Матула (ЧСФР), Г.П. Мельников (ответственный секретарь, СССР), Д. Тржештик (ЧСФР), В. Тыпкова-Займова (РБ), Б.Н. Флоря (заместитель ответственного редактора, СССР).

Переводы текстов болгарских и чехословацких авторов выполнены сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР О.В. Ивановой и Г.П. Мельниковым.

Редактирование текстов, осуществленное на основе замечаний членов редколлегии, проведено Г.Г. Литавриным и Б.Н. Флорей.

Научно-организационная и научно-техническая работа проделана Г.П. Мельниковым, В.К. Рониным и Н.С. Захарьиной.

3. КЛАНИЦА, Д. ТРЖЕШТИК

ПЕРВЫЕ СЛАВЯНЕ В СРЕДНЕМ ПОДУНАВЬЕ И В ПОЛАБЬЕ

Долгое время в науке преобладала точка зрения, согласно которой приход славян не только в широко понимаемую область Среднего Подунавья, но и в Полабье был связан с аварами. Сейчас такие представления устарели¹, однако все еще продолжается дискуссия о том, что славяне, возможно, населяли Карпатскую котловину задолго до VI в. Один из главных противников теории автохтонности славян Л. Нидерле допускал лишь одно исключение из нее, касающееся именно Среднего Подунавья. Он считал, что небольшие группы славян жили на юге Карпатской котловины уже в I—II вв. Основой здесь ему служила гидронимия, в особенности название Балатон — Пелсадис (Плесо), он также приводил и исторические аргументы². Критики их огульно отвергали³, однако в последнее время теорию Л. Нидерле возродил О.Н. Трубачев для подкрепления своих представлений о том, что прародина славян находилась на Дунае⁴. Его филологические аргументы вряд ли найдут всеобщее признание, однако нельзя обойти молчанием указания некоторых авторов на то, что Л. Нидерле, хотя он постоянно ошибался, когда искал свидетельства присутствия славян в Карпатской низменности ранее V в., был прав, когда речь шла о самом V в⁵. Мы имеем в виду ту часть доказательств Л. Нидерле, которая опирается на один источник — "Историю" византийского ритора Приска. Он, помимо прочего, писал о посольстве императора Максимиана к Аттиле в 448 г., членом которого он был. Там упоминается страна, расположенная вдоль рек Тигас и Тифисас, т.е. Тиса и Темеш, и населенная "смешанным" народом "скифов", говорившим не только на своем варварском языке, но и на гуннском, готском и латинском языках и пившим напиток, называвшийся "медос"⁶. Сочинение Приска не сохранилось, нам известны лишь цитаты из него, содержащиеся у позднейших авторов. Одним из них был Иордан, историк готов, который позаимствовал вышеупомянутое описание Приском посольства 448 г. У Иордана также есть описание похорон Аттилы, нигде более в греческих источниках не встречающееся. Иордан пишет, что, когда Аттила был "этими плачами оплакан, [гунны] устроили на его могиле большой праздник, называемый страва"⁷. Л. Нидерле обратил внимание на слова "медос" и "страва", звучавшие по-славянски, а также на другие обстоятельства. Название р. Тисы⁸, по Л. Нидерле, Иордан дает в славянской форме. В I—IV вв. Тиса называлась Патискус, Партискус, по-гречески Падисос, что считается производным от фрако-дакийского

названия Патис. Славяне должны были заимствовать его от местного населения, при этом они его восприняли как "Потисье" (аналогично Поморью, Поморавью, Подунавью), осмыслив первый слог как префикс "По-", собственно говоря "Па-" (мы должны помнить, что славяне до середины IX в. не знали гласного звука "о", вместо него у них было краткое "а". "Потисье" славяне произносили, как "Патисье"). Хотя в сохранившемся тексте Приска написано "Тигас", Иордан прочел это, как "Тисна", следовательно, в оригинале в действительности было "Тисас". Таким образом, речь шла о р. Тисе; ее название в этой форме слышал Приск в 448 г. от того самого народа, который пил мед. Он считал его скифским, однако это ничего не значит, поскольку "скиф" для византийца был синонимом любого северного варвара. Конечно, это не был ни готский, ни гуннский народ, так как Приск написал, что этим языкам "скифы" должны были учиться, т.е. они не были их родной речью.

Вряд ли "медос" может быть готским или гуннским словом⁹. Похоже звучание обозначения опьяняющего напитка сохранились во многих индоевропейских языках, почти идентичны формы кельтские, готские и славянские. Кельтский язык здесь ни при чем, готский язык также, остается, как видим, лишь славянский язык.

Несколько иначе обстоит дело со словом "страва", которым гунны (не только "скифы") обозначали погребальный обряд. Оно не могло быть гуннским и явно должно было быть перенято гуннами вместе с обрядом у другого народа. Тесный симбиоз гуннов и готов свидетельствует о том, что таким народом могли быть только готы. Данное слово могло происходить от готского *straujan* (нем. *ausbreiten, streuen*), т.е. "раскладывать" (ложе и т.п.), и предполагало значение "погребальный костер в виде ложа"¹⁰. Это означает, что Аттилу положили на некий ритуальный костер, называвшийся "страва", и сожгли. Но это не согласуется с описанием Иордана (точнее, Приска). У него ясно сказано, что Аттила был похоронен, а не сожжен; словом же "страва" обозначен праздник, поминальное угощение (*commensaio*). Л. Нидерле указывал на то, что это слово хорошо известно в древнечешском и древнепольском языках в значении "поминальное угощение", т.е. "страва" — слово славянское. Однако доказательства, которые он приводил, не слишком многочисленны, превалирует общее значение "пища", специальное значение "поминальное угощение" появляется несколько позже¹¹. Существование готского слова вообще не доказано, кроме того, оно должно было иметь другое значение, которое не соответствовало бы описанию Иордана, поэтому мы должны предположить, что название поминального угощения у Иордана действительно славянское¹². Это может иметь двоякое объяснение: или гунны переняли у славян обряд и его название, или же Приск узнал о похоронах Аттилы от какого-нибудь славянина, который естественно назвал поминальное угощение по-своему. Можно также предположить, что это было действительно готское слово, взятое ими у славян, подобно тому как славянское название ритуальных танцев "плясание" было заимствовано готами в форме *plesjan*.

Народ, с которым в 448 г. в нижнем течении Тисы встретился Приск,

скорее всего, говорил по-славянски. Однако не упоминаются его вожди возможно, он не имел даже собственного племенного названия, иначе Приск указал бы его. Нельзя исключить, что это был земледельческий народ, покоренный гуннами и приведенный ими в Подунавье. Эти люди должны были заниматься земледелием, чтобы обеспечить продуктами питания своих господ, поэтому они были поселены неподалеку от гуннов. Ни в коем случае это не было началом массового славянского заселения или началом славянской экспансии.

Среди археологического материала, относящегося в Потисье к V в., до сих пор не была идентифицирована та часть, которая относится к народу, называвшему свои праздники "стравой". И. Бона¹³ пишет, что в изучаемый период в подунайском "Альфельде" можно проследить постоянный приток нового населения с востока, он перечисляет сарматов, вандалов, гепидов, аланов, свевов, восточных готов и, конечно, гуннов, однако не упоминает славян Говоря о народах, населявших в V—VI вв. территорию Венгрии, он также ничего не сообщает о славянах¹⁴. В Потисье примерно в середине V в., как он считает, жили скиры, король которых Эдика (Эдекон) упоминается в 449 г. среди дружинников Аттилы. Некоторые исследователи не сомневаются в восточногерманском происхождении скиров. В этой связи стоит упомянуть, что, по Прокопию, скиры вместе с аланами относятся к "готским" племенам¹⁵. Это утверждение вызывает большие сомнения, потому что аланы ни в коем случае не были германским племенем. А. Кишш¹⁶ относит к скирам богатые находки из Бакодпуста (комитат Бач-Кишкун), где, по И. Боне¹⁷, была найдена небольшая литая луковидная пряжка¹⁸.

С первых веков нашей эры в области к востоку от слияния рек Тисы и Муреша можно наблюдать сильные восточные элементы в материальной культуре, проявившиеся с самого начала концентрацией сарматских памятников¹⁹. Однако определяющим было влияние римской культуры. По И. Боне, сарматская одежда представляла собой лишь более пестрый вариант одежды жителей римских провинций²⁰.

В V в. обезлюдили значительные пространства в Северном Причерноморье²¹; большинство местного населения, влившись в гунское войско, очутилось на Западе. С этим процессом, скорее всего, связаны другие археологические находки восточного происхождения, как это видно из работы Й. Тейрала²². Отдельные захоронения постчерняховского круга встречаются, например, в Задварекаше у Сольнока²³, в погребениях в Тапе Малядок при слиянии Тисы и Муреша. Однако нужно сказать, что постчерняховские пряжки и другие украшения встречаются в Подунавье не только при слиянии Тисы и Муреша, но и в более широком регионе. Дальнейшее изучение определит, были ли это лишь культурные влияния, проявлявшиеся в любви к определенным видам предметов, или, наоборот, речь должна идти об инфильтрации конкретных этнических групп носителей полизначной черняховской культуры. Среди них могли быть и те славяне, которых Приск застал в Потисье.

На рубеже IV—V вв. снизилась численность населения так назы-

ваемой черняховской культуры. К Годловский²⁴ отмечает аналогичный процесс в области пшеворской культуры, обращая внимание на миграцию населения на юг, т.е. в Подунавье. И Й. Тейрал²⁵ (в отношении восточных элементов культуры в Подунавье), и в особенности К. Годловский²⁶ не связывают упомянутые явления со славянами. С точки зрения археологии этот вопрос требует дальнейшего изучения, так как до сих пор нельзя точно определить происхождение некоторых элементов материальной культуры, типичных для памятников черняховской и пшеворской культур, появление которых в Подунавье могло иметь различные причины. Обе культуры имеют общие черты, хотя некоторые их элементы отличаются. Кроме того, обе культуры лишь ненадолго пережили эпоху гуннского нашествия.

Население с пшеворской культурой проживало с конца II в. до н.э. по начало V в. н.э. в основном в южной части Польши, т.е. по Висле²⁷. Оно занималось земледелием. В неукрепленных поселениях, расположенных вблизи рек, преобладал тип жилища надземной столбовой конструкции с глиняной печью в одном из углов²⁸. Жилая площадь была относительно велика, больше, чем в предшествующий период, и составляла 30—35 кв. метров. В погребальных обрядах преобладала кремация, однако она не доминировала²⁹. Погребения с трупоположениями членов господствующего слоя часто содержат изделия из римских провинций. Их можно считать инородным элементом, связанным, очевидно, со старым кельтским субстратом или со скифскими влияниями. Также здесь имеются некоторые черты, которые ранее отсутствовали на данной территории и которые не встречаются в дальнейшем уже в чисто славянских культурах. Это прежде всего обычай класть в погребение оружие, что можно считать проявлением германского элемента пшеворской культуры³⁰. Погребения с трупосожжением в пшеворской культуре (помещение остатков кремации в сосуд или в выкопанную ямку) по погребальному ритуалу в сущности аналогичны славянским памятникам последующего периода. В керамике пшеворской культуры также имеются характерные формы позднейшей славянской керамики. В особенности это относится к керамике пражского типа. В древнейшую славянскую культуру переходят и шпоры с характерным крючковатым окончанием. Пшеворскую культуру обычно считают германской, а ее восточную часть приписывают славянам³¹. По мнению В.В. Седова³², основная ошибка в оценке этой культуры объясняется невниманием к местным традициям, отражавшимся на ее развитии. Пшеворская культура соединяет в себе элементы разного этнического происхождения, самобытность которых стерлась под влиянием римских провинций.

Вторым крупным центром, откуда, очевидно, произошли славяне, была область черняховской культуры³³. Наибольшее число находок предметов этой культуры датируется III—IV вв. Ее памятники находятся в основном на Украине, но также проникают и в современную Румынию, на левый берег Дуная. На западе границей черняховской культуры служит р. Олт, в древности явно носявшая название Лутаусис. Ее упоминает Иордан как важную пограничную реку. Поселения

черняховской культуры, так же как пшеворской, характеризуются отсутствием укреплений; они расположены на южных склонах по берегам рек, что типично и для древнейшей славянской культуры. В археологических слоях над ними встречаются биритуальные кладбища с погребальным обрядом, аналогичным пшеворской и древне-славянской культурам. В погребальном обряде черняховской культуры проявились предшествующие скифские и сарматские традиции. В свою очередь, от черняховцев ряд типических проявлений материальной культуры, например некоторые типы керамики, шпоры с крючком, костяные орудия, переходят в позднейшие славянские культуры. Благодаря работам советских исследователей сегодня можно в богатом черняховском материале отличить и германские черты, и те элементы, которые позднее отчетливо проявились в материальной культуре ранних славян. Нельзя забывать, что весь этот комплекс, как и пшеворский, возник под нивелирующим влиянием римской цивилизации.

Особое место среди культур предполагаемых археологических предков древних славян занимают зарубинецкая культура и в особенности происходящая от нее так называемая киевская культура³⁴. Хотя о славянской принадлежности зарубинецкой культуры, датируемой концом III в. до н.э. — концом II в. н.э., было высказано немало сомнений, общий характер "киевской" культуры второй четверти I тыс. н.э. позволяет предполагать ее связь с последующей культурой антов типа Пеньковка и с этнически труднее идентифицируемой культурой типа Колочин.

Результаты археологических и иных исследований показывают, что вплоть до вторжения гуннов развитие славян происходило в основном в рамках двух родственных комплексов: пшеворского и черняховского³⁵. В обоих можно проследить сильное влияние римской цивилизации, которое нивелировало в них особенности отдельных этнических групп и унифицировало проявления культуры. Вторжение гуннов означало разрушение общественных структур черняховской и пшеворской культур, а также римского влияния и в результате их исчезновение. Нарушение общественного разделения труда привело к уменьшению продукции, ограничению деятельности специализированных мастерских и использованию простейших технологий. Археологически можно проследить значительное снижение уровня культуры.

В век — эпоха ускоренного развития. Конечно, археологически очень трудно выявить возникновение новых социально-экономических структур. Этнические особенности одежды и некоторых предметов обихода и в то время в основном оттеснялись господствовавший модой, в особенности это относится к предметам роскоши эпохи переселения народов, чье происхождение часто не совпадает с концентрацией мест их находок. Только в VI в. в материальной культуре вновь можно обнаружить следы комплексов, в которых в отдельных элементах или в более широких аспектах проявляется связь с позднейшими явно славянскими памятниками. Мы имеем в виду прежде всего культуру с керамикой пражского типа, хотя это явно

лишь одна из многих славянских культур, как мы попытаемся это доказать.

Пражская культура³⁶ имеет четыре основных признака: земледельческий характер поселений, углубленные в землю жилища, погребальный обряд с кремацией и характерный изящный тип керамики (сделанные вручную сосуды с выпуклостью в верхней части). Поселения часто располагались на южных склонах невысоких возвышенностей над реками. Жилища имели не только одинаковые размеры 4×4 м, но и похожие интерьеры, часто с каменной печью в северном углу землянки. Останки кремированных помещали на кладбищах в ямы или особые сосуды, как правило без инвентаря. Все эти признаки распространены на относительно большой территории, где исторические источники указывают места проживания славян. Картографирование древнейших погребений с трупосожжениями и керамикой пражского типа показывает³⁷, что они, как лента, протянулись от междуречья Лабы и Заале через Центральную Чехию, Южную Моравию, Западную Словакию до Житомирской области Украинской ССР. Аналогичная лента получается и при картографировании отдельных типов жилища — преимущественно землянок. Некоторые находки керамики пражского типа были сделаны в Подунавье, сенсацией стало кладбище, относящееся к этой культуре, обнаруженное около греческого города Олимпия.

Из приведенных данных мы делаем вывод, что культура пражского типа возникла в VI в. как явление, сопровождавшее расселение славян не в первоначальном ареале распространения на рубеже IV—V вв. пшеворской культуры, а за этими рамками как археологическое отражение первой волны новопоселенцев.

Было бы ошибкой представлять расселение славян как единовременное явление, имевшее лишь одно направление, одну цель. В действительности это было переселение славянских народов — сложный процесс, имевший много направлений, закончившийся, очевидно, во второй половине VII в. За это время славянский этнос несколько раз менял места своего проживания; лишь этим можно объяснить то, что названия некоторых славянских племен встречаются в разных местах славянской ойкумены.

Исходным пунктом этого переселения была территория не только пшеворской культуры, но и черняховской, где возник союз антов. В.В. Седов видит в нем начало не только русских, но и хорватов. С археологической точки зрения к антам можно отнести культуру Пеньковки³⁸. Она характеризуется полуземлянками, пузатыми (круглобокими) и биконическими глиняными сосудами. Биритуальный погребальный обряд объясняет отсутствие курганов. Среди инвентаря интересны прежде всего пряжки, спиралевидные украшения и трапециевидные подвески. С этими характерными чертами материальной культуры мы встречаемся, хотя и относительно редко, в Подунавье.

Среди находок в Среднем Подунавье в VI в. доминируют погребения с трупоположением, которые в Южной Моравии, Нижней Австрии и современной западной части Венгрии относятся прежде всего к лангобардам³⁹. Вторая группа погребений с трупополо-

жениями в Потисье считается принадлежащей гепидам⁴⁰. В ней явно видны связи с культурой Меровингов, а также с Восточным Средиземноморьем и другими областями Европы, откуда в Среднее Подунавье ввозились предметы роскоши. Формулируя более широко, можно констатировать, что область пшеворской культуры, возникшей ранее, и район распространения погребений с трупосожжениями (с керамикой пражского типа вместе с соответствующими поселениями на ее западных и южных окраинах) исчезают при территориальном расширении указанных погребений с трупоположениями⁴¹, что в определенном смысле говорит о взаимном уважении носителей обеих культур. Исключение составляет положение в Чехии и Южной Моравии, где некоторые недавно открытые погребения, в особенности в Лужице и Шаквице, могли быть связаны с деятельностью Хильдигиса.

Хотя мы знаем, что весной 568 г. лангобарды во главе союза германских племен ушли из Подунавья в Северную Италию, а их место гегемона заняли авары, в материальной культуре мало что изменилось. Памятники степных кочевников Карпатской котловины начинают встречаться почти на столетие позже. Во второй половине VI в. погребения с трупоположением сохраняются на территории, где отсутствуют погребения с трупосожжением с керамикой пражского типа. Однако между этими двумя ареалами мы обнаруживаем ряд контактов, о чем говорят, например, находки отдельных сосудов пражского типа в погребениях с трупоположением⁴² и керамики пеньковского типа как в погребениях с трупосожжением пражского типа⁴³, так и в ареале погребений с трупоположением⁴⁴. Интересно, что именно периодом после 568 г. датируется расцвет укрепленного античного центра в Паннонии — Валкума, в юго-западной части Балатона, около современного Кестхея. Он был уничтожен примерно в середине VII в. Об этнической принадлежности среднедунайской материальной культуры (судя по ее проявлениям в погребениях с трупоположением второй половины VI — начала VII в.) существует ряд противоречащих друг другу мнений, которые из-за особенностей их аргументации не могут быть здесь подробно проанализированы. Например, Р. Мюллер⁴⁵ прямо не говорит о славянах, лишь осторожно высказываясь в том смысле, что носители этой культуры могли быть союзниками авар, находившихся в тесном контакте с соседними славянскими областями.

Значение некоторых новых находок в Южной Моравии, Юго-Западной Словакии и особенно в Паннонии мы видим в том, что, помимо прочего, они показывают возможность существования на территории, покинутой лангобардами и другими германскими племенами, до сих пор не идентифицированного культурного комплекса второй половины VI — первых десятилетий VII в. В находках явно прослеживаются европейские культурные влияния того времени, прежде всего византийские, средиземноморские, черноморские и меровингские. Указанную группу памятников нельзя сравнивать с раннеславянской культурой пражского типа уже потому, что нам известны лишь погребения с трупоположением, а поселения еще не исследо-

ванны. Однако, несмотря на типологические различия, можно при семантическом анализе находок определить их общие черты.

Второй главный ареал древнейших славянских памятников, который мы можем сопоставить в VI—VII вв. с историческими сведениями о славянском этносе, — это ареал венедов. Речь идет о памятниках суковского типа⁴⁶, которые находятся в нижнем течении рек Одры и Лабы. Точки зрения отдельных исследователей на эту проблематику, и в особенности интерпретация исторических и археологических источников, значительно расходятся. В польской литературе керамика типа Суков обозначается как тип Дзедзице⁴⁷, в новейшей литературе ГДР говорится о типе Суков-Шелиги⁴⁸. Носители этой культуры в отличие от людей, изготавливавших керамику пражского типа, жили в срубных жилищах⁴⁹, преимущественно в избах с полом на уровне земли, а не в землянках. Способ погребения также был иной. Пепел погребального костра хранился, очевидно, где-то на земле, или просто над ним насыпался курган, в некоторых случаях непосредственно на месте кремации.

На восточной окраине венедского ареала, в пяти километрах от центра волынского княжества — Владимира, впервые упомянутого под 988 г., уже в VI в. находился значительный славянский центр Зимно, укрепленный валом с деревянным частоколом⁵⁰. С внутренней стороны к укреплению примыкали жилища. В находках доминирует лепная раннеславянская керамика без украшений, вместе с ней находят части конской упряжи, из оружия — прежде всего копья и стрелы, в том числе с трехгранными наконечниками, а также серебряные, бронзовые и железные части поясов и литые бронзовые и серебряные браслеты с расширенными концами. Представляют интерес доказательства специализированного ювелирного производства: литейные сковородки, каменные формы и костяные матрицы. Большинство предметов советские исследователи датируют VI — началом VII в., что подтверждается находкой монеты императора Юстиниана I или Юстина II. Так же датируется городище Шелиги на правом берегу Вислы примерно в 70 км к северо-западу от Варшавы⁵¹. Небольшие размеры поселения (длина 60 м, ширина 20 м), лепная керамика и другие признаки связывают его с Зимно, а некоторые находки даже с так называемыми сокровищами антов. Кроме женских украшений для волос и браслетов с расширенными концами, встречаются и лучевидные пряжки. Более того, в материале раскопок присутствует типичный атрибут древнеславянских дружин — шпоры с крючком. Шпоры и некоторые виды низких биконических горшков можно связывать с предшествующими пшеворскими памятниками. Кроме Зимно и Шелиги, в "венедском" ареале существовала группа небольших кругообразных городищ, которые мы называем типом Хотомель-Торнов.

Картографирование древнейших славянских укрепленных поселений⁵² показало, что относительно узкая полоса между Нижней Лабой на западе и р. Стырь на востоке была территорией с давними традициями оформления древнейших структур славянского общества. Эту гипотетическую землю венедов можно считать в определенном смысле

ле прародиной славян. На данной территории почти не встречаются ни землянки, ни погребения с трупосожжением, ни керамика пражского типа. Вместе с другими чертами материальной культуры это можно считать характерным для тех групп населения, у которых в результате переселения не разрушилась структура общественного разделения труда. Другими словами, лепные горшки и землянки мы можем считать материальными проявлениями начальной стадии переселения славян — тех неспокойных времен, когда искали простейших путей удовлетворения жизненных потребностей. В некоторых областях это длилось дольше, в других общественная структура консолидировалась быстрее. Мы уже говорили о землянках, здесь высажем лишь соображение, что они всегда появляются вновь, причем не только у славян, когда нужно было быстро и в условиях отсутствия хорошей древесины, пригодной, например, на постройку наземных срубов, обеспечить перезимовку под соломенной крышей в теплых стенах в помещении, углубленном в землю. Наша карта⁵³ показывает, что лепную керамику и землянки находят на западной окраине гипотетической прародины славян, на территории, покинутой тюрингами, в Центральной Чехии и по р. Мораве, откуда ушли лангобарды, а также на востоке, у северозападных границ ареала пеньковской культуры. Мы можем датировать на основе письменных источников продвижение славян в 30—40-е годы VI в. в западном и южном направлениях. Прародина славян в определенной мере совпадает с ареалом "венедской" группы Суков-Шелиги, где позднее возникли городища типа Торнов-Хотомель.

Значительный вклад в изучение проблемы расселения славян внес Иоахим Херман⁵⁴. В 1968 г. он определил в качестве главных признаков носителей культуры пражского типа землянки и обряд трупосожжения. Очевидно, славянские племена или группы племен — носители культуры пражского типа — на своем пути встречались с разными группами оседлого населения, что повлияло на их дальнейшее развитие и привело к созданию синтетичной славянской культуры. Исходным пунктом для указанных племен он считал область между средним течением Днепра и Днестром, где культура пражского типа коренится в памятниках зарубинецкой и черняховской культур. Мы уже указывали на то, что корни культуры пражского типа можно проследить не только в черняховской культуре, но и в пшеворской культуре на территории Польши. Противоречивые свидетельства письменных источников сеют сомнения в том, можно ли вообще понять содержание понятий "венеды", "склавины", "анты". И. Херман пришел к выводу, что одно и то же славянское объединение германцы вначале называли венедами, степные кочевники пользовались названием анты, а лучше информированные византийцы употребляли их самоназвание — склавины. Однако это объяснение, как подчеркивал сам автор, не претендует на конечное решение проблемы. Остается спорным, можем ли мы принять тезис о трех первоначальных славянских культурах: культуре антов пеньковского типа, культуре склавинов пражского типа и культуре венедов типа Суков-Шелиги.

В отношении расселения славян следует сказать, что мы допустили бы нежелательное упрощение, если бы ограничили свои рассуждения лишь возможностью расселения из одного центра. Переселение славян было длительным процессом, продолжавшимся в VII в. В Среднем и Нижнем Полабье встречаются вещи пеньковской и балтской культур, а множество византийских вещей — у восточных славян. К тому же это пульсирующее расселение славян в отдельных направлениях сохранило свои следы в названиях отдельных славянских племен. Сербы жили в Среднем Полабье и на Нижнем Дунае, дулебы (дудлебы) упоминаются на Волыни, в Южной Чехии и в Подунавье, хорваты — в Западной Чехии, на Украине и Балканах. Поэтому мы должны не только применительно к VI в., но и к последующим столетиям учитывать самые разные направления расселения, включая те, о которых так прекрасно рассказал монах Нестор из Печерской лавры.

Однако остается проблемой то, что в наши дни древнейшую славянскую культуру нельзя датировать археологическими методами. Письменные памятники могут нам оказать помощь лишь применительно к небольшой области Карпатской котловины. Важнейшим свидетельством присутствия славян в Карпатской котловине в VI в. служит сообщение Иордана, писавшего около 551 г. Он говорит, что склавины жили "от города Новиетунум и озера, называвшегося Мурсианское, по направлению к Днепру и к северу от Вислы"⁵⁵. Город Новиетунум чаще всего отождествляют с Новиедуном (соврем. Исакча) около дельты Дуная, Мурсианское озеро (*Iacus Mursianus*) — с Мурсой (соврем. Осек) около впадения Дравы в Дунай, с Незидерским озером или с Балатоном. Некоторые ищут его у дельты Дуная или же связывают это название с названием притока Серета Мусеусом⁵⁶. Помещение обоих топонимов в район Дуная с географической точки зрения логично, однако этому препятствует то, что Иордан в качестве северной границы земли склавинов называет Вислу, находящуюся далеко на западе, но главным образом то, что он в другом месте помещает *stagnus Mursianus* на границе Скифии и Германии⁵⁷, там, откуда течет Истр, т.е. в нижнем течении Дуная, и где в Скифии "первым с запада живет племя гепидов"⁵⁸. Из этого однозначно следует, что *Iacus Mursianus* тождествен *Hiulca paludes* — болотам между Мурсой и ЦибALE (Винковце) к югу от устья Дравы⁵⁹. Однако в этом случае невозможно искать город Новиетунум на Нижнем Дунае, иначе мы бы отказали тексту Иордана в логике. Значит, речь шла о Невиодунуме (совр. Дрново), расположенному к западу от Любляны на р. Саве⁶⁰.

Линия Дрново—Осек—Нижний Дунай точно соответствует границе Византийской империи в то время, когда писал Иордан. Граница на западе начиналась в Альпах, в предгорьях которых находится Дрново, и выходила на Дунай в важнейшем узле коммуникаций, связывавших Сирмий с Паннонией и Италией. Эта граница была новой, так как в 546 г. Юстиниан I передал лангобардам земли между Савой и Дравой. Дрново было одной из тех "крепостей в Паннонии", которые в 546 г. лангобардский король Аудон получил от Юстиниана⁶¹.

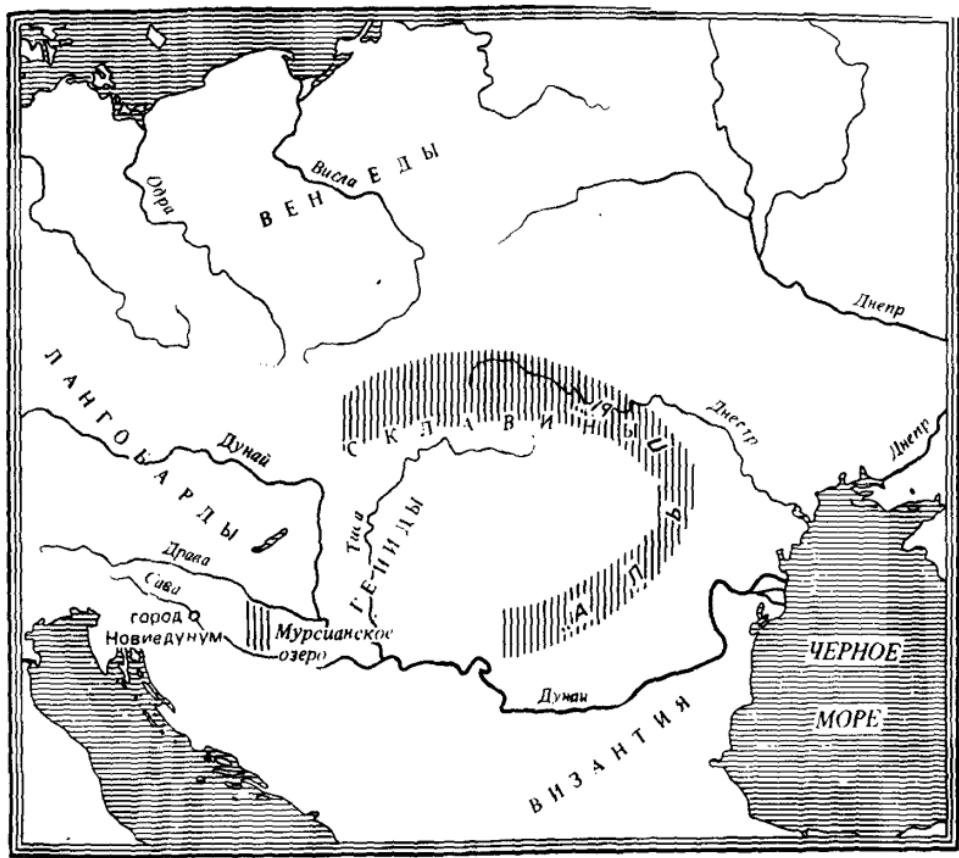

Рис. 1. Расселение славян по Иордану (на 546 г.). "Альпы" Иордана — Карпаты

Действительно, в его окрестностях находятся лангобардские захоронения 546—568 гг. До этого граница проходила, хотя бы теоретически, севернее, очевидно по р. Драве.

На первый взгляд из сообщения Иордана следует, что склавины жили рядом с этой границей и их земли тянулись на север вплоть до Вислы, т.е. практически доходили до карпатских хребтов, которые Иордан называет Альпами и заодно говорит, что Висла течет с их северного склона, а за Вислой дальше к северу живут венеды⁶². В таком случае склавины населяли бы всю Карпатскую котловину. Однако это противоречит тому, что Иордан поместил сюда (в Дакию) гепидов⁶³. Он, конечно, хорошо знал, что в Паннонии живут лангобарды, так как знал их соседей баваров — племя, возникшее незадолго до того времени, когда писал Иордан. Все приводимые им географические сведения показывают, что они взяты с карты, хотя, как говорит пример с баварами, он использовал и другие, свежие сведения⁶⁴. Все эти данные можно представить следующей карто-схемой (рис. 1).

Из всего вышесказанного следует, что Иордан хотел сказать, что склавины жили за границами империи, на территории, ограниченной

на западе топонимами *civitas Novicunum, Iacus Mursianus*, на востоке — Днепром, на севере — горами, за которыми течет Висла и живут венеды. Линия от Новиетунума до Днепра не означает южной границы расселения склавинов, это граница империи. Четко обозначена лишь их северная граница. По Иордану, на западе поселения склавинов начинались где-то севернее Дрнова и Осека, на мысленно проведенной линии к северу от этих пунктов; на севере они ограничивались дугой Карпат; на востоке — Днестром. Иордан явно знал, что на Нижнем Дунае поселения склавинов доходят до этой реки, однако он также знал, что в Карпатской котловине их нет, так как на Дунае живут гепиды, а на границе, проходящей по Саве, — лангобарды. Следовательно, склавины жили в самой Карпатской котловине, к северу от лангобардов и гепидов. Если бы у Иордана были какие-либо подробные сведения об их расселении, то он вряд ли бы смог вместить их в свои географические представления, обусловленные картой, которой он располагал. Римская география практически кончалась на Дунае, за ним не было ничего, что могло бы служить ориентиром.

Местом расселения склавинов в Карпатской котловине могли быть Моравия, Словакия и Закарпатская Украина. Это вполне согласуется с другими сообщениями о славянах того времени, касающимися данной территории.

На эти же земли помещает славян и перечень народов, якобы окрещенных Мартином Турским, который был родом из Паннонии. Он был составлен в стихотворной форме в Думио (Португалия) местным епископом Мартином⁶⁵. В этом памятнике "*sclavus*" фигурирует наряду с паннонцем и ругом, с другой стороны, упомянуты нары, сарматы и даты. Форма названия славян греческая⁶⁶, остальная информация также указывает на византийский источник. Интересно сравнить эти сведения с описанием Прокопием границ Готской державы около 535 г. Прокопий пишет: "На внутренней территории за ними живут сискии и сузы, независимые от франков, а также другие, отличные от них, далее за ними находятся карны и норики. Справа от них живут даки и паннонцы, которые, помимо других городов, владеют Сингидинумом и Сирмием, земли их тянутся до реки Истр"⁶⁷. Нары и даты Мартина — это норики и даки, причем под даками и у Прокопия, и у Мартина имеются в виду гепиды. В этом случае руги должны обозначать лангобардов⁶⁸, которые жили в древнем Ругиланде. Для обозначения славян не было такой архаической двойственности названий, так как они жили вне старой территории империи, за Дунаем.

Епископ Мартин из Думио, или из Браги, родился приблизительно в 510—520 гг. в Южной Паннонии, так же как Мартин Турский. Он покинул ее около 536 г. Поэтому мы можем предположить, что его перечень народов отражает ситуацию до 536 г.⁶⁹, однако нельзя исключить, что у него был какой-то источник, скорее всего восточного, византийского происхождения, например письмо с описанием ситуации на его родине. Стихи, несомненно, возникли при его участии во время его пребывания в Думио, откуда он около 570 г. отправился в

Браккару. В стихах не упоминаются авары, следовательно, они были написаны до 568 г.⁷⁰ Это сочинение вряд ли можно использовать для точной датировки прихода славян на данную территорию, однако оно свидетельствует о том, что славяне жили там до авар, и позволяет поместить их в северную часть Карпатской котловины, за Дунай, туда, куда их относит Иордан.

Поскольку мы знаем, что славяне около 550 г. уже действительно жили в Карпатской котловине, мы должны именно к ним отнести все те сообщения о походах славян в Византию, в которых говорится о переходе Дуная в районе к западу от Железных ворот. Эти события происходили в 547—551 гг. В 547/48 г. большое войско славян перешло Дунай "и страшно зверствовало по всей Иллирии вплоть до Эпидавра" (соврем. Драч в Албании)⁷¹. В 550 г. славяне вновь перешли Дунай и направились к Нишу, намереваясь ударить на Солунь (Фес-салонику). Однако они испугались войска, которое в Софии собирали полководец Герман, свернули с дороги и направились в Далмацию. Там они соединились с подкреплениями, перешедшими Дунай, и, разделившись на три войска, "совершали по всей Европе страшные дела". Спокойно перезимовав на землях империи, они вернулись домой⁷². На следующий год нападение повторилось. Большое количество славян вторглось в Иллирию и опустошило ее. На обратном пути им предоставили охрану гепиды, которые переправили их через Дунай, взяв с них по золотому статиру с человека⁷³. После этого нападения славян на Византию надолго прекратились.

Для походов 547—551 гг. характерно прежде всего то, что все они, естественно, проходили через Сирмий. Это ясно видно при анализе похода 550 г., который проходил по главной имперской дороге Сирмий (Сремска-Митровица) — Сингидунум (Белград) — Наисос (Ниш) — Сердика (София) — Солунь и целью которого было взятие Солуни. Также было и во время похода 551 г.: место переправы через Дунай должно было находиться около Сирмия, контролируемого гепидами. Поэтому мы можем предположить, что в этом месте славяне перешли Дунай и в 546 г. и, скорее всего, в 549 г. Переходы не только через реку, но и через землю гепидов за Дунаем происходили с согласия последних. Из этого следует, что у славян было какое-то единое командование, которое могло вести переговоры с гепидами. Поход 550 г., несомненно, был организован по единому стратегическому плану. Это хорошо понял Юстиниан, который подозревал, что к походу на Солунь славян подстрекали готы, чтобы облегчить положение своих войск, воевавших с византийцами в Италии⁷⁴. Это также предполагает существование у славян какого-то политического представительства. Обычно считается, что славяне жили только на левом берегу нижнего течения Дуная, в современной Румынии. При этом исходят из предположения, что в Карпатской котловине еще не было никаких славян и в этом смысле трактуют сообщение Иордана о расселении склавинов⁷⁵. Однако мы видели, что это не так, что, по Иордану, славяне около 550 г. жили и в предгорьях Карпат от Моравы до Верхнего Потисья. Поэтому мы не должны именно их считать главной составной частью войск, участвовавших в походах в империю

в 547—551 гг., однако при этом нельзя исключать и того, что в них участвовали и некоторые славяне из Нижнего Подунавья. Однако важно то, что чаще всего они должны были проходить через земли гепидов в Потисье или Трансильвании, в таком случае это происходило с согласия и при участии гепидов.

Для такого сотрудничества у гепидов именно в то время были серьезные причины. Хотя они традиционно были союзниками Византии, яблоком раздора оставался Сирмий, который империя не могла и не хотела уступать им. Однако он оказался в руках гепидов, и те ни при каких условиях не хотели его отдавать. Город имел большое стратегическое значение, связывая восточную и западную части империи на суше, он также служил воротами в Иллирию и Далмацию. Для северных варваров Сирмий имел еще и большое торговое значение. Еще при Теодорихе Великом, в первой четверти VI в., здесь шла оживленная торговля с Прибалтикой, основными предметами которой были меха и янтарь⁷⁶. Гепиды взяли Сирмий в 536 г. и сделали его резиденцией своих королей. Юстиниан I в 539/40 г. утвердил это держание, однако он не собирался мириться с таким положением вещей. Поэтому он решил в соответствии со старым византийским принципом использовать нараставшую вражду между гепидами и лангобардами и в 546 г. подарил лангобарам Норикум Медитерранеум, а в Паннонии — Сирмиенсис с Посавьем⁷⁷. Тем самым наносился двойной удар: по гепидам, так как лангобарды становились их соперниками в борьбе за Сирмий, и по франкам, союзникам готов, которые еще при Теудеберте I (537—548 гг.) в союзе с лангобарами укрепились в Норике Медитерранеуме.

Поэтому уже в 549 г. назревала война между лангобардами и гепидами, и обе стороны просили помощи у Юстиниана⁷⁸. Наконец, он оказал ее лангобарам: против гепидов было послано большое войско. Поэтому король гепидов Торисмунд быстро договорился с королем лангобардов Аудоином о перемирии, и разочарованный Юстиниан был вынужден оставить надежды сломить гепидов. Перемирие продолжалось недолго, весной 550 г. войска лангобардов и гепидов встретились на поле боя, однако результат был неожиданный. Оба войска по непонятным причинам одновременно бросились наутек, еще не начав сражения, оставшиеся в одиночестве короли были вынуждены договориться о перемирии на два года⁷⁹. Летом того же года в Сирмий направилось вышеупомянутое огромное войско славян, шедших на Солунь. Конечно, гепиды не были инициаторами этого похода, однако, пропуская славян через свои владения, в особенности через контролируемый ими отрезок Дуная, они хотели показать Юстиниану, что именно от них зависит, открыть ли дорогу славянам в империю или же нет⁸⁰. Поэтому Юстиниан действительно вначале склонился на сторону гепидов, однако вскоре вновь отдал предпочтение лангобарам, пообещав им военную помощь. Гепиды ответили тем, что переправили через Дунай новое большое славянское войско. Это привело к тому, что Юстиниан послал войско на помощь лангобарам. На место прибыла лишь одна его часть, которая приняла участие в кровавой битве приблизительно в мае — июле

552 г., в которой победили лангобарды⁸¹. Прямая польза от войны была для Юстиниана минимальной, однако противники настолько истощили друг друга, что до конца правления Юстиниана в Среднем Подунавье был мир. Но главным было то, что оттуда славяне уже не совершали никаких нападений.

В описание этих событий Прокопий вставляет рассказ о лангобардском наследнике трона Хильдигисе⁸². Он дает его как экскурс, как незначительную историю, случившуюся на периферии больших событий, так ее до сих пор и воспринимали все исследователи. Однако в действительности она находится с ними в тесной зависимости подобно тому, как славянские походы на Византию связаны с политической жизнью Среднего Подунавья. По Прокопию, история Хильдигиса такова. Вскоре после того, как лангобардский король Тато около 508—511 гг. разбил герулов, его убил племянник Вахо, захвативший трон. У Тахо был сын Рисиульф, бежавший к варнам в Полабье, где Вахо приказал убить его. Но у Рисиульфа остались два сына, один из которых умер, а другой — Хильдигис — бежал к славянам. Это произошло еще до смерти Вахо (около 540 г.). Хильдигис пробыл у славян почти 10 лет, до 549 г.⁸³, когда началась лангобардско-гепидская война. Тогда Хильдигис появился среди гепидов со своей лангобардской дружиной и "многими славянами", якобы надеясь на то, что с их помощью станет королем лангобардов. До войны, как мы видели, дело не дошло. На мирных переговорах Аудонин потребовал выдать ему Хильдигиса. Гепиды отказались, но попросили нежелательного претендента на трон покинуть их. Хильдигис вернулся к славянам, однако остался у них недолго. Вскоре он с огромным, якобы шеститысячным войском, состоявшим в основном из славян, направляется в Италию к королю готов Тотиле. По дороге, в венецианской провинции, Хильдигис встретился с небольшим византийским отрядом, который он разбил, однако его войско повернуло вспять и вернулось к славянам. Что с ним было дальше, мы не знаем, лишь около 552 г. он появляется в Византии⁸⁴, где Юстиниан назначает его начальником одного из отрядов дворцовой стражи. Хильдигис и здесь не выдержал, несмотря на то что Юстиниан отказал Аудонину в его выдаче. Когда назрела новая лангобардско-гепидская война, он вновь убежал к гепидам, явно надеясь снова пуститься в авантюру и попробовать добиться трона. Как только после кровавого разгрома гепидов в 552 г. был заключен мир, Хильдигис опять стал предметом спора. Его выдачи требовали как Аудонин, так и Юстиниан, а гепиды, не желая выдачей своего союзника публично оскорбить обычай гостеприимства, решили убить его сами.

Хильдигис по понятным причинам всегда искал убежища у врагов лангобардов, будь то гепиды или готы, или у Юстиниана, колебавшегося между лангобардами и гепидами, для которых законный претендент на лангобардский трон был подходящим средством давления. Славяне, с которыми прежде всего был связан Хильдигис, были такими же врагами лангобардов, как и остальные. В начале 40-х годов VI в. они были, собственно говоря, единственной силой, враждебной лангобардам, так как тогда еще сохранялся гепидско-лангобардско-

франкский союз, который Вахо подкреплял династической политикой⁸⁵. Даже готы тогда еще не были во вражде с лангобардами, следовательно, помочь славян представлялась для Хильдигиса единственно возможной. Это также означает то, что они должны были непосредственно граничить с лангобардами. Поэтому нет смысла искать славян в VI в. как на Нижнем Дунае, так и где-то в Карпатах. Быстрота, с которой Хильдигис реагировал из своего изгнания у славян на перемены в лангобардско-гепидских отношениях, свидетельствует о том, что эти славяне были хорошо информированы о делах в Карпатской котловине.

Поход Хильдигиса в Италию показывает, что славяне были способны выставить в поход огромное, как считалось, шеститысячное войско, т.е. они представляли собой серьезную военную силу. Следовательно, они должны были иметь тот славянский политический центр, которому следует приписать продуманную организацию и стратегический план похода на Солунь в 550 г. Нет сомнений в том, что поход 551 г. был организован теми же славянами, поэтому можно предположить, что и поход 547 г. предприняли также они. К тому времени у них уже находился Хильдигис, который в 549 г. вместе с некоторыми славянами ушел к гепидам. Поход в Италию с большим славянским войском он предпринял именно в 550–551 гг., когда славяне ходили в походы на Византию. Юстиниан подозревал, что здесь мучили воду готы, которые якобы подкупили славян, чтобы те пошли против императора. Может быть, он был прав, ведь одновременно славяне под командованием Хильдигиса пошли на помощь Тотиле в Италию. Таким образом, это не было лишь авантюристической акцией претендента на лангобардский трон, как раньше считалось в историографии, речь шла о продуманных действиях славянского политического центра. Хильдигис был избран командующим походом явно потому, что обладал опытом в области, славянам почти еще незнакомой. Все это не могло осуществиться без согласия гепидов. Это относится ко всем упомянутым походам славян, которые несомненно были заранее согласованы с гепидами. Значит, гепиды были заинтересованы в союзе с Тотилой против Византии, аналогичными могли быть и интересы славян, даже в том случае, если бы им достались лишь те деньги, которые им якобы пообещали готы⁸⁶.

Поход Хильдигиса в Италию также помогает нам точнее определить места проживания наших славян. По Прокопию, Хильдигис вернулся к славянам, переправившись через Дунай⁸⁷. Однако это лишь обычное клише византийской историографии, для которой переход через Дунай всегда был синонимом начала или окончания походов северных варваров против империи, хотя в литературе эти слова понимаются буквально. Считалось, что эти славяне должны были жить прямо на левом берегу Дуная, а так как он протекал по землям лангобардов и гепидов, то некоторые исследователи предполагали, что это место следует искать на отрезке Дуная между Энсом и Веной. Это бы означало, что одна из дорог, по которой шло войско Хильдигиса, проходила через Восточные Альпы, в то время контролируемые франками, союзниками готов⁸⁸. Но такой вариант исключен.

так как именно этот участок Дуная в то время еще находился под контролем лангобардов, занимавших Ругиленд и западную часть Моравии⁸⁹. В эти места Хильдигис ни при каких условиях идти не мог. Следовательно, он перешел Дунай там, где в 550 г. его перешли славяне, т.е. у Сирмия. Дорога между Сирмием и Италией не могла быть под действенным контролем византийских отрядов, они даже не контролировали дорогу между Сирмием и Солунью, по которой направилось славянское войско. Поход Хильдигиса начался из того же центра, что и поход славян на Солунь; искать его мы должны в юго-восточной части Моравии и юго-западной части Словакии.

¹ Обзор мнений и удачное опровержение этой гипотезы см.: *Fritze W.H. Zur Bedeutung der Awaren für die slawische Ausdehnungsbewegung im frühen Mittelalter // Zfo. 1979. Bd. 28. S. 498—545.*

² *Niederle L. Slovanské starožitnosti. Pr., 1906. D. II/1. S. 102—161.* См. также: *Lowmiański H. Roczniki Polski. W-wa, 1963. T. 2. S. 252—256.*

³ О критике взглядов Л. Нидерле см.: *Záslěšová B. Les débuts de l'établissement définitif des Slaves en Europe méridionale // Origine et débuts des Slaves (VPS). 1966. 6. s. 34—41.*

⁴ См. серию статей О.Н. Трубачева под общим заглавием "Языкоизнание и этногенез славян" (Вопр. языкоизнания. 1982. № 4. С. 10—20; № 5. С. 3—17; 1984. № 2. С. 15—30; № 3. С. 18—29; 1985. № 4. С. 3—17; № 5. С. 3—14).

⁵ Баршић Ф. Приск као извор за најстаршу историју јужних Славена // ЗРВИ. 1952. Т. 1. С. 52—61;

Popović I. Quel était le peuple pannonien qui parlait médos et strava? // Там же. 1961. Т. 7. С. 197—226; Гиндин Л.А. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 52—98; Он же. К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан // Linguistique balkanique. 1983. 26, N 1. P. 17—39.

⁶ *Prisci fragmenta // Historici gracci minores. Lipsiac, 1870. T. I. P. 5—6.*

⁷ *Iordanes. Cap. 172.*

⁸ Я разделяю точку зрения Л.А. Гиндина (см. примеч. 5). Ср. иное объяснение: *Schramm G. Eroberer und Eingesessene. Stuttgart, 1981. S. 379 passim; Idem. Der Flussnamenverband von Theiss und Temeesch // Beitr. Namensforschung. N. F. 1975. 10, II. 4. S. 60—90.*

⁹ Ср.: *Záslěšová B. Op. cit.*

¹⁰ *Schramm G. Hunnen, Pannonier, Germanen: Sprachliche Spuren von Völkerbeziehungen im 5. Jh. // Ztschr. Balkanologie. 1975. 11. S. 77 passim.*

¹¹ Ср.: *Schramm G. Hunnen... S. 77.*

¹² Ср.: Гиндин Л.А. К вопросу...

¹³ *Bóna I. Ungarns Völker im 5.—6. Jahrhundert // Germanen, Hunnen und Awaren: Schätzungen der Völkerwanderungszeit: Ausstellungskatalog. Nürnberg, 1987. S. 116 passim.*

¹⁴ Ibid. S. 116—129.

¹⁵ *Прокопий из Кесарии Война с готами. М., 1950. I. I.*

¹⁶ *Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft // AA ASH. 1983. 35. P. 101 passim.*

¹⁷ *Bóna I. Op. cit. S. 120.*

¹⁸ Ibid. S. 120.

¹⁹ Седов В.В. Пояснение и ранняя история славян. М., 1979. С. 78, рис. 14.

²⁰ *Bóna I. Op. cit. S. 116.*

²¹ Амброд А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Сов. археология. 1971. № 2. С. 104.

²² *Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturklemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger der Germanischen Nationalmuseums, 1987. Nürnberg, 1988. S. 22.*

²³ *Vaday A.H. Ein "barbarisches" Skelettgrab von Zagyvarčkas (Kom. Szolnok) // Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. Вр., 1974—1975. Bd. 5. S. 81—88, Tab. 24—29. Эта находка связывается с сарматами.*

- ²⁴Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Kraków, 1985.
- ²⁵Tejral J. Op. cit.
- ²⁶Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozpoznania Słowian w V—VII w. n. e. Kraków, 1979. S. 8—14.
- ²⁷Dąbrowska T. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim // Materiały starożytnic i wczesnośredniowieczne. 1973. T. 2. S. 127—254.
- ²⁸Godłowski K. Die Przeworsk-Kultur der mittleren und späten Kaiserzeit // *Ztschr. Archäologie*. 1968. Bd. 2. S. 256—276.
- ²⁹Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э.—первой половине I тыс. н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М., 1974. С. 55—90.
- ³⁰Седов В.В. Указ. соч. С. 59.
- ³¹Jankuhn H. Germanen und Slawen // Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie. B., 1970. Bd. 1. S. 63 *passim*.
- ³²Седов В.В. Указ. соч. С. 53.
- ³³Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1973. Т. 82. С. 116, 139; Могильники черняховской культуры. М., 1979; Баран В.Д. Черняховская культура. Киев, 1981.
- ³⁴Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982; Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура. М., 1964; Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья. Киев, 1984. Вып. 1—3.
- ³⁵Седов В.В. Указ. соч. С. 53—100; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 11—46.
- ³⁶Borkovský I. Staroslovanská keramika ve střední Evropě. Pr., 1940; Poullík J. Staroslovanská Morava. Pr., 1948; Pleinerová I., Zeman J. Návrh klasifikace časné slovanské keramiky v Čechách // AR. 1970. 22. S. 721—732; Русланова И.П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976; Krüger B. Dessaun-Mosigkau. B., 1976; Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. W-wa etc., 1988.
- ³⁷Klanica Z. Počátky slovanského osídlení našich zemí. Pr., 1986. Obr. 11.
- ³⁸Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 19—28.
- ³⁹Tejral J. Op. cit.
- ⁴⁰Csallány D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubeben. Br., 1961.
- ⁴¹Klanica Z. Op. cit. Obr. 11, 12.
- ⁴²Седов В.В. Восточные славяне... Bóna I. Über einen archäologischen Beweis des langobardisch-slawisch-awarischen Zusammenschlusses // ŠZ AÚ SAV. 1968. T. 16. S. 35—45.
- ⁴³Klanica Z. Op. cit. Obr. 67.
- ⁴⁴В особенности новейшие находки в Лужицах-Годонине.
- ⁴⁵Müller R. Die spätromische Festung Valcum am Plattensee // Germanen, Hunnen... S. 270—273.
- ⁴⁶Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. B., 1985. S. 21 *passim*.
- ⁴⁷Zak J. Die frühslawische Keramik aus Westrommern // Offa. 1978. 35. S. 115; cp.: Parczewski M. Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce // Uniwersytet Jagielloński. Rozprawy habil. Kraków, 1988. N 141. S. 97. *passim*.
- ⁴⁸Hermann J. Seidlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. b., 1968. S. 27; cp.: Köhler R. Frühe slawische Siedlungen in Pommern unter besonderer Berücksichtigung der neuen Grabungen in Dziedzice / Deetz // Offa. 1980. 37. S. 177—183.
- ⁴⁹Seyer H., Seyer R. Germanische und slawische Brunnenfunde in der Siedlung von Berlin-Marzahn // *Ztschr. Archäologie*. 1980. 14. S. 225—241. На этих страницах приведены важные доказательства контактов славян с предшествующим германским населением.
- ⁵⁰Аулих В.В. Зимневское городище — славянский памятник VI—VII вв. н.э. на Западной Волынни. Киев, 1972.
- ⁵¹Szymański W. Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. W-wa etc., 1967.
- ⁵²Klanica Z. Op. cit. Obr. 11, 57.
- ⁵³Ibid. Obr. 55.
- ⁵⁴Herrmann J. Siedlung... S. 57; *Idem*. Probleme der Herausbildung der archäologischen Kulturen

slawischer Stämme des 6.—9. Jh. // Rapports du IIIe Congrès International d'archéologie slave. Br., 1979. T. 1. P. 49—75.

⁵⁵"Sclaveni a civitate Novietunense et Iaco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in locum Viscia tenuis commorantur: hi paludes silvasque pro civitatis habent. Antes, vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum" (Jordanes. 34. Cap. 136).

⁵⁶Обзор литературы см.: Łowmiański H. *Lacus Mursianus* // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata. Poznań, 1959. S. 211—224; Скрянская Е. Ч. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне // ВВ. 1975. Т. 12. С. 2—30.

⁵⁷"Scythia si quidem Germaniae terre confines eo tenus, ubi Ister oritur amnis vel stagnus dilatatur Mursianus..." (Jordanes. 30. Cap. 135).

⁵⁸"In qua Scythia prima ad occidente gens resident Gepidarum..." (Ibid. 33. Cap. 136).

⁵⁹Łowmiański H. *Lacus...*; Е.Ч. Скрянская считает, что это был Балатон (Скрянская Е.Ч. Указ. соч.), однако ее аргументация неубедительна. Иордан дважды упоминает Балатон под названием Пелсадис (Jordanes. Cap. 268, 274), поэтому не мог называть его lacus Mursianus.

⁶⁰Скрянская Е. Ч. Указ. соч.

⁶¹Procopios. De bello Gothicō. III. 33. 10 // Procopii Caesariensis Opera omnia. Leipzig, 1963. Т. II. Cp.: Várdy L. Epochenwechsel um 476. Bp., 1984. S. 106; Antoljak S. Što zapravo u Prokopija znači "Norikon te polcis"? // ЗРВИ. 1956. Т. 4. С. 45—51.

⁶²Jordanes. Cap. 34. P. 136.

⁶³Ibid. Cap. 34, 74. P. 136, 142.

⁶⁴Cp.: Łowmiański H. *Lacus...* S. 218.

⁶⁵Versus Martini Dumiensis episcopi in Basilica // MGH. Auctores antiquissimi. T. VI, ps 2. P. 195. Cp.: Łowmiański H. Początki.. Т. 2. S. 313; Sašel J. Antiqui Barbari: Zur Besiedlungsgeschichte Ostnoricum und Pannoniens im 5. und 6. Jahrhundert nach den Schriftquellen // Von Spätantike zum frühen Mittelalter. Sigmaringen, 1979. S. 135; Idem. Omemba Slovanov v pesni Martina iz Bragi na Portugalskom // Kronika. 1976. 24. S. 151, 176.

⁶⁶В этих стихах впервые встречается латинская форма sclavi, образованная от греческого sklaboi, поэтому в дискуссии о названии славян данные стихи заслуживают особого внимания. Обзор литературы см.: Ditten H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen // Byzanz im 7. Jahrhundert. B., 1978. S. 85.

⁶⁷Procopios. De bello Gothicō. I. 15. 27.

⁶⁸Łowmiański H. Początki... Т. 2. S. 314.

⁶⁹Sašel J. Op. cit. S. 135.

⁷⁰Łowmiański H. Poszukiwania... Т. 2. S. 314.

⁷¹Procopios. De bello Gothicō. II. 29. 1—2. Cp.: Niederle L. Op. cit. S. 194; Grafenauer B. Nekaj vprašanji iz dobe baselevanja južnih Slovanov // ZC. 1950. 4. S. 36; Тънкова-Займова В. Нашествия и этнические промены на Балканите през VI—VIII в. С., 1966. С. 57; Ditten H. Op. cit. S. 85 passim; Łowmiański H. Początki... Т. 2. S. 264.

⁷²Procopios. De bello Gothicō. III. 40. 1—7, 31—45.

⁷³Ibid. IV. 25. 1—6.

⁷⁴Ibid. III. 40. Cp.: Ditten H. Op. cit. S. 87.

⁷⁵Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie — państwo Samona. Poznań, 1949. S. 176; Łowmiański H. Początki... Т. 2. S. 259.

⁷⁶О торговых связях Теодориха Великого с эстами свидетельствует его грамота от 523—526 гг. (Cassiodor. Variae. V. 2 // MGH. Auctores antiquissimi. T. XII. P. 143 sqq.).

⁷⁷См. примеч. 7. О лангобардско-гепидских войнах см.: Woźniak E.F. Byzantine diplomacy and the Lombard-Gepidic wars // Balkan Studies. 1979. 20. P. 139—158.

⁷⁸О датировке войны см.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. P. etc., 1949. P. 531, note 1.

⁷⁹Procopios. De bello Gothicō. III. 34; IV. 18. Cp.: Woźniak E.F. Op. cit. P. 148.

⁸⁰Woźniak E.F. Op. cit. P. 151.

⁸¹Procopios. De bello Gothicō. IV. 25.

⁸²Ibid. III. 35. 12—22. Cp.: Łowmiański H. Początki... Т. 2. S. 310—312.

⁸³Grafenauer B. Naselieve Slovanov v Vzhodnih Alpah in vprašanje kontinuitete // Arheološki vestnik. 1970/1971. 21/22. S. 20. Здесь поход Хильдигиса датирован 548—549 гг., что невозможно, ибо он состоялся после лангобардско-гепидской войны. Еще Э. Штайн (Stein E. Op. cit.) уверенно датировал его 549 г.

⁸⁴Procopios. De bello Gothicō. IV. 27. 1—21.

⁸⁵Werner J. Langobarden in Pannonien. München, 1962. S. 140 passim.

⁸⁶ Procopios. De bello Gothic. III. 40. 32.

⁸⁷ Ibid. III. 35. 22.

⁸⁸ Так утверждает Б. Графенауэр (*Grafenauer B. Nekaj vprašanji... S. 39; Idem. Naselitev... S. 20.*)

⁸⁹ Это доказал еще Й. Тейрал (*Tejral J. K langobardskému odkazu v archeologických pramenech na území Československa // SIA. 1975. 32. S. 379—446.*)

А. А В Е Н А Р И У С

АВАРЫ И СЛАВЯНЕ. "ДЕРЖАВА САМО"

Во взглядах на аваро-славянскую проблематику все более настойчиво преодолеваются старые представления, согласно которым взаимоотношения аваров и славян считались неизменными и во всех видах контактов одинаковыми. В свете согласующихся между собой, на первый взгляд, свидетельств Хроники Фредегара и Повести временных лет эти отношения представлялись как отношения славянского покоренного этноса и аварского правящего слоя. Изменение взглядов состоит в дифференцированном подходе к данной проблематике: аваро-славянские отношения изменялись в зависимости от конкретных исторических и географических условий, развивались и принимали разные формы.

Несмотря на то что взгляды изменились и будут изменяться дальше, основной подход к изучению аваро-славянской проблематики остается в сущности неизменным. Исходя из характера источников (фрагментарность и неполнота сообщаемых сведений), на первое место исследователи и дальше будут ставить изучение взаимных отношений славян и аваров. Однако и письменные источники (в меньшей мере!), и результаты археологических раскопок (в большей мере, прежде всего для второго периода существования Аварской державы) предоставляют определенные возможности преодолеть узость такого подхода и оценить аваро-славянские отношения как процесс взаимной аккультурации¹. Сущность этого подхода состоит в том, что прослеживаются не столько взаимные отношения и контакты, сколько процессы и изменения, происходящие внутри каждого из обществ в различных областях его жизни. При этом прежде всего устанавливается, какие из этих процессов были обусловлены не только связями, контактами, но и простым сосуществованием двух этносоциальных образований в определенной среде и на определенной территории. Важно при этом правильно определить исходную ситуацию в обоих обществах в период их первого контакта между собой.

Из сохранившихся письменных источников ясно, что в Европу авары пришли как рассеянные остатки некоего этнического целого. Даже в VII в. были сомнения, являются ли они вообще аварами, а современные исследователи допускают, что в рамках этого конгломерата, возможно, был и определенный субстрат оседлого населения (часть эфталитов)². Однако остатки этноса, бежавшего в Восточную Европу, быстро сформировались там в боевую военную дружину.

Первоначально она выступала как верный союзник Византии. Во время своего десятилетнего пребывания в Причерноморье авары воевали прежде всего с теми племенами, которые в тот период более других угрожали интересам империи в данном регионе (кутригуры, утригуры, анты и сабиры)³. С другой стороны, авары не забывали и о своих интересах: по некоторым косвенным свидетельствам они пытались воссоздать там отношения, к каким они привыкли на своей родине.

Сразу по приходе в Восточную Европу авары потребовали от Византии постоянных мест расселения в определенных границах и с оседлым населением. Однако они не брали любые предложенные территории. Они отказались от расселения во второй Паннонии, которая после ухода герулов была свободна, так как, по их мнению, они не должны были отдаляться от Скифии (т.е. Малой Скифии — византийских земель в районе дунайской дельты)⁴. Очевидно, что уже в этот период они думали о грабительских походах на территорию империи. Здесь появилось типичное стремление степного общества утвердить двойную (из кочевого ядра и подчиненных земледельцев) структуру державы, имевшее целью создать экономический и социальный тыл для обеспечения боевых дружин, осуществлявших грабительские походы.

На то, что уже в этот период авары стремились подчинить себе именно славянское население, указывает одно косвенное свидетельство Менандра: авары убивали захваченных в плен кочевников (сабиров), тогда как славянам оставляли жизнь и требовали от них выкуп⁵. Конечно, не всегда они поступали именно так; степное население Причерноморья не было обречено на полную ликвидацию, а определенная его часть сопровождала аваров и в Паннонию, причем отдельные представители покоренных народов проникали и в среду аварской элиты, как это доказывает пример некого кутригур⁶. Однако приведенное выше сообщение нельзя целиком игнорировать; оно указывает на то, что отношение аваров к завоеванным этносам с разной экономической структурой было все же в определенной мере различным.

Завоевание Паннонии в 568 г. означало для аваров возможность создать державу из степного и подчиненного ему оседлого населения. Реализация такого плана, однако, столкнулась с рядом проблем. В славянские области на севере и северо-западе от Паннонии авары первоначально не проникали. Наоборот, характер и концентрация ранних аварских находок в стратегически важных местах на правом берегу Дуная скорее указывают на то, что авары должны были охранять свою северную границу именно от этих славян⁷. Археологическая ситуация на территориях к северу от Среднего Дуная также не позволяет предполагать, что авары могли туда проникать хотя бы спорадически на протяжении VI в.

Во внутреннем устройстве аварского общества в Паннонии уже в этот период можно видеть определенные признаки, которые говорят о развитии в направлении "деномадизации". Создавая свой экономический тыл, аварский этнос принимал некоторое участие и в произ-

водстве. С большим основанием можно думать, что самим аварам принадлежат те предметы, которым находят аналогии в Средней Азии. В то время в Европу они могли попасть лишь при посредстве аваров. По большей части это вещи, связанные с их военными занятиями: части конской упряжи (стремена), вооружение (мечи, некоторые типы луков) и некоторые виды керамики (в форме фляжек)⁸. Тяга хотя бы части аваров к оседлому образу жизни позволила затем воспринимать импульсы, исходившие от их земледельческого окружения.

Важнейшим занятием аваров в первый период существования хаганата в Паннонии (до 626 г.) оставались, однако, грабительские походы в византийские провинции, интенсивно продолжавшиеся до 602 г., менее интенсивно до 626 г. Эти походы носили четко выраженный грабительский характер, они не были направлены на длительный захват византийских территорий. Это доказывает судьба Сирмия: город после его взятия оставался пустым и вскоре сгорел⁹.

Размышляя о контакте славян с обеими сферами деятельности аварского общества — их экономической жизнью и боевыми походами, следует рассмотреть характер этих контактов особо для двух географических областей: Нижнего Подунавья и территории расселения аваров в Паннонии и непосредственно рядом с ней. Это сложная проблема, прежде всего в отношении второй из указанных областей. Исследователи спорят о том, было ли в Паннонии VI в. славянское население и если да, то насколько оно было значительным. Письменные источники указывают на наличие славянского этноса недалеко от Дуная, у Осека, и в нижнем течении Дуная, но ничего не говорят о Паннонии¹⁰. Спорадические археологические находки скорее всего указывают на то, что в Паннонии в это время жили славяне, которые бесспорно были связаны с Восточной Европой и пришли сюда с аварами¹¹. Об отношении аваров к славянам на заселенной ими территории можно судить лишь по аналогии, анализируя политику аваров по отношению к другим этносам Паннонии. Данные археологии показывают, что в течение VII в. происходит стирание различий в материальной культуре романизованного населения, гепидов¹² и реликтового германского субстрата¹³. Определенные культурные различия, в том числе между аварами и другими этносами, сохранялись и осознавались (например, потомки пленных римлян, прожившие в Паннонии 60 лет, все еще считались чуждым элементом в аварском обществе)¹⁴, не было и полного подавления "автономии" отдельных этносов. Гепиды сохраняли свои обычай, не участвовали в походах аваров¹⁵ и существовали как особый этнос вплоть до VIII—IX вв.¹⁶

Конкретные данные об аваро-славянских отношениях и их формах в границах хаганата обнаруживаются прежде всего в области военного сотрудничества. Так, в рассказе о событиях 586 г., когда через Центральную Грецию и Македонию к Солуни (Фессалонике) подошло объединенное аваро-славянское войско под командованием аварского начальника, славяне названы подданными аваров¹⁷. Сообщение "Чудес св. Димитрия" соответствует информации франкского хрониста Фредегара. И он также говорит о славянах, которые были подчине-

ны аварами и были вынуждены вместе с ними участвовать в походах как составная часть аварского войска. По всем данным они составляли пешее войско, которое начинало битву впереди аварской конницы¹⁸. Можно отметить и не совсем надежное свидетельство Михаила Сирийского об аварском нападении на Византию в 584 г. В нем участвовали и славяне из областей к западу от Дуная, т.е. несомненно из Паннонии¹⁹. О совместных действиях аваров и славян при взятии Салоны, говорит Константин Багрянородный, который, однако, идет еще дальше. Захватчиков Салоны он иногда называет аварами, иногда "аварами, именуемыми также славянами", которые живут за Дунаем²⁰. Поскольку самой правдоподобной датой взятия Салоны можно считать начало VII в.²¹, то мы на основе сообщения Константина Багрянородного должны сделать вывод о глубоком этническом симбиозе аваров со славянами в Паннонии уже к этому времени (их этнические названия используются как синонимы). Однако объяснение может быть и иным: стирание этнических различий произошло лишь после проникновения аваров и славян на Далматинское побережье и было следствием длительного процесса. Наконец, слово "авар" могло быть политонимом, которым обозначались все народы, составляющие Аварский хаганат.

Второй областью, в которой до 626 г. формировались аваро-славянские взаимосвязи, была территория по нижнему течению Дуная. На его северном берегу жили славяне, которые уже в первой половине VI в. систематически нападали на византийские земли. Ясно, что высшие формы организации славян, известные во второй половине того же века (группировка Мусокия, Ардагаста, Келегаста), возникали прежде всего из потребностей объединения военных сил, предпринимавших набеги²². В этом отношении интересы нижнедунайских славян и аваров совпадали, отсюда их совместные походы в византийские провинции. Отношение аваров к территории нижнедунайских славян и к самим славянам на протяжении 568—602 гг. менялось. До того, как авары взяли Сирмий (582 г.) и остальные укрепления лимеса, славянские территории на северном берегу Дуная были в сущности единственной возможной дорогой в византийские провинции. В этот период авары явно делали попытки крепче привязать нижнедунайских славян к своей державе, вплоть до прямой оккупации их земель. Такие выводы можно сделать из сообщения, датированного приблизительно 578 г., что авары потребовали дань от вождя одного из славянских союзов — Даврета. Отрицательный ответ имел своим последствием аварское вторжение и, возможно, захват на короткое время славянской территории²³. С этими событиями, очевидно, связан и единственный случай за весь период существования хаганата в Паннонии, когда авары удовлетворили просьбу императора Тиверия и выступили против нижнедунайских славян, проникавших в империю (также около 578 г.). Для них это была не только антиславянская акция, но и единственная возможность попасть в империю в период враждебных отношений с нижнедунайскими славянами. После изгнания славян авары остались на византийских землях и сами предприняли грабительский поход²⁴.

После взятия Сирмия и открытия для них дунайского пути авары, кажется, уже не помышляли о прямом захвате славянских земель для прохода в византийские провинции. Отношения со славянами приняли характер военного сотрудничества, в котором, однако, главное слово принадлежало аварам. С 584 г. начинаются координированные аваро-славянские набеги на Византию: в этом году по инициативе хаганата Ардагаст напал на Длинную Стену — укрепления, защищавшие Константинополь²⁵. Аваро-славянское военное сотрудничество продолжалось и в 90-х годах, причем славяне, хотя и согласовывали свои действия с аварами, осуществляли их самостоятельно, под командованием своих вождей. Лишь иногда упоминается, что славяне действовали по приказу аваров (например, в 597 г.)²⁶.

Все эти косвенные данные указывают на то, что нижнедунайские славяне в тот период не были полностью независимы от аваров; в то же время авары не считали их земли частью своей державы. Это видно из византийско-аварского договора 601 г.²⁷. Согласно ему, границей между аварами и Византией считался Нижний Дунай, который можно было перейти в случае необходимости воевать против славян. Это разрешение, конечно, касалось Византии. Двойственное отношение аваров к нижнедунайским областям и славянам очевидно. С одной стороны, авары считали эту территорию в соответствии со своей доктриной, зафиксированной Феофилактом Симокаттой ("нет никого под солнцем, кто бы мог воспротивиться хагану")²⁸, сферой своих интересов, а при случае и областью потенциального расширения своих границ; с другой — позволяя Византии вмешиваться в дела славян, они тем самым обнаруживают, что эта славянская территория не является интегральной частью их державы.

Лишь применительно к Паннонии и нижнедунайской области до 626 г. можно говорить о более или менее интенсивных контактах аваров и славян. Проникновение аваров в будущую северо-западную часть Аварского хаганата, в Южную Моравию, Юго-Западную Словакию и Нижнюю Австрию в этот период археологически не прослеживается. Поэтому нельзя относить к этому региону все те сообщения об аваро-славянских отношениях, которые собрал Фредегар в своей хронике²⁹. Эти сведения иногда противоречивы (Фредегар говорит, например, о деспотическом господстве аваров над славянами и одновременно о включении их в аварское войско, что весьма трудно совместить), не относятся к одной конкретной славянской области в конкретный момент (т.е. к будущей территории "Державы Само" в период перед ее возникновением). Скорее всего это обобщающая характеристика различных форм аваро-славянских отношений в разные периоды и в разных областях.

На основе сравнения с остальными доступными сведениями можно попытаться некоторые из сообщений Фредегара хотя бы гипотетически верифицировать и соотнести с определенной местностью. О пассаже, где шла речь об участии славян в аварском войске, мы уже говорили. Сообщение Фредегара здесь соответствует тем археологическим материалам, которые говорят о славянах как интегральной части аварского войска в Македонии или на Далматинском побережье.

Также рассказ о симбиозе аваров и славян и восстании сыновей аваров против своих отцов находит в общих чертах свою аналогию в рассказе о переселенных в Паннонию римлянах. Различен лишь матрилинейный принцип: если в "Чудесах св. Димитрия" от аваров этнически дифференцируется группа, возникшая от связей мужчин-римлян с аварскими (и другими) женщинами, то у Фредегара новая группа возникает от связей мужчин-аваров со славянскими женщинами. Традиционная локализация этого процесса в области к северу от Среднего Дуная с археологической точки зрения представляется неправдоподобной. Скорее всего эти процессы могли бы иметь место в Паннонии или же в близлежащих балканских землях (ср. интерпретацию сообщения Константина Багрянородного о возможном симбиозе аваров и славян, живших в окрестностях Салоны).

Из сказанного следует, что самой проблематичной является та часть рассказа Фредегара, где создание "Державы Само" представлено как результат восстания такого славянского этноса против аваров. Данные археологии не позволяют предполагать для какой-либо славянской области такой обширный славяно-аварский симбиоз, который привел бы к появлению смешанного населения, способного оказать сопротивление аварам в 20-х годах VII в. Все указывает на то, что "Держава Само" сложилась в Южной Моравии и Нижней Австрии³⁰. Очевидно, причины ее возникновения были иными.

Во второй половине VI в. грабительские походы аваров были направлены почти исключительно на юго-восточные византийские провинции. После 602 г. вследствие событий и причин, о которых речь пойдет ниже, интенсивность нападений аваров на этом направлении значительно снизилась. Авары перенесли свое внимание на северо-западные Балканы, а также на северо-западных соседей хаганата. Их побуждала к этому менявшаяся политическая ситуация в регионе, прежде всего усиление баварской экспансии на восток. В 595 г. бавары столкнулись со славянами где-то вблизи аварской территории³¹. Баварское продвижение явно угрожало интересам аваров и побуждало их к ответным действиям: в следующем году авары победили баваров и открыли путь вдоль Дуная во Франкскую державу³². Аваро-баварское соперничество стало, очевидно, причиной того, что авары начали думать и о подчинении областей на Среднем Дунае как стратегически важной территории. В течение первой половины VII в. они заняли узкую полосу славянской территории вдоль Дуная от Девинской Новой Вси через Голиары до нижнего течения Грома и Ипеля (Желовце, Прша)³³. В Нижней Австрии около середины VII в. они проникли вдоль правого берега Дуная до Вены³⁴. Очевидно, дальнейшее продвижение аваров на север было остановлено сопротивлением славян, которое привело к образованию "Державы Само". Возможно, она возникла как оберонительный союз славян, защищавшихся от аварского давления, а не как результат восстания против аваров, якобы уже захвативших славянские земли.

Функция обороны против внешней опасности явно играла решающую роль при образовании "Державы Само" и осталась доминирующей на протяжении ее существования. По-видимому, внешняя опасность

ускорила процесс объединения, который был столь успешным, что на территории, подвластной Само, не сохранилось следов первоначального племенного деления³⁵. Известные торговые связи славян Среднего Подунавья с королевством Меровингов (присутствие на этой территории франкских купцов, находки франкского оружия и других предметов³⁶) показывают, что эти земли были экономически достаточно развиты, чтобы представлять интерес для Франкского королевства. Несмотря на это, вряд ли можно считать "Державу Само" государством или образованием предгосударственного типа. В соответствии со своей главной функцией политическая власть была сосредоточена в центре и носила военный характер. Меры по защите своей территории сочетались с грабительскими набегами на соседние, прежде всего франкские, земли³⁷. Военный характер объединения во главе с Само обусловил присоединение к нему других славянских племен (чехи, лужицкие сербы). Однако крепкого внутреннего единства не было, состав объединения был весьма нестабильным. Историческое значение "Державы Само" состояло прежде всего в том, что она создала на данной территории условия для автономного, независимого от воздействия аваров развития, которое привело уже после ее распада к образованию Великоморавского государства.

Если правильна наиболее правдоподобная локализация "Державы Само" в области к западу от нижнего течения р. Моравы, то стратегическая функция захваченных аварами земель в Словакии и Австрии изменилась. Они стали плацдармом не против баварской экспансии, а прежде всего для нападений на "Державу Само"³⁸. На это указывает характер аваро-славянских погребений в Юго-Западной Словакии, прежде всего большого могильника в Девинской Новой Вси, датированного периодом после 626 г.³⁹. Относительно большое число погребений всадников в нем, а также характер оружия доказывают, что здесь скорее всего хоронили воинов гарнизона крепости, которая, с одной стороны, контролировала население, а с другой — была форпостом, противостоявшим славянам на другом берегу Моравы. Старейшая часть погребения наглядно показывает сосуществование в нем аварской и славянской зон, различных по материальной культуре и погребальному обряду⁴⁰. Таким образом, в первой половине VII в здесь не было столь интенсивных контактов двух этносов, которые привели бы к заметному процессу аккултации.

Изменения на северо-западной границе Аварского хаганата можно включить в более широкий исторический контекст, в котором славянам принадлежит немалое место. Возникновение "Державы Само" хронологически соответствует началу более энергичной внешней политики Византии при императоре Ираклии, в том числе и по отношению к аварам. Ранее предполагавшаяся в научной литературе связь между созданием "Государства Само" и византийской политикой не доказана⁴¹. Тем более следует подчеркнуть роль славян в наступлении против аваров на Далматинское побережье. Поражение здесь аваров Константин Багрянородный определенно связывает с хорватами и сербами, которые пришли туда по приглашению Ираклия и

после изгнания аваров поселились в новых местах как византийские союзники или федераты⁴².

Очевидно, подобная ситуация была в VII в. и на Нижнем Дунае. Обращает на себя внимание, что после аваро-византийской войны, которая окончилась в 602 г. и привела к полной ликвидации укреплений дунайского лимеса⁴³, весьма спорадические аварские набеги на империю проходили не по более удобному, а по гораздо более невыгодному фракийскому пути⁴⁴. Это удивительное положение можно объяснить тем, что к этому времени аваро-славянское сотрудничество на Нижнем Дунае прекратилось. Для аваров византийская территория осталась областью, где они рассчитывали захватить добычу. Напротив, славяне, начиная с VII в. нашедшие себе постоянное место жительства на территории Нижней Мезии и ставшие здесь византийскими федератами, начали после 602 г. оборошать свои новообретенные земли от аваров. Вероятно, именно в борьбе с аварами возникло здесь политическое объединение славян — "Семь племен". Такое предположение подтверждают и события, связанные с приходом протоболгар на Нижний Дунай и созданием Первого Болгарского царства (681 г.).

Из кризиса, охватившего хаганат после неудачной осады Константинополя в 626 г. и означавшего временное прекращение аварских набегов, аварское общество начало выходить около середины VII в. К несомненным признакам преодоления кризиса относятся исчезновение "Державы Само", более широкая, чем прежде, аварская экспансия (в Трансильванию, Южную Моравию, Нижнюю Австрию), возобновление вторжений в Италию и Византию, о чём косвенно свидетельствует возобновление выплаты византийцами дани аварам, по свидетельству византийского хрониста Феофана от 678 г.⁴⁵.

Сообщения о перемещении Аспарухом подчиненных славянских племен на юг и запад для защиты его владений от аваров⁴⁶ — это последние свидетельства письменных источников об аваро-славянских отношениях. Вплоть до конца существования Аварской державы имеется информация об аваро-славянских отношениях в сущности только в одной зоне контактов — на северо-западном пограничье хаганата и то лишь на основе археологических материалов.

Уже в течение VII в. на собственно аварской территории, в Паннонии, авары переходят к строительству постоянных жилищ. Явление это лучше всего исследовано на погребении в Дунауйвароше. Первые поселения, датируемые 620—630 годами, существовали там лишь кратковременно. В дальнейшем происходит переход к постоянным и даже укрепленным поселениям⁴⁷. Жилища здесь были чисто "славянского типа: полуzemлянки с очагом, как и во всей области расселения славян в то время. Очевидно, этот признак развивающейся деноминации был обусловлен совместным проживанием аваров со славянским оседлым населением.

Другим признаком постепенного перехода аваров к оседлым формам жизни является всеобщая тенденция к уменьшению доли погребений с конем и оружием. Погребения приобретают земледельческо-ремесленный характер. Это хорошо прослеживается в смешанных

аваро-славянских погребениях в Словакии. В VIII в. уже значительно труднее, чем ранее, различать кочевое и некочевое население. Погребения на территории, непосредственно занятой аварами, содержат в своей "оседлой" части такой же набор и типы сельскохозяйственных орудий (серпы, короткие косы, сошники, лемехи), что и славянские погребения, лежащие вне оккупированной аварами зоны⁴⁸. Увеличение количества предметов, связанных с земледелием и ремеслом, говорит об увеличении удельного веса славянского (оседлого) населения и его растущем влиянии на собственно аварскую часть населения. Последняя и в дальнейшем представлена находками в погребениях конской сбруи и экипировки всадника. Но и в этой сфере авары не оказали большого влияния на характер славянской материальной культуры. Славяне сохранили собственные навыки верховой езды. Об этом свидетельствуют находки шпор с крючком, что было чуждо кочевому аварскому этносу⁴⁹. Увеличивается в этот период и количество стремян с плоской перекладиной, что указывает на переход к обуви с твердой подошвой взамен "номадской" обуви с мягкой подошвой, которая, судя по гнутым перекладинам стремян, использовалась преимущественно в предыдущий период⁵⁰. Сопротивление славянской культуры аварским влияниям проявлялось и в том, что еще в VIII в. на славянских и аварских смешанных погребениях встречается биритуализм; славянский этнос в тот период сохранял обряд трупосожжения⁵¹. Наконец, преобладающая тенденция к оседлой жизни проявляется в повышенном количестве находок костей домашних животных (овец, коз, мясного скота) и яичной скорлупы.

Из этой картины аваро-славянских погребений VIII в. выпадают лишь несколько. Если находки большого числа погребений всадников в восточнославянских могильниках (Шебастова, Гранична)⁵² в VIII в. мы еще не можем убедительно объяснить, то аналогичный характер могильника в Житавской Туне, характеризующегося в конце VIII в. необычайно большим количеством захоронений всадников⁵³, можно объяснить хотя бы предположительно.

После поражения Аварской державы и ее распада часть аваров в 805 г. просила Карла Великого дать им новые места для расселения, так как в прежних местах они не могут жить из-за нападений славян; поэтому император выделил им земли между Карунтом и Саварией⁵⁴. На какие-то аваро-славянские столкновения в том же году указывает сообщение, согласно которому император Карл Великий запретил продажу оружия аварам и славянам⁵⁵.

Оба этих сообщения на первый взгляд противоречат представлению об относительно интенсивном сближении и даже слиянии аваров и славян во второй период существования Аварской державы. Однако, по-видимому, франкские хронисты зафиксировали начало нового явления — наплыv с севера славянского этноса, который устремился на Дунай и создавал угрозу местному смешанному славяно-аварскому населению, обозначавшемуся хронистами как авары. Возможно что и поселение в Житавской Туне было частью системы обороны против проникавших славян.

Представляется весьма вероятным, что в тех аварах, которые еще в

IX в. появляются в источниках как обитатели *loca Avarorum*⁵⁶, вряд ли можно видеть "чистых" представителей этноса. Это остатки смешанного населения, которое отличается от новых, прежде всего славянских, групп, проникавших в Паннонию.

Неспособность противостоять внешней сначала франкской, а потом (и одновременно) и славянской опасности не была единственной причиной распада Аварской державы и гибели аварского этноса. Во второй период истории хаганата в связи с постепенным переходом к оседлому образу жизни и прекращением набегов происходит, по-видимому, и ослабление центральной власти. Это проявляется как в разделении власти в самом политическом центре державы (наряду с хаганом появляется югур), так и в обособлении отдельных округов (глава одного из них — тудун в 796 г. вел сепаратные переговоры с Карлом Великим и в дальнейшем ориентировался на франков, воевавших с аварской столицей)⁵⁷. Пока трудно понять, почему историческое развитие пошло здесь в ином направлении, чем в Венгрии или Болгарии.

Власть аваров в Среднем Подунавье на протяжении 250 лет наложила свой отпечаток на жизнь славянского мира. Военное сотрудничество с аvarами позволило славянам быстрее проникнуть в богатые и культурные области Балкан. Аварская опасность ускорила политическое объединение ряда славянских соседей хаганата ("Держава Само", славяне Мезии). Можно говорить и об аварском влиянии на некоторые области духовной жизни славян (переход от трупосожжения к трупоположению в погребальном обряде), хотя в экономической области, наоборот, деномадизация аваров происходила под воздействием славян. Именно этот процесс привел к падению хаганата как объединения кочевников и растворению аварского этноса в славянской среде.

¹Kłoskowska A. *Sociologija kultury*. W-wa, 1981. S. 71 *passim*.

²Theophyl. *Sim.* VII. 7.8. P. 256; Haussig H. *Theophylaktes Exkurs über die skythischen Völker // Byzantion*. 1953. 23. P. 278; Pohl W. *Die Awaren*. Munchen, 1988. S. 31.

³Avenarius A. *Die Awaren in Europa*. Amsterdam; Br., 1974. S. 44–55.

⁴Menander. F. 4. P. 4; F. 9. P. 7; Kollautz A., Miyakawa H. *Geschichte und Kultur eines wanderungszeitlichen Nomadenvolkes*. Klagenfurt, 1970. Bd. 1. S. 155; Grafenauer B. *Nekaj vprašanji iz dobe naseljenja južnih Slovanov // Z*. 1950. 5. S. 44.

⁵Menander. F. 5. P. 5; F. 6. P. 6.

⁶Ibid. F. 27. P.62; Grafenauer B. *Op. cit.* S. 48.

⁷Kovrig I. *Contribution au problème de l'occupation de la Hongrie par les Avares // Acta archaeologica Hungariae*. 1955. 6. P. 175.

⁸Erdélyi I. *Az avarság es kelet a régeszetől források tükrében*. Bp., 1982. 63., 161. o.

⁹Menander. F. 63. P. 121; Euagrii *Historia ecclesiastica*. L., 1938. P. 208; Kollautz A. *Die Ausbreitung der Awaren auf der Balkanhalbinsel und die Kriegszüge gegen die Byzantiner // ŠZ*. AÚ SAV. 1968. S. 138.

¹⁰Jordanes. 34. Cap. 136, 214.

¹¹Sós A. *Das frühawarenzeitliche Gräberfeld von Oroszlány // Folia archaeologica*. 1958. 10. P. 105.

¹²Csallány D. *Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubicken*. Bp., 1961. S. 346; Kiss A. *Das Gräberfeld und die Siedlung der awarenzeitlichen germanischen Bevölkerung von Kolked // Folia archaeologica*. 1979. 30. P. 185.

¹³Alföldi A. *Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien*. B., 1924. Bd. 2. S. 56; Sági K. *Das Problem der pannonischen Romanisation im Spiegel der völkerwanderungszeitlichen*

- Geschichte von Fénekpuszta // *Acta antiqua*. 1970. 18. P. 157; Salamon A., Erdélyi I. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Br., 1971; Pohl W. Die Awaren. S. 229.
- ¹⁴ Miracula s. Demetrii. II. P. 143. О политике аваров по отношению к остальным народам см.: Pohl W. Das awarische Khaganat und die anderen Gentes im Karpathenbecken (6.–8. Jh.) // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert. München; Br., 1987. S. 41; Idem. Die Awaren. S. 278.
- ¹⁵ Theophyl. Sim. VIII. P. 288.
- ¹⁶ Csallány D. Op. cit. S. 349.
- ¹⁷ Miracula s. Demetrii. P. 46.
- ¹⁸ Fredegar. IV. 48. P. 144. Cp.. Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie – państwo Samona. Poznań, 1949. S. 331.
- ¹⁹ См.: Hauptmann L. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et Avares pendant la seconde moitié du VIe siècle // *Byzantium*. 1927–1928. 4. P. 157.
- ²⁰ Const. Porph. DAL 29–30. P. 122, 140. С проблеме проникновения аваров и славян в Далмацию см.: Fritze W. Die Bedeutung der Awaren für die slawische Ausdehnungsbewegung im frühen Mittelalter // Studien zur Völkerwanderungszeit im östlichen Mitteleuropa. Marburg, 1980. S. 498; Pohl W. Das Awarenreich und die "kroatischen" Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. Wien, 1985. Bd. 1. S. 293.
- ²¹ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Pr., 1906. D. II (автор датирует это событие 614 г.).
- ²² Havlík L.E. Slovanská barbarská království v 6. století na území Rumunska // SP. 1974. S. 77.
- ²³ Menander. F. 48. P. 100; Županič N. Staroslovenski vojevoda Dauritas i obarski kagan Bajan // JČ. 1954–1955. 5. S. 117; Cp: Menander. F. 63. P. 123, где говорится о выплате славянами дани аварам.
- ²⁴ Об источниках и интерпретации событий 578–589 гг. см.: Avenarius A. Op. cit. S. 89.
- ²⁵ Theophyl Sim. I. 6. P. 51–53; Theoph. Chron. P. 254.
- ²⁶ Theophyl Sim. VI.11. P. 242.
- ²⁷ Ibid. VII.15. P. 273. На неясность текста указал Л. Хауптманн (Hauptmann L. Op. cit. P. 168). Правильную интерпретацию см.: Тыкова-Займова В. Наследия и этнически промени на Балканах. 1966. С. 69. Об отдельных точках зрения см.: Avenarius A. Op. cit.; Pohl W. Die Awaren. S. 154 (здесь это событие датировано 598 г.).
- ²⁸ Theophyl Sim. VI.11. P. 244–245.
- ²⁹ Avenarius A. Op. cit. S. 128.
- ³⁰ Авенариус А. "Тосударство Само": проблемы археологии и истории // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 66–74.
- ³¹ Paul. IV.7; 10. P. 140, 150; Cp.: Kos M. K poročilom Pavla Diakona o Slovencih // Časopis za zgodovinu in narodopisje. 1931. 26. S. 207. Существование аналогичной ситуации в Караптанском пограничье менее правдоподобно (Havlík L.E. Starf Slované v rakouském Podunají v dobe od 6.–12. století. Pr., 1963. S. 14).
- ³² Paul. IV.11. P. 150.
- ³³ Čilinská Z. Frühmittelalterliches Gräberfeld in Želovce. Br., 1973. S. 10; Točík A. Súčasný stav archeologického bádania najstarších dejín slovenského národa // AR. 1963. 15. S. 596.
- ³⁴ Friesinger H. Die Slawen in Niederösterreich. St. Pölten, 1975. S. 10; Daim F. Awarische Altfunde aus Wien und Niederösterreich // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, 1979. 109. S. 55.
- ³⁵ Poulik J. Slované na Moravě. Brno, 1948. S. 83.
- ³⁶ Zábojník J. K výskytu predmetov západného pôvodu na pohrebských z. obdobia Avarskej ríše v Dunajskej kotline // SIA. 1978. 26. S. 205; Minač V. O osídlení bratislavskej brány v 7.–8. stor. // Zborník Slovenského národného múzea. Historica. Br., 1978. 18. S. 80; Kučera M. Typológia včasnostredovekého štátu na strednom Dunaju // ČSČII. 1979. 27. S. 872.
- ³⁷ Fredegar. IV.48. P. 144.
- ³⁸ Labuda G. Op. cit.; Pohl W. Die Awaren. S. 256.
- ³⁹ Eisner J. Devínska Nová Ves. Br., 1952. S. 352.
- ⁴⁰ Keller E., Bierbrauer V. Beiträge zum awarenzeitlichen Gräberfeld von Devínska Nová Ves // SIA. 1963. 13. S. 377.
- ⁴¹ Vernadsky G. The Beginning of the Czech State // *Byzantium*. 1944/1945. 17. P.320.
- ⁴² Łowmiański H. Posztki Polski. W-wa, 1964. T. 2. S. 404.
- ⁴³ Stefan G. Santierul archeologic Garvan Dinogentia // Materiale și cecertari archeologice vecce. 1957. 4. P. 205; Florescu-Diaconu A. Capidava. Buc., 1958. P. 251–252.

- ⁴⁴ Theoph. Chron. P.290. Cp.: Miracula s. Demetrii. II.2.
- ⁴⁵ Avenarius A. Die Konsolidierung des Awarenkaganates und Byzanz im 7. Jh. // Byzantina. 1985. 13. P. 1022 passim.
- ⁴⁶ Theoph. Chron. P. 357; Nic. Brev. P. 34. Cp.: Цанкова-Петкова Г. О территории болгарского государства в VII—IX вв. // ВВ. М., 1960. Т. 17. С. 139.
- ⁴⁷ Bóna I. VII. századi avar települések és Árpád kori magyar falu Dunaújvárosban. Bp., 1973. 62.—63. o.
- ⁴⁸ Cilinská Z. Sociálno-ekonomická problematika vo svetle pohrebísk juhozápadného Slovenska // O počiatkoch slovenských dejín. Br., 1965. S. 49; Idem. Anfänge des spezialisierten Handwerke und Handels bei altslawischen Gesellschaft in der Slowakei // SIA. 1986. 34. S. 299; Dekan J. Vývoj a stav archeologického výskumu doby predvel'komoravskej // SIA. 1971. 19. S. 574; Garam E. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kiskörös. Bp., 1979. S. 454; Эрдэlyi И. Археология Венгрии. М., 1986. С. 328.
- ⁴⁹ Cilinská Z. Anfänge... S. 305.
- ⁵⁰ Эрдэlyi И. Археология... С. 326.
- ⁵¹ Kraskovská L. Pohrebisko v Bernolákové // SIA. 1962. 10. S. 425; Významné slovanské náleziska na Slovensku. Br., 1978. S. 19.
- ⁵² Významné slovanské... S. 86, 210—214.
- ⁵³ Cilinská Z. Slovansko-avarské pohrebisko v Žitavské Tôni // SIA. 1963. 11. S. 87; Idem. The development of the Slavs north of the Danube during the Avar empire and their social-cultural contribution to Great Moravia // SIA. 1983. 31. S. 263.
- ⁵⁴ ARF. A.805. P. 135.
- ⁵⁵ Karoli Magni capitularia. N 44 // MGH. Legum sectio II. Capitularia regum Francorum. Hannoverae, 1883. T. I. P. 123.
- ⁵⁶ Встречающееся один раз название конкретной области "Avaria et Slavinia" показывает, что речь шла об остатках смешанного славяно-аварского населения. Cp.: Pohl W. Die Awaren. S. 323.
- ⁵⁷ ARF. A. 796. P. 98; Rhythmus de Pippini regis victoria Avarica // MGH. Poetae latini aevi Carolini. Berolini, 1881, T. I. P. 116—117. Cp.: Erdelyi I. Einige Bemerkungen über die Awarengesellschaft im Lichte der archäologischen Quellen // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. B., 1981. S. 227; Pohl W. Die Awaren. S. 293; Avenarius A. Stepné národy v Európe: Charakter a vývoj avarskej spoločnosti // HČ. 1988. 36. S. 156.

В. ТЫ ПКОВА — ЗАИМОВА

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ, ПРОТОБОЛГАРЫ И ВИЗАНТИЯ. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОЛГАРИИ В VII—IX вв.

Конкретные данные о славянах, упомянутых под своим этнонимом, встречаются в источниках с VI в. Готский историк Иордан, писавший на латыни, говорит, то "венеды", имевшие общий "корень" (*stirps*), т.е. происхождение, были известны в его время под именами Venetes, Antes et Sclavenes, причем "склавены" занимали пространство от города Новиодуна и Мурсианского озера до Днепра и Вислы¹.

К VI в. относится полулегендарное свидетельство Псевдо-Кесария, который связывает имя славян с Дунаем (он называет их "данувиями"). Подробные сведения о славянах сообщают Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Иоанн Эфесский и другие авторы VI в. На их

основе мы создаем картину отношений империи с южными славянами, которых византийские и некоторые западные авторы называют "склавинами" или "склавенами"². Археологические раскопки подтверждают предположение, что от Днестра на юго-восток шли два миграционных потока склавинов и антов, их поселения примыкали к Северо-Восточным Карпатам.

Южная граница расселения славян проходила по лесостепной зоне, где они могли заниматься земледелием и где им было легче обороныться. Из-за наличия укреплений империи на дунайской границе славяне никогда не селились в пространстве близ береговой линии, а предпочитали в качестве мест поселения левые притоки Дуная. Как и переселенцы предшествовавших периодов, они в основном занимали те районы, где империя размещала различные этнические группы, используя их в качестве "федератов", которые сменяли там друг друга. Начало своеобразной славянской адмиграции относится, по-видимому, еще к V в. Исследование топонимов, главным образом названий крепостей, упоминаемых Прокопием, подтверждает факт постепенной инфильтрации славян, однако ее значение не следует преувеличивать³.

На основе лингвистических данных обычно считают, что краткое сожительство южных славян так называемой болгарской группы и сербо-хорватов было прервано еще в VI—VII вв., может быть, потому, что горная цепь Карпат стала естественной границей между ними. "Болгарская", более многочисленная группа раньше сербо-хорватской продвинулась к границам империи⁴.

Славянские нападения на империю известны в правление Анастасия I (491—518). В то время они действовали иногда совместно с протоболгарами; засвидетельствованы нашествия и при Юстине I (518—527), но особенно частыми они стали при Юстиниане I (527—565).

Прокопий писал: "С тех пор, как Юстиниан взял власть над ромеями, гунны (протоболгары. — В. Т.-З), славяне и анты почти каждый год нападали на Иллирик и всю Фракию". Подобное выражение можно найти и у Иордана: "...болгары, анты и склавины"⁵. Действительно, несмотря на внешний блеск царствования Юстиниана, вопреки тому, что большая часть Италии была возвращена империи и так называемая готская опасность постепенно ликвидирована, а часть Испании и побережье Северной Африки были включены в границы Византии, основы Юстиниановой державы были поколеблены. Славянские нападения уже в этот период носили массовый характер, и византийские войска не всегда решались выступить против славян. Славянские полчища чаще всего обходили города и довольствовались сбором добычи на своем пути в сельской местности. Однако в середине столетия (в 549 или 550 г.) они смогли захватить, хотя и временно, город-крепость Топир, расположенный вблизи устья р. Несты (Месты). В это же время они вторглись в область Астика, находившуюся между Филиппополем и Адрианополем, и достигали Длинной Стены. Тогда же другие группы славян проникли от Ниша (Ниша) и Сердики в Фессалоникскую область, а на Адриатическом побережье взяли Диракхий (Драч). Но наиболее частыми и массовыми были, разумеется, нападения славян.

на Мисию (Нижнюю) и Скифию (Добруджу). Сюда вторгались и антские группы. Известно, что император Юстиниан I пригласил около 540 г. антов поселиться в качестве федератов в городе Туррисе (у соврем. Галаца), чтобы обезопасить эту часть дунайской границы⁶.

Исследования, преимущественно лингвистические, позволяют проследить пути, которыми двигались на Балканы массы славян. От Северо-Восточных Карпат они продвигались на юг и на запад. Путь их пролегал по притокам Дуная — Мораве, Тимоку, Огосте. Другая часть проникла из Паннонии в Белградскую область и оттуда спустилась до нижнего течения болгарской Моравы. Славяне сербо-хорватской группы двигались по Белому Дрину до его слияния с Дрином. Некоторые группы славян достигли Адриатического моря. Другие же, спустившись к Фессалоникской области, частью осели на плодородных равнинах Македонии, частью последовали горными дорогами на восток, по направлению к Родопам. Из Македонии они проникли в Фессалию и Эпир, а затем и на Пелопоннес. Те же группы славян, которые с большим успехом, чем другие, использовали лодки-однодеревки, достигли Эгейских островов и даже Крита. Это были уже не кратковременные набеги, а широкое непрерывное вторжение. Славяне уже не только жаждали добычи: они осуществляли расселение, совершившееся после вторжений, которыми руководили авары, увлекавшие в свои походы огромные массы славян⁷.

Наступила новая фаза в отношениях между славянами и Византийской империей. Известно, что поселение аваров на границе с империей началось с переговоров между ними и Юстинианом I, а затем Юстином II. Византийцы предлагали им часть Паннонии, которая недавно была освобождена от герулов. Но авары не соглашались, предпочитая Малую Скифию, т.е. Добруджу. Отношения между Византией и Аварским хаганом обострились. Начались военные действия аваров против империи. Аварский хаганат сложился с центром в Паннонии. Главную силу хаганата в значительной степени составляли входившие в него славянские группы. Это были преимущественно славяне Паннонии, принадлежавшие к южной и частично западной группам.

Хаганат был организован как и большинство иных кочевнических обществ. Руководящую роль играли в нем аварские вожди, а славяне составляли Beivoik. После ряда военных кампаний в руки аваров временно попал Сирмий и прилегающая к нему область. В 570 г. нападению аваров подверглась Фракия, в 573 г. вновь пострадали дунайские провинции. В 582 г. авары снова надолго заняли Сирмий. В первые годы правления императора Маврикия (582—602) они совершили несколько больших походов вдоль Дунайского лимеса и достигали Анхиальских бань на Черном море. В 586 г. ими совместно со славянами была предпринята первая осада Фессалоники (всего было пять осад, последняя в 70-х годах VII в.). Через год после победы на Средней Тисе войска Маврикия отказались зимовать в стране неприятеля, подняв осенью 602 г. бунт во главе с центурионом Фокой. Пользуясь уходом войск империи с Дуная и нестабильностью ее внутриполитического положения после свержения Маврикия, авары и славяне растекались по провинциям империи от Боснии до Далмации, Сред-

ней Греции и Пелопоннеса. В 617 г. император Ираклий, стремясь к миру, согласился на встречу во Фракии с аварским хаганом, но едва не попал к нему в плен⁸. Судя по находкам монет, складывается следующая картина проникновения славянских масс на юг от Дуная. Основные крепости по дунайской границе сохраняют свое значение до начала VII в. Однако населенные места, которые впоследствии вошли в Болгарскую державу, т.е. между р. Янтрой и побережьем Понта, были уничтожены. К югу от Гема значительная часть жителей тоже покидала свои поселения, чтобы укрыться в больших укрепленных городах и крепостях (Пловдив, Хисар). По "Диагональной дороге" крепостные стены Сердика и некоторых других укреплений были реконструированы; это означает, что они продолжали защищать население^{8a}.

Нашествия аваров и славян имели огромные последствия для балканских земель. Значительная часть славян, которые передвигались с обозами, женами и детьми (это явствует из легенд 2-й книги "Чудес св. Димитрия Солунского"), не возвращалась обратно в свои селения за Дунаем. Как это было обычным в ту эпоху для населения с земледельческими навыками, славяне искали подходящие для постоянного поселения земли. Что же касается аваров, то их конные дружины возвращались после набегов домой. Именно поэтому на землях к югу от Дуная археологи обнаруживают лишь незначительные следы аваров⁹.

В 626 г., когда персы угрожали византийской столице с азиатского берега, большое войско под предводительством хагана (значительную часть его сил составляли славяне и болгары) осадило Константинополь с суши и с моря. Патриарху Сергию и полководцу Боносу, руководившим обороной столицы, удалось отразить врагов в отсутствие императора Ираклия. Серьезной угрозе империи со стороны аваров был положен конец. С этого времени, хотя нападения аваров не прекратились полностью, они отошли к Восточным Альпам и уже не играли важной роли в судьбе полуострова. Славяне же тем временем плотно заселили большие территории на Балканах.

Об общественном и политическом строе южнославянских племен до периода массовой колонизации можно судить по данным византийских тактиконов (Псевдо-Маврикия, Льва VI) и исторических сочинений (Прокопия, Менандра и др.). Селения славян, состоявшие из нескольких семей, располагались в левобережье Дуная на небольшом расстоянии друг от друга. Жили они в "коливах", т.е. в небольших хижинах с очагом, оснащенных примитивной утварью. Были широко распространены здесь и полуземлянки.

Сходными были поселения славян и после их оседания к югу от Дуная. Археологические исследования в Болгарии, Румынии, Молдавии, отчасти в Чехословакии и Венгрии показывают, что древнеславянская керамика из долин рек Ардеш, Бузеу, Яломица, как и из долин Серета, Прута и Днестра, имеет общие черты с керамикой, найденной в славянских поселениях к югу от Дуная (например, в Джеджови Лозя у с. Попина в районе Силистры, с. Гарван, с. Нова-Черна в этом же районе и др.)¹⁰.

Продолжительные контакты с Византией привели к ускорению культурного развития славянского общества. Основным занятием славян оставалось земледелие: они сеяли пшеницу, ячмень, просо, рожь, выращивали овощи. Вместе с тем славяне разводили рогатый скот, овец, птицу. Продолжало развиваться у них и гончарное дело, однако теперь уже с применением гончарного круга. Гораздо интенсивнее в более благоприятных условиях стали развиваться обработка металлов, кожевенное дело, ткачество, издавна связанное преимущественно с возделыванием льна¹¹.

Сведения о социальной структуре славянского общества содержатся в сочинениях уже упомянутых авторов. В их рассказах есть и общие места об устройстве "варварских" обществ, с которыми империя входила в контакт, но имеются и конкретные данные именно о славянах. Прокопий и Маврикий говорят об "анаракии" (или "демократии") у славян, обозначая терминами ἔθνη, γενεαί множество славянских племен или племенных объединений, имевших каждое своего вождя. Подобное раздробление власти производило сильное впечатление на византийцев, живших в условиях самодержавия и утверждавших поэтому, что славяне "не признавали власти и порядка". Удивлял византийцев и обычай созывать собрания соплеменников, на которых обсуждались вопросы, затрагивавшие интересы всего племени.

Политическая организация славян в последней стадии племенного строя достигла высокого уровня. Племенные вожди имели в своем подчинении старейшин. Титулатура, которая им дается в византийских источниках, различна. Обычно широко распространенным были термины τρυπόνες, ἑστράχοι, ἀρχοντες, ρῆγες. Принципы иерархического соподчинения славянских вождей неизвестны. Кроме титула "князь", имеющего германское происхождение, употреблялся, по-видимому, и титул "жупан". Происхождение последнего спорно: одни авторы считают его иранским, другие — тюркским; одни исследователи полагают, что жупан был главой объединения, имевшего уже определенную территорию расселения, другие — видят в нем лишь главу родоплеменной группы и не связывают ее с территориальной организацией. Возвышение одного из славянских вождей среди прочих происходило часто в результате борьбы между несколькими родами или племенными объединениями¹².

ТERRITORIALНЫЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ СЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА получил развитие с конца V в. Формировались так называемые Славинии¹³. Некоторые из них имели собственные названия. Известны имена ряда вождей таких племенных объединений, которые проводили самостоятельную политику, отличались воинской доблестью и т.д., например, вожди дакийских славян VI — начала VII в. Мусокий, Ардагаст (Радогост), Давритас (или Даврентий). Таким вождем был в середине VII в. и вождь ринхинов Пребунд (Перβοῦνδος), который говорил на нескольких языках и сам вступал в соглашения с представителями имперской власти в Фессалонике. Эта военно-племенная славянская аристократия, которая уже располагала серьезной социальной опорой, стремилась к устойчивому экономическому и политическому господству. В славянском обществе уже далеко зашло разделение

труда, развивалась частная собственность на землю. Личной собственностью становилась прежде всего добыча, захваченная в военных походах. Однако еще не созрели предпосылки для значительной внутренней эксплуатации, которая существовала лишь в зачаточных формах. Режим "народовластия" сохранялся. Эксплуатация все еще обусловливала внешним фактором (уплата дани империи при поражении и получение дани от нее и захват рабов в случае успеха).

Особого внимания в структуре славянского общества заслуживает институт рабства. Хотя рабство и играло второстепенную роль (известно, что славяне давали своим рабам свободу за выкуп и позволяли жить вместе со свободными общинниками), оно все-таки способствовало усилению влияния отдельных лиц внутри племени и союза племен. Кроме выполнения сельскохозяйственных работ, рабы служили также в личных дружинах вождей. Даже позднее, в IX в., в рабство обращались иногда преступники и должники, разорившиеся родители продавали своих детей¹⁴.

Во время походов, которые славяне совершали самостоятельно или вместе с аварами, они вступали в сложные отношения с византийскими властями. При этом их отношения не всегда были враждебными с Византией и "союзными" с аварами. Например, в 593 и 596/97 гг., когда византийские войска действовали против славян Дакии, авары были пассивны. Договор 600 г. между аварами и византийцами не затрагивал славян, тогда как в 601/02 г. Византия, незадолго перед этим действовавшая против антов, заключила с ними союз против славян Дакии и аваров¹⁵.

В целом, однако, в качестве общего положения можно отметить, что первоначально власти империи рассматривали славянские нашествия как временное явление, подобно "готской опасности" в предшествующий период, которую в V в. империи удалось в конечном счете ликвидировать. Именно поэтому в отношении к славянам применялись традиционные методы: при невозможности отразить их нападения Константинополь прибегал к заключению с ними договоров о поселении в пустующих пограничных областях, где прежде селились другие "федераты". В таком положении оказались, например, славянский союз "Семь племен", стримонцы и др. На обширных равнинах Фракии, Македонии и особенно на землях Эллады византийские власти поставили славянских поселенцев в положение налогоплательщиков. Вместе с тем были районы, например, на Пелопоннесе, где славянские племена милингов и эзеритов сохраняли своеобразную независимость вплоть до IX в., когда центральной власти удалось в несколько этапов обложить их точно фиксированным налогом¹⁶.

Это произошло в то время, когда Болгарское государство уже объединило большую часть славян "болгарской" группы, а в западных частях полуострова постепенно формировались государственные объединения сербов и хорватов. Балканская политика Византии вдохновлялась тогда программой "реэллинизации" на большей части земель, заселенных славянами, главным образом в Беломорской Фракии и Греции.

Отношения между сохранившимся местным населением и новыми

жителями постепенно налаживались. О мирном симбиозе местных жителей Эллады и поселившихся там славян свидетельствуют, например, заимствования в греческом языке, связанные со славянским земледельческим бытом (например, слово "борона"). В свою очередь, некоторые славянские топонимы, как например, "Половница" в Лаконии, свидетельствуют о заимствовании славянами способов эксплуатации земли у местных жителей ("по половине" или "из половины")¹⁷.

Одновременно со славянами на земли к югу от Дуная начали систематически проникать протоболгары. Согласно последним исследованиям¹⁸, основанным на сопоставлении письменных источников и археологических данных, в IV в. в восточноевропейских степях жили пришедшие из Азии родственные тюркоязычные племена — кочевники, которые, хотя и имели собственные имена, были объединены общим этнонимом "булгары". К середине VI в. протоболгары и некоторые родственные им племена сгруппировались на берегах Меотиды (Азовского моря) и создали объединения, которые у византийских авторов назывались утигурами и кутригурами. Утигуры жили в Восточном Приазовье, на восток от нижнего течения Дона, а кутригуры обитали в степях на севере и северо-западе от Азовского моря, к западу от Дона. Не очень крупные группы протоболгар были известны и в Северном Дагестане, где уже в VI в. они перешли к оседлости.

В племенной союз гуннов входили и протоболгары, увлеченные гуннами при их движении из Приазовья, бассейна Дона и Северского Донца, где протоболгары жили среди сармато-аланских племен. Этническое имя болгар стало известно с IV в. Они упоминаются в латинском анонимном хронографе 354 г., а затем в "Истории Армении" Моисея Хоренаци (V в.), где говорится о "земле болгар" на Северном Кавказе. Во времена императора Зенона, который воевал против остготов в Италии, в византийском войске в качестве наемников служили протоболгары (480 г.). Их нападение на Фракию отмечено под 493 г. А когда в правление императора Анастасия I глава федератов в Мисии Виталиан поднял бунт в 513—515 гг., в его отрядах были и протоболгары.

Сообщения об участившихся нападениях "варваров" на земли к югу от Дуная относятся, как уже отмечалось, к правлению Юстиниана I. Прокопий называет этих "варваров" "гуннами", а Иордан их собственным этнонимом "булгары". О войнах и соглашениях с утигурами и кутригурами Прокопий сообщает много подробностей, свидетельствующих о том, что Византия проводила по отношению к ним свою традиционную политику, направленную на то, чтобы натравить друг на друга два эти племенных союза. Агафий Миринейский описывает нападение на империю кутригуров с участием дакийских славян в 558—559 гг. под предводительством хана Забергана, полчища которого были разделены надвое: одна группа дошла до Константинополя, а другая направилась в Грецию и достигла Фермопил.

В конце 50-х годов VI в. авары также увлекли кутригуров с собой на запад, воспользовавшись междоусобицами между ними. Это была вторая большая группа протоболгар, которая действовала в Паннонии после распада союза гуннов. Как уже было сказано, болгары

участвовали в осаде Константинополя в 626 г. В 30-х годах VII в., после того как у них начались столкновения с аварами, они проникли из Паннонии в Италию, в Равеннскую область.

В это время в Приазовье болгары-уногундуры попали под власть западных тюрок, объединившихся в хаганат (576 г.). Однако в 30-х годах VII в. вождь уногундров хан Кубрат возглавил восстание, вернувшее независимость протоболгарам. Новое объединение было названо византийскими авторами "Великой Болгарией". Кубрат сохранял хорошие отношения с Византией, он был даже принят в византийской столице, где получил титул патриархия. Территория "Великой Болгарии" охватывала, по-видимому, земли как на восток, так и на северо-запад от Азовского моря. Восточной границей ей служила Кихийская гора (гора Эргени на Ставропольской возвышенности). "Великая Болгария" была первой политической организацией, предшествовавшей образованию Болгарского государства к югу от Дуная.

После смерти Кубрата "Великая Болгария" распалась под ударами хазар. Византийские хронисты Феофан Исповедник и Никифор рассказывают о пяти сыновьях Кубрата, судьбы которых были различны, но большинство историков считают, что "Великая Болгария" распалась на три части¹⁹. Существует предположение, что третий сын Кубрата Аспарух (Исперих), который владел восточной половиной "Великой Болгарии" до горы Эргени, первым был вынужден оставить приазовские земли и переселиться на Нижний Дунай. Это переселение не было единовременным. Оно происходило постепенно, пока Аспарух сохранял контроль над землями до Днестра, продолжая воевать с хазарами. Об этих событиях свидетельствуют, по-видимому, находки протоболгарских захоронений на левом берегу Днепра.

Следующий удар хазары нанесли, вероятно, Батбаяну (старшему сыну Кубрата), племена которого жили к западу от владений Аспаруха. Хазары установили свою власть над ними, а в конце VII в. она распространялась до Таманского и частично Крымского полуострова.

Второй так называемый сын Кубрата Котраг (возможно, эпоним племени котрагов) ушел под давлением хазаров на Среднюю Волгу и Каму, где в X в. образовалась держава, известная как Волжско-Камская Болгария. Она просуществовала до татаро-монгольского нашествия в XIII в. Раздел на группы предопределил дальнейшую судьбу протоболгар. Оставшиеся на северном побережье Черного моря и в Приазовье протоболгары установили связи с жившими там алантами, в середине VIII в. они уже были оседлым населением. Их главным центром была крепость Саркел. Другие группы, которые в конце VII в. достигли Крыма, развили в последующий период высокую строительную культуру, сооружая крепости и основывая поселения. Аспаруховы болгары, которые в 60—70-х годах VII в. уже находились в нижнедунайских землях, вступили в отношения со славянами. Свидетельства этих отношений находятся, например, в "Именнике болгарских ханов" — памятнике конца VII в., в котором уже встречаются и славянские имена²⁰. Не прерывались и связи между дунайскими болгарами и родственными им группами в Хазарском хаганате.

Во время откочевки с территории "Великой Болгарии" так называ-

мый "четвертый сын" Кубрата Кувер вместе со своими племенами был увлечен аварами в Паннонию. Там он был поставлен аварским хаганом во главе этнически пестрой группы, в которую входили не только болгары и авары, но и бывшие византийские пленники из провинций Дакия, Дардания, Мисия, Родопа и др., как об этом свидетельствует рассказ из второй книги "Чудес св. Димитрия". В течение примерно 60 лет это население составляло особую этническую группу. Так как ее представители сохранили христианство и память о своих старых поселениях, они "стремились к своим родным местам". Кувер, воспользовавшись этим, отделился от хагана и ушел из области Сирмия в Пелагонию, где расположился на Керамисийском поле, получив поддержку от византийских властей. Славянские племена драгутитов, жившие поблизости, были принуждены снабжать протоболгар продовольствием. Область, в которой они теперь находились, была также названа Болгарией, и Кувер управлял ею в качестве хагана²¹.

Эти события датируются 80-ми годами VII в., т.е. они развивались почти одновременно с действиями Аспаруха на Нижнем Дунае.

В перспективе Кувер планировал овладеть Фессалоникой и сделать ее центром своего государства в Македонии. Его помощник Мавр отправился в город под видом перебежчика — "изменника", чтобы тайно организовать захват города. Но план провалился. Византийская власть в этом, втором по значению городе империи, была достаточно сильна. О дальнейшей судьбе Кувера ничего неизвестно, Болгарское государство в этом районе не возникло. Совершенно по-иному развивались события на Нижнем Дунае, где обосновались болгары Аспаруха. Согласно Феофану Исповеднику, конное войско Аспаруха остановилось в Северо-Западном Причерноморье, в так называемом Онгле, после чего болгарам удалось очистить часть левого берега Дуная от аваров. Относительно местонахождения Онгла идут споры. Если учесть, что это место было укреплено, то можно предположить, что оно находилось между южной частью Бессарабского вала, Малым Добруджанским земляным валом и укрепленными лагерями у Галаца. Эта укрепленная территория составляла около 15 тыс. кв. км²².

Болгары Аспаруха начали совершать набеги на земли к югу от Дуная. Накануне 60-х годов их действия были облегчены тем, что византийские войска были заняты войной с арабами на Востоке.

Весной 680 г. император Константин IV смог отвлечь свое внимание от событий в Малой Азии и начал поход по суше и по морю против укреплений болгар Аспаруха. По прибытии на место он, однако, покинул войска и отбыл в лечебные бани Месемврии, что стало причиной появления слухов о его бегстве. Имперское войско быстро деморализовалось и стало в беспорядке отступать. Аспарух, преследуя ромеев, перешел Дунай и достиг района Одисса (у р. Варна). Он захватил территорию между Дунаем, Черным морем и горной цепью Стара-Планина.

Наступление болгар на земли, простиравшиеся между р. Варной и Стара-Планиной, дало Аспаруху возможность распространить свою власть на славянское объединение "Семь племен", а также на северов, которые жили здесь как федераты империи. Некоторые из славянских

племен были переселены для охраны проходов через Стара-Планину в случае возможных наступлений византийцев.

Прочно обосновавшись на этих землях, отряды протоболгар начали совершать набеги на территорию к югу от горной цепи, которую византийская власть считала истинно имперской. Протоболгары угрожали, таким образом, хинтерланду самой столицы, и император был вынужден покинуть заседания VI Вселенского собора и стать во главе своего войска. Успехи Аспаруха вынудили его заключить с протоболгарами в августе-сентябре 681 г. мирный договор "к стыду ромеев и из-за наших грехов", как выразился Феофан Исповедник²³. Этим договором Византия признала Болгарское государство. Для истории Балкан началась новая эпоха: империя с этого времени уже не могла считаться единственной державой, получившей "свыше" право владеть полуостровом.

Анализ роли протоболгар в истории восточноевропейских степей и балканских земель показывает, что для них был характерен кочевой образ жизни, который, однако, имел свои особенности в разных районах их расселения. До конца VII в. протоболгары оставались в большей своей части скотоводами. Существует предположение, что в Северном Дагестане и на Среднем Днепре они рано перешли к оседлости. Те группы протоболгар, которые вошли в состав Хазарского хаганата, начали переходить к оседлости в VIII—IX вв. Они создали вместе с алантами Салтово-маяцкую культуру.

Образование Болгарского государства и постоянный контакт со славянскими племенами, жившими рядом, обусловили переход протоболгар не позднее середины VIII в. к оседлости. Этому способствовали и новые географические условия, а также, согласно некоторым исследователям, воздействие пастушеской культуры, с носителями которой протоболгары были в непрерывном контакте в течение длительного времени. Раскопаны более 200 поселений, большинство из которых неукрепленные. Также существовали поселения с земляными укреплениями (с. Кладенцы и с. Преселенцы, округ Толбухин в Добрудже) или же с каменными стенами (Асар-кале к востоку от с. Цар Асеново, округ Силистра). Аулы (военные укрепления другого вида) являлись резиденциями военных правителей. Самый важный из них — Плиска, которая превратилась в столицу. Это мощное укрепление, снабженное цитаделью (внутренний город), расположено на территории в 500 га. Значительными аулами являлись также Преслав (будущая столица Симеона), с. Цар Крум (округ Шумен), с. Девня близ Варны и др. Также раскопаны 20 некрополей на Дунае, в Северо-Восточной Болгарии и в Добрудже. Характерным признаком деэтничации культур к югу от Дуная являются именно эти некрополи, одни из которых принадлежат болгарам, а другие (с трупосожжением) — славянам. Керамика в них идентична. Юрты (характерные жилища протоболгар) имели теперь уже не круглую, а квадратную форму. Их основания вкапывались в землю. Все это свидетельствовало о том, что в новых условиях протоболгары переходили к занятиям, которые не были характерны для них в предшествующий период²⁴.

В эпоху формирования Болгарского государства все больше утвер-

ждала свое положение светская родоплеменная аристократия во главе с боилами и багаинами, составлявшими окружение хана. Роды Дуло, Кувиар, Чакарап, Ирми и др. упоминаются в "Именнике болгарских ханов" — важном документе, свидетельствующем о социальной и государственной структуре болгарского общества. Памятник отражает и знание болгарами календаря, основанного на китайской системе, унаследованной ими еще на прародине: в нем время измеряется не циклично, как в календарях византийских хронистов, а линейно. В "Именнике" отражено и отношение к ханской власти, которая считалась "божественной", что подтверждают и протоболгарские надписи VIII—Х вв. Поэтому, согласно "Именнику", первые ханы управляли бесконечно долго. Протоболгары поклонялись Тенгри — богу неба; хан считал свою власть происходящей "от бога", подобно власти василевса²⁴⁴.

Следует остановиться и на вопросе об устройстве Болгарского государства, созданного Аспарухом²⁵. Формирование устойчивого государства в Нижней Мисии было уникальным явлением в истории Балкан. Оно явилось результатом соединения двух общественных структур, каждая из которых развивалась в соответствии с собственными условиями. Некоторые исследователи полагают, что моделью для Болгарского государства послужил Аварский хаганат²⁶. Для нас, однако, очевидно, что держава Аспаруха не может быть ему уподоблена, хотя оба политические образования и имеют общие черты. Как и в Хаганате, в Болгарском государстве на периферии находились славинии, которые на начальном этапе, до включения их в состав самой Болгарии, иногда были связаны союзными отношениями с протоболгарами.

Для Аварского хаганата были характерны застой и неподвижность общественных форм жизни. В среде протоболгарской аристократии, которая стояла на вершине власти, напротив, имела место уже в конце VII в. заметная дифференциация. Постепенный переход протоболгар к оседлости создавал условия для их ассимиляции. Они бесспорно значительно уступали в численности славянам, хотя в последних исследованиях и высказывается мнение, что следует значительно увеличить цифру в 10 тыс. человек, которую называет Михаил Сирийский, говоря о первых протоболгарских поселенцах на Нижнем Дунае (вероятно, Михаил не учитывал жен и детей, а также и тот факт, что и после расселения болгар Аспаруха в Нижнее Подунавье систематически прибывали новые группы протоболгар).

Главной силой протоболгар была их военная организация, которая сохранялась и при преемниках Аспаруха. Постепенное включение славянских вождей в управление государством сделало более ощущимыми различия, существовавшие в других кочевнических обществах средневековья, как, например, в гуннской или аварской "империях". Близкое соседство с Византией и частое общение с нею, враждебное или дружеское, сыграло важную роль в дальнейшем развитии Болгарского государства. Византийская модель, как наиболее престижная, стала оказывать свое воздействие на болгар с самого начала основания их державы.

Отношения славян и протоболгар показывают сложность процессов социально-политической и этнокультурной истории, конечным результатом которых стало образование Болгарского государства и болгарской народности. Говоря об основных этносах, участвовавших в формировании болгарской народности, необходимо иметь в виду также вклад, хотя он был и менее значительным, местных, известных с античности народов. Преемственность на Балканах и в этой сфере играла большую роль, особенно во Фракии и Македонии. В постхристианское время население балканских провинций стремилось постепенно оторваться, "отодвинуться" от "варварской" (по преимуществу славянской) периферии; консолидировалась и обособлялась и сама эта периферия, превращаясь в чуждый и мало понятный для византийцев мир. Подобной периферией вне Балкан являлись насыщенные в недавнем прошлом эллинистическими традициями Северное Причерноморье и Приазовье. Появление и пребывание там новых этнических групп оставило, как упоминалось, след в виде пастырской, или салтово-маяцкой, культуры, к которой относятся некрополи и поселения вдоль нижнего течения Днепра. Затем она постепенно распространялась на запад до Дуная и на юг от него, что позволяет говорить о существовании своеобразных "коридоров", перемещаясь по которым, население периферийных зон вступало в течение нескольких веков в контакт с жителями византийских провинций на Дунае. Процессы интеграции и дезинтеграции протекали здесь одновременно, причем первый осуществлялся в пользу более высокой культуры, которая так или иначе поглощала элементы культуры, проникавшие с периферии. Что же касается дезинтеграции в рамках славянской общности, то она привела ко второму этапу развития новых интеграционных процессов, которые протекали в пределах уже иных группировок, вышедших с "периферии" и оказавшихся вне притягательного воздействия имперского (византийского) общества. Прежде чем констатировать последовавшие за этим крупные перемены в структуре общества, необходимо кратко охарактеризовать основные черты кочевнического общества и его культуры.

Независимо от того, что развитие общества кочевников протоболгар прошло путь, образно говоря, от юрт до каменных укрепленных поселений, главное значение имели, конечно, внутренняя структура общества и взаимодействие отдельных этносов, входивших в политическое образование типа Болгарии Кубрата. Может быть, одно из наиболее важных свидетельств на этот счет сделал армянский писатель Х. в. Моисей Каганкатваци. Рассказывая о тюрках-хазарах во времена императора Ираклия, т.е. в VII в., Моисей пишет: "Он (хаган. — В.Т-3) уведомил об этом всех, кто находился под его властью — племена и народы, жителей полей и гор, обитающих в городах или на открытом воздухе, бреющих свои головы или носящих волосы, чтобы они были готовы и вооружены при [первом] его предупреждении"²⁷.

Из этого сообщения явствует, что под одной властью могли находиться одновременно и племенные объединения, и отдельные племена, совершенно различные по этническому составу, быту, степени оседлости, производственным навыкам и т.п. Таким же положе-

ние дел было и в Дунайской Болгарии, сохранившей прежнюю структуру управления. Власть находилась в руках хана, а право престолонаследия осуществлялось в рамках одного рода. Вместе с тем эта система управления позволила с ходом времени славянским вождям проникать в состав аппарата власти. Кочевничество, как уже указывалось, было изжито в Дунайской Болгарии, так как его развитие стесняли ограниченные площади равнин Добруджи и Мисии. Напротив, земледельческие общины жившего здесь оседлого населения, получив со стороны центральной власти защиту, пошли впоследствии по феодальному пути развития, общему для средневекового общества на Балканах.

На первом этапе ханы Болгарии, стремясь к расширению границ своего государства, организовывали военные походы против Византии и Аварского хаганата. Это был также процесс интеграции пограничных славиний. Однако ханы не забыли и дорог к старым поселениям протоболгар на Днепре и Днестре. Как показывает археологический материал, связи с территориями бывшей Болгарии Кубрата и Хазарским хаганатом сохранялись и в VIII, и в IX, и в X вв. Вливались в страну новые группы не только протоболгар, но и славян, которые продолжали двигаться с востока по направлению к Добрудже и современной Северной Болгарии.

Одной из основных предпосылок формирования народности является поселение племенных общинностей на сравнительно единой территории. Это условие было налицо в болгарских землях на Балканах еще до IX в., хотя территория страны претерпевала изменения: она продолжала расширяться. Важнее в данном случае было то, что существовала однотипная политическая организация. Конечно, не всегда легко точно определить вклад каждой из этнокультурных общинностей, участвовавших в создании народности. Кроме того, известно, что на новых территориях их новые обладатели должны были приспособливаться к некоторым региональным особенностям, одну из которых составляло, например, христианство²⁸. Бессспорно также, что крупнейшим фактором становления народности был язык. Прошло немало научных дискуссий по проблемам языка, культуры и народного самосознания. Что касается болгарской народности, то проблема языка связана здесь с созданием славянской письменности и делом Кирилла и Мефодия. Некоторые исследователи считают, что восточная, точнее византийская, христианская церковь была всегда (или в определенные периоды) готова приспособить литургию к языкам тех народов, среди которых она проповедовала. При этом подчеркивается, что подобная политическая линия не способствовала единению и связям культуры неофитов с византийской культурой. Другие ученые, напротив, полагают, что византийское духовенство, покровительствуя "национальным" языкам в целях упрочения влияния константинопольской церкви, создавало условия для более тесного единения христиан. Древнеболгарский язык, первый литературный язык у славян, служил в этот период не только культурным кругом Болгарии, но и вышел за узкие государственные рамки, получил более широкую, общеславянскую функцию.

В процессе усиленной консолидации болгарской народности после IX в. письменность сыграла весьма крупную роль. В древнеболгарских литературных памятниках IX—X вв. язык, на котором эти памятники были написаны, продолжает называться "словѣньскій" в отличие от языка "болгарского", т.е. от языка протоболгар, которые еще не были полностью ассимилированы славянами. В этот период этноним "болгари", означавший прежде подданных Болгарского государства, меняет свое содержание, приобретая значение этнической принадлежности к единой народности. В источниках той эпохи стала часто употребляться формула "словяне, рекше бльгаре"²⁹.

В конечном счете можно сказать, что основным фактором, который обусловил переход от племенной к народностной этнической общности, явилась централизованная государственная власть с соответствующей администрацией и территориально организованным аппаратом.

¹ Древняя славянская этническая общность // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 10—33.

² Там же. С. 10, 31, примеч. 27.

³ Гиндин Л.А., Орел В.Э. Ранние этноязыковые контакты славян на Балканах и лексика южных славян // Развитие этнического самосознания... С. 34 и след.; Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах, VI—XII вв. М., 1985. С. 34 и след.

⁴ Popović I. Geschichte der serbocroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960. S. 247.

⁵ Mihăescu H. Procopius din Caesarea. Istoria secretă. Buc., 1973. P. 148 (ср.: Прокопий Кесарийский. Тайная история. С., 1983. С. 73, 123); MGH AA. P. 52.

⁶ Тъпкова-Займова В. Нашествия и етнически промени на Балканите. С., 1966. С. 58 и след.

⁷ Займов И. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров: (Проучване на жителските имена в българската топонимия). С., 1967; Он же. Български географски имена. С., 1973. Общую библиографию см.: Ditten H. Zur Bedeutung der Eiwanerung der Slawen // Byzanz im 7. Jahrhundert: Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. B., 1978. S. 73—161.

⁸ Библиографию см.: Ditten H. Das Eindringen der Slawen ins Reich und seine Folgen // Byzanz... С. 90.

⁹ Juričkova I. Les invasions slaves au sud du Danube d'après les trésors monétaires en Bulgarie // Byzantinobulgaria. 1969. T. 3. P. 255—264.

¹⁰ Tărkova-Zaimova V. Les populations sédentaires et les tribus en migration face à la civilisation byzantine // ВНР. 1980. N 2. P. 58.

¹¹ Въжарова Ж. Славянски и славяно-български селища в българската земля от края на VI до X в. С., 1963. С. 115—120.

¹² Там же. С. 88—105; История на България. С., 1985. Т. 2. С. 47.

¹³ Иванова О.В. Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII—VIII веках // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей М., 1987. С. 56; Ангелов Д. Проблемы предгосударственного периода на территории будущего Болгарского государства // Там же. С. 7—15.

¹⁴ Литаврин Г.Г. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенезис народов Балкан и Среднего Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 193—203.

¹⁵ Литаврин Г.Г. Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах // Этносоциальная и политическая структура... С. 39.

¹⁶ Тъпкова-Займова В. Нашествия.. С. 89; Bonev C. Les Antes et Byzance // EB. 1983. N 3. P. 117—118.

¹⁷ Войнов М. За първия допир на Аспаруховите българи и за датата на основаването на българската държава // ИИБИ Т. 6. С. 433—480; П. Петров (Петров П. Военно-полити-

ческие союзы болгарских славян в VII в. // Этносоциальная и политическая структура... С. 44—56) считает, что речь идет о других самостоятельных союзах между племенами.

¹⁷ Малингудис Ф. Славяно-греческий симбиоз в свете топонимии // ВВ. М., 1987. Т. 48. С. 44—52. Непринемлемым, однако, представляется мнение автора, что славяне были кочевниками в период их поселения на Балканах.

¹⁸ Димитров Д. Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна, 1987. С. 35.

¹⁹ История на България. Т. 2. С. 59; Петров П. Образувана на българската държава. С., 1981. С. 138.

²⁰ Заимов Й. Старобългарските лични имена Безмер, Гостун и Маломир // ИИБЕ. Т. 11. С. 449—453.

²¹ Тъпкова-Заимова В., Войнов М. България на Аспарух и България на Кубер // Воен.-ист. сб. 1982 №5. С. 47—56. Ср.: Werner J. Der Schatz eines avarischen Kagans der 7. Jahrhunderts aus Vrap (Albanien) // Проблеми на прабългарската история и култура. С. 1989. С. 19—31.

²² Димитров Д. Указ. соч. С. 184—192.

²³ История на България. Т. 2. С. 95 и след. П. Петров (Петров П. Образуване... С. 209, 282) поддерживает тезис о союзнических отношениях между болгарами и славянскими объединениями. Заключение договора он датирует 680 г. Другого мнения придерживается Г.Г. Литаврин (Литаврин Г.Г. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства // Раннефеодальные государства... С. 132—138). См. также основное исследование: Войнов М. Указ. соч. С. 453—480, 472, табл. Ср.: Тъпкова-Заимова В. Genèse des peuples balkaniques et formation de leurs états // Variorum Reprints. L., 1979. Т. 20. Р. 1—15.

²⁴ Димитров Д. Указ. соч. С. 136, 146.

^{24а} Бешевлиев В. Първобългарите. С., 1981. С. 39; Москов М. Именник на българските ханове: (Ново тълкуване). С., 1988. С. 368.

²⁵ Тъпкова-Заимова В., Бакалов Г. Византийският държавен модел // Българо-гръцки симпозиум. М., 1988.

²⁶ Ловмянский Г. Происхождение славянских государств // Вопр. истории. 1972. №12. С. 190.

²⁷ Цит. по: Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 20.

²⁸ Генчев С. Народна култура и этнография. С., 1984. С. 80.

²⁹ Ангелов Д. Образуване на българската народност. С., 1971. С. 351.

Е. К О Й Ч Е В А , Н . К О Ч Е В

БОЛГАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО С СЕРЕДИНЫ VIII ДО КОНЦА IX В.

В истории средневековой Болгарии время от середины VIII до конца IX в. можно условно разделить на три периода, каждый из которых отличался определенными особенностями как в развитии внутреннополитической и этнической структуры государства, так и в формировании системы его внешнеполитических контактов. Первый период охватывает время от середины до конца VIII в., второй — от начала до середины IX в. (до крещения) и третий соответствует времени правления князя Бориса. Для этих периодов характерны следующие факторы общественного развития: эволюция института власти, разделение функций между протоболгарской и славянской аристократией в управлении; дуализм военно-административного устройства государства; изменения его международного положения; развитие фео-

далных отношений; принятие крещения и превращение Болгарии в христианскую державу.

По протоболгарскому обычному праву власть переходила от отца к старшему сыну, однако в условиях династических междоусобиц в третьей четверти VIII в. и постоянных войн с Византией этот принцип наследования не мог сохраниться. Сколько ни скучен материал источников, он тем не менее ясно свидетельствует о перерывах в тех родовых линиях, по которым передавалась ханская власть в болгарском обществе. Во второй половине VIII в. менее чем за 50 лет на троне сменилось 9 правителей. Хотя абсолютизм не был присущ ханской власти, нет сведений, что ею обладали представители каких-либо других этносов, кроме протоболгарского. Как отмечал А.М. Хазанов, "долгое время в Европе доминировали объединения номадов", в которых одно племя преобладало над другим как в отношении даннической зависимости, так и в идеологии¹. Не умаляя численного состава и государственно-творческих устремлений славянского элемента, следует отметить, что на этом раннем этапе доминировали ханская идеология протоболгар и их родовая военно-иерархическая структура. В источниках нет сведений о том, что в середине VIII в. часть протоболгарской элиты покровительствовала славянам до такой степени, чтобы позволить им выдвинуть своего кандидата на ханский трон². Это не исключало возможности славянам из окрестностей столицы принять участие в созванном протоболгарами в 766 г. собрании — коцбёвтов. Его участники выступили против проводимой ханом Сабином внешней политики, целью которой была нормализация отношений с Византией путем мирных переговоров³.

Нет сомнений в том, что протоболгарские и славянские племенные вожди, которые являлись одновременно и военными предводителями, составляли разные уровни господствующего класса в болгарском раннефеодальном обществе. Во второй половине VIII в. для этого общества была характерна известная автономия расположенных на периферии страны славянских племенных объединений. Подвластные своим князьям, они имели союзные обязательства перед центральной властью в Плиске, важнейшими из которых были: "становиться под общие боевые знамена" и защищать границы государств. Византийская историография отмечала, что в июне 763 г. болгарский хан Телец "взял в качестве союзников 20 000 от соседних племен, поставил их в укреплениях и обезопасил себя", а когда византийский император Константин V Копроним с войском достиг Анхиала, хан вышел против него, имея "союзниками немалое множество славян"⁴. Спустя год (в 764 г.) этот же император с помощью посланных тайно в Болгию людей "схватил князя северов Славуна, который причинил много зла во Фракии"⁵. Хотя некоторые исследователи считают Славуна независимым племенным князем, его действия, направленные на включение в болгарские границы славянского населения Фракии, не только не противоречили болгарской внешней политике, но, вероятно, спо-

* Редколлегия полагает, что это заключение цитируемого автора для VII – IX вв является преувеличением

существовали ее осуществлению в этом районе. Князь Славун (по византийской терминологии — архонт) стоял во главе славянского племени северов. Оно входило в состав славяно-болгарского государства и охраняло важнейшие восточные проходы через Стара-Планину, которые вели на север к центру Болгарии — столице Плиске, а на юг — к Северной Фракии и области Загора⁶.

Включала ли Славиния северов одно или больше племен, сказать трудно. Ясно только, что славяне трех историко-географических областей (Мизии, Фракии и Македонии) имели свои социальные формы этнической общности. Такой формой, как свидетельствуют источники, были, в частности, Славинии⁷. Но структура этих общностей, определяемых в историографии различно (как "племенные княжества", "территориальные союзы", "предгосударственные формы" и т.д.), в период с VII по X в. претерпела известную эволюцию. Славянские объединения Мизии вошли в состав славяно-болгарского государства, что не могло не повлиять на их структурно-функциональное построение. Поэтому византийские авторы не упоминают о существовании здесь "Славиний". Пока они продолжали существовать в составе "Семи родов", или "Семи племен", вряд ли их можно уподобить Славиниям во Фракии, чья политическая активность была сведена до минимума. Что же касается Славиний в Македонии, то они сохраняли свою внутреннюю автономию и более устойчивую структуру до окончательного присоединения к Болгарии или включения в фемную организацию Византии⁸.

Подобно тому, как Юстиниан II Ринотмет в 688 г. выступил в поход против македонских славян, Константин V Копроним в 758—759 гг. "пленил Славинии в Македонии"⁹. Чтобы отвлечь внимание Византии от славян в юго-западных частях Балканского полуострова, болгарские правители — хан Кардам в 789 и хан Крум в 808 г. — предприняли нападение в область р. Струмы, а в 809 г. на Сердику¹⁰. В этих районах Славинии представляли собой военные территориально-политические союзы, в которых славяне, хотя и играли важную роль, но туда входило также протоболгарское и другое языческое население. Поэтому, кроме военно-политического, территориального и этнического значения, термин "Славиния", наверное, имел и конфессиональное содержание, обозначая территории, заселенные преимущественно языческим населением.

Размывание этнической структуры Славиний не могло не отразиться на их общественно-политической организации. На этот процесс оказали влияние и домогательства соседних государств — Болгарии и Византии. Выражались они как в предпринимаемых военных походах (в 773 г. хана Телерига против Берзитии, в 783 г. византийского военачальника Ставракия против славян в Солуни в Фессалии), так и в колонизационных мерах Византийской империи. В 810 г. император Никифор I Гепик приказал переселить целыми семьями ромеев "из всех фем в Славинии"¹¹. Деструктивное воздействие на славянские политические объединения оказывали и постоянные бегство и миграция населения из той или иной области. Между 761 и 763 гг., во время династических междуусобиц у болгар, множество славян (208 тыс.,

согласно патриарху Никифору) перешли на сторону византийского императора, который поселил их в Малой Азии¹². Может быть, до этого они составляли часть населения черноморских восточно-фракийских крепостей и их хинтерланда — Загоры. Они постоянно страдали от болгаро-византийских военных столкновений во второй половине VIII в. Для разрушения этнолитической структуры славянского населения в болгарских землях имело значение как включение их в централизованную государственную организацию, так и создание с середины VIII в. системы постоянных поселений протоболгар¹³. Протоболгары и славяне на этом этапе смогли сохранить свои специфические социокультурные формы этнического общения, их слияние было продолжительным процессом, углублявшимся в последующие столетия.

В начале IX в. начинается новый этап исторического развития Болгарского государства, который характеризуется территориальным расширением, укреплением авторитета ханской власти и утверждением владетельской идеологии, преодолением племенного партикуляризма и созданием общегосударственных институтов, ростом роли славянского элемента и утверждением феодальных отношений.

Политический подъем Болгарского государства в первой половине IX в. в значительной степени связан с расширением его территории, которое происходило главным образом в северо-западном и юго-западном направлениях, где, кроме славянского, имелось греческое и значительное по численности протоболгарское население. Активной внешней политике Болгарии теперь противостояли не только Византия, но и западный мир. С 807 г. почти до самой смерти Крума в 814 г. фактически ежегодно происходили болгаро-византийские столкновения во Фракии (вплоть до района р. Струмы). Во время своих походов болгары захватили стратегически важные города и крепости — Сердику, Девельт, Месемврию, Адрианополь, а Анхиал, Вероя, Проват, Филиппополь, Филиппи были покинуты христианским населением¹⁴. В ходе войн византийцев с болгарами во Фракии решался вопрос о господстве на Балканском полуострове. При наследниках хана Крума — Омуртаге (814—831 гг.), Маламире (831—836 гг.) и Пресиане (836—852 гг.) — Болгария сумела утвердить свою власть не только над большей частью завоеванных крепостей во Фракии и Македонии, но и на северо-западе над отделившимися от Болгарии в 818 г. славянскими племенами абодритов, тимочан и браницевцев¹⁵. Памятниками болгарского величия в этот период являются выбитые на камнях надписи (своеобразная историко-летописная традиция). Надписям присущ торжественно-победоносный тон: они отражают триумф болгарского оружия. "Пусть бог даст, — говорится в Чаталарской надписи, — поставленному богом правителю прожить в радости и веселье сто лет", попирая ногами императора, пока течет Тicha и пока (солнце светит), владея многими болгарами и подчиняя врагов своих¹⁶.

В первых десятилетиях IX в. укреплялся и институт ханской власти. Утверждался наследственный принцип. Титулатура правителя дополнилась эпитетами "великий" (*ὕψηγή*), формулой "от бога правитель" (*ὁ ἐκ θεοῦ ὄρχων*) и этонимом "болгары" (*τῶν βουλγάρων*).

имевшим определенный территориально-политический смысл¹⁷. Все это свидетельствует о возрастании авторитета ханской власти, восходившей к древнетюркской государственной традиции. Хан являлся высшим военачальником, законодателем и судьей, который своими постановлениями (например, законы Крума) не только узаконивал социальное неравенство, но и стремился заменить нормы обычного права общей для всей страны правовой системой.

Создание сильной центральной власти предполагало преодоление сепаратистских тенденций в управлении. ТERRиториальное расширение страны с начала IX в. обусловило проведение административных реформ. Военно-племенное устройство начало заменяться территориально-административным, подчиненным центральной военно-монархической власти¹⁸. Первые попытки в этом направлении предпринял Крум (803—814 гг.), который поставил в завоеванных к югу от Балканских гор территориях трех видных вельмож: своего брата, имевшего титул кавхана, ичургу боила Тука для управления "правой стороной", а боила кавхана Иратанса — для управления "левой". В их подчинении находились стратиги¹⁹. В Хамбарлийской надписи, которая содержит эти сведения, кроме противопоставления "власть" — "подчинение", упомянуто и характерное для тюркских народов деление войска на правое и левое крыло с зависимостью левого крыла от правого²⁰. Следовательно, военно-административная структура присоединенных к Болгарскому государству земель соответствовала бинарным оппозициям, господствовавшим в тюркском обществе. В данном случае кавхан был помощником правителя, а ичирку боил и боил кавхан являлись наместниками хана в областях, где были сосредоточены значительные воинские силы. Им были подчинены бывшие византийские стратиги, принадлежавшие к старой имперской администрации и имевшие различное этническое происхождение²¹.

Эта половинчатость административной реформы Крума, продиктованная, с одной стороны, тем обстоятельством, что она осуществлялась только в присоединенных областях, а с другой — тем, что она явилась сочетанием протоболгарской и византийской военно-административных организаций, была преодолена при Омуртаге (814—831). Тогда на севере от Дуная, вдоль болгаро-франкской границы, были созданы 5 территориально-административных областей, центры которых назывались *civitates*²². Были созданы крупные военно-административные и гражданские подразделения — комитаты, более мелкими были, по-видимому, жупы. Власть в них принадлежала комитам, тарканам и жупанам. Некоторые ученые допускают, что «на огромных пространствах от Среднего Дуная и Тисы до нижнего течения Днепра и от Карпат до Эгейского моря были расположены комитаты: Дунайско-Тисский, Белградский, Браницевский, Видинский, Средецкий, Девольский, Доростольский, Днепровский и др. Все они как венец окружали болгарские земли в Мизии и Фракии, выделенные в главную самостоятельную единицу, известную под названием "Центр", или "Внутренняя область". Комитаты имели значение не только как административные области, но и как пограничные военные рубежи, которые принимали на себя удары внешних врагов и только тогда, когда

они не могли справиться собственными силами, привлекались центральные войска»²³.

Главным результатом военно-административных реформ Крума и Омуртага была замена родоплеменных институтов общегосударственными, которые были подчинены непосредственно центральной власти. Высший управленческий аппарат комплектовался из среды аристократии, имевшей протоболгарские титулы. Первыми людьми в государстве были кавхан и ичиргу боил, титулы которых были по-жизненными²⁴. Хотя их носители являлись крупными земельными собственниками, обладателями движимого и недвижимого имущества, первичным и определяющим на этом этапе было их высокое общественное положение. Экономическая мощь была следствием их участия в управлении государством. В этой первой фазе своего формирования и консолидации болгарская феодальная аристократия была прежде всего служебной и наследственно-родовой, и только во вторую очередь — феодально-землевладельческой. Как в Византии и на европейском Западе в раннее средневековье, она получила свою феодальную собственность за счет высокого общественного положения, а не наоборот²⁵.

Следует отметить, что титулы кавхана и ичиргу боила носили представители высшей болярской (боилской) аристократии, из которой формировался государственный совет. Обладая самыми высокими рангами в центральном управлении, эти два высших сановника одновременно успешно исполняли роль дипломатических посланников и военных предводителей. Из-за недифференцированности функций в этот период ичиргу боил выступал и как военно-административный «правитель (топарх) внутренних крепостей (областей)».

Коловра одни ученые считают лицом, исполнявшим некие культово-обрядовые функции у протоболгар перед сражением, а другие полагают, что этот титул и производные от него (ичиргу коловр, канабоил коловр, багатур боил коловр), как и должностное звание тархан (олгу тархан, зера тархан, жупан тархан), имели военный характер²⁶. Изучая должность тархана, исследователи в последнее десятилетие воскресили старую точку зрения, согласно которой, тархан был правителем отдельной области или наместником хана в ней. Как представитель центральной власти, он зависел от хана, соединяя в своих руках нити военной и гражданской власти, подобно византийским военно-административным главам фем — стратигам²⁷. Некоторые специалисты даже высказывали смелое предположение, что в системе провинциального управления тархан имел более высокое положение, чем комит, и это объясняется тем обстоятельством, что тархан стоял во главе крупной военно-административной единицы, включавшей комитаты²⁸. Новый материал источников и его этимологическое толкование подтверждают или опровергнут все эти гипотезы, которые, однако, уже невозможно обосновывать ссылками на данные о роли тархана в обществе кочевников. Согласно упомянутым материалам, тарханы были облечены властью хана. В их обязанности входил сбор дани в стране, сами же они были освобождены от обложения данью и от телесных наказаний²⁹. Ныне признается очевидным нали-

ие в Болгарии стройной внутренней иерархии институтов, имевших военный характер. С середины IX в. все активнее действовали органы областного управления, организованные сообразно территориально-административному принципу деления. Верховные правители области назначались ханом как его наместники. Через них осуществлялась его верховная власть на всей территории страны.

До середины IX в. названия болгарских органов власти и титулов сохраняли свою протоболгарскую этимологическую основу. Как мы полагаем, это свидетельствовало о государственно-политическом потенциале протоболгарского этноса, который, подчинив славянские племена и подавив проявлявшиеся у славян тенденции к созданию или упрочению самостоятельных военно-политических объединений, придал отчетливый протоболгарский (турецкий) характер и самой государственно-административной системе, и общественно-политической терминологии раннефеодальной Болгарии. Ее институты и титулы имели архаичный облик: они сложились далеко на северо-востоке от Дунайской дельты и сохранились в ранней Болгарии в своей протоболгарской форме. Они ясно выделялись на фоне римско-византийской управленческой системы, резко отличаясь от нее и своими тюркскими традициями, и специфическим юридическим содержанием.

Результатом территориального расширения Болгарского государства в первых десятилетиях IX в. была интеграция многих славянских племен в политическую систему, возглавляемую протоболгарами. Увеличивалось число деревень, складывался город не только как особый вид поселения, но и как аккумулятор материальных и духовных ценностей общества, нашедших отражение в монументальной архитектуре, в бытовой и ремесленной культуре и в историко-литописной традиции. Выражением политической зрелости Болгарского государства в этот период было более активное включение славянской аристократии в управление страной. Представителем этой аристократии был славянский вельможа Драгомир, который в 812—813 гг. участвовал в посольстве хана Крума к византийскому императору³⁰. Этот же болгарский правитель после победы над императором Никифором в 811 г. заставлял славянских вождей (архонтов) пить с ним из чаши, сделанной из черепа погибшего императора³¹.

В результате присоединения многих славянских племен к Болгарскому государству, происшедшего, по мнению некоторых ученых, мирным путем (например, в 842—843 гг. к Болгарии присоединились берзиты, стримонцы, драгувиты), в первой половине IX в. в среде протоболгар углубились дезинтеграционные этногенетические процессы³². Славяне и их объединения выступали как некий "адаптивно-адаптирующий механизм". С одной стороны, они приспосабливались к власти протоболгар, а с другой — воздействовали на них всей спецификой своей общественно-культурной жизни. Они определили язык, культуру и этнический характер и болгарской народности, и всей "алканской славянской региональной общности"³³.

Однако к 60-м годам IX в. указанные выше процессы были еще дале-

ки от своего завершения: окончательное превращение Болгарии в централизованное раннесредневековое государство и оформление раннефеодальной болгарской народности³⁴ произошло в течение примерно полустолетия после принятия христианства в 864/65 г.

Сначала напомним о ходе важнейших событий, связанных с христианизацией Болгарии. Находясь в союзе с Восточно-Франкским королевством, направленном против Византии и Великой Моравии (оба государства были между собой также в союзе), Болгария при вторжении в ее пределы византийского войска в 863 г. оказалась неготовой к сопротивлению и запросила мира. При заключении договора Борис обязался принять крещение от Византии. В 864 г. состоялся официальный акт крещения. Византийская сторона, однако, несмотря на все усилия Бориса, не принимала мер к созданию особой церковной организации в Болгарии как самостоятельном государстве. В 865 г. Борису пришлось жестоко подавить мятеж части протоболгарской знати, стремившейся восстановить язычество. В 867—870 гг. в Болгарии действовали римские священнослужители, призванные Борисом вместо изгнанных византийских. Однако и папа уклонялся от предоставления болгарской церкви архиепископского статуса на условиях, которые Борис считал приемлемыми, и государь Болгарии снова обратил свои взоры к Византии.

О дальнейших событиях будет сказано ниже в связи с их концептуальной интерпретацией, в которой мы усматриваем главную задачу данной главы.

Христианизация Болгарии была несомненно тем крупным поворотом в ее истории, который окончательно определил главное направление будущего общественного и культурного развития страны. Несмотря на то, что этот акт был рассмотрен в науке, казалось бы, всесторонне, в его истолковании, по нашему мнению, еще немало тенденциозного: как правило, принятые во внимание лишь объективные (социальные и политические) факторы и полностью игнорированы субъективные (в частности, и в работах Г.Г. Литаврина).

Нельзя считать убедительным на сегодняшний день также решение вопроса о причинах введения христианства в Болгарии в качестве официального культа. Необходимо рассмотреть все мотивы "за" и "против", следует найти объяснение и тому факту, что самим византийским деятелям (в частности, партиарху Фотию) относительно быстрая христианизация Болгарии представлялась неожиданной и непонятной³⁵.

Г.Г. Литаврин справедливо отметил очевидное противоречие. с одной стороны, длительно, несмотря на тесный двухсотлетний контакт Болгарии с Византией, неприятие новой религии, а с другой — быстрое утверждение в стране христианства — едва в течение двух третей столетия. Причины этого несоответствия Г.Г. Литаврин видит в том, что христианство долго представляло в глазах болгар религию смертельно опасного врага, сопротивление же его введению было относительно слабым и непродолжительным потому, что к моменту крещения социальные отношения в стране были на высокой ступени развития, уже упрочилась система централизованной эксплуатации и

народ не связывал ухудшение условий своей жизни с принятием новой религии.

К этому хотелось бы добавить, что и само проникновение в Болгарию христианства до крещения имело, по всей вероятности, более широкие масштабы, чем это принято думать. Противники этого тезиса указывают обычно на два обстоятельства: на то, что реликты язычества наблюдались в Болгарии в течение нескольких веков, и на то, что сам Борис, опасаясь гнева своих языческих подданных, принял крещение тайно в своем дворце³⁶.

Что касается реликтов язычества в Болгарии XI–XII вв., то не следует забывать, что христианизация широких масс была не единовременным актом а процессом; не исключено, что остатки язычества были теперь, после крещения, наполнены новым, христианским содержанием. Разного рода следы языческих пережитков в христианско-церковных ритуалах³⁷ можно отыскать и в наши дни, когда о приверженности к язычеству не может быть и речи.

Известия Феофана и Скилицы о тайном крещении Бориса мы расцениваем как недостоверные. Ведь за несколько лет до крещения князь открыто сообщал Людовику Немецкому, что хочет креститься, а тот писал об этом папе³⁸. В мирном договоре, заключенном Болгарией с Византией, одна из статей предусматривала принятие христианства Борисом, причем именно от Византии³⁹. Невозможно было скрыть от болгар ни этот замысел, ни приезд священников во дворец. Крещение Бориса не могло быть тайной ни как идея, ни как акт. Самое большое — он ожидал удобного момента, зная, что противники крещения имеются. Скорее всего Борис уже был христианином еще до официального акта крещения страны, для осуществления которого и прибыли духовники из Константинополя. Мы не разделяем мнения П. Петрова^{39а}, что в сообщениях монахов-хронистов явно пропасть гендеренциозность, которую необходимо учитывать: они будто бы стремились возвеличить роль христианства посредством преувеличения силы сопротивления язычников, чтобы подчеркнуть всемогущество креста.

Христианство к середине IX в. уже пустило глубокие корни в стране⁴⁰ в среде и болгар, и славян, хотя многие из них исповедовали учение Христа тайно. За спиной Бориса стояла огромная часть феодальной аристократии, войска и администрации — это были силы, на которые он опирался и в 863 г., когда решил крестить страну, и в 864 г., когда совершал крещение, и в 865 г., когда подавлял бунт⁴¹.

Нельзя, конечно, отрицать, что Борис применил силу в отношении тех, кто не хотел менять веру. Но история едва ли засвидетельствует крупные общественные перемены, которые были бы осуществлены без пролития крови и встречены всеми с "букетами цветов".

Борис знал, что сопротивление будет, но он знал и то, что оно вполне преодолимо. Иначе не объяснить, почему он, как и его отец Пресиан, позволял христианам еще до официального крещения свободно проповедовать их веру и даже основывать в Болгарии монастыри⁴².

Без учета личности Бориса не могут найти удовлетворительного

объяснения ни события, предшествовавшие крещению, ни последовавшие за ним.

Делая упор на формировании "объективных предпосылок" крещения Болгарии, нередко указывают на постепенное проникновение в страну христианских атрибутов, отражавшихся в титулатуре ханов, в регалиях их власти, в ритуале, в оформлении официальных надписей⁴³ и т.д. Но все это свидетельствовало не о постепенном отходе от старой религии и внедрении новой религиозно-мировоззренческой системы, а о стремлении к политическому равенству в общении с Византийской империей.

Подобного рода "объективные" предпосылки могли бы накапливаться веками, если бы не фактор сугубо "субъективный" — появление такого деятеля, как Борис. Все его действия отмечены глубоким пониманием ситуации и продуманностью каждого шага. Вряд ли можно думать, что Борис не учитывал и социальную сторону принятия христианства или не понимал его значения для международных отношений Болгарии⁴⁴. Но едва ли князь был бы столь активен в отношениях с Византией и папством в стремлении к созданию собственной церкви, если бы он действовал только благодаря давлению внутренних и внешних обстоятельств. Если бы им двигали только государственно-дипломатические соображения, вряд ли он надел бы власяничу монаха, хотя при этом он и не порывал со двором.

Размышления Бориса были гораздо более глубокими, а планы — более обширными. Он знал, что сохранение язычества стало тормозом развития, что оно способно завести в тупик все болгарское общество. Он оказался тем крупным деятелем, который был в состоянии вывести народ на путь прогрессивного развития, полностью осознать, что христианство в качестве общей идеологической основы может обеспечить условия для утверждения единой болгарской народности, предпосылки к образованию которой уже были налицо.

Остановимся подробнее на проблеме проникновения в Болгарское государство христианского учения до решения хана Бориса крестить своих подданных. Проблема эта ставилась в науке многократно, но решалась она нередко односторонне. Недостаточно уделялось внимания и тому факту, что в первой половине IX в. в Болгарском государстве существовали три религиозных течения. Христианство проникало в Болгарию не только через пленных христиан-римеев, но путями, не засвидетельствованными в источниках. Известную формулу ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων, принятую болгарским языческим правителем едва ли можно объяснить только подражанием византийско-ῳ ἐκ θεοῦ βασιλεύς, а также представлениями протоболгар и славян верхновном божестве — Тенгри или Перуне. Существующие объяснения этого заимствования не отвечают на вопрос, почему до IX в. болгарский ханский двор не принимал указанной формулы (не принял ее и Крум, который положил начало серии успешных военных походов против Византии), хотя эта формула, несомненно, была ему известна. Видимо, и в политике болгарских правителей было необходимо количественное накопление, которое привело бы к качественным переменам. Это накопление, впрочем, было результатом не только

военных успехов болгар в действиях против империи, но и культурного влияния Византии. Болгарский ханский двор, не отвергая пока утвердившихся в Византии представлений о различиях в титуловании главы государства ("vasilevs" для империи и "архонт" для нехристианских правителей), шел все-таки в направлении к сближению через принятые формулы ḥęk θęoū ḫęxwu. Поставленная в рамки язычества, она имела ограниченное содержание, так как язычество во всем его многообразии лишено единой вероисповедной нормы. Народ поклонялся разным божествам, соотносимым с отдельными природными стихиями и явлениями. Отсюда и представления об едином верховном божестве весьма относительны. Поэтому названная формула в контексте протоболгарского и славянского политеизма предстает во всей ее абсурдности, так как могла быть связана с разными божествами. Воспринимая титул "от бога архонт", болгарские правители преследовали не только внутригосударственные цели (место правителя в системе власти), они стремились к изменениям своего статуса в политических взаимоотношениях с соседними христианскими государствами. Не предпринимая попыток превратить в монотеизм свой собственный политеизм, болгарские ханы добивались равенства с василевсом посредством идеи о происхождении их власти от бога, т.е. той идеи, которой не знало язычество, но которую содержало христианское учение, господствовавшее не только в Византии, но и в государствах Запада. Иначе говоря, болгарские ханы, не принимая христианства в качестве религии, использовали его для своих дипломатических акций.

Таким образом, применение формулы ḥęk θęoū ḫęxwu стало элементом международной политики Болгарского государства с конца первой четверти IX в. Дело отнюдь не сводилось только к культурному влиянию империи, суть состояла в политической необходимости.

Вероисповедная трихотомия в Болгарском государстве изжила себя. С первой половины IX в. в связи с ней встало немало тяжелых вопросов перед ханской властью. Протоболгарское и славянское язычество по своей сущности и форме не отвечало потребностям, диктуемым общественным развитием. Оно не обладало способностью санкционировать утверждавшиеся общественные отношения, разделяло народы по религиозному принципу, усиливало их этническую обособленность. Вместе с тем как форма исповедания оно ставило под сомнение престиж страны в ее дипломатических контактах с Византией и с западными христианскими государствами.

Болгарский ханский двор еще не мог, однако, оценить возможности христианства. Его приверженцы преследовались ханами Крумом, Омуртагом и Маламиром. Согласно Феофилакту Охридскому, Маламир велел умертвить своего брата Енравоту, который принял христианство под влиянием плененного Крумом ромея Киннама. Гонения против приверженцев христианства были смягчены лишь при хане Пресиане. Впрочем, вероисповедная нетерпимость по отношению к утверждающемуся новому вероисповеданию носила в Болгарии в период от Крума до Пресиана эпизодический характер: она то вспыхивала (например, при бегстве пленных христиан в Византию), то ослаб-

бевала. Гонения начались в сущности после понесенного от империи поражения в 814 г.⁴⁵ Они были направлены прежде всего против византийцев, находившихся на болгарской службе⁴⁶, т.е. имели превентивный характер.

Для укрепления позиций христианства в болгарском обществе имел значение заключенный Омуртагом с Византией 30-летний мир. Он сыграл для Болгарского государства благодетельную роль, так как в это время все усилия хана были направлены на укрепление западных границ, тем более, что Франкская держава оказалась притягательным центром для некоторых подвластных хану славянских племен, в частности тимочан. Между тем христианство внутри страны усиливало свои позиции, его приверженцы не преследовались Пресианом. Возводились христианские культовые здания. В Болгарии действовали христианские проповедники. Мирный договор с Византией в 815 или в начале 816 г., как и позднейший договор Бориса с Людовиком Немецким, показал, что и в языческой Болгарии религия начала играть политическую роль: в первом случае болгарский правитель давал клятву по христианскому ритуалу, а византийский император — по нормам протоболгарского язычества⁴⁷. С позиций вероисповедания и для одной, и для другой стороны клятвы не имели никакой силы, но в рамках дипломатических отношений они свидетельствуют о поиске гарантий соблюдения договоров. При заключении договора Бориса с Людовиком Немецким болгарский правитель выразил желание стать христианином⁴⁸. Можно предполагать, что и в данном случае Борис давал клятву по-христиански.

Одновременно с укреплением позиций христианства проявилась в Болгарии и тенденция к дальнейшему укреплению центральной власти, менялось и "распределение" сфер влияния между славянским и протоболгарским элементами. При раскопках в Плиске не обнаружено следов славянского язычества⁴⁹, хотя в то же время там несомненно имели место смешанные браки⁵⁰. В семье протоболгарских ханов появились славянские имена: сыновьями Омуртага были Енравота, Звиница, Маламир. Сын Бориса назывался Росате-Владимир. Появлялись топонимы и гидронимы славянского происхождения. В администрации между тем укреплялся протоболгарский элемент. Всемерная централизация государственной власти ханским двором началась раньше, чем встал вопрос об официальном принятии христианства и о замене Славиний комитатами. В связи с этим нам представляется близким к истине утверждение В. Бешевлиева⁵¹, что хан Крум после своих военных успехов "стал истинным монархом". Дальнейшее развитие административного строя Болгарии подтверждает это представление. Едва ли, впрочем, можно допускать, что ханский двор считал при этом образцом христианскую Византию или какое-либо западное государство. То обстоятельство, что Крум сосредоточивал в своих руках государственную власть и власть верховного жреца, показывает, что отказ от старого языческого принципа (правитель являлся одновременно и верховным понтификом) не входил в намерения болгарского государя. Не пренебрегая фактом вероисповедной трихотомии, хан был охвачен идеей обеспечить единение протобол-

гар и славян путем создания единой этнокультурной общности. С целью пресечь центробежные устремления славян, тяготевших к Франкской державе, Омуртаг предпринял попытку заключить мирный договор с Людовиком Благочестивым⁵², и его план в конце концов увенчался успехом⁵³. Тем самым болгарскому правителю удалось не только упрочить государство, но и заложить основы консолидации славяно-болгарской народности. В результате этой политики уже при Пресиане некоторые славянские объединения в юго-западной части Балканского полуострова были склонны присоединиться к Болгарскому государству, так как "в этом государстве они постепенно обретали этническое преобладание и были на пути преобразования Болгарии в преимущественно славянское государство"⁵⁴.

Самым серьезным препятствием на пути консолидации славяно-болгарской народности оставался вероисповедный плюрализм, который при Пресиане укрепился еще более, поскольку, как было сказано выше, христианство не преследовалось, а славянское и протоболгарское язычество мирно уживались друг с другом. Перед политической властью в столице стояли две главные проблемы: ликвидация этнического дуализма в административной сфере и ликвидация вероисповедного плюрализма. Если первая проблема имела скорее внутриполитическое значение, то вторая была целиком связана со сферой внешней политики. Первая проблема находила отчасти свое решение путем заключения смешанных браков, вторая требовала более кардинальных средств. Стирание этнических границ между протоболгарами и славянами могло произойти, сколь ни долго они проживали совместно, лишь через разрушение вероисповедного барьера между обоими этносами, через утверждение единого мировоззрения, для которого этническая принадлежность не имела бы значения. Не на последнем по значению месте стояли при этом расчеты на углубление политических и культурных контактов как с Византией, так и с западными державами. Таким образом, государственно-административный, этнокультурный и внешнеполитический факторы предопределили применение формулы πρώτος ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων⁵⁵ по отношению к первому болгарскому правителю еще до его официального перехода в христианство. Крещение, по праву считающееся центральным событием в истории Болгарии IX в., было подготовлено объективным ходом событий в первой половине IX столетия. Но при этом имел значение и субъективный фактор, роль которого была особенно заметной в период подготовки к крещению, в период осмыслиения внутренней и внешней политики Болгарского государства и мировоззренческих установок самого христианства.

Язычество в его протоболгарской и славянской формах сковывало творческие возможности народа. Длительное совместное проживание протоболгар и славян не привело к созданию единой синcretичной религии⁵⁶. Протоболгарская и славянская мифология не содержала идей, способных регулировать человеческие взаимоотношения, как на это были способны даже греческий и римский политеизмы. Языческие жертвоприношения протоболгар и славян были по существу не средством устройства жизни, а скорее ее отрицанием.

Чем далее, тем более язычество обрекало страну на отсталость. Согласно свидетельству Черноризца Храбра, до крещения болгары писали "чертами и резами", тогда как в соседней Византии существовала высокоразвитая культура, которая возвышала подданных империи над окружавшими ее народами, была способна и к адаптации античного культурного наследия, и к созданию и приумножению новых духовных ценностей.

Борис понял, что он сможет, превратив с помощью своей власти христианство в государственную религию, высвободить творческие силы народа для его социального и культурного развития⁵⁷.

Разумеется, Борис отдавал себе отчет и в том, что принятие христианства выведет страну на новый международный уровень. Политические и дипломатические контакты болгарского правителя с Константинополем, папством и Восточно-Франкским королевством сделали Болгарское государство не объектом завоевания, а политическим и культурным партнером.

Решая вопрос, от кого принять церковную супремацию, от Рима или Константинополя, Борис принимал во внимание отнюдь не только вероисповедный, но и политический фактор. С вероисповедной точки зрения в данном случае вопроса не существовало: и в том, и в другом случае духовенство было бы представлено иноземным клиром. С точки же зрения политической, игра на обострившихся противоречиях между Римом и Константинополем открывала перспективу создания независимой церкви, предстоятель которой имел бы резиденцию в столице Болгарии и был бы подчинен главе Болгарского государства. Позиция Константинополя была со временем осмысlena Борисом как более гибкая и перспективная, тогда как ему не могло не быть известно, что со времени правления Карла Великого глава западной церкви — папа, не только не зависел от светских правителей, но сам вмешивался в их дела⁵⁸. Крещение было лишь ступенью к возышению Болгарии. Духовенство страны совершило богослужение на чужом языке, оно было в подчинении то у папства, то у патриарха. Необходимы были новые усилия, и Борис их предпринял.

В 869—870 гг. в Константинополе был создан церковный собор (согласно римско-католической традиции, VIII Вселенский), решавший проблемы отношений между двумя крупнейшими центрами христианства⁵⁹, в том числе вопрос о том, в чей церковный диоцез должно входить Болгарское государство. Принятое на этот счет решение собора⁶⁰ было сформулировано недостаточно четко: оно давало возможность Риму толковать его в свою пользу⁶¹. Однако в начале марта 870 г., уже после заседаний собора, при содействии послов Бориса, было признано справедливым подчинение болгарской церкви не папству, а константинопольской патриархии.

Это решение, обещавшее Борису большую свободу действий, позволило ему удалить из Болгарии римских священников и снова заменить их византийскими. Однако его главная цель — создание независимой церкви — достигнута не была. Болгарской церкви был предоставлен статус автономии во главе с архиепископом, которого рукополагал константинопольский патриарх⁶². Канонический (юри-

дической) независимости (автокефалии) болгарская церковь не получила.

Принятие христианства предопределяло, однако, и торжество идей новой модели государства. Эта модель включала, по представлениям цивилизованного общества того времени, непременное наличие независимого от внешних конфессиональных центров церковного руководителя. Для болгарского князя, впрочем, и архиепископия сначала была успехом. В сущности князь Борис на первых порах и не требовал большего, так как церковный титул "архиепископ" был признан отвечающим уровню государства во главе с "князем". Тем более что болгарская церковь лишь名义上 была подвластна константинопольской патриархии. На практике уже в правление Бориса не только архиепископ, но и подчиненные ему архиереи и низшие священнослужители назначались и назначались по воле князя, так как согласно утвердившимся в самой Византии представлениям, нашедшим отражение в юридическом византийском сборнике Исадоге (ранее ошибочно его называли Эпанагогой), церковный представитель должен был быть подчинен государю. Красноречивые примеры этого имеются в "Житии св. Наума" и особенно в "Житии св. Климента Охридского". Престарелый Климент просил, конечно в соответствии с установившейся традицией, не своего архиепископа (церковного главу) об освобождении от епископского сана, а болгарского князя Симеона, которому он, согласно автору Жития, приписывал роль посредника между собой и богом: "Благочестивейший царь, противилось мне тело при трудах и заботах, труднее государственных, в чем я убежден; оставить же Церковь Божию, которую ты вручил мне, пользуясь, как рукою, своею властью, казалось, по всем меркам предосудительным.. Поскольку же ты видишь, как меня угнетает старость... позаботься о церкви и поставь в Дом Господа имеющего достаточно и телесной и духовной силы и более молодого, который принял бы церковные заботы..."⁶³.

Борис не прекращал борьбы за автокефалию. На византийского архиепископа Стефана⁶⁴ смотрели как на временную фигуру. Необходимо было создание кадров собственного, болгарского духовенства. Его обучение только в Константинополе не могло решить проблему: такое положение дел было чревато перерывом культурной традиции в Болгарии (даже если она была языческой в предшествующий крещению период) и грозило стране лишением ее возможности создания собственных христианских культурных центров.

Отнюдь не случайным было не только усиленное строительство Борисом христианских храмов, но и создание при них школ. В этом князь подражал империи, хотя в строительстве не были забыты и местные традиции.

Наиболее важными препятствиями на пути к духовному подъему страны были иноязычное духовенство и греческое богослужение. Преодолению этого барьера содействовали два обстоятельства. Это, во-первых, результаты следующего церковного собора, созванного в Константинополе в 879/80 г. Встреча высших представителей западной и восточной церквей должна была в связи с новым постановле-

нием Фотия в качестве патриарха Константинополя снять тяготевшую над ним анафему папы. Римский первосвященник Иоанн VIII через своих легатов выдвинул условием снятия анафемы и обсуждения других вопросов требование о передаче болгарской церкви под верховную власть Рима⁶⁵.

Церковно-политические планы византийского двора вынудили его уступить папе. Собор решил, что "константинопольский патриарх не имеет права рукополагать и посыпать омофор за пределы своей епархии. Болгария же — вне ее"⁶⁶. На деле такое заявление означало признание, что болгарская церковь находится вне диоцеза константинопольской патриархии⁶⁷.

Однако ни Фотий, ни представители других восточных церквей не были заинтересованы в изменении статуса болгарской церкви. По их мнению, окончательно решить вопрос о территориальных пределах церковной власти мог только император. Эта позиция Фотия побудила Иоанна VIII в 880 г. обратиться к императору Василию I с просьбой о содействии в выполнении решения вопроса о передаче болгарской церкви под власть Рима⁶⁸. Но император юридически не имел права распоряжаться церковью независимого государства.

Хозяином положения в такой ситуации становился Борис. Он воспользовался решением собора об исключении болгарской церкви из диоцеза константинопольской патриархии, но не собирался и включать Болгарию в диоцез Рима. Хотя юридически предоставление автокефалии не было оформлено, фактически Борис истолковал дело именно в этом духе: патриарх не поставлял главу болгарской церкви (не посыпал омофор) и не имел власти над болгарской церковью.

Во-первых, в 886 г. в Болгарию прибыли ученики Кирилла и Мефодия, а в 893 г. началось удаление греческого языка из богослужения и дипломатии — явление не менее революционное, чем отказ от язычества и принятие христианства. Именно тогда был заложен прочный фундамент для строительства собственной болгарской средневековой культуры, предпосылки ее "золотого века" при Симеоне. И глава государства поступал в данном вопросе столь же самовластно, как и при крещении Болгарии и при определении статуса и судеб болгарской церкви. И это право Бориса не ставилось под вопрос ни папой, ни патриархом. Опираясь на достижения Бориса и собственные успехи, Симеон пошел дальше по пути утверждения независимости болгарской церкви от константинопольской патриархии.

¹Хазанов А.М. Роль рабства в процессах классобразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М., 1976. С. 276.

²Fine J. The early medieval Balkans. Michigan, 1983. P. 76.

³ГИБИ. Т. 3. С. 271. Новая хронология предложена в кн.: МОСКОВ М. Именник на българските ханове. (Ново тълкуване). С., 1988. С. 318—327. О термине κομβέντον см.: Georgiev P. Encore sur l'origine du mot komenton // ЕВ. 1988. 2. Р. 87—92; Μαλιγκούδης Φ. Σάρβοι από μεσαιωνική Ελλάδα. Θεσσαλονίκη. 1988. Σ. 41—42.

⁴ТИБИ. Т. 3. С. 271, 303; Станилов С. Славяните в Първото царство. Варна, 1986. С. 57.

⁵ТИБИ. Т. 3. С. 272.

⁶Дуйчев И. Българско средновековие. С., 1972. С. 73; Мутафчиев П. Книга за българите. С., 1987. С. 71—72, 95—96.

- ⁷Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 21; Литаврин Г.Г. Славяне VII–IX вв — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 193—203.
- ⁸Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985. С. 87—89, 290—291; Иванова О.В. Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII–VIII вв // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 62—65.
- ⁹ТИБИ. Т. 3. С. 270.
- ¹⁰Там же. С. 276, 279.
- ¹¹Там же. С. 280; ЛИБИ. Т. 2. С. 267. Литаврин Г.Г. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в) // Развитие этнического самосознания... С. 65.
- ¹²ГИБИ. Т. 3. С. 271, 303.
- ¹³Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черно море. С., 1987. С. 207—208.
- ¹⁴ГИБИ. Т. 3. С. 279, 284, 287, 289.
- ¹⁵Ангелов П. Българската средневековна дипломатия. С., 1988. С. 84.
- ¹⁶Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С., 1979. С. 201; Каймакамова М. Българо-византийските войни (края на VII — началото на XI в.) в светлината на българското летописание // Воен.-ист. сб. 1983 № 5. С. 68—84.
- ¹⁷Бакалов Г. Средневековният български владетел (титулatura и инсигнии). С., 1985. С. 85—96.
- ¹⁸Giuzlev V. Allgemeine Charakteristic und Etappen der Errichtung der militärischen und administrativen Verwaltung des Ersten Bulgarischen Staates (VII.–bis X. Jh.) // EB. 1978. 3 P. 74.
- ¹⁹Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 173—174.
- ²⁰Ерслан К. К вопросу о названиях огузских племен Боз-ос и Ъс-ос // Сов. тюркология. 1987. 3. С. 28.
- ²¹Бартикан Р.М. У истоков армяно-болгарского сотрудничества (по лапидарным надписям ханов Крума и Омуртага) // Сборник в памет на проф. Станчо Вакинов С., 1984. С. 40—45.
- ²²Люзелев В. Средневековна България в светлината на нови извори. С., 1981. С. 73—74.
- ²³Коларов Х. Средневековната българска държава (уредба, характеристика, отношения със съседните народи). Търново, 1977. С. 8.
- ²⁴Люзелев В. Функциите и ролята на кавханите в живота на Първата българска държава (VII–XI в.) // ГСУ. ФИФ. 1966. Т. X. № 3. С. 33—57; Он же. Ичиргу боилите на Първата българска държава (VII–XI в.) // ГСУ. ФИФ. 1971. Т. 15, № 3. С. 125—178; Симеонов Б. Титульная практика в ханской Болгарии: происхождение, структура и значение праболгарских титулов в период между VII и X веками // Linguistique Balkanique. 1981. N 2. P. 31—40.
- ²⁵Люзелев В. Ичиргу... С. 161.
- ²⁶Первое из этих мнений представлено в исследовании: Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 64—65. О тархане см.: Там же. С. 67—68; Он же. Първобългарите: Бит и культура. С., 1981. С. 52. Другая точка зрения (о коловре и тархане как о военных лицах) встречается в кн.: Венедиков И. Военного и административного устройства на България през IX и X век С., 1979. С. 41—44, 57—62. Два этих титула рассматриваются и в работе: Симеонов Б. Титульная практика... // Linguistique Balkanique. 1981. N 2. P. 45; N 3. P. 53—56.
- ²⁷Венедиков И. Указ. соч. С. 61.
- ²⁸Андреев Й. Нарышская надпись князя Симеона и административное устройство болгарского государства в конце IX и начале X в. // EB. 1978. № 3. Р. 121—131.
- ²⁹Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок Алма-Ата, 1984. С. 152; Гафуров А. Имя и история М., 1987. С. 95—96, 194.
- ³⁰ГИБИ. Т. 3. С. 285.
- ³¹Там же. С. 283.
- ³²Ангелов Д. Образование на българската народност. С., 1972. С. 225, 238—262.
- ³³Живков Т. Етнокультурно единство и фольклор С., 1987. С. 63—67.
- ³⁴Подробнее см.: Ангелов Д. Указ. соч.
- ³⁵Иречек К. История на Българите. С., 1978. С. 172.

- ³⁶Бурмов А. Против буржуазно-идеалистичеките становища по вопроса за налагането на християнството в България през IX в. // ИП. 1954. Кн. 2. С. 49; Петров П. Покръстяването на българите // ИП. 1965. Кн. 3. С. 53; Литаврин Г.Г. Введение христианства в Болгарии (IX – начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 43–44.
- ³⁷Иванова О.В. Распространение христианства у славян в Византии (VII–X вв.) // Принятие христианства...; Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 33.
- ³⁸ЛИБИ. Т. 2. С. 287, 62; Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 43.
- ³⁹Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 42–43.
- ^{39а}Петров П. Указ. соч. С. 54.
- ⁴⁰Бурмов А. Указ. соч.; Петров П. Указ. соч. С. 41; Георгиев Е. По въпроса за христианизирането на средневековна България // ИП. 1954. Кн. 5; Ангелов Д. По някои въпроси около покръстването на българите // ИП. 1965. Кн. 6.; Иванова О.В. Указ. соч.; Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 40 и след.
- ⁴¹Петров П. Указ. соч. С. 54.
- ⁴²Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 40 и след.; Бурмов А. Указ. соч. С. 47–48.
- ⁴³Бешевлиев В. Първобълагире: Бит и култура. С. 70, 72, 74, 76.
- ⁴⁴Литаврин Г.Г. Введение христианства..
- ⁴⁵Ср.: Бешевлиев В. Първобългарите. С., 1984. С. 137.
- ⁴⁶Там же. С. 138, 204.
- ⁴⁷Там же. С. 143.
- ⁴⁸Ср.: войнов М. Някон въпроси във връзка с образуването на българската държава и покръстването на българите // ИИБИ. 1962. Т. 10. С. 288, примеч. 45.
- ⁴⁹Ср.: Литаврин Г.Г. Религия и политика в Болгарии накануне и в период утверждения христианства (VIII – конец IX в.) // X Междунар. съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор слав. народов. М., 1980. С. 84; Он же. Введение христианства.. С. 33–34.
- ⁵⁰Гюзелев В. Княз Борис Първи. С., 1969. С. 396.
- ⁵¹Бешевлиев В. Прабългарите. С. 129.
- ⁵²Подробнее см.: Там же. С. 150.
- ⁵³Там же. С. 152.
- ⁵⁴Там же. С. 159.
- ⁵⁵Гюзелев В. Средневековна България в светлината на нови извори. С., 1981. С. 57.
- ⁵⁶Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 36. Автор не исключает возможности синкретизма.
- ⁵⁷Там же. С. 40.
- ⁵⁸Курбатов Г.Л., Флоров Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь. Л., 1988. С. 162.
- ⁵⁹Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 54.
- ⁶⁰ГИБИ. Т. 4. С. 116; ЛИБИ. Т. 2. С. 131.
- ⁶¹Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 53–54; Гюзелев В. Княз... С. 236.
- ⁶²Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 56, примеч. 78.
- ⁶³Милев А. Гръцките жития на Климент Охридски. С., 1966. С. 137–139.
- ⁶⁴Согласно списку XIV в. "Сказания о железном кресте" архиепископ назван не Стефаном, а Иосифом. См.: Ангелов Б. Сказание за железния крест // Старобългарска литература. С., 1971. Кн. 1. С 121–155.
- ⁶⁵ГИБИ. Т. 4. С. 115–116.
- ⁶⁶Там же. С. 116–117.
- ⁶⁷Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 58.
- ⁶⁸ЛИБИ. Т. 2. С. 177; Литаврин Г.Г. Введение христианства.. С. 58.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ В СРЕДНЕМ ПОДУНАВЬЕ

Среднее Подунавье в VIII в. представляло собой особый регион, характеризующийся общностью протекавших в нем процессов. Гегемоном в политическом и в определенном смысле культурном отношении здесь была Аварская держава, однако она была окружена сильными славянскими этносами и к тому же сильно славянизирована. Во второй половине VII в. Аварский хаганат из первоначально кочевого стал державой с земледельческим, этнически преимущественно славянским населением. Экономическая, политическая и этническая стабильность державы определялась тем, что ее жители независимо от своего происхождения явно ощущали себя "аварами". Выражалось это в своеобразном культурном единстве, которое не может быть определено этнически однозначно, археологических памятников области погребений с трупоположениями, где присутствуют наборы литых бронзовых украшений. Однако стабильность не была твердой, держава жила замкнутой жизнью, не имея ни сил, ни внутренних стимулов для экспансии, характерной для старого хаганата в VI и даже в VII в. Поэтому она не была опасным соседом ни для Византии, ни для лангобардской Италии, с которыми хаганат сохранял часто обновляемый "вечный мир", так что не было причин, по которым византийские или лангобардские письменные источники упоминали бы о нем. В VIII в. мы почти ничего не знаем не только о самом государстве, но и о соседних с ним славянах. Положение изменилось только в самом конце VIII в., когда Среднее Подунавье стало объектом экспансии Франкской державы. Тогда в письменных источниках вдруг появляются упоминания о ряде славянских политических образований во главе с князьями, расположенных в Карпатской котловине и по соседству с ней.

Исключение составляют карантанцы¹, о которых мы информированы на протяжении всего VIII в. благодаря тому, что они вклинивались между аварами, лангобардами в Фриуле и баварами. Карантанцы возникли из группы, проникшей уже в 70—80-х годах VI в. в Восточные Альпы, которая в 593 и 595 гг. столкнулась на Верхней Драве с германским племенем баваров. Здесь, в окрестностях древнего города Вируна, где затем возник Крнский Град, несомненно был центр формирующегося gens Carantanorum. Это название зафиксировано только в конце VIII в. в "Космографии" Павла Диакона, однако уже в начале VII в. в источниках фигурирует князь "славянской марки", которая может быть отождествлена только с территорией карантанцев. Поэтому возникновение племени можно отнести к самому началу VII в.

Карантанцы сначала зависели от аваров; уже в 595 г. авары поддержали их в борьбе против баваров, а в первом десятилетии VII в. "славяне", скорее всего карантанцы, воевали на стороне аваров с лангобардами. Положение изменилось с началом восстания Само (вероят-

но, после 626 г.), в котором карантанцы, несомненно, приняли участие. Хотя Само не был карантанским князем, как написано в баварском сочинении *Conversio*² на основе поздних *Gesta Dagoberti*, стратегический план похода Дагоберта против Само в 631—632 гг. ясно указывает, что он считал карантанцев частью военных сил Само. То, что они тогда были независимы от аваров, также следует из истории группы болгар, союзных аварам, которые после смерти хагана в 630 г. попытались захватить власть в хаганате, однако были вынуждены бежать к Дагоберту в Баварию. Дагоберт же приказал их предательски убить. От резни спасся лишь Альциок с 700 семьями; он направился в "марку венедов", где потом и жил долгие годы со своими людьми у князя Валлука. Эту историю записал Фредегар³, а Павел Диакон рассказывает о том, что в 663—664 гг. болгарский князь Альзеко со всем своим войском пришел к лангобардскому королю Гримоальду⁴. Конечно, Альзеко тождествен Альциоку⁵. Это означает, что Альциок находился в Карантании у Валлука до самого распада "Державы Само" после его смерти в 658/59 г.

Валлук, очевидно "владыка"⁶, явно был вождем переселявшегося народа и первым князем образовавшегося племени. У нас нет никаких оснований считать карантанцев союзом малых племен. Они выступают всегда как единое племя и их последовательно отличали от их соседей, особенно от карниольцев, живших по Верхней Саве, племени, которое следует считать возникшим самостоятельно.

В VIII в. карниольцы, вероятно, попали в зависимость от аваров, давлению Аварской державы подверглись и карантанцы. Когда в 741—743 гг. авары предприняли поход в Карантанию, местному князю Боруту не осталось ничего другого, как обратиться с просьбой о помощи к баварскому герцогу Одило⁷. Баваро-карантанские войска нанесли поражение аварам, однако Борута должен был признать баварский суверенитет. Договор был скреплен выдачей заложников, в Баварию был отвезен сын Боруты Какатиус (Горазд) и племянник Хотимир. *Conversio* утверждает, что Борута хотел, чтобы они стали христианами, но это вызывает сомнения, потому что Борута сам не принял крещения. Заложники воспитывались в Химзее, где тогда уже, очевидно, был монастырь, населенный шотландско-ирландскими монахами. Монастырь был основан ирландцем Виргилием, который в 747 г. стал вторым епископом Зальцбурга. Там был крещен Хотимир и, очевидно, сын Боруты Горазд. Когда в 750 г. умер Борута, карантанцы попросили отпустить Горазда и с разрешения Пипина, который тогда управлял Баварией, поставили его своим князем. Однако он правил лишь три года, ему наследовал Хотимир, которого карантанцы называли так же, как и Горазда, из Баварии.

Если Горазд, хотя он и был крещен, ничего не предпринял для распространения христианства, то Хотимир действовал иначе. Из Баварии с ним пришел священник, следовательно, князь был решительно намерен участвовать в христианских обрядах, а "по прошествии некоторого времени" почувствовал себя настолько сильным, что стал и распространять христианство. По просьбе Хотимира Виргилий послал в Карантанию хорепископа Модеста с миссионерами. Об их

деятельности нам известно лишь то, что Модест освятил три церкви, названия которых приведены в *Conversio*, "и многие другие"⁸. В наличии этих многих церквей можно по праву сомневаться; из поименованных церквей одна находилась в Госпе Свенте у Крнского града, т.е. в центре княжества, вторая — в старой античной Теурнии (у Шпиттала), третья "ad Undrimas" — где-то в окрестностях Книттельда и Юденбурга. Первые две церкви восстанавливали традицию старого римского центра *Norica Mediterranea*, который одновременно был резиденцией епископа. Поэтому часто встречается мнение, что зальцбургская миссия была там прямо связана с традициями христианства, которые в этих местах сохранялись с VI в. Однако это всего лишь ничем не подтвержденное предположение⁹, оба места были также центрами карантанцев, т.е. имел место континуитет функций центров, а не церковного управления. *Conversio* ничего не говорит о том, кто основал и наделил эти церкви землей и доходами, однако их размещение в центрах княжеской власти показывает, что строителем был князь. По сообщению *Conversio*, Хотимир обещал, что он будет "служить" зальцбургскому епископу. "Так он учил и совершал здесь (в Зальцбурге. — Д.Т.) каждый год свою службу (*suum servitium persolvebat*) и всю жизнь познавал там христианское учение и обязанности христианина (*doctrinam et officiam christianitatis*)"¹⁰.

Servitium может также означать дань, поэтому часто считали, что Хотимир ежегодно платил Зальцбургу какой-то церковный сбор — десятину или что-либо подобное¹¹. Есть свидетельство, относящееся к 864 г., о настоящей дани, которую народ Карагантии и местный граф всегда платили зальцбургскому епископу, когда тот приходил лично проповедовать в страну¹². Если связать два эти сообщения, то это означало бы, что уже Хотимир наложил на свой народ дань, а также то, что народ был хотя бы формально окрещен. Однако это весьма произвольная интерпретация. Дань, собранная в 864 г., была не ежегодной, а единовременной, обязательство Хотимира (*servitium*) нужно понимать так, что он ежегодно посещал Зальцбург для участия в богослужении (*officium*) и получения наставления христианском образе жизни (*doctrina*)¹³. Иными словами, речь шла о личном обязательстве князя, хотя и единичном случае в истории христианизации славян, однако вполне понятном в ситуации, когда князь был единственным или одним из немногих христиан в языческой стране.

Очевидно, деятельность миссии, возглавлявшейся Модестом, была весьма ограниченной, и ее единственной опорой были князь и его ближайшее окружение. Вряд ли возможно предполагать, что в это время произошло массовое "официальное" крещение народа. Поэтому также нельзя рассматривать восстание, разразившееся в 753 г. после смерти Модеста, лишь как протест народа против насильственной христианизации. В *Conversio* оно обозначено как *carmila*. Этот баварский правовой термин в данном случае означает восстание против баварского герцога, точнее, против его ставленника Хотимира. Оно действительно было направлено прежде всего против баваров и было скорее всего подавлено герцогом Тассилем III. Через два года восстание повторилось. Кто подавил его на этот раз, мы не знаем, но вряд

ли это был Хотимир. Когда в 769 г. он умер, карантанцы восстали снова, и Тассило потребовалось три года для того, чтобы их вновь подчинить. В 772 г. на трон сел Вальтунк (его имя, по-видимому, также передает славянский термин "владыка"), скорее всего как баварский ставленник. Вальтунк до 784 г. постоянно приглашал миссии, сменявшие друг друга. Больших успехов они не добились. Примерно в 785—799 гг. в Карантании действовала группа миссионеров во главе со священником Инго, о котором *Conversio* рассказывает, что он звал к своему столу христиан, хотя бы и рабов, а их хозяев-язычников оставлял есть снаружи. Это привело к тому, что они крестились "и христианская вера потом процветала"¹⁴.

Поступок Инго полностью отвечал предписаниям, действовавшим в баварской миссии, которая запрет общей трапезы христиан с язычниками хотела использовать как мирное, но единственное средство давления для принятия крещения¹⁵. Следовательно, еще в конце VIII в. христианство в Карантании не преобладало не только в народе, но и среди высших слоев общества. Таким образом, ни Хотимири, ни Вальтунку, ни их преемникам явно не удалось до потери независимости в 828 г. осуществить массовое крещение всего народа. Это также означает, что они не смогли полностью сломить власть племенных институтов и сделать первый шаг к созданию государства. Такая тенденция безусловно существовала, она проявилась прежде всего в принятии христианства князем. Но в Карантании процесс создания государства так и не завершился ко времени включения княжества в состав Франкской державы.

Как выглядели карантанские племенные институты, мы знаем потому, что некоторые из них сохранились и после перехода власти к франкским графам. Это прежде всего особый обряд интронизации князя и специфическая социальная группа, участвовавшая в его осуществлении.

Обряд интронизации¹⁶ сохранился в Карантании до XV в. как церемония принятия населением немецкого герцога страны. Согласно дополнению к "Швабскому зерцалу"¹⁷, избрание немецкого герцога в XI в. проходило следующим образом. Сначала собирались зделинги, которые на своих местных судебных собраниях избирали представителей на общее собрание всех зделингов страны. На нем избирался земский судья, который руководил дальнейшим ходом собрания. Он представлял нового герцога и спрашивал собрание, является ли тот "полезным, добрым и желанным". Если ответ был отрицательным, то Священная Римская империя должна была представить иного кандидата. Если собрание принимало предложенного кандидата, то сразу же приступали к его интронизации. Все собравшиеся отправлялись на Госпосветское поле под Крнским Градом, где стоял каменный престол. Герцог надевал крестьянскую одежду, его сажали на кобылу и троекратно обводили ее вокруг престола, причем присутствующие пели по-славянски "Кирие элейсон". После этого герцога торжественно сажали на престол.

Здесь речь идет собственно о двух актах: о "выборах" и об интронизации. Круг избирателей ограничен социальной группой, называемой

в иностранных источниках эделингами, ариманнами или либертина-ми, местное название звучало как косезы¹⁸. Это были свободные воины неблагородного происхождения, первоначально сидевшие на земле герцога, но обращавшиеся с ней, как с аллодом. Они были организованы по округам с собственными судами, высшим для всех округов был суд "земского судьи". Таким образом, это была группа, оставшаяся во времен старого, предгосударственного управления. Именно она имела право выбирать; свободные крестьяне, также сохранявшиеся в Карантании в большом количестве, его не имели. Поэтому еще в племенном обществе косезы должны были быть слоем, отличавшимся от простых свободных членов племени, очевидно благодаря тому, что они были прежде всего воинами. Л. Гауптман¹⁹ сделал попытку трактовать их как остаток господствующего слоя хорватов, которые когда-то подчинили карантанцев, однако эта гипотеза не подтвердилась в дальнейшей дискуссии. Б. Графенауэр²⁰ считал, что речь шла о членах княжеской дружины, т.е. о части господствующего слоя карантанского государства, которая включала в себя и аристократию, но в отличие от косезов она не сохранилась после присоединения к Франкской империи. Последнее вряд ли возможно, дружины всегда состояли из профессиональных воинов, которые сами не обрабатывали землю, тогда как косезов можно рассматривать самое большое как "agrarii milites" (так Видукинд называл воинов, посаженных на землю). Поэтому здесь скорее можно думать о слое воинов-всадников, занимающихся крестьянским трудом, существование которых у славян в предгосударственный период доказал Х. Ловмиянский²¹. Это означало бы, что карантанского князя избирали лишь эти воины и знать. Таким образом, предгосударственное племенное общество у славян было более дифференцированным, чем до сих пор казалось. О происхождении этого слоя у карантанцев говорит и его название, очевидно производное от аварского (турецкого) *quazaq* — "свободный, разбойник, кочевник". Это означает, что речь идет не об аварском институте периода господства аваров над карантанскими славянами, а лишь о нововозникшем слое воинов карантанского княжества, которые переняли аварское название свободного воина. Также слово "вityazь", обозначающее этих воинов у других славян, имеет неславянское происхождение.

Второй акт карантанского обряда — посажение на каменный престол. Он стоял на лугу между Крнским Градом и собором Девы Марии в Госпа Свента. Этот престол далеко не единственный у славян и в остальной Европе²². Представляется, что соответствующий обряд возведения правителя на каменный престол, сохранившийся везде там, где до конца средневековья жили традиции предгосударственного управления, связан с очень старыми идеологическими представлениями о правителе, уходящими своими корнями скорее всего в индоевропейскую древность.

Об остальных славянах Среднего Подунавья письменные источники в VIII в. молчат. К сожалению, и археологические памятники²³ не говорят ничего определенного. Несколько более ясное представление мы можем составить лишь о территории на северной окраине

Карпатской котловины, т.е. о Словакии, Моравии и Чехии. Это не в последнюю очередь обусловлено тем, что славяне в этот период использовали обряд трупосожжения, а также значительными неясностями в датировке памятников материальной культуры Аварской державы.

На севере характерной чертой культуры славянских племен в VIII в., кроме трупосожжения, является строительство городищ и большое количество находок в них шпор с крючками. Такие находки доказывают существование у этих славян многочисленной конницы, а также позволяют четко отличить их от аваров, которые никогда не носили шпор. Шпоры с крючком находят и к северу, и к востоку от Карпат, но их нет на юге, неизвестны там и славянские городища. Однако и здесь, в Посавье, Хорватии и Сербии, письменные источники уже в первые десятилетия IX в. говорят о градах как об обычном явлении; так же как и на севере, здесь являлось нормой, что князь обладал своим градом.

В последние десятилетия VIII в. во всей области Среднего Подунавья начали переходить к погребению по обряду трупоположения. Это приписывалось влиянию аваров, однако вряд ли по праву; также нельзя говорить и о христианском влиянии. Столь значительное изменение обычая, несомненно затрагивавшее не только погребальный обряд, явно отражало важные перемены во всем славянском обществе, но их сущность нам пока что неясна. Проявлением этих общественных перемен было почти что одновременное появление погребений с трупоположением, находящихся по краям Карпатской котловины, большей частью в труднодоступных местах и частично связанных с градами. Вблизи от этих градов находятся также богатые захоронения князей. Они составляют своеобразный горизонт находок, характеризующийся мечами так называемого переходного типа, шпорами с дисками типа Бискупья-Црквина и украшениями островного или каролингского стиля. Этот слой можно датировать 70—80-ми годами VIII в., т.е. временем до распада Аварской державы, а также до распространения интенсивных каролингских влияний в Среднем Подунавье. Появление таких памятников свидетельствует о существенных переменах в славянских племенных обществах во всем Среднем Подунавье, главной характерной чертой которых было формирование слоя княжеской аристократии.

Результаты произошедших изменений в письменных источниках отразились на поколение позднее, в связи с падением Аварской державы²⁴. На протяжении VIII в. авары жили в относительно добрых отношениях со своими западными соседями баварами и лангобардами, лишь изредка нарушавшимися мелкими конфликтами. Однако ситуация изменилась, когда Карл Великий занял в 774 г. лангобардскую Италию и присоединил Баварию. Аварты по праву видели в этом серьезную опасность, и после того как в 781 г. герцог Тассило был вынужден подчиниться Карлу, аварское войско уже на следующий же год появилось на пограничной р. Энс и устроило там как бы демонстрацию силы. Это привело, с одной стороны, к мирным переговорам с Карлом, с другой стороны, — к тому, что Тассило объединился с

аварами. Это не воспрепятствовало его детронизации в 788 г., однако авары напали одновременно на Баварию и Фриульскую марку. Этим хаган явно реагировал на присоединение Баварии, а также на детронизацию лангобардского короля Дезидерия в 774 г. Войска Карла легко отразили эти нападения, которые велись нерешительно и явно малыми силами, и в 791 г. совершили ответный большой поход. В нем приняли участие два войска: одно под предводительством самого Карла и другое, под командованием его сына Пипина, лангобардского короля. Пипин напал через "Иллирик", т.е. Посавье, на Паннонию и взял там аварское пограничное укрепление, находившееся где-то за Дравой. С войском Карла, направлявшимся от Венского леса к Рабу, шли и какие-то славяне: это были или сербы, уже в 789 г. участвовавшие в походе Карла против велетов, или чехи, через земли которых, несомненно с их согласия, прошла часть войск Карла.

Поход был успешным с военной точки зрения, однако в целом это была лишь пограничная война. Она не могла серьезно поколебать власть аваров. Поэтому саксы, готовившие восстание против Карла Великого, могли считать аваров союзниками, и даже сарацины на Иберийском полуострове питали надежды на ослабление империи Карла в результате войны с аварами. Эти надежды оказались напрасными. Уже непоследовательная реакция хагана и его окружения на франкскую угрозу в 782—790 гг. и неудача аварской обороны в 791 г. показали, что когда-то могущественная держава серьезно ослаблена внутренними противоречиями. Они сразу же проявились в 792 г., когда начались смуты, достигшие апогея в 795 г. с убийством хагана и его сакрального соправителя — югра.

О хаосе, воцарившемся в Аварской державе, свидетельствовало и то, что осенью 795 г. при дворе Карла появилось посольство тудуна одного из аварских племен, которое предлагало мир и свое подданство. Поэтому неудивительно, что в то же время отряду вассалов маркграфа Эрика из Фриуля под командованием "славянина Вономира" (скорее славянина на службе у Эрика, чем какого-то славянского князя из Крайны или из Посавья) удалось напасть на саму резиденцию хаганов и разграбить ее. Этот шок был необходим, чтобы авары избрали нового хагана. Но когда в 796 г. против хагана выступил Пипин, тот вышел ему навстречу и подчинился без боя. Пипин все же снова опустошил его ставку. Казалось, война была окончена, однако хаган не собирался мириться со своим положением и в 797 г. вновь начал войну. Тогда против аваров выступили два войска: одно лангобардское под командованием Эрика из Фриуля, которое встретилось с аварами и победило их, и второе — баварское, дополненное немногими лангобардами, под командованием Пипина, которое опустошило земли славян. Эти славяне, явно жившие в Посавье, были, следовательно, союзниками аваров.

Военные действия возобновлялись в 799 и 802 г., но об участии славян на чьей-либо стороне не было слышно. Лишь когда в 803 г. Карл Великий в Регенсбурге установил новые отношения в Аварии, одной из сторон, участвовавших в переговорах, были славяне, которые подчинились императору "со всем, что имели"²⁵. Это были прежде

всего те славяне, которые в 796 г. встали на сторону аваров, т.е. князья из Посавья.

Если до этого славяне, жившие у границ Аварской державы, лавировали между мощным аварским соседом и новой силой, которую представляли франки, то с 802 г. они стали считать судьбу аваров предрешенной. Некоторые подчинились франкам, однако все набросились на аваров. Для Карла это развитие ситуации, конечно, было неожиданным и нежеланным, он был заинтересован в сохранении аварской политической организации. Для захвата Аварии его сил было недостаточно, не было и человеческих и экономических ресурсов для колонизации аварских земель. Ему не оставалось ничего другого, как владеть Аварией посредством местных правителей. Действительно, уже в 805 г. он восстановил институт хагана и, окрестив его, принял во франкскую "семью королей".

Все это были планы, вообще не принимавшие славян во внимание. В 805 г. при дворе Карла появился один из аварских старейшин, уже крещеный капкан Теодор, просивший о выделении новых земель для обитания, поскольку на старых его народ не может жить из-за притеснений со стороны славян. Хотя имперские анналы утверждают, что он получил эти земли между Карунтом (Петронелл около Вены) и Саварией (Сомбатхей)²⁶, это скорее всего был первоначальный план, который не был осуществлен. Как письменные, так и археологические источники²⁷ свидетельствуют о том, что народ Теодора был поселен между Энсом и Венским лесом, на территории, которую авары до тех пор явно сознательно держали пустой. Таким образом возникло как бы буферное государство между баварской границей по Энсу и Аварией, задачей которого была охрана границ не столько от аваров, сколько от усилившимся славянских княжеств к северу от Дуная. Надзор над ним осуществляли префекты Баварии, а с 817 г. оно наряду с Карантанией и Чехией оказалось под контролем баварского королевства Людовика Немецкого. Тогда о населении этого государства говорилось как об "аварах и славянах, которые находятся в восточной части Баварии"²⁸.

Между тем нападения славянских князей на аваров переросли в войну на уничтожение, которая сделала практически невозможным осуществление плана Карла обновить Аварскую державу. В 811 г Карл был вынужден послать в Паннонию войско, которое должно было прекратить эту войну. Поскольку нападающей стороной, несомненно, были славяне, ясно, что это было сделано по просьбе аваров, т.е. речь собственно шла о попытке спасти аваров в соответствии с планом Карла. До военных действий дело не дошло, военноначальники убедили, наконец, представителей воюющих сторон отправиться к императору и подчиниться его третейскому суду²⁹. Аварское представительство на этих переговорах было второстепенным: о хагане уже ничего не слышно. Как высшие сановники в источниках фигурируют некий тудун, один из множества аварских младших начальников, и "князь аваров", который носил странный титул санізаці, т.е., очевидно, "камшауци" — шаман-пророк³⁰. Таким образом, вновь существовала некая диархия, точнее говоря, карикатура на нее, потому

что на месте хагана был всего лишь тудун, а югуря замещал какой-то шаман. Славяне были представлены "князьями, сидящими около Дуная", т.е. прежде всего теми, которые уже в 803 г. подчинились франкам, а также многими другими. Эти князья должны были править в окрестностях Паннонии, за которую шла борьба, и в сфере досягаемости франкских Баварии и Фриуля, поэтому можно думать о князьях Посавья или Каантании, менее правдоподобной была бы Моравия или Словакия, поскольку местные князья тогда еще сохраняли полную самостоятельность и вряд ли подчинились бы решению Карла. Какова бы ни была достигнутая договоренность, очевидно лишь то, что Карл аваров не спас. Славяне полностью разбили их политическую организацию, опиравшуюся уже только на остатки высшей аристократии. Это в полной мере относится к Паннонии, где авары как политическое образование последний раз фигурирует в 822 г., а также к Потисью, где, кроме славян, против аваров никто не выступал (в частности, не вел с ними борьбы болгарский хан Крум, как это иногда ошибочно предполагают)³¹.

В итоге вместо единого Аварского хаганата франкам неожиданно пришлось иметь дело с множеством славянских князей, боровшихся с аварами, а также между собой. Политические и этнические процессы проходили на всей этой обширной территории очень бурно, но не приобретали четких форм. Ни о каком прямом франкском управлении здесь нельзя было и думать; распространенное представление о том, что Карл уже в 803 г. создал на бывшей аварской территории единую "Восточную марку", явно ошибочно³². Бывшие аварские земли в Паннонии подлежали лишь военному контролю Баварии и Фриульской марки, причем граница между их зонами влияния проходила примерно по Драве. С 817 г. вся Паннония и Каантания очутились под контролем фриульских маркграфов Кадолага (799—819 гг.) и Бальдериха (819—828 гг.). В 828 г. было ликвидировано аварско-славянское княжество в Нижнеавстрийском Подунавье и на его месте возникла Восточная марка с Верхней Паннонией как предпольем. Также было ликвидировано Каантанское княжество, новая марка стала управляться непосредственно франкскими графами. Третья марка возникла в Крайне с Посавьем как предпольем

Также длительно развивалось церковное управление этой территорией³³. С самого начала войн с аварами в окружении Карла Великого рассчитывали на их христианизацию. В походе 796 г. приняли участие прямо заинтересованные в этом аквилейский патриарх Паулин и зальцбургский епископ Арно. Импровизированный синод на берегах Дуная проанализировал негативные последствия насильтвенного массового крещения саксов и безжалостного вымогательства десятины и под влиянием одного из первых советников Карла, Алкуина, избрал мирную "убеждающую" тактику и существенно упростил процедуру крещения. Также произошло разграничение территорий между миссиями. Еще в 796 г. Пипин дал Зальцбургу территорию между Рабом, Дунаем и Дравой, в 803 г. это подтвердил Карл. Когда в 798 г. Карл сделал Зальцбург архиепископством, он не в последнюю очередь имел в виду его миссионерские задачи. Первым его приказом

Арно уже как архиепископу было организовать миссию. При этом он питал явно несбыточные надежды, порожденные согласием аварских князей принять крещение, и хотел использовать миссию как средство превращения Аварии в христианское политическое образование, которое в будущем вошло бы в империю. Арно решил эту нереальную, как он хорошо понимал, задачу таким образом: для этой территории он поставил хорепископа Теодориха и определил в 799 г. его место-пребывание не в Паннонии, а в Карантании. *Conversio* говорит, что Арно вместе с Герольдом I, префектом Баварии, "передали его в руки князей" и определили ему как область его миссии, кроме Карантании, земли в Паннонии к северу (*Conversio* ошибочно сообщает, что к западу) от Дравы³⁴. В Карантании тогда правил один князь, скорее всего Прибыслав, поэтому нельзя исключить, что упомянутые князья были из Паннонии и были славянами. Хотя *Conversio* приписывает Теодорику (799 г. — позднее 821 г.) миссионерские заслуги в Паннонии, это явная ложь. Ни Теодорих, ни Арно из-за войн, продолжавшихся в Паннонии, не имели практически никакой возможности развить там какую-либо деятельность. У Арно, кроме того, были серьезные трудности и в собственной Баварии. Учреждая архиепископство, Карл также хотел способствовать распространению христианства в сельских местностях собственной империи. Сил архиепископа, однако, хватало лишь на постройку храмов. Обеспечить же их достаточным количеством священников он уже не мог. Постепенно в Зальцбурге выработалась своеобразная миссионерская методика, состоявшая в том, что в построенных храмах мессу служили лишь от случая к случаю; храмы собственно использовались лишь для торжественных крещений³⁵. Однако все это было осуществлено лишь позднее в Блатенском княжестве Прибины. О деятельности Теодориха и его преемников Отто (после 836 г?) и Осбальда (примерно до 863 г.) в Паннонии мы ничего не знаем, в княжестве Прибины действовали непосредственно зальцбургские архиепископы и их архипресвитеры. Так рухнул проект создания христианской Аварии, тем более, что в 20-е годы IX в. авары уже полностью исчезли. Христианизация славян не имела для Карла такого значения, как христианизация аваров. Продолжала свою деятельность лишь миссия в Карантании.

Основным объективным результатом войн Карла с аварами стало укрепление власти славянских князей. Князья, по большей части признавшие в 803 и 811 гг. созернитет Франкской империи, что на практике означало подчинение военному контролю маркграфов Фриуля или Баварии, использовали хаос в отношениях, возникших в период войн с аварами, для укрепления своей власти над славянскими племенами или их частями. Существовавшие здесь ранее племенные структуры этими войнами были по большей части нарушены или разбиты. Для освещения отношений, возникших в то время в Среднем Подунавье, особенно поучительна краткая история княжества Людовита в Посавье³⁶. Мы не знаем, когда оно возникло, известно лишь, что в 818 г. Людовит жаловался императору Людовику Благочестивому на жестокость и высокомерие Кадолага, маркграфа Фриульской марки, и собирался отпасть от империи. Людовик летом 819 г. выслал против

него войско под командованием Кадолага, которое ничего не совершило. Кадолаг умер на обратном пути. Это породило у Людовита надежды на примирение. Он предложил императору, что останется его подданным, однако на условиях, которые Людовик не хотел принять. Переговоры на удалились, и обе стороны стали готовиться к войне. Людовит разослал послов к соседним племенам, призывая к совместному сопротивлению. Ему удалось заключить союз с тимочанами, которые только что отложились от болгар и просили у императора защиты, а также с карниольцами. Реакция карантанцев не была единодушной, лишь часть из них перешла на сторону Людовита.

Переговоры с хорватскими князьями Борной и Драгомыслом (*Dragomosus*) были безуспешными несмотря на то, что Драгомысл был тестем Людовита. Поэтому Людовит решил силой принудить колеблющихся к согласию. Он послал войско в Карантанию, а сам с другим войском напал на хорватов. Отряды, посланные в Карантанию, в районе Дравы столкнулись с небольшими отрядами Бальдериха, преемника Кадолага, и были вынуждены отступить. Войско во главе с самим Людовитом дало бой на р. Кульпе, в котором пал Драгомысл, а Борну, которому изменили отряды гадчан, спасла от гибели его дружина (имперские анналы называют ее "преторианцами")³⁷. Гадчане, очевидно подчинившись Людовиту, вернулись домой, однако Борна, несомненно с помощью своих "преторианцев", вновь подчинил их себе.

В декабре Людовит предпринял ответный поход на земли Борны в Далмации. На этот раз Борна не положился на племенное ополчение, приказав лишь оборонять грады, где укрыли все свое имущество. Вместе со своей дружиной он стал вести очень эффективную "партизанскую" войну и в конце концов принудил Людовита возвратиться. Поэтому Борна мог сообщить императору, что он уничтожил тысячи мужей Людовита и захватил более трехсот коней. Это, конечно, преувеличение, но в анналах говорится о том, что Людовит пошел в Далмацию с большим войском, а значительное число захваченных коней показывает, что это было не обычное пешее ополчение, а отборная конница. Следовательно, Людовит располагал значительными силами конников, аналогичных "преторианцам" Борны, и был твердым орешком для одетых в броню воинов из армии франков.

В следующем году Людовик собрал большое войско, которое напало на Людовита в соответствии с обычной франкской стратегией тремя боевыми колоннами, первая из которых шла из Италии, вторая — через Карантанию, а третья обходила Альпы через Верхнюю Паннонию. Людовит оборонялся на границах с Италией и в Карантании, но не смог сдержать франков. Поэтому он укрылся в каком-то граде, построенном на крутом склоне, и выждал, не принимая бой и отвергая переговоры. Таким образом, явно не случайно он избрал единственную тактику, против которой франки всегда были беспомощны. Их войско, мучимое болезнями, было вынуждено вернуться, при этом Бальдерих вновь подчинил себе карниольцев и отложившуюся часть карантанцев. Однако у Людовита все еще было много союзников. В следующем походе, в 821 г., войско франков разорило земли Людовита и его союзников, но не дало решающего боя. Это

также было обычной тактикой франков, на этот раз она увенчалась успехом, так как повторное разорение и уничтожение урожая обычно обрекало противника на голод.

Князья-союзники не выдержали систематического разорения и покинули Людевита, что и привело в 822 г. к падению его власти. Еще до прихода неприятеля он покинул град Сисак и убежал, очевидно, лишь с дружиной, в Сербию. Там его принял один из сербских князей. Людевит пытался, конечно безрезультатно, вести переговоры с императором. Своего хозяина он отблагодарил тем, что коварно убил его и захватил его град. Однако он и здесь не выдержал и, когда земля стала гореть у него под ногами, убежал в Далмацию к дяде Борны, Людомыслу. Там Людевит в 823 г. был коварно убит Людомыслом.

Эта борьба развернулась между князьями, племена в ней играли второстепенную роль. Людевит, очевидно, не правил никаким племенем, его власть была самостоятельной, она ни в коем случае не исходила от племени, как это было в современной ему Карантании. Обычно считается, что Людевит был князем хорватов, живших в Посавье и отличавшихся от хорватов в Далмации, но это явная ошибка. Единственным подтверждением такой версии может служить путаный рассказ Константина Багрянородного³⁸ о победоносном восстании хорватов против франков. Традиция здесь перенесла в Хорватию события, связанные с Людевитом. Единственным основанием для подобной операции послужило убеждение, что в Паннонии Людевита также жили "хорваты". Так было в середине X в., когда была зафиксирована устная традиция и когда (по крайней мере с 925 г.) именно бывшее епископство в Сисаке (резиденции Людевита) находилось в юрисдикции сплитского архиепископства и хорватского правителя. Однако ясно, что так не было ни в начале, ни в третьей четверти IX в. Никакие хорваты тогда в Посавье не жили.

История Людевита также проливает свет на процессы образования государства у хорватов³⁹. Они, несомненно, уже давно были конституированным племенем. Согласно их легендам, записанным Константином Багрянородным⁴⁰, они пришли в Далмацию в 20-х годах VII в., что, несомненно, связано с восстанием Само. По Константину, их прародиной была Белая Хорватия на севере, которую Константин по ошибке поместил на территорию Чехии. Одна из версий легенды считает пришельцев челядью семи родных братьев во главе с эпонимом Хорватом, подчеркивая тем самым этническое единство хорватов. Другая версия утверждает, что во главе пришельцев стоял лишь один князь, не названный по имени, сыном которого должен был быть некий Порга. При нем хорваты якобы приняли крещение. Эта версия, наоборот, подчеркивает политическое единство этноса, обеспечивающее князем. Обе версии в принципе не противоречат одна другой, сильная княжеская власть не исключала полное и неограниченное функционирование племенных институтов.

Хотя этоним "хорваты" впервые зафиксирован в середине IX в.⁴¹, это вовсе не означает, что этногенез хорватов начался только в начале IX в.⁴² Старый по своему происхождению скорее всего, иранский этоним "хорваты" распространился по значительной части

славянской ойкумены благодаря миграциям части старого племени, носившего это имя в VI и в начале VII в. Поэтому представляется правдоподобным, что заселение хорватами Далмации было составной частью этих миграций и действительно приходится на начало VII в. Конечно иное дело, в какой мере в этническом, политическом и территориальном отношении племя хорватов совпадало с тем государственным образованием, которое примерно в середине IX в. называлось этим именем. Письменные источники здесь нам ничего не дают. Первыми прямыми сведениями о Хорватии (так еще не называемой) являются приведенные выше сообщения второго десятилетия IX в. о князе Борне и его родственниках. Что касается археологических источников, то они продвигают наши знания только до VIII в. и свидетельствуют о существовании уже в то время сильной княжеской власти на территории позднейшего хорватского государства.

Борна фигурирует как князь маленького племени гадчан в Либурнии, одновременно его называют князем Далмации и Либурнии. Следовательно, он не был племенным князем гадчан, главная опора его власти находилась в Далмации. Там было его богатство, которое он укрыл в своих градах перед набегом Людовита. Он вел войну не с помощью племенного ополчения, а с помощью своей дружины. Когда гадчане предали его и отложились от него, он вновь подчинил их с помощью своей дружины, т.е. он был их правителем, а не выборным племенным князем. Борна не был единственным князем в Далмации, там еще сидели в своих градах тесть Людовита Драгомысл и дядя Борны Людомысл, однако он, несомненно, был первым среди князей, хотя и связанным с определенным племенным образованием, но скорее с большим племенем хорватов, чем с каким-нибудь неизвестным малым племенем в Далмации. Когда в 821 г. он умер, то народ посадил на престол племянника Владислава "pelecnis populo et imperatore consente"⁴³, т.е. он был избран таким же образом, как карантанский князь. Таким образом, мы должны считать Борну племенным князем, но его поведение показывает, что, опираясь на свои грады и дружины, он был уже в значительной мере независим от племени. Таким образом его считали и франки, которые называли его князем земли, а не народа (за исключением гадчан, однако это было обусловлено рассказом имперских анналов, где предательство гадчан играло важную роль).

Несмотря на все это, трудно считать Далмацию и Либурнию Борны государством. Мы ничего не знаем о том, играли ли дружинники Борны какую-либо роль в зарождавшемся государственном управлении, отсутствует и такой важный критерий, как христианизация. Хотя Константин Багрянородный относит крещение хорватов ко времени правления второго князя хорватов Порги и императора Ираклия (610—641 гг.)⁴⁴, это вряд ли отвечает действительности. Ненадежна основанная лишь на стилистическом анализе датировка началом IX в. надписи на купели из Нина⁴⁵. Церковные постройки также не имеют надежной датировки. Поэтому первым, точно известным христианским князем мы должны считать преемника Владислава (821—835 гг.) Мислава (835—845 гг.). При Трпимире (около 845 г. — 864 г.) в Нине уже

было учреждено хорватское епископство⁴⁶. Одновременно грамота Трпимира от 852 г.⁴⁷, хотя и содержащая поздние интерполяции, но все же в целом достоверный документ, доказывает существование относительно развитого государственного аппарата. Следовательно, возникновение государства у хорватов следует относить ко второй четверти IX в.

На иной основе развивались отношения на северных окраинах Среднего Подунавья. Первым славянским племенем, с которым здесь столкнулся Карл Великий, были чехи⁴⁸. В чешской историографии установилось мнение, что Чешская котловина была тогда заселена многими (примерно одиннадцатью—пятнадцатью) малыми племенами, однако источники рисуют совершенно иную картину. Франки обозначали население Чешской котловины в IX в. старым кельтско-германским названием, образованным от названия страны: *Woio-haestet-Baiaeheim*. Здесь им был известен лишь этот единственный этнос и одновременно политическая единица (*gens*)⁴⁹. С другой стороны, им также было известно множество князей этих "бозманов". В целом можно сказать, что речь идет об одном большом племени, в рамках которого действовал ряд более или менее равноправных князей. Очевидно, верховным органом власти племени был сейм, на котором за князьями было решающее слово, однако, с другой стороны, они признавали его компетенцию, а его решения считали обязательными. При этом не исключено, что первоначально существовал один главный князь.

Первый из упоминающихся в источниках князей был, вероятно, именно таким главным правителем чехов. Уже в 791 г. часть войск Карла проходила в Аварию через Чехию, и не исключено, что чехи присоединились к этому походу. Затем по неизвестным нам причинам Карл решил подчинить чехов, с недавних пор соседствовавших с присоединенной им Баварией⁵⁰. В 805 г. он послал в Чехию большое войско по трем направлениям, которое соединилось на р. Огрже и оттуда проникло за Лабу, где осадило град Канбург (Канина около Мельника). В сражениях погиб князь "бозманов" Лехо. Его имя это. собственно титул (*lech*), обозначавший какую-то высшую должность. Конечно не исключено, что он был лишь одним из чешских князей, однако источники однозначно считают его главным, если не единственным князем. Поход не увенчался успехом, на следующий год он был повторен, но и на этот раз чехи не потерпели поражения. В конце концов чехам все же пришлось уступить, и в 806 или 807 г. они подчинились империи, обещав платить дань, по-видимому, Баварии, которая при разделе владений Карла Великого в 806 г. досталась Пипину. Поэтому чешская традиция говорит о том, что Чехию подчинил Пипин⁵¹. В 817 г. Людовик Немецкий вместе с баварским престолом унаследовал притязания на Чехию.

Тогда впервые в поле зрения империи франков попали Моравия и Словакия.

В 822 г. при дворе Людовика Благочестивого наряду с посланцами славян, живших на границах империи от Балтики до Сирмия, а также паннонских аваров впервые появились и посланцы мораван. В при-

сутствии графов с пограничья велись переговоры обо всех делах "восточных славян"⁵². Все славянские племена, приславшие посольства, были данниками империи, и мораване вряд ли были здесь исключением. Мы не знаем, когда они признали суверенитет империи, скорее всего это произошло после 817 г., потому что тогда они еще не фигурировали как часть баварского королевства Людовика Немецкого. Также нам неизвестно, что тогда происходило внутри племени.

Археологические источники показывают, что в конце VIII в. в Южной и Центральной Моравии, так же как и в Юго-Западной Словакии, произошли перемены, характерные для всего Среднего Подунавья, т.е. вновь сформировался слой князей, однако здесь это было изменением предшествующего положения. Уже в конце VII—VIII в. в этих районах существовал сильный слой конных воинов. Для них особенно характерны шпоры с крючком, которые находят в большом количестве на городищах и поселениях в Южной, а в последнее время и в Центральной Моравии и в части Юго-Западной Словакии. Самым значительным городищем того периода представляются Валы около Микульчиц⁵³. Это скорее всего был племенной центр с подградьем военно-дружинного характера и акрополем чисто княжеского типа, для которого характерна сильная концентрация ювелирных ремесел. Следовательно, речь идет о ситуации, аналогичной положению в Карантании, т.е. о племени во главе с сильным правителем, опирающимся на слой полупрофессиональных воинов и профессиональную дружины. В конце VIII в. микульчицкое городище было уничтожено, скорее всего в результате военных действий, тогда же происходит переход к захоронениям с трупоположением, причем появляются богатые могилы охарактеризованного выше горизонта Бискупия-Црквина, а немного позднее, около 800 г., были построены первые церкви в Микульчицах и в Модре, около Угерского Градиште⁵⁴. Все это указывает на глубокие изменения, в особенности касающиеся положения князей, совершившиеся в последние десятилетия VIII в. Они, очевидно, завершились междуусобицами и началом христианизации на рубеже столетий. Новую ситуацию иллюстрируют два события 30-х годов IX в. — официальное крещение Моравии и изгнание Прибины из Нитры.

Мы располагаем поздним, однако, основанным на надежных источниках сообщением о том, что в 831 г. пассауский епископ Регинхар окрестил "всех мораван"⁵⁵. Территория Моравии стала областью миссии Пассау еще в 796 г., в то время как Словакия входила в область миссии Зальцбурга, а около 800 г. в Моравии были построены первые церкви. Христианство проникло, помимо Пассау, также и из других мест, прежде всего из Италии и Далмации, и получало распространение главным образом среди князей. Официальное, массовое крещение "всех мораван", очевидно осуществленное Моймиром I, служит надежным доказательством того, что Моймир уже не был племенным князем.

Первый раз имя Моймира появляется именно в этот период, но не в связи с крещением, а в связи с его спором с князем Западной Словакии. *Conversio* говорит о "каком-то Прибине"⁵⁶, который был князем в

Нитре. Незадолго до 830 г. он заключил союз с франкскими графами, управлявшими Верхней Паннонией, и скрепил его браком с дочерью одного из них (очевидно, из рода Вильгельмов). Одним из условий договора было обещание Прибины принять крещение; и как катехумен он построил в Нитре церковь, которую освятил зальцбургский архиепископ Адальрам (821—836 гг)⁵⁷. Союз Прибины с франками привел к тому, что Моймир выступил против него (около 833 г.). Прибина был вынужден бежать и отправился со своей дружиной к графу Ратбоду, "на Дунай". Тот его представил Людовику Немецкому, который распорядился окрестить Прибину. Это произошло в Трайсмаузрне на Дунае.

Крещение не принесло Прибине никаких выгод. Людовик Немецкий явно не собирался ни вновь посадить славянского изгнаника в Нитре, ни удерживать его у себя. Поэтому Прибина с сыном Коцелом ушел от Ратбода и отправился к врагам империи — болгарам, в их часть Посавья, а затем — к князю Ратимиру, владевшему остальной частью Посавья. В 838 г. он помирисился с Ратбодом и явно по ходатайству последнего и своих родственников в империи получил от Людовика Немецкого обширную территорию в Паннонии около Балатона, где на реке Зале построил град. Так было положено начало особому славянскому княжеству в границах империи⁵⁸. В Нитру Прибина уже никогда не возвратился, она стала частью Моравии. Таким образом Моравия стала первым славянским государством, вероятно раньше, чем Хорватия.

¹Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1964. T. 1; Idem. Razvoj in struktura države karantanjskih Slovanov od VII. do IX. stoletja // Historijski zbornik. 1964. 17. S. 213—225; Idem. Družbeni temelji Karantanije in "Karantancev" // Jugoslovenski istorijski časopis. 1978. 17. S. 71—75; Kos M. Zgodovina Slovencev od naselitve do petnajstega stoletja. Ljubljana, 1933; Idem. L'Etat slovène en Carantanie // L'Europe aux IXe — XIe siècles. Varsovie, 1968. P. 123—132; Moro G. Zur politischen Stellung Karantanens im fränkischen und deutschen Reich // Südost-Forschungen. 1963. 22; Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1970. T. 4. S. 230—263; Vilfan S. Rechtsgeschichte der Slowenen. Wien; Graz, 1984.

²Conversio Bagoariorum et Carantanorum. 4. Ljubljana, 1936. S. 129—130. Cp. другое издание: Wolfram H. Conversion Bagoariorum et Carantanorum: Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Wien etc., 1979. S. 40—41, 73—75.

³Fredegar. IV. 72. P. 157.

⁴Paul. V. 29. P. 154.

⁵Kos M. O bolgarskom knezu Alcioku in slovanskem knezu Valuku // Zbornik naučnih radova F. Šišiću. Zagreb, 1929. S. 251—256. Обо всей этой истории (со многими неприемлемыми гипотезами) см.: Kunstmüller H. Vorläufige Untersuchungen über den bairischen Bulgaranmord von 631/632. München, 1982.

⁶Mikkola J.J. Avarica // Archiv für slavische Philologit. 1927. 21. S. 160.

⁷Conversio... 4. S. 130.

⁸Ibid. 5. S. 131.

⁹Kahl H.D. Zwischen Aquileia und Salzburg // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert. Wien, 1980. s. 33—81.

¹⁰Conversio... 4. S. 130: "Et ille ita fecit ac promisit se ad ipsam sedem servitum. Sicut et fecit atque singulis annis ibidem suum servitum persolvebat et inde semper doctrinam et officium christianitatis perceperit usque dum vixit".

¹¹Riezler S. Geschichte Baierns. Stuttgart; Gotha, 1927. T. I/1. S. 302; Kos M. Zgodovina... S. 58; Grafenauer B. Zgodovina... S. 58; Łowmiański H. Op. cit. S. 255.

¹²Грамота Людовика Немецкого храму св. Петра и Руперта в Зальцбурге от 864 г.: MGH Diplomata regum ex stirpe Karolingorum. B., 1934. T. 1. P. 161.

- ¹³Dopsch H. Salzburg und der Südosten // Südostdeutsches Archiv. 1978. 21. S. 8—9; Wolfram H. Op. cit. S. 85—86.
- ¹⁴Conversio... 7. S. 132—133; Wolfram H. Op. cit. S. 96—102.
- ¹⁵Löwe H. Die karolingische Reichsgründung und der Südosten. Stuttgart, 1937. S. 118—121.
- ¹⁶Grafenauer B. Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952; Idem. Deset let proučevanja ustoličevanja koroških vojvod, kosezov in države karantanskih Slovencev // ZČ. 1962. 16. S. 176—210; Idem. Ustoličevanje koroških vojvod in vojvodski prestol // ZČ. 1970. 24. S. 112—122; Hauptmann L. Staroslovenska družba in obred na knežjem kamnu. Ljubljana, 1954. S. 127—153.
- ¹⁷Воспроизведено в кн.: Grafenauer B. Ustoličevanja... 1952. S. 78—82.
- ¹⁸Ibid. S. 478—505; Hauptmann L. Op. cit. S. 75—126; Ebner H. Von den Edlingern in Innere Österreich // Archiv für vaterländische Geschichte und Topographie. 1956. 47. S. 9; Mal I. Ist das Edlingerproblem wirklich unlösbar? // Südost-Forschungen. 1963. 22. S. 1 ff.
- ¹⁹Hauptmann L. Politische Umwälzungen unter den Slowenen vom Ende des 6. Jahrhunderts bis zur Mitte des 9. Jahrhunderts // MIÖG. 1915. 36. S. 129—187; Idem. Karantanija hrvatska // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 297—317; Idem. Staroslovenska družba... ; Antoljak S. Hrvati u Karantaniji // Годишен зборник на филозофскиот факултет на Универзитет во Скопје. 1956. 9. С. 15—37.
- ²⁰Grafenauer B. Hrvati u Karantaniji // Historijki zbornik. 1958—1959. 11/12. S. 207—321.
- ²¹Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1967. T. 3. S. 430—464; T. 4. S. 257.
- ²²Перечень таких престолов см. в кн.: Merhautová A., Třestík D. Ideové proudy v českém umění 12. století. Pr. 1985. S. 12—17.
- ²³О них см.: Кланица З. Падение Аварской державы в Подунавье // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 74—82.
- ²⁴Simson B. Jahrbücher des fränkischen Reiches unter Karl dem Grosse. Leipzig, 1883. Bd. 2; Deér J. Byzanz und des abendländische Herrschertum. Sigmaringen, 1977. S. 285—371; Koller H. Die Awarenkerigs Karls den Grossen // Mitteilungen der österreichischen Arbeitsgemeinschaft für Ur- und Frühgeschichte. 1964. 15. S. 1—12; Václav P. Der fränkische Krieg und des Volk der Awaren // AA/ASII. 1972. 20. P. 395—420.
- ²⁵Annales Mettenses prioris. Hannoverae; Lipsiae, 1905. A. 803. P. 90: "Multi queque Scavi et Huni in sedem conventu fuerunt se cum omnibus quac possidebant imperatoris dominio subdiderunt".
- ²⁶ARF. A. 805. P. 112.
- ²⁷Koller H. Zur Eingliederung der Slaven in das karolingische Imperium // Annales Instituti Slavic. Salzburg, 1970. T. II/2. P. 33—45; о приходе славян с территории Аварской державы в нижнеавстрийское Подунавье около 800 г. см.: Friesinger H. Studien zur Archäologie der Slaven in Niederösterreich. Wien, 1971—1977. Bd. 1—2.
- ²⁸Ordinatio imperii. A. 817 // MGH. Legum sectio II. Capitularia regum Francorum. Hannoverae, 1883. T. 1. P. 270.
- ²⁹ARF. A. 811. P. 135.
- ³⁰Deer J. Op. cit. S. 354.
- ³¹Cp.: Gjuselev V. Bulgarische-fränkische Beziehungen in der ersten Hälfte des IX. Jhs // Byzantino-Bulgarica. 1966. II. S. 20—23.
- ³²О frankskom управлении восточными землями см.: Mittelauer N. Karolingische Markgrafen in Südoeten. Wien, 1963; Labuda G. Fragmenty dziejów Słowiańskich zachodniej. Poznań, 1975. T. 3. S. 100—114.
- ³³Wolfram H. Op. cit. S. 107—115.
- ³⁴Conversio... 8. S. 133.
- ³⁵Koller H. Die Salzburger Missionsmethode der Karolingerzeit // Österreich in Geschichte und Literatur. 1970. 4. S. 273—288.
- ³⁶Antoljak S. Da li bi se još nešto moglo reći o hrvatskim knezovima Borni i Ljudevitu Posavskom? // Годишен зборник на филозофскиот факултет на Универзитет на Скопје. 1967. 19. S. 129—138; Wolfram H. Ljudevit und Priwina: (Ein insitutioneller Vergleich) // Interaktionen der mittleuropäischen Slawen und anderer Ethnika im 6.—10. Jahrhundert. Nitra, 1984. S. 291—296.
- ³⁷ARF. A. 819. P. 151. Сходным термином — "prétoriani milites" — анналист обозначает императорскую гвардию Византии (Ibid. P. 155).
- ³⁸Const. Porphy. DAL. 30. P. 142, 144; Šišić F. Geschichte der Kroaten. Zagreb, 1917. T. 1.

S. 96—97; *Klaic N.* O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata // ZČ. 1984. 38. S. 253—278; *Grafenauer B.* Vprašanje konca Koclevje vlade v Spodnji Pannoniji // ZČ. 1952/1953. 6/7. S. 174—181; *Ronin V.* Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного "Об управлении империей" // ВВ. М., 1985. Т. 44. С. 60—67.

³⁹ *Sišić F.* Op. cit.; *Klaic N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971; *Ronin V.* The Franks on the Balkans in the early ninth century // Etudes balcaniques. 1985. N 1. P. 39—57.

⁴⁰ *Const. Porphy.* DAI. 30, 31. P. 139—153. Обзор литературы сделан Ф. Дворником: Constantine Porphyrogenitus: De administrando imperio. T. 2. Commentary. Wash. (D.C.), 1967. P. 95 pass., 115 pass. Из новых работ см.: *Margetić L.* Konstantin Porsirogenet i vrieme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. 1977. 8. S. 5—88; *Ditten H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jahrhundert // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhunderts. Pr., 1978. S. 441—462; *Klaic N.* O problemima...

⁴¹ В спорной грамоте Трпимира от 4 марта 852 г. (Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Zagrabiae, 1967. Vol. 1. P. 3—5). О ней см.: *Klaic N.* O Trpimirovoj darovnici kao diplomatičkom i historijskom dokumentu // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. 1960. 62. S. 105—155.

⁴² Из тезиса Л. Маргетича и Н. Кланч следует, что хорваты пришли в Далмацию лишь в конце VIII — начале IX в.

⁴³ ARF. A. 821. P. 135.

⁴⁴ *Const. Porphy.* DAI. 31. P. 148.

⁴⁵ *Belošević J.* Nin in the Middle Ages // Nin: Problems of archeological excavations. Zadar, 1968. P. 57 (с малоубедительной датировкой около 800 г.). О христианизации хорватов см.: *Dvornik F.* Byzantium, Rome, the Franks and the christianization of the Southern Slavs // Cyrillo-Methodiana. Köln; Graz, 1964. S. 85—125. См. также: *Наумов Е.П.* Общественно-политические сдвиги в сербских и хорватских землях и христианская миссия на Балканах // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 70—85. Оба ученых отстаивают частичную достоверность рассказа Константина, основываясь на соображениях общего порядка.

⁴⁶ Первое упоминание см. в письме папы Николая I: MGH Epistolae. Berolini, 1925. Т. 4. Р. 659.

⁴⁷ См. примеч. 39.

⁴⁸ *Novotný V.* České dějiny. Pr., 1913. D. 1. S. 1; *Vaneček V.* Prvních tisíc let... Předstátní společenská organizace a vznik státu u českých Slovanů. Pr., 1949; *Turek R.* Čechy na úsvitě dějin. Pr., 1963; *Nový R.* Die Anfänge des böhmischen Staates. Pr., 1968. D. 1. S. 193—229; *Łowmiański H.* Początki... Т. 4. S. 394—444.

⁴⁹ *Třešík D.* České kmeny: Historie a skutečnost jedné koncepcie (в печати).

⁵⁰ *Novotný V.* Op. cit. S. 274—280; *Dobidž J.* Seit wann bilden die natürlichen Grenzen Böhmens auch seine politische Landesgrenze? // Historica. 1963. 16. S. 5—44.

⁵¹ *Cosmas.* II, 8. P. 93—94.

⁵² ARF. A. 822. P. 159.

⁵³ О датировке см.: *Klanica Z.* Počátky slovanského osídlení našich zemí. Pr., 1986. S. 180.

⁵⁴ *Klanica Z.* Náboženství a kult, jejich odraz v archeologických pramenech // Velká Morava a počátky československé státnosti. Pr.; Br., 1985. S. 122, 134.

⁵⁵ Notae de episcopis Pataviensibus. A. 831 // MGH. Scriptores. Hannoverae, 1980. T. 25. P. 623; см. также: Historia episcoporum Pataviensium a.a. 838 // Ibid. P. 620; Bernhardi Cremfanensis Historiac // Ibid. P. 655. См.: *Dittrich Z.* Christianity in Great Moravia. Groningen, 1962. P. 62—65; *Łowmiański H.* Początki... Т. 4. S. 312 passim.

⁵⁶ *Conversio...* 10. S. 135. Cp. *Sieklicki J.* Quidam Priwina // Slavia Occidental. 1962. 22. S. 115—146; *Idem.* Priwina exulatus // Pamiętnik słowiański. 1967. 17. S. 161—165; *Łowmiański H.* Początki... Т. 4. S. 325 passim.

⁵⁷ *Conversio...* 11. S. 136. Cp.: *Cibulka J.* Velkomoravský kostel v Modré u Velchradu a začátky křesťanství na Moravě. Pr., 1958.

⁵⁸ *Sos A.* Die slawische Bevölkerung Westungerns im 9. Jahrhundert. München, 1973.

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ ЧЕШСКОГО ГОСУДАРСТВА

Возникновение государства мораван¹, как мы уже отмечали выше, нужно относить к 30-м годам IX в. Тогда Моймир I осуществил массовое "официальное" крещение мораван. Он признавал достаточно неопределенную, очевидно трибутарную, зависимость от Франкской державы. В смутные времена, обрушившиеся на эту державу в 30-х годах, зависимость прекратилась. Действительно, лишь с 845 г. Людовик Немецкий начал систематические походы на славянские земли вдоль всей восточной границы Восточно-Франкского королевства. В 846 г. он вторгся с войском в Моравию, так как мораване якобы собирались отложиться и "устроил там все по своей воле", т.е. посадил на моравский трон племянника Моймира Ростислава². То, что не было больших боев и мораване без сопротивления подчинились решению Людовика, показывает, что власть Моймира еще не была слишком сильной и у него были противники.

Почти десять лет мы ничего не слышим о политике Ростислава в отношении империи. Вероятно, войны, которые он, как и всякий раннефеодальный правитель, должен был постоянно вести, затрагивали не территорию франков, а земли славян (возможно, Восточную Словакию, где в то время возникают моравские городища). Однако в конце концов эта экспансия затронула и империю. Со времен Аварской державы южная граница Моравии шла примерно по р. Дые. Лишь к 855 г. относятся сведения, что границей между Франкской империей и Моравией служит Дунай³, т.е. незадолго до 855 г. Ростислав занял территорию между Дыей и Дунаем. Он хотел тем самым защититься от вторжений со стороны империи и с этого времени начал открыто враждовать с Людовиком Немецким. В 855 г. Людовик отправился в поход против него, но ничего не достиг⁴. Вскоре после этого (в 861 г.) Ростиславу удалось заключить союз с сыном Людовика Карломаном.

Из внутриполитической деятельности Ростислава известна лишь та часть, которая касалась укрепления и расширения важной опоры государства — церкви. Еще в 852 г. синод в Майнце охарактеризовал христианство в Моравии как "несовершенное"⁵ явно прежде всего из-за организационной стороны дела. В Моравии находился архиепископ пассауского епископа⁶, однако его контроль вряд ли распространялся на всех священников. Они были самого разного происхождения, прежде всего баварского, а также итальянского и "греческого"⁷. Ростислав решил объединить и подчинить себе этот разнородный конгломерат, создать собственную "земскую церковь". Каким мог быть путь к такой земской церкви показано в ответах на вопросы болгар папы Николая I⁸. По его мнению, прежде всего необходимо было обеспечить достаточное количество христиан в стране и, главное, достичь между ними единомыслия, т.е. единства в

церковной практике и вероучении, а также организационного единства. После этого было бы возможным назначить в страну епископа, позднее создать самостоятельную церковную провинцию, какой в то время могло быть лишь архиепископство.

Несомненно, для Ростислава и его советников конечной целью было создание такого архиепископства. Однако они хорошо знали, что этого нельзя достичнуть сразу. Сначала нужно было упорядочить современное состояние моравского христианства. Поэтому еще до 863 г. Ростислав обратился в Рим к папе с просьбой послать "учителя", который выполнил бы эту задачу⁹. Конечно такого учителя он мог найти и в другом месте, но лишь папа мог обеспечить конечную цель плана Ростислава — учредить архиепископство. Николай I именно в то время находился в ситуации, которая ни в коем случае не позволяла ему оказывать открытую поддержку противнику Людовика Немецкого. Поэтому на просьбу Ростислава он никак не отреагировал. В итоге было принято решение обратиться с такой же просьбой в Византию, к императору Михаилу III¹⁰. Однако остается все еще неясным, что от этого шага ожидал сам Ростислав. Если его конечной целью было учреждение архиепископства, то вряд ли он мог добиться этого от Византии. Он должен был считаться с тем, что Константинополь вряд ли будет заинтересован в создании самостоятельной церковной провинции в незнакомой стране, с которой, помимо прочего, у него нет общих границ и которая находится на территории, бесспорно относящейся к сфере влияния Рима.

Многие историки пытались искать причины этого шага Ростислава вне сферы церковной политики¹¹ и усматривали их в том, что Ростислав якобы пытался заключить союз с Византией против Людовика Немецкого, который именно в это время заключил союз с болгарским ханом Борисом. Анализ сообщений источников о событиях 862—864 гг.¹² не подтверждает этой гипотезы. Хотя конфликт между Ростиславом и Людовиком Немецким продолжался (в 864 г., перейдя Дунай, Людовик осадил Ростислава в граде Девине и тот был вынужден подчиниться и принести присягу со всеми "оптиматами"), а союз между Людовиком и Борисом был в 863—864 гг. реальным фактом, о какой-либо вражде между Борисом и Ростиславом мы ничего не знаем. Правда, в начале осени 863 г. Борис заключил мир с византийским императором Михаилом III и дал обещание креститься¹³, и это могло привлечь в себе внимание моравского правителя, но Борис остался союзником Людовика Немецкого и тогда, когда осенью 863 г. изменилось его отношение к Византии. Союзные отношения были подтверждены на встрече правителей в августе 864 г. в Тульне¹⁴. Таким образом, в 862—864 гг. политический союз с Византией не представлял для Ростислава никакого интереса. Источники сходятся в том, что Ростислав просил у Византии "учителя", как ранее в Риме. Лишь "Житие Константина" утверждает, что он просил еще и епископа¹⁵. Однако Итальянская легенда¹⁶, в которой использован более старый и лучший текст "Жития Константина", чем сохранившийся, говорит лишь об учителе, как и "Житие Мефодия"¹⁷. Ясно, что речь шла лишь о первом этапе плана

Ростислава, т.е. об устройстве и объединении моравской церкви, опирающейся на священников из местного народа. Этой просьбе, ни к нему собственно не обязывающей, император и патриарх Фотий пошли навстречу и послали в Моравию священника Константина и его брата Мефодия с небольшой свитой. Ни император, ни патриарх не придавали этой миссии большого значения¹⁸, однако Константин серьезно отнесся к порученному делу и в течение трех с половиной лет своего пребывания в Моравии воспитал значительное число учеников, которых он обучал на родном языке, для чего создал специальную письменность.

По приходе в Моравию оба брата начали использовать славянский язык и в литургии, провозгласив сложившееся на латинской почве учение о трех священных языках, на которых только и позволено служить богу, — греческом, латинском и еврейском, "трехъязычной ересью". Это естественно привело к спорам с латинским духовенством. В 867 г. братья сочли свою задачу по подготовке священников из местного населения выполненной и покинули Моравию.

Описание последующих событий в житиях настолько неясно, что почти невозможно представить, что действительно происходило в 867—870 гг. в Риме и Паннонии у сына Прибины Коцела и играл ли во всем этом Ростислав какую-нибудь роль. Наиболее убедительной представляется следующая схема событий¹⁹. В 867 г Константин признал данное ему поручение выполненным, осталось лишь рукоположить учеников в священники. Обратиться к франкским епископам было, естественно, невозможно, поэтому Константин решил рукоположить их в Константинополе и отправился вместе с ними в обратный путь. Когда в Венеции они ожидали судна, до них дошло сообщение об убийстве императора Михаила III и низложении патриарха Фотия. Оставшись без своих покровителей, отправивших их в Моравию, они с радостью приняли приглашение папы Николая I посетить Рим. Причиной приглашения послужило то, что у них были с собой останки св. папы Климента, которые Константин нашел в Херсонесе, но здесь свою роль сыграл, конечно, и интерес папы к их деятельности в Моравии. Этот интерес был связан с тем, что в 866 г. Борис Болгарский обратился за христианскими миссионерами в Рим, и тем самым открыл путь к решению старого спора об Иллирике между западной и восточной церквями. Константин добился у преемника Николая Адриана II рукоположения своих учеников. Этому должно было предшествовать одобрение его методики обучения, прежде всего того, что в ней было нового, т.е. славянского письма²⁰.

Константин умер 14 ноября 869 г. в Риме. Затем там вдруг появилось посольство от Коцела с просьбой послать к нему законоучителем Мефодия. При этом папа якобы расширил его поле деятельности и на другие славянские страны, на земли "Ростислава и Святополка", как сказано в папской булле *Gloria in excelsis Deo*, данной Мефодию. Ростислав и Святополк обо всем этом не могли вообще ничего знать²¹, а приписывать инициативу Коцелу, незначительному вассалу франков, вряд ли возможно. Скорее всего она исходила от самого Мефодия, который использовал Коцела (и имена Ростислава и

Святополка) для того, чтобы продолжать борьбу с "еретиками", отстаивающими "трехъязычную ересь", хотя бы у Коцела, коль скоро этого не удалось сделать в Моравии. Затем по новой просьбе якобы от Коцела он был рукоположен в архиепископы Паннонии, что формально означало восстановление архиепископства в Сирмии. Невозможно допустить, что с этой просьбой был ознакомлен Ростислав²², и уж, конечно, на такой значительный церковно-политический шаг не мог решиться Коцел. Он лишь послужил Мефодию как представитель светской власти, чье согласие и инициатива в таких слу-чаях необходимы.

Убедить Адриана II было не слишком трудно, так как именно в конце февраля 870 г. Борис окончательно склонился на сторону Константинополя. Если папа хотел сохранить свои права хотя бы на западную часть Иллирика, то создание Паннонского архиепископства с резиденцией (фиктивной) в занятом болгарами Сирмии представлялось подходящим решением. Так, Мефодий стал архиепископом и папским легатом в княжестве Коцела и фиктивно в Великой Моравии. Однако Паннония Коцела уже давно была областью миссионерской деятельности Зальцбурга, а также существенным источником его доходов. Мефодий использовал новые права и в столице Коцела Блатнограде снова вступил в конфликт с франкским епископатом. Этот конфликт совпал по времени с крупными переменами в Моравии²³.

В 869 г. Людовику Немецкому удалось организовать большой поход, направленный одновременно против сербов, Моравии Ростислава и регnum Святополка, находившегося, возможно, в районе Нитры. Хотя войска Людовика не достигли значительных успехов, чехи заключили с его сыном Карломаном сепаратный мир. Прежде всего так сделал Святополк, якобы "для собственной пользы"²⁴.

Святополк, племянник Ростислава, еще до 869 г. стал соправителем дяди. В 864 г. Людовик Немецкий потребовал присяги и от "optimates" Ростислава, которые, следовательно, должны были принимать значительное участие в решении государственных дел. Они явно тождественны "князьям" Ростислава, которые, по сообщению "Жития Константина", незадолго до этого решили послать посольство в Византию. "Житие Мефодия" упоминает, кроме Ростислава, также Святополка как того, кто призвал Константина и Мефодия²⁵. Автор, писавший при жизни Святополка, не мог этого выдумать²⁶. Очевидно, в 862—864 гг. Святополк был лишь одним из князей (оптиматов) Ростислава. Когда в 869 г. Мефодий выпросил у папы буллу *Gloria in excelsis Deo*, он попросил адресовать ее Ростиславу, Святополку и Коцелу как властителям более или менее самостоятельных земель. Так как Мефодий после своего ухода из Моравии не поддерживал с ее правителями контактов, но знал, что Святополк — самостоятельный правитель, очевидно Святополк к 867 г. стал властителем собственного "королевства".

Структура власти Ростислава, таким образом, представляется как олигархия: он правит как представитель группы князей, которым скорее всего поручено управление отдельными землями. В источниках эти люди обозначены как "его" князья, следовательно, они ни в

коем случае не являются представителями старого племенного строя. Эта группа явно возвела Ростислава на трон в 846 г. и скорее всего стояла у колыбели государства при Моймире I. С одной стороны, князья были носителями государственности, а с другой — они ее ослабляли. Поэтому кризис, в котором оказалась Великая Моравия в 870 г., был кризисом такого способа правления.

Сепаратный мир Святополка с Карломаном вызвал споры князя и Ростислава, который был пленен Святополком и выдан Карломану. Преемником Ростислава стал Святополк²⁷. Однако перед тем как он смог принять власть, в Моравию вторгся Карломан и занял ее грады. Управление Моравией он поручил графам Вильгельму и Энгельшалку, а Святополка в следующем году заключил в темницу якобы на основе клеветы. Мораване думали, что Святополк погиб, поэтому избрали властителем его родственника Склагамара (Славомира?) и восстали против франкской оккупации. Тогда Карломан обратился к Святополку, поставил его во главе своего войска и послал в Моравию, чтобы держать ее под контролем хотя бы при его помощи. Святополк для видимости согласился, но когда он пришел в "старый город" Ростислава (скорее всего это были Микульчицы)²⁸, то вступил в союз с мораванами и разбил баварское войско. В последующие два года, вновь действуя совместно с чехами и сербами, он отражал ответные удары франков. Однако он не использовал своей победы для сохранения полной самостоятельности, к чему стремился Ростислав, и в 874 г. предложил Людовику Немецкому мирный договор, в котором обязался сохранять ему верность и платить ежегодную дань. Этот мир, заключенный в том же году в Форххайме, несомненно больше дал Святополку, чем франкской стороне, так как мир ему был нужен для экспансии в соседние славянские земли²⁹. Временем между 874 и 880 гг. датируется нападение Святополка на землю вислян в Малой Польше. Там правил какой-то "очень могучий князь", который был в конфликте с мораванами. Святополк напал на него, пленил и заставил креститься в Моравии. Это была не единственная война, которую Святополк вел с язычниками, т.е. со славянами. По сообщению "Жития Мефодия", такие войны были обычными, хотя и нелегкими, так как Святополк часто не мог "ничего поделать" с неприятелем³⁰. Одной из самых тяжелых войн была борьба за Верхнее Потисье в 880—882 гг. Святополк и в данном случае использовал христианизацию как политическое средство, он послал туда нитранского епископа Вихинга с миссионерской целью. В боях за Паннонию в 883—884 гг. Святополк располагал столь большим войском, "собранным со всех земель славян", что якобы можно было, стоя на одном месте, с утра до вечера наблюдать за его прохождением³¹. Это должны были быть войска с территорий, подчиненных державе Святополка.

Святополк использовал возникшую вражду с империей для того, чтобы занять и соседнюю Чехию, которую до тех пор он вынужден был не трогать, ибо он не хотел нарушать условия форххаймского мирного договора, по которому Чехия была отнесена к сфере влияния империи. Святополк и здесь использовал крещение как поли-

тическое средство: он велел окрестить Боржвоя Пржемысловца, которого поставил выше остальных чешских князей как некоего своего представителя. Вместе с Чехией Святополк завладел, по-видимому, и Сербией.

Держава Святополка была конгломератом племен, подчиненных государственному ядру, платящих Моравии дань и участвующих в военных походах. Его верховная власть опиралась на князей этих племен, однако при этом внутри племени происходила перегруппировка сил. Святополк стремился укрепить власть того из племенных князей, которого он выбрал и связал с собой личными обязательствами. При этом он использовал крещение подчиненного князя как политическое средство, связывал его с собой "духовным родством", как это практиковалось во Франкской империи со времен Карла Великого³². Для проведения такой политики ему было необходимо сотрудничество со своим паннонским архиепископом Мефодием. Но тот, арестованный баварскими епископами в 870 г., находился в заключении где-то в Швабии. В 872 г. на папский престол вступил Иоанн VIII, который вновь обратился к вопросу о претензиях на Иллирик, он стал интересоваться делами паннонского архиепископа Мефодия и настоял на том, чтобы его выпустили и ввели в должность. Поскольку Коцел тем временем уступил давлению франков и отказался поддерживать Мефодия, приютом для него могла стать только Моравия. Когда во время восстания 871 г. оттуда были изгнаны баварские священники, Святополк, как следует из "Жития Мефодия", обратился за указаниями в Рим, очевидно не зная, что Адриан II уже давно назначил архиепископа в его земли³³. Как бы там ни было Мефодий явно по инициативе папы и с согласия Святополка прибыл в 873 г. в сопровождении папского легата в Моравию. Святополк принял его и "дал ему в управление все храмы и клириков во всех градах"³⁴.

Несмотря на это, в 873—879 гг. сотрудничество между Святополком и неожиданно прибывшим к нему архиепископом Паннонии, страны, которой Святополк не владел, было корректным. Правда, имели место и трения. Они в основном были вызваны суровостью Мефодия в вопросах церковной дисциплины, преимущественно по отношению к господствующему классу, жившему в открытом или скрытом многоженстве. Собственно это был конфликт между более близкой к жизни, традиционно закрепленной в Моравии практикой франкской церкви и византийской ортодоксией, которая не могла и не хотела приспособливаться к "варварам"³⁵. Споры между славянскими учениками Мефодия и латинскими священниками были быстро перенесены на поле богословия, и Мефодий был обвинен в ереси, поскольку в соответствии с учением восточной церкви (а не Рима) он отвергал франкское дополнение *filioque* к *Credo*. Яблоком раздора стала и славянская литургия, которую Мефодий продолжал служить. Святополку трудно было быть третейским судьей в непонятных спорах его священников, поэтому в 879 г. он решил передать рассмотрение этих споров папе.

Святополк хотел не только установить спокойствие в моравской

церкви, но и урегулировать отношения своего архиепископа с курьером, потому что он стремился к достижению более важной цели — действительной независимости моравской церкви и утверждению равноправного положения Великой Моравии в системе европейских государств. Всего этого он добился в Риме. Булла Иоанна VIII *Industriae tuae*³⁶ информирует нас о том, что Святополк отказался от своей зависимости от светских правителей, он стал "духовным сыном" папы и, очевидно, подтвердил это какой-то формальной присягой. Это означало, что Великая Моравия стала равноправным членом европейской семьи народов наряду с Восточно-Франкской империей Людовика Немецкого, державой Альфреда Великого в англосаксонской Англии и испано-астурской державой на Иберийском полуострове.

Были приняты меры для действительного превращения Моравии в самостоятельную церковную провинцию. Папа назначил священника Вихинга викарием Мефодия с резиденцией в Нитре и приказал, чтобы к нему был послан еще один священник, который мог бы стать епископом, чтобы в дальнейшем Мефодий вместе с ними мог в соответствии с каноническим правом поставлять других иерархов. Епископы в дальнейшем могли избирать архиепископа. Уступкой лично Мефодию было, кажется, вообще впервые сформулированное разрешение на славянскую литургию, однако при этом папа четко указал, чтобы для Святополка и его "судей" богослужение осуществлялось по латыни. Необходимо было обеспечить будущее архиепископства, быстро назначив второго викария. Мефодий не сделал этого, может быть, из-за непрекращавшегося сопротивления подчиненных ему латинских священников во главе с Вихингом. Решить вопрос о преемнике он был вынужден лишь перед смертью, после того как в 884 г. споры с Вихингом зашли уже настолько далеко, что Мефодий отлучил его от церкви. Чтобы как-то разрешить возникшую ситуацию, он назначил своим преемником мораванина священника Горазда. Это было явным нарушением канонического права; и папа Стефан V, которому Святополк предложил разрешить спор, не мог признать решения Мефодия, тем более что он поддержал Вихинга. Последний обвинил Мефодия и его сторонников в том, что они отстаивают еретическую точку зрения в вопросе о *filioque*, вводят византийские нормы в практику епитимий и настаивают на славянской литургии.

Мефодий умер 6 апреля 885 г., а Святополк, устав от непрестанных споров между епископами, решил вопрос таким образом, что в соответствии с волей папы изгнал из своей державы всех, кто не отрекся от славянской литургии. Это не означало конца славянской письменности, хотя, конечно, большая часть учеников Мефодия предпочла изгнание отречению от служения мессы на славянском языке. Значительная часть священников, пользовавшаяся славянским письмом, подчинилась и после падения Великой Моравии перешла в Чехию, где славянская письменность (но не литургия) дожила до конца XI в.

С упадком папской власти в 80-х годах IX в. она перестала быть важным политическим партнером для Святополка, и он поспешил возобновить прежние отношения с Империей. После трехлетней вой-

ны в Паннонии он в 884 г. принес ленную присягу Карлу III Толстому³⁷. С приходом к власти в Восточно-Франкском королевстве сына Карломана Арнульфа были по существу обновлены отношения, сложившиеся после договора в Форххайме. Святополк обязался платить дань³⁸, согласившись тем самым с верховенством Арнульфа, в обмен на признание своих прав на все контролируемые им земли. В 892—893 гг. Арнульф попытался напасть на Святополка, обратившись за помощью к мадьярам, кочевавшим в Южнорусских степях. Нападение было отбито и до смерти Святополка в 894 г. Великая Моравия оставалась могущественной и фактически самостоятельной державой.

После смерти Святополка начался серьезный внутриполитический кризис. От Великоморавской державы стали отпадать подчиненные земли (так в 895 г. отложилась и подчинилась Арнульфу Чехия), началась борьба за власть между сыновьями умершего монарха Моймиров и Святополком Младшим. К концу 90-х годов Моймиру II удалось сосредоточить в своих руках власть над Моравией, и в 900 г. он даже добился от папы Иоанна IX восстановления моравского архиепископства. Однако около 906 г. Великоморавское государство рухнуло под натиском венгров³⁹. Военное поражение моравского войска, по-видимому, привело также к народному восстанию, сопровождающемуся языческой реакцией, как об этом свидетельствуют археологические находки⁴⁰.

Жизнь в Моравии продолжалась, может быть, под властью мелких местных князьев⁴¹. Из всей великоморавской территории мадьяры заняли лишь южную часть Словакии, тем не менее Великая Моравия перестала существовать как государство.

Быстрое падение Моравского государства считалось свидетельством его структурной слабости по сравнению с позднейшим государством Пршемысловцев⁴². Для того чтобы мы с полным основанием могли судить об этом, необходимо проанализировать свидетельства письменных и соответственно археологических источников о моравском обществе и государстве.

О структуре моравского общества письменные источники говорят нам очень мало. Оно было сильно дифференцировано как имущественно, так и юридически. Рядом с бедными там существовали и богатые, хотя мы не знаем, в чем состояло их богатство. В частности, нам ничего не известно о собственности на землю (например, "proprietas" Прибины в Нитре⁴³ была частным владением князя). "Закон судный людям", основанный на Эклоге⁴⁴, также здесь мало помогает. "Села", о которых там говорится⁴⁵, это малые крестьянские поселения, а владеющие ими "господа" — это просто их хозяева. Следовательно, мы ничего не знаем о крупной земельной собственности в Моравии⁴⁶.

В юридическом отношении моравское общество делилось лишь на свободных и несвободных, т.е. рабов. В "Законе судном людям" господин означает хозяина раба, а не подданного⁴⁷. Рабы ("отроки"), приобретавшиеся прежде всего как военная добыча, были предметом выгодной торговли и, несомненно, использовались и как рабочая сила. Свободные люди были явно тождественны "мораванам", им при-

надлежали политические права, главным из которых было право участвовать в народных собраниях⁴⁸. К свободным мораванам относилась и аристократия — "честные мужи", "вельможи"⁴⁹.

Такая структура типична для предгосударственного племенного общества, однако она сохраняется и после возникновения государства. Решающим здесь является ответ на вопрос, можно ли считать Великую Моравию государством, и если да, то насколько развитым государством она была? Нет сомнений в том, что она в целом принципиально отличалась от многоплеменных, по франкской терминологии того времени "гентильных", образований. Франкские источники говорят о них как о политически действующих "gentes", во главе них могут стоять один или несколько князей или вообще ни одного. Великую же Моравию представляет перед франками исключительно государь, чьи решения и обязательства (например, заключенные договоры) обязательны для всего "gens"⁵⁰. Кроме государя фигурируют, с одной стороны, князья, "пиматы", "оптиматы", с другой — "народ", или "мораване". У племенных "gentes" князья (*primates, duces, reguli* и т.п.) также существуют, но являются представителями "gens", тогда как в Великой Моравии они всегда связаны с государством, они "его" князья. Им давались в управление отдельные земли. В булле *Industriae Isha* Святополк фигурирует вместе со своими "iudices"⁵¹. Конечно, здесь не имеются в виду судьи, скорее речь идет об обычном эквиваленте греческого "архонт", термине, использовавшемся для обозначения славянского князя⁵², или, в соответствии с принятой тогда в Италии нормой⁵³, о суммарном обозначении чиновников государя.

Интересные сведения о функциях государственного управления в Моравии дает грамота маркграфа Арибо Арнульфу от 891 г.⁵⁴ Арибо сообщает Арнульфу о выполнении моравской стороной обязательства выплатить дань. Арибо говорит о ней как о "servitium", вероятно франкском "servitium regis", подобающем ему при поездках по империи. Он сообщает, что мораване, скорее всего на каком-то народном собрании, единодушно согласились выплатить дань и уже собирают соответствующий скот, который охраняется явно в определенных местах. Они так делают якобы добровольно, "без всякого принуждения вождей" (в грамоте, написанной необразованным клириком плохой латынью, сказано: "cum nulli dominationi procerum"). Эти "proceres", следовательно, были для мораван определенной властью, они организовывали всю сложную операцию по разверстке дани на отдельные поселения, по сбору скота в определенные места и его отправке в империю. Для этого им требовался немалый исполнительный аппарат. Если этих "proceres" мы отождествим с "князьями" или "судьями" Святополка, то это будет лишь верхушка весьма обширного аппарата.

Ценнейшие сведения об управлении державой Святополка содержит так называемая Арабская анонимная реляция — несохранившееся сочинение о народах Восточной Европы, написанное во второй половине IX в.⁵⁵ В разделе о славянах там говорится об их короле по имени *Svijt mlk*, что с незначительной конъюктурой дает *Svntblk*, т.е. Святополк⁵⁶. Речь может идти только о великоморавском Святополке. Предположение, что здесь имеется в виду неизвестный

"святой король" (*svjat malik*) восточных славян, сидящий скорее всего в Киеве, не имеет никаких оснований⁵⁷. Святополк в этом источнике назван "*ta'isu r-gu'asa'i*", т.е. "вождь вождей" и одновременно малик ~ "король". У него есть заместитель (халиф), называемый "субандж", которому повинуются поданные короля. Он живет "посередине славянской земли", тогда как король живет в городе, название которого в тексте указано, но так искалено, что его нельзя понять⁵⁸. В этом городе три дня в месяц проводятся ярмарки. Поданные короля не имеют верховых коней и хорошего оружия, у них есть лишь дротики, щиты и копья, боевой конь есть лишь у короля, и он также имеет "замечательные, крепкие и драгоценные доспехи". Каждый год он объезжает своих подданных (или же "ежегодно собирает с них дань")⁵⁹ и берет с них по праздничному одеянию в соответствии с числом их потомства. Грабителей он приказывает или задушить (повесить) или изгнать "в соседний с самой дальней частью своих земель округ"⁶⁰.

Привлекает внимание характеристика Святополка как "вождя вождей". "Раис" означает суверенного властителя племени, что соответствует славянскому "князь". Следовательно, Святополк — князь князей, он окружен князьями и выступает как бы их главой. Новым является сообщение о его заместителе, титул которого обычно трактуют как "жупан"⁶¹, что, конечно, более приемлемо, чем попытка возвести к тюркскому "*sübeh*" (*sü* —войско, *beg* — вождь), т.е. "воевода"⁶². О жупанах и "Закон судный людям" говорит, как о чиновниках государя⁶³. Удивляет, что его положение сравнивается в арабском источнике с положением халифа, а оно было у арабов очень высоким. Это может напомнить диархию степных, главным образом тюркских, народов, у которых за сакрального короля правил его "светский" заместитель⁶⁴. Скорее всего здесь речь идет о славянском институте "воеводы", который в ранних славянских государствах постоянно являлся заместителем правителя⁶⁵. В нашем же случае правитель обладает полнотой исполнительной власти и явно не является сакральным властителем тюркского типа.

Наиболее важны в нашем тексте сведения о вооружении подданных Святополка. Информатор, на которого опирался автор реляции, знал, что они ходят на войну преимущественно пешком, вооруженные лишь щитами, дротиками и копьями (на основе археологических источников мы можем дополнить этот перечень боевыми топорами), т.е. у них нет боевых коней и очень мало коней выночных. Но все это (кони и дорогое оружие) есть у правителя и у его людей, чьи кони и оружие, однако, остаются собственностью правителя. Речь здесь, несомненно, идет о большой государственной дружице, такой, какую, например, описал Ибрагим ибн Якуб в 965 г. у польского князя Мешко I⁶⁶. У князя было 3 тыс. одетых в доспехи воинов, которым он давал одежду, коней и оружие и, кроме того, ежемесячно платил деньги, для чего он собирал дань. Это латники, т.е. конные воины, снабженные той "броней", экспорт которой к славянам франки часто (хотя и безрезультатно) запрещали и которая, добавим, производилась также в Поганско и Микульчицах⁶⁷. Святополк, так же как и Мешко, пре-

доставлял своим воинам не только оружие и доспехи, но и одежду, причем "праздничную", лучшую одежду для дружины он брал в форме дани. Он также давал им коней, следовательно, он должен был держать табуны на своих пастищах.

В центральноевропейских государствах X—XII вв. обеспечение и обслуживание такой дружины были гарантированы системой так называемых служебных поселений⁶⁸. Государь определял "навеки" отдельным подданным и зачастую целым деревням или служебную повинность, или оброк в изделиях, служащих обеспечению и обслуживанию дружины, размещенной по крепостям. Первые следы такой организации можно найти в Баварии Агилульфингов в VIII в.⁶⁹ Она явно существовала и в IX в. на славянской территории в бывшем Ругиленде (хотя и находившемся в рамках империи, однако подчинявшемся местным славянским князьям⁷⁰), поэтому легко предположить, что так было и в Моравии. Но если в Словакии топонимы, образованные от названий специальностей, сосредоточены около великоморавских городищ, впоследствии занятых мадьярами⁷¹, то в собственно Моравии они концентрируются вокруг позднейших городищ Пржемысловцев и полностью отсутствуют в "ядре" Великой Моравии, в долине Моравы и нижнего течения Дыи⁷². Это может иметь различные объяснения, в то же время неопровергимых доказательств существования в Великой Моравии служебной организации у нас нет. Также нельзя с уверенностью утверждать, что уже существовала крепкая градская организация. Когда Святополк в 873 г. принял Мефодия, он передал ему в управление все храмы и священников во всех городах⁷³. Следовательно, церковная организация определенно опиралась на грады. Следует, правда, учитывать, что не во всех градах пока найдены храмы, известны также и храмы (например, в Модре и Садах), находившиеся за пределами градов. Как было организовано управление страной, мы точно не знаем.

Анонимная реляция, утверждающая, что "жупан" Святополка живет посередине страны славян, а сам Святополк живет также в каком-то центре страны, явно искажает реалии. Возможно, имелось в виду, что жупаны жили в центрах округов, вверенных им в управление⁷⁴. Размещение великоморавских градов косвенно говорит о их значительной административной роли. Они были расположены в центре густо населенного ареала на важных путях сообщения, имели мощные укрепления.

"Анонимная реляция" содержит единственное сообщение о сборе дани правителем. То, что она описывает, это очень архаичная система сбора дани, независимо от того, примем ли мы интерпретацию, что она взималась при ежегодном объезде государем подвластной территории, подобно русскому полюдью или норвежской вейцле, или же предпочтем другую интерпретацию, согласно которой речь шла о регулярной дани. Архаичным был прежде всего принцип разверстки. Дань собиралась на основе того, кто сколько имел детей, бездетные платили по количеству рабынь, т.е. потенциальных рожениц; характерно, что рабы-мужчины не учитывались. Это была типично архаическая "дань с плодородия", известная на Руси⁷⁵ и в Ирландии⁷⁶. Ее

обосновывали тем, что правитель обеспечивает каким-то способом плодородие женщин⁷⁷. В одном из текстов реляции сказано, что поданные Святополка "считают своей религиозной обязанностью служить королю"⁷⁸. Однако эта религия — не христианство, и дань, собиравшаяся Святополком, возникла в дохристианские и догосударственные времена. Арабский источник упомянул о ней, вероятно, потому, что она была курьезом и не могла быть единственной данью, существовавшей в Моравии.

Эти немногие сведения о великоморавском обществе, почерпнутые из письменных источников, могут быть пополнены данными археологии, которые, правда, могут быть по-разному истолкованы. При попытках социальной интерпретации археологических источников следует учитывать разницу в уровнях развития отдельных областей Великой Моравии. Наиболее высоким этот уровень был в плодородных низинных районах с ведущей ролью земледельческого производства, в контактной зоне с землями античной традиции. Менее развитыми были северные территории с преобладанием пастушеско-охотниччьего хозяйства, хотя и здесь могли быть анклавы с высоким экономическим уровнем (например, в местах добычи руд). В южных областях с крупными градами, памятниками архитектуры, богатым инвентарем, вероятно, процесс феодализации шел быстрее, а в северных — сохранялись общинные формы организации жизни. И те, и другие подчинялись власти моравского правителя и его аппарата, но на юге общественные отношения были ближе к частнособственническим, характерным для ранних форм западного феодализма, на севере — к эксплуатации общин по восточному образцу⁷⁹.

Эти различия в настоящее время можно прослеживать лишь по инвентарю погребений. Инвентарь погребений у центральных поселений⁸⁰, а именно: на церковных кладбищах и на некрополях поселений близ крупных городов (при всей проблематичности однозначного толкования)⁸¹, оказывается сильно дифференцированным, а на деревенских кладбищах он более однороден⁸². Это естественно объясняет более высокой социальной дифференциацией в великоморавских городских центрах⁸³. Такой критерий различия между погребением свободного и несвободного, как находка в гробу ножа⁸⁴, оказался неубедительным⁸⁵, хотя недавно опять выдвинута точка зрения, что в раннюю великоморавскую эпоху нож был атрибутом свободного⁸⁶. Нельзя также однозначно утверждать, что погребения с оружием (мечами, топорами, копьями и луками) и шпорами — это только погребения вельмож и дружинников. Разумеется, подобные предметы были атрибутом людей из высших общественных слоев⁸⁷, однако, судя по письменным источникам IX и последующих веков из соседних стран, иногда и несвободные могли носить оружие⁸⁸. Следует учитывать, что с оружием могли хоронить и простых свободных людей. Поэтому правильнее было бы рассматривать как погребения дружинников лишь те из них, которые находятся на церковном кладбище внутри вельможской усадьбы или града⁸⁹.

Представляет интерес размещение погребений такого типа в главных центрах Великой Моравии. В Микульцицах погребения конных и

пеших воинов и женщин с украшениями находятся как в акрополе, так и на подградьях, в том числе и вне церковного кладбища⁹⁰. На подградье Старого Места, как показывают последние находки⁹¹, много богатых погребений дружинников, в частности, в могильнике "На валах" и "На Шпиталках"⁹². Таким образом, представители господствующего класса раннефеодального общества жили не только на акрополях градов.

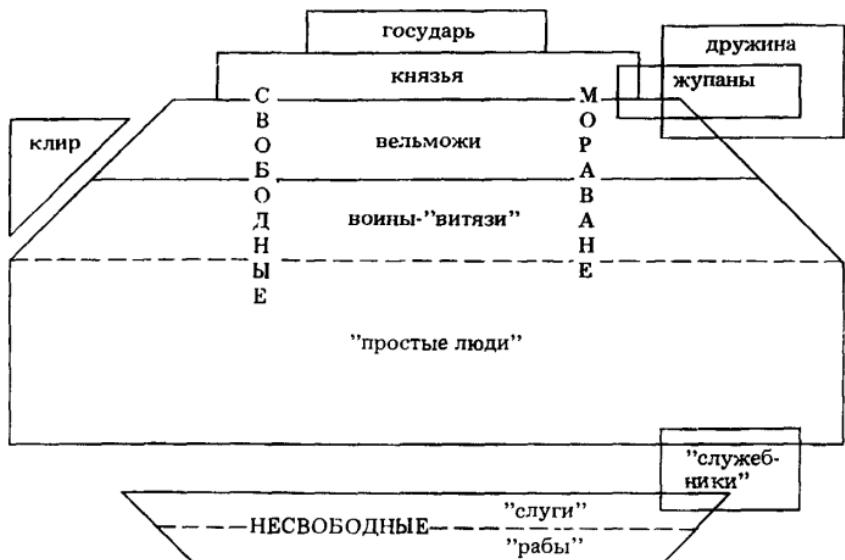
Иначе рисуется ситуация на городище Поганско у Брецлава. Здесь погребения воинов и богатые погребения женщин встречаются лишь на церковном кладбище в ареале усадьбы, в то время как другие — на поселении или на северо-восточном подградье. Они рассеяны малыми группами, почти без инвентаря, без оружия и конного снаряжения, что отличает их от ряда погребений южного подградья⁹³. Хорошая изученность объекта в целом позволяет определить церковное кладбище, как некрополь привилегированных христианизированных слоев, разбросанные бедные погребения, как погребения рабов и несвободных слуг, а погребения воинов южного предградья, как могилы дружинников правителя или свободных воинов из земского ополчения⁹⁴.

Как свидетельство существования крупной земельной собственности археологи рассматривают усадьбы вельмож⁹⁵, огороженные поселения с храмом, жильем господина (здание с керамическими полами), хозяйственными постройками и помещениями для ремесленников. Такие объекты хорошо изучены в Брецлаве-Поганске, Дуцловом и отчасти в Садах. К сожалению, мы не знаем, кому конкретно принадлежали эти усадьбы. Разделение заселенной площасти на городище Поганско на отдельные участки с несколькими постройками, образующие как бы "дворы", но не земледельческого, а скорее "ремесленного" типа, известно в раннегорских поселениях на Руси⁹⁶ и в обществе эпохи викингов⁹⁷. Их можно рассматривать как свидетельство существования помещения для дворовых слуг, зависимых ремесленников либо почему-либо обособленных мастерских, входящих в состав княжеского хозяйства.

Таким образом, археологические источники, хотя их истолкование не всегда может быть однозначно, дают ряд важных данных для более глубокого изучения социальной структуры великоморавского общества.

Представления об обществе и государстве Великой Моравии, которые мы получили, можно изобразить следующей диаграммой (рис. 2).

Наследником Великой Моравии стало Чешское государство. Племя чехов (о нем мы говорили в гл. 5) в 40-х годах IX в. стало объектом экспансии Восточно-Франкской империи. В 845 г. чешские князья решили вместе сопротивляться грозящей экспансии Людовика Немецкого. Для этого они по примеру Великой Моравии решили принять крещение. В январе 845 г. к Людовику Немецкому в Регенсбург прибыли 14 чешских князей, которые по его приказу были крещены⁹⁸. На следующий год Людовик Немецкий напал на христианскую Моравию, и чехи, видя, что крещение их не спасет, напали на его войско, возвращавшееся из Моравии. Этим окончился эпизод с чеш-

Р и с. 2. Общественная пирамида Великой Моравии

ским христианством. Война с империей продолжалась. С 855 г. чешские князья стали опираться на поддержку Ростислава Моравского.

В этот период, как нам представляется, укрепилось положение князей. Град, в котором наследственно правила княжеская семья, стал центром территории, жители которой признавали ведущее положение князя, давали ему добровольно, по установленному обычью, дары и несли службу. Князь был также командующим войском своего княжества, так что все чешское войско состояло из отрядов отдельных княжеств. Такое впечатление оставляет, например, войско, воевавшее в 872 г. против франков где-то в Пражской котловине⁹⁹. У князя было и свое собственное войско — маленькая, но преданная и дисциплинированная дружина¹⁰⁰, на которую прежде всего опиралась его власть. Но сама по себе она не была достаточно сильной для того, чтобы радикально изменить общественные отношения; князья по-прежнему зависели от народа в решении важных вопросов, касавшихся всего княжества.

Народным органом был сейм, собиравшийся и открывавшийся князем в соответствии с ритуалом, очень похожим на тот, который существовал в Карантании¹⁰¹. Мы не знаем, существовал ли общий сейм для всей Чехии, но по отношению к загранице чехи постоянно выступали совместно. Они сразу же поддержали Святополка при его вступлении на трон в 871 г. и одновременно с ним заключили в 874 г. мир в Форхайме. Однако сотрудничество с державой Святополка со временем превратилось в зависимость¹⁰². Своим ставленником в Чехии он избрал среднечешского князя Борживоя и приказал около 883 г. своему архиепископу Мефодию окрестить его¹⁰³. Борживой крестился без согласия сейма своего княжества, поэтому он был сверг-

нут, а сейм выбрал другого князя, якобы по имени Строимир. Борживой убежал к Святополку, который около 884 г. вновь посадил на трон своего ставленника. Борживой использовал ситуацию для того, чтобы избавиться от зависимости от сейма и символически подтвердил это тем, что примерно в 884—885 гг. построил на старом сеймовом поле, где происходила интронизация князя, собственную крепость, нынешний Пражский Град¹⁰⁴.

Верховенство, которым по воле Святополка Борживой обладал над остальными чешскими князьями, существенно помогало укреплению власти пражских Пржемысловцев во всей Чехии. Когда примерно в 889 г. Борживой умер, Святополк скорее всего сам сел на престол в Праге¹⁰⁵. После его смерти в 894 г. чешские князья сразу же отложились от Великой Моравии. Во главе князей, которые в 895 г. поехали в Регенсбург принести вассальную присягу восточно-франкскому королю Арнульфу, кроме какого-то Витислава стоял и сын Борживоя, верного слуги Святополка, Спитигнев (894—915 гг.)¹⁰⁶. Пржемыловцы, следовательно, были настолько сильны, что их не могло скомпрометировать даже сотрудничество с чужой властью.

Чехи воевали с Великой Моравией вплоть до ее падения в 906 г. Однако великоморавское наследие продолжало жить именно в Чехии. Это не была славянская литургия Мефодия, ведь в 886 г. Святополк изгнал сторонников этой литургии из всей своей державы, т.е. и из Чехии. Этим наследием было государство как идея и конкретный образец. Может быть Борживой, но скорее всего Спитигнев создал в своем среднечешском княжестве территориальную организацию, опиравшуюся на грады как центры взимания дани и поборов и одновременно как центры новой религии. В градах были построены храмы¹⁰⁷. Священников для них Спитигнев нашел в разоренной Моравии, так что, хотя в Праге находился архипресвитер регенсбургского епископа¹⁰⁸, к диоцезу которого Чехия была отнесена в 895 г., общий характер чешского христианства был скорее великоморавским. Несмотря на то что моравские священники придерживались западного, латинского ритуала, частично они использовали славянскую письменность Константина—Кирилла, поэтому, в Чехии она продолжала существовать¹⁰⁹.

На рубеже IX—X вв. в Центральной Европе распалась традиционная система государств. Великоморавская держава перестала существовать, разваливалась и Восточно-Франкская империя. На ее обломках возникла, главным образом благодаря саксонскому герцогу Генриху I (918—936 гг.), Германская империя. Однако к этому времени, при Спитигневе I и Вратиславе I (915—921 гг.), сыновьях Борживоя, маленько среднечешское государство Пржемыловцев постепенно подчинило своей власти всех чешских князей.

Вратислав I умер 13 февраля 921 г., оставив двух малолетних сыновей — Вацлава и Болеслава. Сейм княжества поручил регентство до совершеннолетия Вацлава его матери Драгомире, происходившей из династии князей полабских гаволан, а воспитание обоих мальчиков — их бабушке Людмиле. Это привело к конфликту между обеими

ми честолюбивыми женщинами, который закончился 15 сентября 921 г. убийством Людмилы. В междоусобия, вызванные этим убийством, вмешался в 922 г. баварский герцог Арнульф для того, чтобы напомнить о суверенитете Баварии над Чехией. Однако на трон сел Вацлав, он изгнал мать и самостоятельно правил как своим собственным "владеньцем", так и землями всех чешских князей. Слабость такого положения проявилась вскоре после того, как в 929 г. Генрих в союзе с Арнульфом напал на Чехию. Вацлав был вынужден признать его суверенитет.

Единственной реальной возможностью обеспечить будущность Чехии была ликвидация всех чешских княжеств и их консолидация в единое государство. Эту концепцию осуществил после убийства брата в Старой Болеславе 28 сентября 935 г. Болеслав I (935—972 гг.). Он сразу же отказался платить дань империи и начал длительные войны с Оттоном I (936—973 гг.), продолжавшиеся до 950 г. Одновременно то насилием, то мирным путем он ликвидировал все княжества и по всей стране построил новые грады — центры единого государственного управления¹¹⁰. Всех свободных Болеслав обложил "данью за мир" ("tributum pacis")¹¹¹, выплачивавшейся в деньгах, которые он начал чеканить в 60-е годы¹¹², и организовал по всей стране сбор налогов и выполнение служб всем населением. Это позволило ему содержать большую дружибу, с помощью которой он сразу же начал проводить экспанссионистскую политику. Уже в 936—950 гг. чешский князь завоевал Силезию и Краковскую землю до границ с Киевской Русью, присоединил к своему государству Моравию (вероятно, Северную) со словацким Поважьем¹¹³. Свою деятельность по строительству государства он завершил незадолго до своей смерти учреждением самостоятельного епископства в Праге.

¹ Novotný V. České dějiny. Pr., 1913. T. I/1; Dekan J. Záciatky slovanských dejin a Riša Vel'komoravská. Br., 1951; Havlík L.E. Velká Morava a středoevropští Slované. Pr., 1964; Chropovský B. Slovensko na úsvite dejin. Br., 1970; Poullk J. Staří Moravané budují svůj stát. Gottwaldow. 1960; Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1970. T. 4. S. 299—394; Dekan J. Vel'ka Morava: Doba a umenie. Br., 1976; Havlík L.E. Morava v 9. a 10. století. Pr., 1978; Ratnoš P. Slovensko v dobe vel'komoravské. Košice, 1988; Velká Morava a počátky československé slátnosti. Pr., Br., 1985; Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. Источники почти полностью изданы в кн.: MMFH. Т. I—V. Грамоты изданы в кн.: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Br., 1971. Т. 1.

² Annales Fuldenses. A. 846 // MMFH. Т. I. Р. 90.

³ Ростислав перешел тогда Дунай и напал на земли, подвластные франкам (Annales Fuldenses. A. 855 // MMFH. Т. I. Р. 94).

⁴ Annales Fuldenses. A. 855 // MMFH. Т. I. Р. 93—94.

⁵ MMFH. Т. IV. Р. 34.

⁶ См. жалобу баварских епископов 900 г. (MMFH. Т. III. Р. 235); ЖК. Гл. 15 // MMFH. Т. II. Р. 102—103; Cp.: Vavrlínek V. Die Christianisation und Kirchenorganisation Grossmährens // Historica. 1963. 7. S. 25—26.

⁷ ЖМ. Гл. 5 // MMFH. Т. II. Р. 144.

⁸ Responsa Nicolai I. papae ad consulta Bulgarorum. 72, 73 // MMFH. Т. IV. Р. 91—92.

⁹ ЖМ. Гл. 8 // MMFH. Т. II. Р. 148.

¹⁰ О миссии Кирилла и Мефодия, явившейся результатом этого обращения, см. новейший обзор: Vavrlínek V. Historický význam byzantské misie na Velké Moravč // Velká Morava. .. S. 215—243.

- ¹¹Обзор существующих точек зрения Б.Н. Флоря дает в публикации: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 190—191.
- ¹²Главные из них — записи в Фульдских анналах под 862 и 864 гг. и Бертиńskих анналах под 862 и 864 гг. (MMFH. Т. I. Р. 74, 98).
- ¹³Wasilewski T. Bizancjum i Słowianie w IX wieku. W-wa. 1972. S. 122—131.
- ¹⁴Выражение "hostiliter" в Бертиńskих анналах означает не "враждебный", как обычно переводят, а "с войском", ведь Людовик Немецкий явился на встречу с воинами, намереваясь идти оттуда в поход на Моравию.
- ¹⁵ЖК. Гл. 14 // MMFH. Т. II. Р. 99.
- ¹⁶Итальянская легенда. Гл. 7 // Ibid. Р. 128.
- ¹⁷ЖМ. Гл. 3 // Ibid. Р. 144.
- ¹⁸В византийских источниках, в том числе в обширной переписке Фотия, миссия вообще не упоминается.
- ¹⁹С некоторыми оговорками (там, где речь идет о житиях) я придерживаюсь реконструкции событий, которую дал Р. Марсина (Marsina R. Metod a Vel'ká Morava // Slovenská archivistika. 1985. 20, N 2. S. 11—32).
- ²⁰ЖК. Гл. 17 // MMFH. Т. II. Р. 110. Здесь сказано об освящении книг папой; ЖМ. Гл. 6 // Ibid. Р. 146; В этой главе говорится об освящении учения помещением славянского Евангелия на алтарь св. Петра; булла Gloria in excelsis Deo (ЖМ. Гл. 8) сообщает об "изложении книг на славянском языке". "Книги", по крайней мере в последнем случае, означают письмо (см. Сказания... С. 152). О письме, скорее всего, шла речь и в рассказе об "освящении книг" в Риме.
- ²¹Marsina R. Metod... S. 17.
- ²²Ibid. S. 17.
- ²³Ibis. S. 19.
- ²⁴Annales Fuldenses. A. 870 // MMFH. Т. I. Р. 102.
- ²⁵ЖМ. Гл. 5 // Ibid. Т. II. Р. 143.
- ²⁶Vavřinek V. Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje // Rozpravy Československé akademie věd. 1963. 73, N 7. S. 95.
- ²⁷Novotný V. Op. cit. S. 348; Łowmiański H. Op. cit. S. 347.
- ²⁸"In illam ineffabilem Rastizi munitionem et omnibus antiquissimis dissimilem venisset" (Annales Fuldenses. A. 869 // MMFH. Т. I. Р. 101).
- ²⁹О размерах державы Святополка см.: Havlik L.E. Uzemní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka // Slovanské studie. 1960. 3. S. 9—77; Łowmiański H. Op. cit. S. 325.
- ³⁰ЖМ. Гл. 11. // MMFH. Т. II. Р. 156.
- ³¹Annales Fuldenses. A. 884 // Ibid. Т. I. Р. 114.
- ³²Angenendt A. Kaiserherrschaft und Königstaufe: Der imperiale Taufpatronat in der abendländischen Missionsgeschichte. B.; N.Y., 1984.
- ³³Marsina R. Metod... S. 21.
- ³⁴ЖМ. Гл. 10 // MMFH. Т. II. Р. 154.
- ³⁵Sullivan R.E. Early medieval missionary activity: A comparative study of eastern and western methods // Church History. 23. Р. 17—35; Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 122 и след.
- ³⁶MMFH. Т. III. Р. 197—208. Ср.: Havlik L.E. The Roman privilege "Industriae iiae" for Moravia // Cyrillicmethodianum. 1983. 7. Р. 23—37.
- ³⁷Annales Fuldenses. A. 884 // MMFH. Т. I. Р. 116. В. Новотный (Novotný V. Op. cit., S. 390) полагал, что присяга касалась только Паннонии, переданной Святополку в держание, но нам это кажется неправдоподобным.
- ³⁸Это следует из письма маркграфа Арибо королю Арнульфу (891 г.). См.: Schwarzmaier H. Ein Brief des Markgrafen Aribon an König Arnulf über die Verhältnisse in Mähren // Frühmittelalterliche Studien. 1972. 6. S. 55—66.
- ³⁹О падении Великой Моравии см. подробнее в следующей главе. Нашу точку зрения см.: Treštilk D. Pad Velké Moravy // Typologie raně feudálních slovanských států. Pr., 1987. S. 27—76.
- ⁴⁰Ibid. S. 41.
- ⁴¹Měřinský Z. Morava v 10. století ve světle archeologických nálezů // PA. 1986. 77. S. 18—80.
- ⁴²Graus F. L'empire de Grande-Moravie, sa situation dans l'époque et sa structure intérieure // Das Grossmährische Reich. Pr., 1966. S. 205—219; Bulln H. Aux origines des formations étatiques

- des Slaves du moyen Danube au IXe siècle // L'Europe aux IXe—XIe siècles. Varsovie, 1968. P. 197—204; Kučera M. Problémy vzniku a vývoje feudalizmu na Slovensku // HC. 1974. 22. S. 541—564; Łowmiański H. Op. cit. S. 376.
- ⁴³Conversio Bagoriorum et Carantanorum. 11 // MMFH. T. III. P. 312.
- ⁴⁴Закон судный людям // Ibid. T. IV. P. 147—198. Об этом памятнике см.: Záštěrová B. Über zwei grossmährische Rechtsdenkmäler byzantinischen Ursprungs // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Pr., 1978. S. 361—385.
- ⁴⁵Закон судный людем. Гл. 1 // MMFH. T. IV. P. 178.
- ⁴⁶Charvát P. K otácke soukromého vlastnictví půdy na Velké Moravě // AR. 1987. 39. S. 672—679.
- ⁴⁷Закон судный людем. Гл. 5, 18, 25, 30 // MMFH. T. IV. P. 182, 190, 192, 194. В гл. 1 "господ" означает "хозяин".
- ⁴⁸ЖК Гл. 14 // Ibid. T. II. P. 98: "Ростистлавъ бо, моравъский князъ, съвѣтъ сътвори сѧ князи своями и сѧ моравляны".
- ⁴⁹Hlavíček L.E. Morava... S. 66.
- ⁵⁰Łowmiański H. Op. cit. S. 378.
- ⁵¹MMFH. T. III. P. 206.
- ⁵²Chrysos E. Der Kaiser und die Könige // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert. Wien, 1980. S. 146.
- ⁵³Ficker R. Forschungen zur Reichs- und Rechtsgeschichte Italiens. Innsbruck, 1872. Bd. III. S. 6.
- ⁵⁴См. примеч. 38.
- ⁵⁵О нем см. Třešťák D. Trh Moravanu — ústřední trh státě Moravy // CSCII. 1973. 21. S. 876. Главный из сохранившихся источников — извлечения из Ибн Русты (MMFH. T. III. P. 343—348); к нему восходят цитаты в текстах Худуд-ал-Алама (Ibid. P. 421—423), Гардизи (Ibid. P. 425—429) и Ал-Марвази (Ibid. P. 432—433).
- ⁵⁶Lewicki T. S.W.N.T.-BLK arabskiej "Relacji anonimowej" z połowy IX wieku i jego zastępca // Liber Iosepho Kostrzewski octogenario... ditatus. Wracław etc., 1968. S. 363—376.
- ⁵⁷Kmietowicz F. Die Titel der Slawenherrscher in der sog. "Anonymen Mitteilung", einer orientalischen Quelle (Ende des 9. Jahrhunderts) // Folia Orientalia. 1978. 19. S. 13—34. Его главный довод состоит в том, что Моравию в IX в. арабские купцы не посещали и что поэтому она не могла быть известна арабам. Но в действительности она лежала на пути арабско-еврейских раданитов (см.: Třešťák D. Trh Moravanu... S. 888) "Свят малик" не мог находиться в Киеве, ибо там жили русы, которых "Анонимная реляция" отличает от славян.
- ⁵⁸Třešťák D. Trh Moravanu... S. 877; Kmietowicz F. Op. cit. S. 25.
- ⁵⁹Cp. Kmietowicz F. Op. cit. S. 26.
- ⁶⁰Cp.: Ibid. S. 26.
- ⁶¹Т. Левицкий (Lewicki T. Op. cit. S. 373) читает ӯranič, что могло бы быть предположительно реконструируемой производной формой от слова ӯrān.
- ⁶²Kmietowicz F. Op. cit. S. 30.
- ⁶³Закон судный людем. Гл. 3, 20 // MMFH. T. IV. P. 180, 191.
- ⁶⁴Lewicki T. Op. cit. s. 372; Kmietowicz F. Op. cit. S. 31.
- ⁶⁵Gieysztor A. Urząd wojewódzki we wczesnych państwach słowiańskich // Archeologia Polska. 1971. 16. S. 317—325.
- ⁶⁶MMFH. T. III. P. 415.
- ⁶⁷Достал Б. Вельможеские усадьбы в структуре великомуравского государства // Typologie... S. 124.
- ⁶⁸Krzemieńska B., Třešťák D. Hospodářské základy rane středověkého státu ve střední Evropě (Čechy, Polsko, Uhry v 10. a 11. století) // Hospodářské dějiny. Pr., 1978. 1. S. 149—225.
- ⁶⁹Bosl K. Pfalzen, Klöster und Forste in Bayem: Zur Organisation von Herzogs- und Königsgut. Bayern // Verhandlungen des Historischen Vereins für Oberpfalz und Regensburg. 1966. 10. S. 43—62.
- ⁷⁰Hlavíček L.E. Morava... S. 58; Justová J. Etnické procesy v dolnorakouském Podunaji v raném středověku: Autoref. kand. dis. Pr., 1982. S. 16.
- ⁷¹Krajčovič R. Z historickej typológie služobnických názvov v Podunajsku // O počiatkoch slovenských dejín. Br., 1965. S. 205—252.
- ⁷²Krzemieńska B., Třešťák D. Přemyslovská hradište a služebná organizace přemyslovského státu // AR. 1965. 17. S. 639.

⁵Татищев В.Н. История Российской. М.; Л., 1963 Т. 2. С. 48: Татищев сообщает, что княгиня Ольга установила якобы дань — по одному черному меху от каждого жениха.

⁶В Ирландии каждая невеста на свадьбе подносила королю перстень, называвшийся "перстень невесты" См. Joyce D.W. A social history of ancient Ireland. L., 1907. Vol. 2. P. 7.

⁷Třešťák D. Mir a dobrý rok: Česká státní ideologie mezi křestanstvím a pohanstvím // FHB. 1988. Т. 12. S. 30 *passim*.

⁸См. сочинение Худуд-ал-Алам (MMFH. Т. III. Р. 422).

⁹Havlik L.E. Morava... S. 105—106; Idem. Kronika o Velké Morave. Brno, 1987. S. 262.

¹⁰Hrubý V. Státeč Město, velkomoravské pohřebiště Na valách. Pr., 1955. S. 318—319. Автор различает 5 категорий погребений по характеру инвентаря.

¹¹Dostál B. Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě. Pr., 1966. S 94—96.

¹²Měřinský Z. Velkomoravské kostrové pohřebiště ve Velkých Bílovcích // Studie Archeologického ústavu. Brno; Pr., 1985. Т. 12. S. 74.

¹³Graus F. O poměr mezi archeologií a historii // AR. 1957. 9. S. 538, 545.

¹⁴Borkovský J. Zelezné nože ve slovanských hrobech // Slavia Antiqua. 1954—1956. 5. S. 359—366; Idem. K výkladu nožů na slovanských pohřebištích // AR. 1957. 9. S. 553—560; Hrubý V. Op. cit., S. 319, 326.

¹⁵Poulik J. K otázce počátků feudalismu na Moravě // PA. 1961. 52/2. S. 499—500; Dostál B. Slovanská pohřebiště... S. 95; Ruttay A. Problematika vypořádající schopnosti nálezov v časnostredověkých zbraní // Základné metodologické problémy a marxistické kategorie v archeologii. Nitra, 1978. S. 271.

¹⁶Bialeková D. Slovanské pohřebisko v Závade // SIA. 1982. 30/1. S. 146—148.

¹⁷Poulik J. K otázce... S. 500; Ruttay A. Waffen und Reiterausstattung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jhdts in der Slowakei // SIA. 1975. 23/1. S. 122.

¹⁸Graus F. O poměr... S. 540—541; Štěpánek M. Opevněná sídlisko 8.—12. století ve střední Evropě. Pr., 1965. S. 26—28; Ruttay A. Problematika... S. 272—275.

¹⁹Poulik J. Mikulčice, sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Pr., 1975. S. 53—71, 76—87, 92—94, 101—103, 110, 114—115, 120—121; Klanica Z. Mikulčice-Klášterisko // PA. 1985. 76/2. S. 489—534.

²⁰Dostál B. Slovanská pohřebiště... S. 96.

²¹Poulik J. Svědectví výzkumu a pramenů archeologických o Velké Moravě // Velká Morava... S. 16; Idem. K otázce vzniku předvelkomoravských hradišť // SIA. 1988. 36/1. S. 197—198.

²²Hrubý V. Op. cit.; Poulik J. Nálezy kostela z doby říše velkoravarské v trati Spitálky ve Starém Městě // PA. 1955. 46. S. 307—351.

²³Dostál B. Drobna pohřebiště a rozptýlené hroby z Břeclavi-Pohanska // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské univerzity. 1982. E 27. S. 135—201, Tab. 27—36

²⁴Vignatirová J. K sociální charakteristice jižního předhradi Pohanska // Ibid. 1985. E 30. S. 105—112.

²⁵Hrubý V. Velkomoravská města a velmožské dvorce // Referaty Liblice. Brno, 1961. S. 96—108; Poulik J. Dvě velkomoravské rotundy v Mirulčicích. Pr., 1963. S. 113—126; Dostál B. Břeclav-Pohansko IV. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975; Havlik L.E. Morava... S. 44.

²⁶Куза А В Древнерусские города // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С 51—66.

²⁷Arbman H. Vikingové. Pr., 1969. S. 18.

²⁸Annales Fuldaenses. A. 845 // MMFH. Т. I. Р. 89.

²⁹Annales Fuldaenses. A. 872 // Ibid. P. 106—107; Cp.: Třešťák D. Pocatky Přemyslovci. Pr., 1981. S. 73 *passim*.

³⁰О дружинах см.: Vaňek V. Prvnich tisíc let... Pr., 1949. S. 92—113.

³¹Merhawová A., Třešťák D. Ideové průduvy v českém umění 12. století. Pr., 1985. S. 12 *passim*.

³²Třešťák D. Počátky... S. 79 *passim*.

³³Třešťák D. Bořivoj a Svatopluk: Vznik českého státu a Velká Morava // Velká Morava... S. 273—301; Idem. Bořivojový křest v historiografii // FHB. 1986. Т. 10. S. 41—57.

³⁴Třešťák D. Vznik Prahy a českého státu // FIIB. 1983. Т. 5. S. 7—37.

³⁵Třešťák D. Počátky... S. 87.

³⁶Annales Fuldaenses. A. 895 // MMFH. Т. I. Р. 121.

- ¹⁰⁷ Sláma J. Přínos archeologie k poznání počátků přemyslovského státu // Sborník Národního muzea v Praze. Ř. A. Historie. Pr., 1983. 37, N 2/3. S. 159—169.
- ¹⁰⁸ Třeštík D. Počátky... S. 34, 46.
- ¹⁰⁹ Merhautová A., Třeštík D. Románské umění v Čechách a na Moravě. Pr., 1983. S. 30 passim.
- ¹¹⁰ Sláma J. K počátkům hracké organizace v Čechách // Typologie... S. 175—190.
- ¹¹¹ Krzemierska B., Třeštík D. Hospodářské základy... S. 173, 218.
- ¹¹² Katz V. O chronologii denáru Boleslava I. a Boleslava II. Pr., 1935.
- ¹¹³ Michna P. J. K. utváření rané středověké Moravy // ČSČH. 1982. 30. S. 716—744.

Р. МАРСИНА

СЛАВЯНЕ И МАДЬЯРЫ В КОНЦЕ IX—Х в.

В конце IX в., после прихода мадьярского племенного союза на Дунай, ранее редкие контакты мадьяр с жившими там славянами стали постоянными и интенсивными. В то время часть Дунайской низменности входила в состав таких государственных образований, как Великая Моравия, Восточно-Франкская держава и Болгарское государство, на другие земли распространялась сфера их влияния. Тесные связи между мадьярами и славянами оказали определенное влияние на венгерский язык, его словарный состав, определенные виды лексики (земледельческая, культурная и церковная терминология) обогатились славянскими заимствованиями. Эти контакты способствовали также переходу мадьяр к оседлому образу жизни и более эффективной экономике, равно как и формированию Венгерского раннефеодального государства¹. Ряд его административных центров носили славянские названия, в других — археологические находки показывают континуитет населения с домадьярских времен.

Самым крупным государством в Дунайской низменности в конце IX в. была Великая Моравия. Ее первоначальное ядро возникло из двух частей. Первую составляло староморавское княжество в бассейне р. Моравы, включая наддунайскую часть современной Нижней Австрии и часть современной Словакии к западу от Малых Карпат, вторую — Нитранское (Прибино) княжество (земли по нижнему и среднему течению Вага, Нитре и Грону)². К началу 90-х годов IX в. в состав Великой Моравии входила большая часть современной Словакии, средняя часть Потисья с центром в Бихаре, северная территория восточной половины современной Венгрии (от Южного Гонта до Южного Земплина) и северо-восточная часть Задунавья³. Большая часть Задунавья, очевидно, частично принадлежала Святополку, частично же из-за нее шла борьба с франками⁴.

Задунавье, исключая его северо-восточную часть, было в IX в. окраинной землей Восточно-Франкской державы и принадлежало ей в период прихода мадьяр в Дунайскую низменность⁵. Франкской Паннонией в конце IX в. управляли специально уполномоченные графы (комесы)⁶. В юго-восточной части Дунайской низменности, на Нижней Тисе и к востоку от нее в современной Румынии было славянское княжество, которое принадлежало тогдашнему Болгар-

скому государству, так же как и южная часть территории, лежащей между Дунаем и Тисой, и восточная часть Славонии между реками Савой и Дравой⁷. Западная часть земель между Савой и Дравой составляла самостоятельное славянское княжество, во главе которого тогда находился Браслав⁸.

Подавляющее большинство населения Дунайской низменности составляли славяне. Авары, о которых пишут некоторые венгерские исследователи⁹, могли быть в лучшем случае лишь разобщенными реликтовыми группами. На территории современной Трансильвании в то время, возможно, уже проживало восточнороманское население¹⁰. Во франкском Задунавье, кроме представителей франкской администрации, несомненно, жили и пришедшие из Восточно-Франкской державы поселенцы-бавары и частично аллеманы¹¹.

Славянское население Дунайской низменности было этнически дифференцированно. На территории Великой Моравии жили славяне, обозначавшиеся этнонимом "мораване", или "моравские словены"¹². Первоначально этноним "мораване" относился лишь к населению староморавского княжества, но постепенно он распространился на всех славян в Великоморавском государстве. Оно существовало слишком мало для того, чтобы данный этноним считали своим все славяне на территориях, долгое время входивших в состав этой державы. Трудно предполагать, что он стал полностью своим даже для населения восточной части Великой Моравии — бывшего Нитранского княжества, это еще менее вероятно для населения самых восточных частей Великой Моравии. Все это были близкие между собой славянские группы (племена), которые можно отнести к западным славянам. Население северной части Задунавья было наиболее близко к нитранским славянам. Население же Южного Задунавья и на юг от Дравы, включая Восточную Славонию (Сирмий), — южные славяне¹³. Население между Нижней Тисой и Дунаем и к востоку от Нижней Тисы также южнославянское, возможно, родственное болгарским славянам¹⁴. Для конкретного определения количества славян, обитавших в конце IX в. в Среднем Подунавье, нет достоверных источников. Несомненно, что на тех же перечисленных землях, которые в дальнейшем принадлежали мадьярам, могло тогда жить, по самым скромным подсчетам, около 200—300 тыс. славян, причем в это число не включены славяне, проживавшие к югу от Дравы и в бассейне р. Моравы¹⁵.

Венгерская историография уже свыше ста лет очень подробно исследует события, связанные с приходом мадьяр в Дунайскую низменность. Нет полного единства взглядов при реконструкции этих событий. Нет единого мнения о причине и времени прихода мадьяр, по разному определяется и точное время занятия ими некоторых областей Дунайской низменности. Самое распространенное мнение состоит в том, что после того, как в 895 г. мадьяры, являвшиеся союзниками Византийской империи, нанесли поражение болгарам, они уже не успели вовремя возвратиться домой, чтобы отразить набег печенегов на свои жилища. Оставленная там с небольшой охраной часть населения была частично уничтожена печенегами, а стада захвачены. Большая часть мадьяр под давлением печенегов

ушла на запад и перешла через карпатские перевалы в Дунайскую низменность, куда уже ранее проникли их дружины¹⁶. Высказывается и мнение, что намерение мадьяр заселить Дунайскую низменность возникло раньше, чем союз с Византийской империей, и что в походе в Болгарию якобы участвовала лишь конница двух их племен. Верховный вождь мадьяр Арпад с главным войском, как считается, уже осенью 894 г., но скорее всего весной 895 г., вступил на Великую (Венгерскую) равнину¹⁷.

Частичное поселение мадьяр в Дунайской низменности относят к более раннему времени. В 892 г. они, как утверждается, в обмен на помощь королю Арнульфу против Великой Моравии получили его согласие на владение занятой ими территорией¹⁸. Поскольку в 894 г. мадьяры фигурируют как союзники Святополка в его войне против Арнульфа, то, возможно, уже в 892—893 гг. и Святополк согласился на поселение мадьяр в восточной части Дунайской низменности, на самой восточной окраине своей державы. Отдаленным отголоском этого события считается рассказ венгерских хроник о продаже (передаче) земли за белого коня, седло и уздечку¹⁹. На этой основе выдвигается весьма смелая гипотеза, что часть мадьярского населения уже в 892—893 гг. поселилась на всей восточной половине Дунайской низменности до Дуная и Грона²⁰. При самом снисходительном отношении к этим взглядам можно было бы допустить, что малые разобщенные группы мадьяр могли поселиться (как подданные Святополка) в Дунайской низменности, но нельзя говорить о занятии ими всей ее восточной части.

Мадьярский племенной союз, главным военачальником которого был Арпад, сын Альмоша, при переходе в Дунайскую низменность состоял из семи племен и племени кабаров, присоединившегося к мадьярам еще в так называемой Лебедии (на территории между Доном и Днепром)²¹. Количество мадьяр во время похода определяется различно (от 200 до 500 тыс.). Сейчас в венгерской историографии преобладающим стало мнение, что их численность достигала 500 тыс.²². Однако невоенная часть населения на старой родине мадьяр, между Днестром и Днепром, в 895 г. понесла огромные потери от печенегов. Поэтому более правильным представляется, что общее количество мадьяр ко времени их прихода на Дунай не превышало 300 тыс., хотя эта цифра кажется слишком большой.

Из венгерских нарративных источников наиболее подробно заселение новой родины описывают "Деяния венгров" Анонима²³. В других венгерских нарративных источниках об этом есть лишь очень краткие упоминания²⁴. "Деяния венгров" Анонима обычно считаются источником очень сомнительной достоверности²⁵. Но, вопреки этому, историки их используют. Конкретные даты и у Анонима встречаются лишь изредка, так что определение хронологии разных этапов заселения Дунайской низменности зависит от историков. Поскольку мадьяры проникали туда с востока и северо-востока, наиболее вероятно, что постепенно они заняли прежде всего ее восточную часть. Здесь в связи с дезинтеграцией, наступившей после смерти Святополка (894 г.), очевидно, существовало тогда самостоятельное

славянское княжество²⁶ с центром в Бихаре, первоначально входившее в состав Великой Моравии. Другое славянское княжество на Нижней Тисе и к востоку от нее²⁷, так же как и современную Трансильванию, мадьяры заняли вскоре после своего прихода. Вся восточная половина южной части Дунайской низменности вплоть до Дуная стала их владением. Несколько позднее они начали проникать в более северные части восточных районов Дунайской низменности (позднейшие жупа Боршод и комитат Южный Гемер)²⁸. Этую первую фазу можно датировать 896—898 гг.

После смерти Святополка Великая Моравия в конце 894 г. заключила мир с Баварией. Очевидно, постепенный распад державы, созданной Святополком, был следствием внутренней дезинтеграции. Имело значение и давление со стороны мадьяр. Уже в 895 г. чешские князья во главе со Спитигневом и Витиславом подчинились королю Арнульфу²⁹. В 896 г., возможно, с вынужденного согласия наследника Святополка Моймира II или его младшего брата Святополка, вероятно, управлявшего уделом с центром в Нитре, мадьяры поселились на территории к востоку от Дуная, которая до тех пор была частью Великой Моравии. Может быть, уже тогда произошло присоединение к мадьярам части славянского великоморавского населения³⁰. Поскольку мадьяры нападали на Паннонию, Арнульф поручил ее оборону Браславу. Краткий период мира, может быть, даже союза с мадьярами Моймир II использовал для укрепления своей власти и попытался вновь подчинить чешских князей, которые в 897 г. просили у Арнульфа помочь против мораван³¹. Но Моймир II все же не доверял мадьярам и приказал построить на юго-восточной окраине подчиненной ему территории новую крепость Новоград (позднейший Ноград). К этому спокойному времени, благоприятному для консолидации Великоморавского государства, относится попытка восстановления самостоятельного великоморавского диоцеза, который после смерти Мефодия фактически перестал существовать. В 899—900 гг. с согласия папы Иоанна IX для Великой Моравии были рукоположены один архиепископ и три епископа³². Между тем в 898 г. обострились отношения между Моймirem II и его младшим братом Святополком. Подстрекателем был правитель восточной марки граф Арибо. Во время зимнего похода 898/99 г. баварское войско освободило Святополка от осады в его собственном граде, который оно сожгло, и вместе с приближенными увело его в Баварию³³. В 900 г. бавары вновь вторглись в Моравию и три недели опустошали ее³⁴.

Еще раньше, в 899 г., мадьяры как союзники короля Беренгара вторглись в Северную Италию. В конце 899 г. король Арнульф умер и мадьяры уже не чувствовали себя обязанными выполнять заключенный с ним договор. При возвращении из Италии в 900 г. их войско опустошило Паннонию (Задунавье), заняло ее и дошло по течению Дуная до р. Энns. Потом они отступили перед появившимся баварским войском. Весной 901 г. мадьяры вторглись в южную часть Восточно-Франкского королевства, в Карантанию, и опустошили ее, однако были отбиты. После этих событий в 901 г. состоялось заключение мира между князем Моймirem и баварами³⁵. Занятие Пан-

нении мадьярами частично затрагивало и интересы Великоморавского государства, которому тогда, очевидно, еще принадлежала северная часть Задунавья. Если до того мадьяры непосредственно соседствовали с Великой Моравией лишь на ее юго-восточных границах, то теперь они стали ее южными соседями.

В 902 г. мадьяры вторглись в Моравию, но, по сообщению Фульдских анналов, потерпели поражение и бежали. Согласно Аллеманским анналам, в 902 г. мадьяры разбили войско баваров, вероятно, помогавшее мораванам³⁶. В Раффельштеттенском таможенном тарифе, который относится к 903—906 гг., упоминается торг мораван³⁷. В 904 г. бавары пригласили Кусала, великого князя (сакрального вождя мадьяр) на переговоры в лагерь на р. Фиша и убили его, а его дружины преследовали, возможно, до самой Братиславы³⁸. Сообщение саксонского хрониста, что мораване нанесли поражение мадьярам в 906 г., неправильно датировано и явно относится к 902 г.³⁹. В июле — августе 907 г. бавары, двигаясь вдоль течения Дуная, вторглись на занятую мадьярами территорию и потерпели сокрушительное поражение недалеко от Братиславы⁴⁰.

В упомянутом сообщении от 902 г. последний раз упоминаются мораване. В относительно подробных описаниях битвы (или битв) при Братиславе мораване вообще не фигурируют, хотя сражение происходило на территории, принадлежавшей ранее Великой Моравии. События, которые фактически означали падение Великоморавского государства, очевидно, произошли до 907 г. В достоверных западных источниках нет ни одного прямого сообщения о главной, решающей битве мадьяр с военными силами Великой Моравии. Лишь у Регинона из Прюма под 894 г. упоминается, что после смерти Святополка⁴¹ его королевством несчастливо управляли его сыновья лишь краткое время, ибо венгры все до основания опустошили⁴². Регинон из Прюма умер в 915 г., цитированная фраза была написана, очевидно, в 908 г. Наиболее вероятным временем падения Великой Моравии можно считать годы, последовавшие за убийством Кусала, — 905—906 гг⁴³. После его смерти единственным великим князем венгров стал Арпад. Стремясь отомстить за убийство Кусала, он направил первый удар против союзника баваров Великой Моравии. Эту войну и следует датировать 905—906 гг. Ответом баваров на захват восточной части Великой Моравии и набеги мадьяр на восточные земли империи был неудачный поход 907 г.

В венгерской хронике Шимона Кези говорится о решающей битве между мадьярами и великомуровским войском: указывается и ее место — на юг от Дуная в районе поселения Банхида в Комарненской жупе, как правитель мораван упоминается Святополк, который якобы при бегстве с поля битвы утонул в Дунае⁴⁴. Согласно другой традиции, записанной в Эстергоме чешским хронистом Козьмой, Святополк умер отшельником на горе Зобор у Нитры⁴⁵. Так как Святополк умер еще в 894 г., оба эти сообщения можно отнести лишь к его младшему сыну того же имени. Правда, в 898 г. он ушел в Баварию, но после заключения мира в 901 г. он мог вернуться в Великую Моравию и получить в управление ее восточную часть. Затем он был

разбит мадьярами, которые заняли восточную часть Великой Моравии, современную Словакию.

После падения Великоморавского государства мадьяры стали гегемоном в Дунайской низменности. Они заняли и постепенно частично заселили южные области восточной части Великой Моравии — область Нитры до р. Ваг или даже до подножий Малых Карпат. Не ясно, вышли ли они уже в то время на линию р. Морава — р. Ольшава, которая была венгерской западной границей в начале XII в.⁴⁵ Падение Великой Моравии означало не просто уменьшение ее тогдашней территории, но конец существования центрального правительства, гибель в военных действиях многих представителей центральной власти, отголоском этого несомненно являются сообщения в венгерских нарративных источниках о завоевании славянских земель. Однако нельзя исключить, что в то время на землях к западу от Малых Карпат в какой-то форме сохранялось Моравское княжество, находившееся в зависимости от мадьяр. С другой стороны, даже в области Нитры, прежде всего в тех ее районах, которые еще не заняли мадьяры, могли также сохраняться низшие региональные образования времен Великой Моравии. Ведь упадок центральной власти в Великой Моравии был, по-видимому, обусловлен не только большим военным поражением, но и внутренней дезинтеграцией, вызванной стремлением некоторых групп знати захватить власть на местах. Ради этого они были согласны даже подчиниться мадьярам и поступить к ним на службу, как это, кажется, произошло уже во второй половине 90-х годов IX в в восточной части тогдашней державы Святополка. В пользу такой гипотезы говорит и то, что знать мадьяр и великоморавская знать вряд ли были совершенно чужими людьми друг другу. Когда в 894 г. мадьяры стали союзниками Святополка против баваров, этому, несомненно, предшествовали переговоры, когда должны были установиться личные контакты, по меньшей мере на уровне знати. Контакты могли устанавливаться, конечно, и иными путями.

Венгерская историография очень подробно изучала положение, сложившееся после постепенного занятия Дунайской низменности мадьярами, и пыталась точнее определить, как были разделены земли между их отдельными военачальниками⁴⁶. Для решения этого вопроса имеется очень мало данных, а прямые свидетельства надежных источников почти отсутствуют. Все же, большей частью на основе топонимов, венгерские историки смогли "распределить" между отдельными племенами с их начальниками (князьями) всю Дунайскую низменность от Дуная и Савы по Карпаты. Что стало с первоначальным, преимущественно славянским населением этих земель, они подробно не выясняли и допускали (судя по составленным ими картам) его сохранение даже в то время лишь на окраинных землях, в границах более узких, чем современный ареал расселения славян⁴⁷.

После захвата Дунайской низменности и падения Великой Моравии мадьяры около полувека предпринимали грабительские походы в Западную и Южную Европу и даже в Византию⁴⁸. Очевидно, самую

большую территорию приблизительно в центре Дунайской низменности занял велиокняжеский род Арпадов, вероятно, стоявший во главе племени мадьяр. Вместе с землями, занятymi племенем кабаров, всегда действовавшим в тесной связи с велиокняжеским родом (племенем), это, кажется, составляло пятую часть всей занятой территории; однако центральная власть Арпадов ослабла⁴⁹.

Занятая мадьярами область распалась на относительно самостоятельные владения отдельных князей (племенных вождей), которые часто самостоятельно предпринимали даже заграничные походы. Новый этап развития, характеризующийся возникновением крепкой центральной власти, начался только около 970 г., когда великим князем стал Геза, сын Такшона.

Если мадьяры действительно около 900 г., как считает венгерская историография, заняли всю Дунайскую низменность до Дуная и Савы и, кроме того, около 902 г. даже все прежнее Моравское княжество вплоть до Чехо-Моравской возвышенности и Бескид⁵⁰, то на этой территории славян было больше, чем 200–300 тыс. (вероятная численность мадьярского объединения); таким образом, численность славян существенно превышала количество мадьяр. Предположение о продолжительном присутствии мадьяр в Мораве и Славонии (к югу от Дравы) и в Старой Моравии имеет лишь очень малое подтверждение в достоверных исторических источниках⁵¹.

Весьма вероятно, что во время прихода мадьяр произошло определенное сокращение числа славян, ибо были истреблены те из них, которые оказывали сопротивление захватчикам. С другой стороны, можно предположить, что подавляющее большинство славянского населения подчинилось мадьярам или было ими подчинено, нельзя также исключить, что мадьярам подчинились некоторые лица из славянской знати, которые поступили к ним на службу. В итоге можно сделать вывод, что численность мадьяр и местных славян была примерно одинаковой. Такое положение, очевидно, существенно не изменилось и на протяжении X в., хотя можно предполагать, что уже тогда происходила постепенная ассимиляция части славянского населения прежде всего там, где оно было малочисленно. Вместе с тем во многих грабительских набегах в течение X в., особенно до 955 г., мадьяры несли большие потери, причем речь шла о самой активной, боеспособной их части. А в 955 г. наибольшие потери понесли именно те мадьяры, которые, как полагают, поселились в современной Юго-Западной Словакии⁵².

Занявшие Дунайскую низменность мадьяры жили в основанных ими или же оставленных славянским населением селениях, около старых славянских поселений или вместе со славянами, так что в этот период имел место определенный славяно-мадьярский симбиоз. О нем говорят прежде всего те славянские гидронимы и топонимы, которые мадьяры, приспособив к своему языку, употребляли и дальше. Такие названия известны не только в смешанных славяно-венгерских областях, в старых грамотах они обнаруживаются и на ныне (и задолго до того) этнически чистой венгерской территории⁵³. В ряде случаев в процессе постепенной ассимиляции славян старые гидронимы и

топонимы заменялись новыми, венгерскими, и только старые грамоты позволяют реконструировать первоначальные названия.

Славянское население Дунайской низменности ко времени прихода мадьяр находилось на несколько более высоком уровне экономического развития, чем новые завоеватели⁵⁴. Хотя сейчас обычно мадьяр не называют кочевниками, современная венгерская историография не отрицает, что они были полукочевниками, которые занимались скотоводством и частично земледелием⁵⁵, их общественное устройство можно обозначить как военную демократию.

Славяне, жившие в Дунайской низменности, занимались земледелием и в своем общественном развитии достигли стадии зарождающегося раннего феодализма. Приход мадьяр, несомненно, нарушил, а в некоторых местах, возможно, весьма серьезно, хозяйственную деятельность местного населения. Однако в целом при контакте оседлых земледельцев с полукочевыми мадьярами на первом этапе получила преобладание хозяйственная организация первоначального населения, которая была более прогрессивной. Доказательствам этого служат некоторые заимствования славянской земледельческой терминологии в венгерском языке, например: bogona, csep (слав.—сер), csoroszlya (cercslo), gereben (hreben), gercblye (hrable), lapai (lopata), polyva (pleva), parlag (prélog), asztag (stoh), villa (vidlc) и т.п.⁵⁶ Такие заимствования позволяют сделать вывод, что мадьяры переняли от местного населения более развитую земледельческую технику. Славянскими заимствованиями в венгерском языке являются и названия некоторых земледельческих культур, таких как бобы, укроп, капуста, лен, мак, репа, рожь⁵⁷. Это влияние не отрицается и в новейшей "Истории Венгрии", где констатируется, что "совместное существование с явно земледельческими славянами независимо от диалекта, на каком они говорили, помогло приспособиться к новой системе", т.е. к зарождавшемуся раннему феодализму, хотя там же подчеркивается, что "способы ведения хозяйства мадьярского и славянского народа не так сильно отличались друг от друга, как это утверждалось раньше"⁵⁸.

Можно говорить и о существенном влиянии славян на образование служебной (ремесленной) организации. Названия подавляющего большинства ремесленных поселений в Венгрии являются производными от славянских корней⁵⁹. Поэтому можно предполагать, что система таких поселений, связанных с обслуживанием раннефеодального государства, возникла еще до прихода мадьяр. Если бы эта организация была образована уже после прихода мадьяр из их собственных ремесленников, то вряд ли названия поселений ремесленников многих отраслей, для обозначения которых в венгерском языке есть собственные термины⁶⁰, могли получить славянскую форму. Может быть, новые ремесленные поселения в X в. (или позднее) имели уже полностью или, частично венгерские названия, но названия старых поселений и далее оставались первоначальными — славянскими. Поэтому можно считать бесспорным, что большинство ремесленных (служебных) поселений мадьяры обнаружили здесь при своем приходе или отчасти создали их путем концентрации славянских ремесленников. Иного способа их возникновения нельзя пред-

полагать, даже приняв во внимание, что славянские гончары, кузнецы и плотники использовали иную технологию, чем мадьяры. Таким образом, мадьяры смогли использовать сложившуюся в славянском раннефеодальном обществе систему разделения труда. В итоге славянское население "сыграло неоценимую роль в том, что мадьяры быстро присоединились к семье европейских народов"⁶¹, или, иначе говоря, помогло подъему производительных сил мадьярского общества на новый уровень и ускорило его переход к феодализму.

Политическая организация мадьяр в X в. также опиралась, по меньшей мере частично, на существовавшую ранее. При реконструкции возникающей политической организации венгерские медиевисты ориентируются на изучение топонимов, образованных от имен племенных князей. Больше всего таких топонимов связано с прямыми потомками Арпада. Опираясь на это наблюдение, Д. Дьёрфи предполагает, что уже ближайшие потомки Арпада имели свои уделы, которые они наследовали по праву старшинства⁶². Все эти уделы находились на землях, которые, как считается, до прихода мадьяр составляли особые политико-организационные образования: область Бихара, территория, на Нижней Тисе и область Нитры. Сходство географических очертаний старых и новых территориально-политических структур еще выразительнее выступает в последующий период, во время возникновения Венгерского государства.

В целом можно констатировать, что после заселения мадьярами Дунайской низменности здесь проживало большое количество западных и южных славян, которые в то время находились на более высоком уровне экономического и социального развития, чем мадьяры. Этот славяно-мадьярский симбиоз облегчил мадьярам переход к новой, более прогрессивной экономической системе. Уже с X в. шла постепенная ассимиляция славян мадьярами там, где первые составляли меньшинство. Однако этот процесс даже в этих местах не мог быть в то время завершен. С другой стороны, на окраинах Дунайской низменности, прежде всего на ее юге и севере, компактные территории, населенные славянами, сохранились и в дальнейшем.

¹Обзор языковых заимствований мадьяр из языка славян см.: *Kließsa I. A magyar nyelv szláv jövevény szavai*. Br., 1955. I/1–2. О развитии отношений славян и мадьяр см.: *Molnár E. A mágyná társadalom története az őskortól az Arpádkorig*. Br., 1949. 96.–174. о.

²Восточная граница по Грону проводится на основе упоминания у Козьмы Пражского (*Cosmas. I. 14.*).

³См. карту в кн.: *Dejiny Slovenska*. Br., 1986. Т. 1. С. 110.

⁴*Annales Fuldenses. A. 894 // MMFII. T. I. P. 120–121.*

⁵Его западную часть они заняли не ранее 900–901 гг. См.: *Havlík L.E. Kronika o Velké Moravě*. Brno, 1987. С. 207.

⁶Переговоры о защите Паннонии от Святополка состоялись в начале 829 г. именно на этой территории, в Хенгстфельде. См.: *Annales Fuldenses. A. 892 // MMFII. T. I. P. 118.*

⁷История на България. С., 1981. Т. 2. С. 140–141.

⁸MMFI. T. I. P. 118, розл. 4.

⁹МОТ. 1984. I/1, ктл. 586.о.

¹⁰Ср.: Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 186–204.

¹¹*Wolfram H. Slawische Herrschaftsbildungen im pannonischen Raum // Salzburg und die Slawenmission. Salzburg*, S.a. С. 250.

- ¹²"Sclavi Marahenses" в Фульдских анналах под 871 г. (MMFH. T. I. P. 103); "моравляне" и "словени" в ЖК и ЖМ (MMFH. T. II. P. 99, 144).
- ¹³Stanislav J. Slovenský juh v stredoveku. Martin, 1948. T. I. S. 12-13.
- ¹⁴Здесь могли жить и другие группы юнославянского населения.
- ¹⁵Примерные подсчеты численности населения на территории Великой Моравии см.: Havlík L.E. Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka // Slovanské štúdie. Br., 1960. T. 3. S. 74. На территории Словакии см.: Rutkay A. Problematika historického vývoja na území Slovenska v 10.-13. storočí z hľadiska archeologického bádania // Veľká Morava a počiatky československej státnosti. Pr., Br., 1985. S. 156.
- ¹⁶József B. Magyar történet. Br., 1935. I. köt.. 115.-118. o.
- ¹⁷MOT. I/I. köt. 589.-591., 593. o.; Kristó Gy. Levedi törzsszövetségéből Szent István államáig. Br., 1980. 182. o.
- ¹⁸Kristó Gy. Op. cit. 156. o.
- ¹⁹SSRH. Br., 1937. T. I. P. 53-54, 163, 288.
- ²⁰CM.: Kristó Gy. Op. cit. 167., 170. o.
- ²¹Fodor I. Die grosse Wandern der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Br., 1982. S. 240, 245; cp.: История Венгрии. М., 1971. Т. I. С. 93.
- ²²MOT. I. köt.; Fodor I. Op. cit.; Kristó Gy. Op. cit. О более старых взглядах на численность мадьяр см.: Marsina R. O počte a hustote obyvateľstva v Uhorsku do zač. 14. storočia // НС. 1961. 9. S. 618.
- ²³Anonymi (P. Magistri) Gesta Hungarorum // SSRH. T. I. P. 33—111.
- ²⁴Simonis de Keza Gesta Hungarorum; Chronicum Hungaricum compositio seculi XIV // SSRH. T. I. P. 163—167, 287—290.
- ²⁵Ratkó P. Anonymove Gesta Hungarorum a ich pramenná hodnota // НС. 1983.31. S. 825—870. Cp.: Королюк В.Д. Указ. соч. С. 186—204.
- ²⁶Прямо о нем упоминает лишь Аноним: SSRH. T. I. P. 59 passim.
- ²⁷Havlík L.E. Slovanské slámi útvary raného stredoveku. Pr., 1987. S. 53.
- ²⁸Не ясно, можно ли обнаруженные в этом районе оборонительные линии, называемые čerts, связывать с защитой от мадьяр. О слове "čerts" см.: Martinček J. Pohraničná hradba — čerts dávnych Slovákov // Historický sborník. Br., 1946. T. 4. S. 24—35.
- ²⁹Annales Fuldisenses. A. 895 // MMFH. T. I. P. 121.
- ³⁰Свидетельства об этом см. в грамоте 900 г.: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Br., 1971. Т. I. P. 34, N 39.
- ³¹Annales Fuldisenses. A. 897 // MMFH. T. I. P. 124.
- ³²Codex diplomaticus... T. I. P. 33, N 39; P. 36, N 40.
- ³³Annales Fuldisenses. A. 899 // MMFH. T. I. P. 126.
- ³⁴Annales Fuldisenses. A. 900 // Ibid. P. 127.
- ³⁵Ibid. P. 127—129.
- ³⁶MMFH. T. I. P. 129, 32. Интерпретацию этого известия см.: Havlík L.E. Kronika... S. 216, 218.
- ³⁷Codex diplomaticus... T. I. P. 37, N 41.
- ³⁸Aventinus. Annales Boiorum. A. 904 // Catalogus fontium historiae Hungaricæ. Br., 1937. T. I. P. 346.
- ³⁹MMFH. T. I. P. 251. cp. интерпретацию: Třešťák D. Pád Velké Moravy // Typologie raně feudálních slovanských států. Pr., 1987. S. 54—55, pozn. 65.
- ⁴⁰Самое достоверное сообщение об этом см.: Annales Iuvavenses maximi // MMFH. T. I. P. 131. Гораздо подробнее об этом у Авентина. Annales Boiorum // MMFH. T. IV. P. 437—439. Cp. интерпретацию: Ratkoš P. Vzťahy naddunajských Slovanov a starých Madžarov v r. 881—1018 // НС. 1987. 35. S. 805—807.
- ⁴¹Reginonis abbatis Prumiensis chronicon. Hannoverae, 1890. P. 143; cp.: Třešťák D. Op. cit. S. 56—57, pozn. 72.
- ⁴²Л. Гавлик относит занятие восточной части Великой Моравии, включая область Нитры, к 906—907 гг., что, по его мнению, не означало ее гибели. См.: Havlík L.E. Veľká Morava—historia a legenda // SP. 1985. S. 173.
- ⁴³SSRH. T. I. P. 163—164, 289.
- ⁴⁴Cosmas. P. 32—33.
- ⁴⁵Varsik B. Slovanské (slovenské) názvy riek na Slovensku a ich prevzatie Madžarmi v 10—12. storočí. Br., 1990. S. 31. Автор без подробной аргументации предполагает, что перемещение венгерской границы на Ольшаву и среднюю Мораву произошло лишь во второй половине XI в.

⁴⁶ См.: *Holman B.* Op. cit. 144.—145. o.; *Kristó Gy.* Op. cit. 467. o.; МОТ. I/I. kot. 624. o.

⁴⁷ На карте Д. Дьёрфи (см. примеч. 46) как чисто славянские обозначены лишь земли к западу от р. Моравы, Поважье от Тренчина до Пухова, часть земель на север от Угы, часть комитата Берегово и земли до берегам Дравы; на остальной территории Дунайской низменности в 902 г., согласно Д. Дьёрфи, жило смешанное мадьяро-каваро-славянское население.

⁴⁸ Подробнее см.: МОТ. I/I. kot. 651.—716. o.

⁴⁹ Д. Кришто последней главе своей книги (*Kristó Gy.* Op. cit. 435. o.) дал характерное название "Племенное государство".

⁵⁰ Согласно Д. Дьёрфи (МОТ. I/I. kot. 604. o.), новым правителем Моравии стал сын Арпада Левенте (*Laventenburg-Břeclav*). Д. Кришто (*Kristó Gy.* Op. cit. 467. o.) напротив считает сомнительной даже возможность конкретно определить мадьярское племя, которое заняло территорию между Малыми Карпатами и Гроном.

⁵¹ По отношению к Моравии такую точку зрения отстаивает Л. Гавлик (*Havlik L.E. Morava v 9.–10. století*. Pr., 1978), по отношению к Славонии — Ф. Шишич (*Sisic F. Geschichte der Kroaten. Zagreb, 1917. S. 121*, карта — S. 176–177).

⁵² МОТ. I/I. kot. 690.—694. o.

⁵³ Систематическое изложение (с некоторыми спорными этимологиями) см.: *Stanislav J. Slovenský jaz v stredoveku. Martin, 1948. I–III.* Для Восточной Словакии см.: *Varsik B. Osídlenie košickej kotliny. Br., 1964–1977. T. 1–3; Idem. Z osídlenia západného a stredného Slovenska v stredoveku. Br., 1984.*

⁵⁴ *Kučera M. Slovensko po páde Veľkej Moravy. Br., 1974. S. 58, 208—209.*

⁵⁵ *Györffy Gy. Autour de l'Etat des semi-nomades: le cas de la Hongrie // Studia historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Br., 1975. T. 95. P. 3—20.*

⁵⁶ *Kniesza I.* Op. cit. 102., 125., 142.—143., 189.—190., 304., 393., 433.—434., 64.—65., 558. o.

⁵⁷ Ibid., 68., 250., 251., 311.—312., 323., 462.—463., 469. o.

⁵⁸ МОТ. I/I kot. 719. o.

⁵⁹ *Krajčovič R. Z historickej typológie osadných názvov v Podunajsku // O počiatkoch slovenských dejín. Br., 1965. S. 205—262; Kučera M. K problému včasnostredovekej služobnickej organizácie na Slovensku // HČ. 1965. 13. S. 525–571; Ratkoš P. O služobných miestnych názvoch v Dunajskej kotlini // HČ. 1971. 19. S. 385—396.*

⁶⁰ Например, названия: lesár: *teszér-ács*; hrnčiar: *gerencsér-fazekas*; kováč: *kovács-vasverő*.

⁶¹ МОТ. I/I. kot. 719. o.

⁶² Ibid. 622.—623., 626. o.

В.К. РОНИН, Б.Н. ФЛОРИЯ

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО У ПОЛАБСКИХ И ПОМОРСКИХ СЛАВЯН

I

В социальной и политической истории славян, обитавших некогда между Эльбой/Заале и Одером, и славян поморских, живших далее к востоку, на побережье Балтийского моря, было много общего. Именно в этом регионе славянского мира процессы образования государств оказались наиболее длительными. Изучение того, как они протекали, позволяет лучше понять и их ранние этапы, и те факторы, которые, хотя и с меньшей силой, осложняли формирование государств и народностей и в других славянских странах.

Первое прямое упоминание славян этого региона в письменных памятниках относится к середине VII в. В хронике Псевдо-Фредегара говорится, что "Дерван, князь племени сорбов, ... передался со своими

людьми королевству Само"¹. Перед нами устойчивая этнополитическая общность (*gens*) с собственным этнонимом. Правитель ее выступает субъектом внешнеполитического решения. Действительно ли князь сорбов обладал в то время такой властью или здесь сказывается "монархизирующая" тенденция самого хрониста, мы не знаем

С середины VIII в. франкские альянсты приводят более подробные сведения о политической организации и о социальной структуре славян к западу от Эльбы/Зале, причем не только сорбов, но еще больше — ободритов и вильцев. То были крупные этнополитические общности на территориальной основе. Они включали в себя отдельные племенные образования, имевшие собственных князей. Таким был и относительно устойчивый племенной союз ободритов в Северо-Западном Полабье. Стабильное ядро союза составляли три родственных племени: собственно ободриты, вагры и полабы². В памятниках каролингского времени этноним "*Abodrlī*" относится к союзу в целом, что указывает на несомненное политическое преобладание именно этого племени, а князь ободритов был, очевидно, верховным правителем всей конфедерации.

Однако правители отдельных племен обладали в IX—X вв. значительной самостоятельностью и даже конфликтовали друг с другом, как князь вагров Желибор с князем ободритов Мстивоем³. Каждое племя имело свой политический центр ("град их")⁴. У вагров им был Старигард (Ольденбург близ Кильской бухты), у полабов — Ратибор (Ратцебург в Гольштейне). Резиденцией верховного правителя был племенной град ободритов Велиград (он же Рерик, Мекленбург близ Висмарской бухты). О значении главного града говорит то, что, когда противник его захватывал, это означало поражение племени и война на этом кончалась⁵. Ободритское княжество включало в себя и более мелкие единицы. Баварский Географ (первая половина IX в.) сообщает, что у ободритов "имеются 53 града (*civitates*), поделенные между их князьями"⁶. С VIII—IX вв. здесь прослеживаются археологически как крупные княжеские грады (Ольденбург, Мекленбург), так и малые. Те и другие служили одновременно центрами политической власти и военной организации, резиденциями правящей элиты⁷. Каждое племя в составе союза имело особый языческий культ ("бог той земли")⁸. Устойчивость "культового патриотизма" обусловила у всех полабских славян живучесть племенного сепаратизма.

Ходной была структура племенного союза вильцев. В представлении каролингского Запада (до начала IX в.) их территории простирались от Эльбы и Хафеля до Балтийского моря и р. Пеене⁹. Тем самым к вильцам причисляли и гаволян (стодоран) на Хафеле, которых, однако, уже Баварский Географ упоминает отдельно от вильцев¹⁰. Ядро союза составляли племена редарей и долензан, к которым, возможно, позже присоединились хижане и чрезпеняне¹¹ — все они в памятниках XI—XII вв. объединены общим названием "лютичи". Этим более поздним сведениям соответствует сообщение Баварского Географа: "У вильцев 95 градов и 4 области (*regiones*)"¹².

Политический центр княжества в VIII—начале IX в. — *civitas Dragowitī* (упоминается в анналах под 789 г.) до сих пор не удалось

локализовать. Большинство исследователей связывают его с Бренной (Бранденбург на р. Хафель),¹³ где уже с VIII в. существовал крупный, хорошо укрепленный град, сравнимый с княжескими градами ободритов¹⁴. Очевидно, ведущую роль в союзе играли тогда гаволяне. В дальнейшем политическое преобладание перешло к редарям. Их племенной град Редигош, или Ретра, где находилось знаменитое в Северном Полабье святилище бога Сварожича, стал центром конфедерации¹⁵.

Другой формой этнополитической организации полабских славян был конгломерат племенных княжеств (сорбы в междуречье Эльбы и Заале). Мы не знаем, объединялись ли они в союз (например, при угрозе извне) и был ли, в частности, в начале IX в. Милидух, "надменный король, который правил у сорбов" и рядом с которым упомянуты "прочие короли"¹⁶, князем одного или нескольких сорбских племен¹⁷. В источниках IX в. упомянуты лишь отдельные сорбские племена с правителями и племенными градами¹⁸. "В области сорбов, — сообщает Баварский Географ, — живут многие [племена], и у них 50 градов"¹⁹.

Главная военная сила полабских княжеств — многотысячное ополчение свободных воинов. Высшая санкционирующая инстанция — собрание "народа" (*populus, vulgus*), т.е. полноправных членов племени, доминирующего в конфедерации, возможно, с участием представителей иных союзных племен²⁰. Правда, об этих собраниях в IX в. почти ничего не известно, а все внимание в источниках отдано князьям и знати: поскольку в непосредственном контакте франки находились лишь с представителями правящего слоя, выступавшими от имени всей племенной общности, то именно они и выходят на передний план. И все же трансформация племенных институтов в начале IX в. уже происходила. Многие полабские князья известны по именам (Драговит, Витцан, Дражко и др.), что указывает на центральное положение князя в племенном союзе. Хотя решение о передаче княжеских прерогатив принимало, по всей видимости, собрание "народа", передавались они членам одного и того же рода. В начале IX в. и у ободритов, и у вильцев засвидетельствованы княжеские династии²¹. Материальным оплотом власти князя был главный племенной град: в Ольденбурге найдены даже остатки построек дворцового типа, восходящие к IX в.²².

Источники доходов княжеской верхушки — часть военной добычи и дани с покоренных племен, выкупы, полученные за пленных. Как можно предположить по аналогии с сообщениями хронистов XI — XII вв. о славянах этого региона²³, в святилище главного божества поступали подати со всех племен союза. Податями эти фактически распоряжались князья и знать (включая жрецов), используя их как дипломатические дары, дань иностранным государям²⁴ и контрибуции победившему противнику²⁵. Имелись, видимо, и зачатки фискального аппарата — одного из главных признаков государственности²⁶.

Функции княжеской власти были не только военные (предводитель ополчения), но и политические. Князь вильцев Драговит был вправе от имени всей племенной общности предпринимать важные шаги, определявшие дальнейшую внешнеполитическую ситуацию княжест-

ва, например, брать обязательство не совершать враждебных действий против соседей. Вместе с тем верховный правитель еще не имел достаточной власти, дабы его присяга могла обеспечить выполнение обязательств всем племенным союзом. Необходимо было, чтобы "и другие знатные лица и князьяки (*primitores ac reguli*) последовали его примеру"²⁷. С этой традиционной племенной знатью, очевидно, также опиравшейся на систему градов, князья должны были разделять власть и влияние. Племенная общность и ее аристократическая верхушка могли и отказать князю в поддержке: так, в 808 г. под натиском датчан князь ободритов, "не полагаясь на верность соотечественников", бежал из страны²⁸. Альтернативной опорой власти князя становилась дружина (*satellites*), о которой, однако, первые достоверные сведения в Полабье (у ободритского князя) относятся лишь к середине X в.²⁹

Нет для VIII—IX вв. и данных об организации политической жизни на местах — в отдельном племенном княжестве в составе союза. Если система храмовых культов в Полабье сложилась еще до проникновения сюда христианских влияний³⁰, то мы вправе распространить и на этот ранний период сообщения Гельмольда о ваграх в середине XII в. Политическая жизнь в племенном княжестве сосредоточивалась вокруг главного святилища. Раз в неделю "народ" собирался здесь вместе с князем и жрецом на суд. В само святилище имели доступ лишь жрец и те, кто совершал жертвоприношение³¹. Князь как светский правитель входить туда не мог, и потому жрец обладал в известном смысле большим авторитетом и влиянием, чем князь.

Политическому усилиению социальной элиты, отделению ее как носителя политических функций от основной массы свободных способствовал в VIII—IX вв. и фактор внешнеполитический — тесные связи с Франкской державой, особенно же отношения вассалитета между местными князьями и Каролингами. Связь с франкским двором стала для племенной элиты альтернативной основой ее могущества, средством ее "освобождения" от традиций политического полновластия "народа"³².

В начале IX в. у ободритов принятие решений было уже в немалой мере узурпировано "верхами". Конечно, "народ" еще не был отстранен от власти, особенно в делах престолонаследия. Обдумывая в 826 г., оставить ли на престоле "неверного" князя Цедрага, император отправил к ободритам послов, велев "разузнать, хочет ли народ (*vulgus*), чтобы тот им правил". Но, когда в "племени" обнаружились разногласия, решающим оказалось мнение "некоторых лучших и выдающихся" (*meliores ac praestantiores*), и именно оно и решило дело³³.

Постепенная монополизация организационно-политических функций была решающей в генезисе правящего слоя. Обособлению социальной элиты способствовали также контакты с каролингской цивилизацией. Приезжая ко двору императора, славянские *primitores* приобщались к образу жизни раннефеодальной аристократии, заимствовали ее вкусы и моды, пользуясь ввезенными извне предметами роскоши и воинского снаряжения³⁴. Достигнутое славянской верхушкой положение в обществе делало ее восприимчивой и к "импорту"

духовному. Крещение князя Славомира в 821 г³⁵, свидетельствует о психологической готовности части ободритской элиты к принятию христианства — еще один признак общества, вступающего на путь государственного развития.

Вассальные обязательства князя и утверждение Каролингами его наследственных прерогатив, несомненно, вели к политическим "предвижкам" и внутри самого правящего слоя, ставили княжескую семью в особое положение среди племенной элиты. Вмешательство императора придавало дополнительный импульс и развитию самосознания правящей династии: складывалось политически значимое предание о "заслугах предков" ("merita parentum") князя перед иностранным сюзереном³⁶. Все это, бесспорно, подогревало недовольство соперничавших с династией группировок знати. Уже в 817—826 гг. ободритские князья столкнулись с сильной оппозицией части *primitores*. Некоторые "первые лица" непрерывно интриговали при франкском дворе против своих правителей, обвиняя их в неверности. Другие же оставались лояльны к князю и от его имени защищали его перед императором³⁷. Племенная аристократия раскалывалась. Часть ее консолидировалась вокруг княжеской династии, чтобы вместе с верхушкой дружины образовать впоследствии раннефеодальную знать.

Примечательно, что та часть племенной элиты, которая противодействовала единовластию князя, обращалась за помощью к внешним силам — Каролингам. Власть ободритского князя анналист обозначает терминами, относящимися обычно к королю: *regia potestas, regnum suum*³⁸. Возможно, "посессивная" терминология каролингских текстов, где племенное объединение ободритов выступает для своего князя как *sua societas, populus suus, gens sua*, отражает действительные воззрения ободритской верхушки, которые могли быть известны при франкском дворе. Так, в 809 г. глиняне отпали не от ободритов, а от их князя (*ab eo defecerant*)³⁹.

И все же собственно патrimonиальной концепции власти каролингские писатели на ободритов не переносят. Недостает одного важного элемента: территория ободритов связывается еще не с князем, а с самим "племенем" (*Abodritorum pars, in Abodritos, terra illorum*)⁴⁰. Не непосредственно с князем, а с "его народом" связана в источниках и племенная знать (*primitores populi sui, primores gentis sua, Abodritorum primores*)⁴¹. Возможно, это свидетельствует о значительной самостоятельности местной аристократии, чье влияние основывалось не на близости к князю, а на ее традиционном авторитете в племени. Совершенно иначе обстояло дело в Великой Моравии, здесь в источниках знать связывают с князем (*principes sui, primates eius*)⁴².

Между тем власть ободритского князя усиливалась. Град Мекленбург становился все величественнее, так что в 965 г. резиденция князя произвела сильное впечатление даже на много повидавшего путешественника Ибрагима ибн-Якуба⁴³. Но усиление центральной власти было лишь одной из тенденций политического развития ободритов в IX—X вв. Другой тенденцией оставалось сохранение, а подчас и укрепление самостоятельности князей отдельных племен и части знатных родов. Во взаимном противоборстве все эти полити-

ческие силы продолжали опираться на поддержку извне: в 60-х годах X в. князья вагров и ободритов "часто обвиняли друг друга" при дворе саксонского герцога⁴⁴. Зачатки государственности, выступавшие скорее в виде тенденций, чем реальных элементов, не смогли тогда возобладать над традициями племенного строя

В какой мере вражда вильцев с ободритами⁴⁵ способствовала, как принято думать, некоторой замедленности общественного развития вильцев, консервации у них племенных порядков⁴⁶, не ясно. Под 789 г. анналист говорит о князе Драговите как о первом среди равных: он "далеко превосходил всех князьков вильцев и знатностью рода, и авторитетом старости"⁴⁷. А уже в начале IX в. и у вильцев власть была в руках одного рода и разделена между братьями, очевидно, по территориальному принципу. При этом верховенство над всей страной (*totius regni summa*) принадлежало князю Любу как старшему не в племени, а в правящей семье. Но власть князя вильцев была "вручена ему его народом". *Populus* распределял ("утверждает над собой королем"), а при необходимости и перераспределял княжеские прерогативы внутри правящего рода "по обычаям племени" (*secundum ritum gentis*), например, передавал власть от старшего брата младшему, если первый "управлял не совсем так, как должно"⁴⁸. Основы племенного строя не были поколеблены. Однако и здесь возможность апеллировать к арбитражу франкского императора делала князя менее зависимым от волеизъявления "народа" и аристократической оппозиции.

Относительно сильная княжеская власть сохранялась у славян на Хафеле и в X в. Как сообщает хронист Видукинд Корвейский, Тугумир стал князем гаволян (стодоран) "по закону племени, как наследник своего отца". Прибыв в Бранденбург, он был "народом признан и принят как господин". Одним из меньших *principes gentis* считался тогда его племянник⁴⁹. Далее же к северо-востоку, на землях лютичей, мы находим к началу XI в. совершенно иное политическое устройство.

Очень мало известно о внутренней организации сорбских княжеств. Так, после гибели на войне своего "короля" сорбское племя колодицев "поспешно поставило" над собой нового⁵⁰. Перешла ли в этом случае власть по наследству и какими были здесь права "народа", сказать трудно. О столкновении политических позиций князя и части "племени" рассказывает история убийства князя Цистибора, хранившего верность франкам, его соплеменниками⁵¹. Самостоятельность князя — признак начавшегося и у сорбов складывания государственности. Главным препятствием на этом пути была крайняя политическая децентрализация. Наряду с князьями весьма самостоятельными были *primores*, возможно, также обладавшие территориальной властью⁵². Так, Тунгло, которого анналист называет "одним из знатных лиц у сорбов", был вассалом франкского императора⁵³. Понятно, что, когда в начале X в. немецкий король приступил к завоеванию областей к востоку от Заале, разобщенные сорбские племена не оказали ему сопротивления и вошли в состав Германской державы.

Итак, у всех известных нам в IX в. групп полабских славян заметны, хотя и в разной степени, зачатки государственности. Функции управления все больше переходили в руки племенной верхушки.

Опираясь на дружины и части знати, верховные правители усиливали свою власть, превращали ее в наследственную, развивали начальные формы государственного аппарата. Однако племенной сепаратизм, самостоятельность отдельных княжеств союза, сильные позиции знатных родов, противодействовавших княжескому единовластию, не позволили полабским славянам создать в IX—X вв. прочные, сплоченные государства.

Немалую роль сыграл и фактор внешний. До середины IX в. тесные связи полабских славян с их западными соседями, как правило, благоприятствовали развитию государственности. Но в дальнейшем перманентная конфронтация славян в Полабье с Восточно-Франкской, позднее Германской державой не только отвлекала огромные материальные и человеческие ресурсы княжеств, но и вела к политическому и психологическому отчуждению славян от западных традиций государственности. Частые столкновения мешали распространению в Полабье христианства (без чего нельзя было создать единое централизованное государство) и даже укрепляли там племенные культуры — основу сепаратизма. В то же время близость Франкской державы, а затем Германии, политическое давление с ее стороны как бы привязывали княжескую верхушку ко двору могущественных сюзеренов, побуждали искать именно там поддержку против внутренних противников. В условиях же растущей немецкой экспансии такая ориентация местных правителей ослабляла их позиции внутри княжеств. Таким образом, если до середины IX в. полабские племена развивались в основном синхронно с их славянскими соседями, то с того времени начало накапливаться отставание.

У ободритов в X в. новым элементом политической ситуации стало приобщение части правящей элиты к христианству. К началу XI в. княжеская верхушка была уже настолько привержена новой религии, что не отказывалась от нее, несмотря на трудности, с которыми сталкивались князья-христиане, правившие языческим народом. Князя-иноверца могли терпеть, пока он не вмешивался в существующее положение вещей. В то же время сами князья были недостаточно сильны, чтобы навязать свою религию населению. Длительная ситуация существования двух религий была взрывоопасной и не раз приводила к мятежам и даже убийствам ободритских князей их подданными, для которых распространение христианства было неотделимо от гнета податей немецким церковным властям⁵⁴.

Приверженность ободритских князей христианству выражала их стремление к решительным шагам в развитии государственности. Правители нарождавшегося Ободритского государства были заинтересованы в массовой христианизации как централизующей силе, как средстве преодоления племенного сепаратизма.

Позиции верховной власти у ободритов в начале XI в. заметно усилились. Из сообщений XII в., относящихся к предыдущему столетию, мы узнаем о княжеском землевладении: князья ободритов дарят свои имения (*predia*) с зависимым населением немецким епископам или, напротив, сами захватывают их земли⁵⁵. Быть может, уже к этому времени восходит в Северном Полабье упомянутая в грамотах

саксонского герцога, датируемых 1158 и 1169 гг., "княжеская подать, называемая воеводницей" ("census ducis qui wogiwotiniza dicitur")⁵⁶. Всеми поступлениями в казну распоряжались сами князья, в X—XI вв. лично ответственные перед саксонским герцогом за выплату податей епископам. Опорой княжеской власти служила сеть градов — центров управления на местах. Завладеть престолом значило прежде всего установить свой контроль над градами⁵⁷, через которые видимо, и осуществлялся сбор податей с подвластных племен.

Рост доходов позволял содержать многочисленную дружибу. "С отборными воинами" князь Мстислав выдерживал осаду своего града в 1018 г⁵⁸. "С тычачей всадников" отправился его сын в войско Оттона II в Италию⁵⁹. Несомненно, с помощью дружины верховный правитель укреплял свою власть в отдельных племенных княжествах в составе союза: сыновья князя Ратибора (49-е годы XI в.) названы в хронике Адама Бременского *principes Slavorum*⁶⁰, вероятно, Ратибор сделал их правителями на местах⁶¹. Родственные связи верховного князя с правителями отдельных племенных княжеств, ставшими по существу его наместниками, известны и позднее. В начале XII в. князем вагров был двоюродный брат (или племянник) верховного правителя⁶². Укрепление же позиций верховного князя, его приверженность христианству способствовали сближению правящей элиты княжества с феодальной верхушкой соседних государств. Оставаясь вассалом саксонского герцога, вступая в родственные связи с саксонской и датской знатью, князь ободритов находил у них поддержку против своих соплеменников. Опираясь на дружибу и помощь извне, он мог усилить свою власть, не считаясь ни с племенной знатью, ни с собранием "народа".

Все это сделало возможной в 50-х годах XI в. активную завоевательную политику князя Готшалка на соседних славянских землях. Северо-западные племена лютичей (хижане и чрезпеняне) и глиняне попали в зависимость от князя ободритов и были обложены податью⁶³. Расширение власти князя сопровождалось строительством новых или реконструкцией старых градов⁶⁴. Новые задачи управления не могли быть решены при помощи традиционных племенных институтов. Формировался уже настоящий, хотя еще примитивный, государственный аппарат. Авторитет верховного князя был очень высок: по словам Адама, славяне повиновались Готшалку "как королю"⁶⁵.

Победа государственности над племенным строем была невозможна без христианизации. Именно поэтому Готшалк всячески поддерживал миссионеров, воздвигал в своих градах церкви и монастыри. Подобно чешскому князю в X в., он стремился создать в стране особую церковную организацию, подчиненную княжеской власти и способную стать опорой нарождавшейся государственности. По его просьбе из Гамбурга были назначены епископы в Ольденбург, Ратцебург и Мекленбург — к его двору⁶⁶.

Однако политика Готшалка потерпела крах. В 1066 г. знатные роды, соперничавшие с династией, возглавили широкое движение против всей христианской княжеской верхушки. Князь был убит, миссионеры и новообращенные казнены или изгнаны. Хронисты не скрывают, что

для славян тогда распространение христианства означало утверждение иноземного господства и рост податей⁶⁷. Но победа язычества лишь укрепляла племенной партикуляризм и позиции догосударственных институтов власти. Сохранение старых культов было несомненно с развитием государственности. Ситуация ободритов, как и других полабских славян, становилась в этом смысле исторически безвыходной.

И все же на рубеже XI—XII вв. младшему сыну Готшалка Генриху удалось вновь укрепить и расширить Ободритское государство. В его казну стекались подати со всех племен, некогда подвластных Готшалку, а также со стодоран и бризан. Его судебная и "полицейская" власть простиралась, по-видимому, на всю страну: повсюду Генрих искоренял "разбойников"⁶⁸. Переселение верховного князя и его семьи из старого племенного града Мекленбург в небольшой, хорошо укрепленный Старый Любек, находившийся на границе всех трех племенных княжеств (вагров, ободритов и полабов), знаменовало собой решительный разрыв с традициями догосударственного строя. Известия Гельмольда и найденные археологами остатки построек говорят о том, что Старый Любек при Генрихе напоминал резиденции раннефеодальных правителей, превратившихся в настоящий раннегородской центр. У стен его возникли поселения ремесленников⁶⁹ и купцов, привлеченных туда "верой и благочестием" князя. Не раз сталкиваясь с сопротивлением языческой верхушки подвластных ему племен, Генрих был теперь в мерах христианизации очень осторожен. Церковь и священники были только в Старом Любеке⁷⁰. Располагались там, по-видимому, и княжеский дворец, дома для дружины, амбары. Там же, вероятно, и чеканили монеты князя Генриха, также найденные археологами⁷¹. Отмечая, как велик был "во всей стране славян" и у их соседей авторитет Генриха Ободритского, немецкие авторы XII в. прямо называют его "королем"⁷².

Но могущество княжеской власти при Генрихе было непрочным. Ободритское княжество сохраняло старую территориально-племенную структуру, несомнимую с развитием государственности. Разумеется, длительное существование единого княжества благоприятствовало формированию "общеободритского" самосознания. Как следует из хроники Гельмольда, для местных правителей "свои" ("sui") — только ободриты, как широкая общность, противопоставляемая "тем, кто приходит от ран или вильцев"⁷³. Есть основания заключить, что в рамках единого княжества складывалась уже особая надплеменная общность, которую можно назвать протонародностью. Однако инерция локального территориально-племенного сознания тормозила этот процесс. Из 50 случаев употребления термина "Obodriti" у Гельмольда в 38 случаях имеются в виду собственно ободриты и только в 12 речь шла об ободритах как совокупности племен, входивших в союз. После смерти Генриха в 1127 г. центральная власть была окончательно подорвана междуусобицами правителей отдельных племенных княжеств.

Другим препятствием к созданию у ободритов прочного единого государства оставались старые языческие культуры. С началом пла-

номерного наступления немецких князей на славянские земли в 20—30-х годах XII в. во всем Северном Полабье язычество усилилось. К середине XII в. относятся, как упоминалось, сведения о большой организующей роли локальных племенных святилищ. Князь вагров и князь ободритов, правившие после Генриха, сами были, по всей видимости, язычниками⁷⁴. Христианство так и не стало в Полабье фактором укрепления местной государственности⁷⁵.

Вплоть до конца существования самостоятельного Ободритского княжества его главной военной силой оставалось племенное ополчение. Массы свободного населения еще не были полностью отстранины и от политической власти. Хотя прямых сведений о собраниях "народа" по-прежнему мало, можно предполагать, что имело место коллективное обсуждение и принятие решений на широкой социальной основе⁷⁶. Таким образом, государственность у ободритов еще не сложилась окончательно.

Наконец, ни Генриху, ни его преемникам не удалось подавить сопротивления знатных родов, соперничавших с династией. Так, из поколения в поколение боролись за господство в княжестве роды Готшалка и Крута, о чём рассказывает Гельмольд. Положение отдельных ободритских магнатов мало отличалось от княжеского: они также имели богатые владения, получали выкупы за пленных, содержали большие дружины⁷⁷. Источники XII в., как и прежде, связывают знать не с князем, а с народом или страной (*nobiles Slavorum, nobiliores Slaviae*)⁷⁸. Все это мешало формированию здесь единого господствующего класса, а тем самым и развитию государственности.

Итак, в XI — начале XII в. Ободритское княжество приобрело ряд признаков, характерных для раннефеодальных государств Центральной Европы. На его основе развивались с конца XII в. Мекленбургское, Ростокское и другие княжества, управляемые потомками князя ободритов, хотя и находившимися в сильной зависимости от саксонского герцога. В своих граммотах князья именуют себя *Dei gratia Slavorum princeps*, свои владения — *terra dicionis nosire*, а местную знать — *dominationis nosire maiores*⁷⁹. Хотя эти княжества подверглись уже в XIII в. быстрой германизации, их история позволяет лучше судить об уровне развития предшествовавшего им Ободритского государства. Однако само это государство так и не смогло изжить институты и традиции племенного строя, не было ни прочным, ни единым. Усиление центральной власти при Готшалке и при Генрихе, формирование примитивного административного аппарата не сделали княжество достаточно сплоченным, чтобы оно смогло в XII в. отстоять независимость под написком немецких феодалов.

Весьма сходно развивалась государственность у стодоран на Хафеле. Об этом говорит история правления в Бранденбурге в 1127—1150 гг. князя-христианина Прибислава-Генриха. Положение его во многом напоминало положение ободритских князей-христиан XI—XII вв. Как пишет хронист Генрих из Антверпена, правитель стодоран, "народ свой преданный гнуснейшему обычаям идолопоклонничества, ненавидя", поддерживал дружбу "со многими князьями немецкими"⁸⁰. Подобно Генриху в Старом Любеке, от отстроил и расширил свой

град, привлекал ремесленников, поощрял торговлю. Именуя себя "королем" (rex), он во всем опирался на поддержку императора Лотаря III и саксонских магнатов. Выражением авторитета и больших притязаний Прибислава-Генриха стали найденные в огромном количестве монеты его и его жены, отчеканенные по саксонским и чешским образцам⁸¹.

Но и Стодоранское княжество, где в XII в. уже сложились некоторые важные элементы государственности, не прошло этого пути развития до конца. Деятельность князя-христианина вызывала сопротивление жрецов языческого святилища Триглава и, вероятно, части местной знати. В 1150 г. Прибислав-Генрих умер, оставив "наследником" саксонского маркграфа в Альтмарке, который и захватил вскоре славянские земли на Хафеле⁸².

Иным историческим путем шли в X—XI вв. племена вильцев-лютичей. Центром их объединения было святилище Сварожича в племенном граде редарей, чтимое людьми со всего Северного Полабья, которые несли туда свои дары. Это обеспечивало редарям политическое преобладание в конфедерации лютичей. Но племена, обитавшие к северу от р. Пеене (хижане, чрезпеняне) сохраняли значительную самостоятельность. У них были свои племенные культы и центры власти. "Сколько областей в той стране, столько там и храмов...", — пишет о лютичах Титмар Мерзебургский.

Об их политическом устройстве Титмар рассказывает: "Во главе всех тех, которые вместе называются лютичами, не стоит какой-либо особый государь. Обсуждая на собрании свои собственные нужды, они все единодушно приходят к согласию о том, что следует предпринять"⁸³. Описывается ли здесь собрание только главного племени или представителей всех племен союза, сказать трудно. Реальной же властью у редарей, а тем самым и над всей конфедерацией обладала знать (primores), прежде всего жрецы Сварожича. Толкуя при помощи гаданий волю божества, управляя общественными делами лютичей и распоряжаясь податями, поступавшими в храмовую казну, жрецы создали своеобразную олигархическую систему, позволявшую им оказывать решающее воздействие на племенное собрание. Называть это устройство "республиканским", как делали некоторые историки⁸⁴, можно лишь условно. Жрецы представляли союз лютичей и во внешних сношениях⁸⁵.

Но интеграционная роль культа Сварожича оказалась незначительной, он не мог компенсировать отсутствие центральной власти. В середине XI в. между племенами союза начались междуусобные войны за господство в конфедерации. Держава лютичей распалась. Часть племен попала в зависимость от князя ободритов, еще одна часть — под власть западнопоморского князя. Значительная концентрация власти в руках правящей верхушки, прежде всего жрецов, эффективная система сбора податей (три больших войска своих сознников редари и долензане содержали на свои средства в течение 7 недель⁸⁶) означали некоторое продвижение лютичей по пути государственного развития. Однако все основы их политического устройства оставались племенными.

Как и в Полабье, в славянском Поморье процесс формирования государства (а соответственно и раннефеодальной народности) оказался очень длительным. Но в отличие от Полабья, здесь, несмотря на серьезные препятствия, процесс этот завершился все же созданием раннефеодального государства на местной основе.

Об уровне развития поморского общества в IX — первой половине X в. позволяют судить лишь данные археологии⁸⁷. Очевидно, IX в. был временем резкого перелома в развитии Поморья. Именно тогда на месте будущих политических центров (Щецин, Волин, Колобжег) возникли "протогорода" — крупные укрепленные поселения с густой регулярной застройкой. Археологами здесь обнаружены явные следы торгово-ремесленной деятельности. Подобные поселения существовали в IX в. только в Великой Моравии. Однако если в ее главном центре — Микульцицах были уже элементы социальной стратификации, то в поморских поселениях различия между укрепленными градами и неукрепленными посадами не выявляются⁸⁸. На протяжении IX–XI вв. территория этих центров расширилась: вокруг главного града возникли новые поселки, часть из которых также была укреплена. Но и в этот, более поздний, период не видно качественных различий между отдельными частями поселений: во всех поселках обнаружены остатки ремесленных мастерских, один и тот же инвентарь и тип застройки. По-видимому, совершив скачок в своем развитии в IX в., поморское общество далее эволюционировало скорее в количественном, чем в качественном отношении. Для начала XII в. эти предположения могут быть проверены свидетельствами письменных памятников.

Возникновение в IX в. в Поморье крупных "протогородов" позволяет ставить вопрос о появлении в это время и каких-то политических объединений, центрами которых они могли быть. С подобными объединениями обычно связывают свидетельство Баварского Географа: "Prissani civitates LXXX, Velunzani civitates LXX"⁸⁹. Названия этих общностей сопоставляют с названиями таких градов — политических центров поморских территорий XII в., как Волин и Пыжице (Piriscum, Pirissa). Количество градов говорит о том, что перед нами крупные объединения, возможно, аналогичные племенным союзам полабских славян⁹⁰. Но название членов такой общности, производное от названия ее центра, явно отличается от обычных названий славянских племен и племенных союзов. Вероятно, "протогорода" играли здесь при создании таких объединений роль гораздо большую, чем в других частях Полабья и славянском мире в целом.

С 60-х годов X в. появляются сведения о политическом объединении в Поморье во главе с "большим градом" Волином, жители которого обозначены как "волыняне" (Vuloini). Объединение это было, очевидно, весьма значительным, так как оказалось в силах вести упорную борьбу с такой державой, как Древнепольское государство⁹¹.

К середине XI в. относятся новые сведения о политической и этнической ситуации в Поморье. В 1046 г. к императору Генриху III

прибыл вместе с правителями Польши и Чехии dux... Zemusil Vomerga-niorum⁹². "Поморяне" были хорошо известны также Адаму Бременскому, писавшему, что р. Одра отделяет их земли от земель лютичей⁹³. Появление для обозначения всего населения Поморья особого термина (первоначально, вероятно, политонима) — явный рубеж в политической и этнической истории области. Хорошо обоснована гипотеза, согласно которой это название дали поморянам их южные соседи — поляки (по отношению к ним земли поморян собственно и были Поморьем), а само название было усвоено местным населением в период временного подчинения Поморья польскими правителями во второй половине X — начале XI в⁹⁴. Впрочем, превращение этого термина в самоназвание можно рассматривать и как признак возникновения в Поморье более устойчивого политического единства. Не случайно его первое упоминание совпадает с появлением у поморян княжеской власти, охватывавшей всю страну.

Вторая половина XI — начало XII в. отмечены экспансиею Поморского объединения на соседние земли. Галл Аноним (начало XII в.) сообщает о набегах поморян на Польшу. К 20-м годам XII в. в состав Поморья вошла обширная территория за Одрий, бывшая ранее частью державы лютичей. Главу поморян Галл именует "*ipse dux*", чтобы отличить его от более мелких князей в пограничных с Польшей поморских градах. О роли князя в политических делах Поморья ярко свидетельствует рассказ о его встрече с польским князем Болеславом Кривоустым зимой 1107/08 г. Когда князь поморян "приблизился к Болеславу, склонился перед ним и объявил себя верным ему рыцарем и слугой", тот "в течение пяти недель... покорил почти все княжество без единого сражения"⁹⁵. Итак, подчинение князя предопределило беспрепятственное подчинение всей страны.

Подробнее о политическом устройстве Поморья в 20-х годах XII в. говорят жития "крестителя" поморян Оттона, епископа Бамбергского, написанные в 40—60-х годах XII в. неизвестным монахом Профенингского монастыря и монахами монастыря в Бамберге Эбо и Гербертом⁹⁶. Основное ядро Поморья — земли к востоку от Одры — выступает в житиях как федерация самостоятельных политических организов. Среди них выделяется Щецин — *metropolis* всего Поморья. Решения Щецина как "старшего города" авторитетны для других центров: жители Волина заявляют, что примут христианство, если это сделают жители Щецина. Щецин мог также представлять интересы федерации перед польским князем⁹⁷, добиваясь снижения дани. Во внутренних же делах прочие центры сохраняли самостоятельность. Так, каждый из них принимал христианство независимо от других.

Всякая входившая в федерацию область имела свой политический центр — град, с окружавшей его территорией, на которой могли располагаться другие, более мелкие, городки. Верховный орган — народное собрание (вече) собиралось в граде, но в нем участвовало население (зачастую вооруженное) и из сельской округи града. Так, для обсуждения вопроса о принятии христианства в Щецин был создан "язычниками из деревни и градов народ бесчисленный" ("*pagani de rure ac de villis plebem innumeram*")⁹⁸.

Поморское общество к началу XII в., конечно, уже не было социально однородным. Агиографы часто выделяют в нем слой знати (*primates, meliores* и т. д.). Это — люди могущественные, опирающиеся на поддержку большого количества "родственников" и "друзей", владеющие кораблями, на которых они занимаются торговлей и пиратством, имеющие богатые поместья, где трудятся пленные и должники. Знать составляла особый орган — совет, на котором она одни вопросы решала, а другие предварительно обсуждала, прежде чем вынести их на вече⁹⁹.

Еще одним элементом социальной структуры Поморья было жречество. Существует традиция выделять его как особую общественную группу¹⁰⁰. Правы, однако, те исследователи, которые рассматривают знать и жречество как одну группу¹⁰¹. Жрецы входили в состав совета даже тогда, когда обсуждался вопрос о смене религии. В Щецине языческие храмы — место пиров знати, где вельможи пили из кубков, хранившихся в храмовой казне¹⁰². Видимо, жрецами становились прежде всего члены знатных родов, что обеспечивало единство интересов знати и жречества. Ведь и здесь культ главного божества — покровителя земли занимал центральное место в общественной жизни. Приносимые ему жертвы обеспечивали в представлениях людей урожай и защиту от врагов; решение всех важных дел предварялось гаданиями; в храмах хранилась казна, состоявшая из приношений и военной добычи и являвшаяся как бы общим достоянием.

Знать и жрецы благодаря своему авторитету, поддержке родственников и клиентелы, особой роли в сфере культа и праву распоряжаться общественной казной могли оказывать большое влияние на вече. Эти черты социальной организации поморского общества привели некоторых исследователей в 50-х годах нашего столетия к выводу, что мы имеем здесь дело с особым типом раннефеодального государства — "городской республикой"¹⁰³. С этим нельзя согласиться. Так, несмотря на влияние совета знати, именно вече оставалось верховным органом, чьи решения были обязательны для всех. Вече могло собираться и стихийно, без предварительного обсуждения вопросов на совете знати (например, вече, созванное в Щецине в 1126 г. во время эпидемии¹⁰⁴), его мнение иногда расходилось с мнением знати, что и произошло на вече 1128 г. в Вологоди, где жители постановили сохранить язычество, хотя знатные лица дали ранее согласие на введение христианства¹⁰⁵. Знать не обладала достаточной военной силой, чтобы подчинить участников вече своей воле¹⁰⁶. В условиях, когда участвовать в вече могло все свободное население города и округи, такую организацию общества следует определить как догосударственную, хотя и нет формальных оснований считать поморские области территориями отдельных племен. По-видимому, именно такой характер общественной организации, определил и структуру Поморья как федерации многочисленных территорий каждая из которых не превышала размеров, необходимых для участия в деятельности вече всего населения. Такая организация сложилась, очевидно, в IX в. с образованием в Поморье "протогородов" и сохранялась почти без изменений до XII в.

'месте с тем такая структура сосуществовала в начале XII в. в Поморье с другой, связанной с деятельностью верховного князя. Он имел в своем распоряжении значительную дружибу: в 1124 г. князь Вартислав встретил миссионеров в сопровождении нескольких сотен воинов¹⁰⁷. Можно также выделить области, с которыми была особенно связана княжеская власть. На основной территории Поморья это прежде всего округ с центром в Камне (*sedes ducis, civitas ducis*). Там постоянно проживали жена князя и его гарем, принимали крещение друдинники, там же находились княжеские владения и их управляющие (*villicii*). Именно поставленный в Камне храм князь наделил "дарами и имениями" ("prediis ac dote"). Хотя и в Камне существовало вече, руководила им княжеская власть: решение о принятии нового культа было принято здесь по предложению жены князя еще до приезда миссионеров¹⁰⁸. Подобным же владением князя на бывших землях лютичей, вошедших в состав Поморья, был, по-видимому, Узnam¹⁰⁹.

По отношению к Поморской Федерации князь выступает прежде всего как военный предводитель¹¹⁰ и ее верховный глава в сношениях с соседними государствами: его "поцелуй мира" с Болеславом Кривоустым скрепляет мирный договор между Поморьем и Польшей¹¹¹. На то, что власть князя не ограничивалась лишь военными функциями, указывают сообщения агиографов о княжеских дворах в поморских градах, где люди, совершившие важные преступки, могли найти убежище от своих преследователей¹¹².

Однако все эти функции князь мог выполнять лишь постольку, поскольку его политика совпадала с интересами поморской знати. Иная ситуация сложилась в 1124 г., во время первой поездки Оттона Бамбергского в Поморье, когда князь поддержал христианскую миссию, а главные поморские грады Щецин и Волин отказались принять новую религию. Князь оказался не в состоянии даже обеспечить безопасность миссионеров, разместившихся на княжеских дворах, а не то что повлиять на решения народных собраний в наиболее крупных градах. К 1128 г. относятся сообщения о войне Щецина с князем Вартиславом, во время которой войска Щецина разорили владения князя¹¹³. Таким образом, верховный князь поморян был лишь военным и в какой-то мере политическим главой Поморской Федерации, но отнюдь не ее правителем. Институт верховной власти в этих условиях не может рассматриваться как признак сложившейся у поморян государственности.

Описанная структура, включавшая в себя вече как верховный орган, совет знати и княжескую власть с преимущественно военными функциями, принципиально сходна с политическим устройством шведских земель в IX—XI вв., которое в историографии также считается догосударственным¹¹⁴. Для поморского общества начала XII в. было характерно острое соперничество знати поморских градов с князем и его дружиной. Оно, несомненно, было серьезным препятствием на пути складывания единого господствующего класса, а следовательно, и государства.

Существенно иным, чем основной части Поморья, было положение

на землях к западу от Одры, составлявших часть территорий племен, зходивших ранее в союз лютичей (чрезпенян, долензан, редарей). Земли эти также делились на округа с центрами в градах, по этим градам и называвшиеся, и с веchem как верховным органом. Здесь власть князя была сильнее, чем к востоку от Одры. В градах располагались княжеские наместники (*prefecti*)¹¹⁵, были сооружены церкви, материальное обеспечение которым дал князь¹¹⁶. Понятно, что присоединение земель лютичей к Поморью было результатом военной экспансии, а ею, естественно, руководила княжеская власть. Но главные различия были связаны с неодинаковым характером отношений между князем и местной знатью. Здесь и там по-разному проходило обсуждение вопроса о принятии христианства: в основной части Поморья этот вопрос рассматривался каждый раз отдельно веchem того или иного округа, а на бывших землях лютичей — на общем собрании знати и наместников градов, созванном князем в его владении — Узнаме. Участники собрания руководствовались тем, что если они примут христианство, то и подчиненный им народ последует их примеру¹¹⁷. Ожидания эти оправдались лишь отчасти: так, вче Вологоди, одного из наиболее крупных местных градов, несмотря на решение собрания в Узнаме, постановило сохранить язычество и не впускать к себе христианских миссионеров. Однако вче было вынуждено изменить свою позицию, когда к городу подступил князь с воинами¹¹⁸. Объединение местной знати под руководством княжеской власти вело к ослаблению роли веча, а тем самым к созданию условий для формирования раннефеодальной государственности.

В последующие десятилетия в развитии поморского общества произошел резкий перелом. К 50—60-м годам XII в. относятся сведения о пожалованиях Ратибора, брата Вартислава, и его преемников первым поморским монастырям в Столпе и Гробе, которые получили небольшие земельные владения, но в первую очередь доходы от различных проезжих пошлин и пошлин с торгов, корчем, соляных варниц, а также права на ловлю рыбы в разных частях Поморья. Очевидно эти виды доходов являлись в середине XII в. княжеской регалией. В тех же грамотах свидетелями выступают княжеские наместники во всех гланых поморских центрах, включая Щечин¹¹⁹. В документах 80-х годов XII в. отмечается, что княжеские пожалования осуществлены "по общему совету знатных всей нашей земли, на общем собрании по совету и с согласия почти всех баронов и жупанов" ("totius terre nosire nobilium cunctum consilio, in generali conventu ei consilio consensu fecerunt omnium baronum et suppanorum")¹²⁰.

Итак, собрание знати всей страны предстает как верховный орган, сотрудничающий с княжеской властью. Уже в грамотах предыдущего десятилетия встречаются формулы об освобождении владений от податей и повинностей в пользу князя и его "баронов", в том числе от дани и от обязанности принимать князя и его свиту во время их разъездов по стране (*gazlitua*)¹²¹. Все это говорит о превращении во второй половине XII в. догосударственной Поморской Федерации в раннефеодальное государство — Поморское княжество.

Наиболее ранние источники, позволяющие судить о характере этого государства, это названные выше жалованные грамоты поморским монастырям в Столпе и Гробе, а также папская булла 1140 г. поморскому епископству¹²², подтверждавшая его права на имущество и доходы. Епископство еще не имело каких-либо земельных владений и обеспечивалось за счет налога с населения в размере 2 мер хлеба и 5 монет с плуга. Перечень в булле всех основных поморских градов — центров наместнических округов, вероятно, указывал, где должны были собирать налог епископу (возможно, речь шла и о десятине от различных податей, как это было в Польше). Кроме того, епископу были переданы пошлины с торга и корчем в нескольких градах¹²³. Доходы от корчем и торговые пошлины были главными в материальном обеспечении и первых поморских монастырей. Это позволяет полагать, что в Поморском княжестве важнейшим источником доходов господствующего класса была централизованная эксплуатация свободного населения. Поскольку социальная и политическая организация государства такого типа достаточно полно охарактеризована в других частях книги, остановимся лишь на тех особенностях Поморского государства, которые отличают его от Польши и Чехии.

Из прерогатив княжеской власти больше известно о княжеских регалиях. К ним относились права князей основывать торги, взимать проезжие и торговые пошлины, давать разрешения на открытие корчем и облагать эти заведения налогом, дозволять добычу соли и лов рыбы в море и Щецинском заливе, а также в больших реках и взимать за это плату¹²⁴. Генезис этих прав относится к догосударственному периоду, когда те или иные сборы взимались племенной знатью и использовались в интересах всего племени¹²⁵. Княжеская власть лишь узурпировала эти права, подчинив их использование своим интересам. Принципиальным новшеством стало во второй половине XII в. право князей чеканить монету¹²⁶. Повинности, о которых идет речь в грамотах (строительство и ремонт градов и мостов, несение стражи в градах, воинская повинность), явно восходили к догосударственному периоду. Новыми могли быть только доставка коней и возов и прием на постой князя и его должностных лиц. О налогах сведений крайне мало. Упоминаются лишь пагаз и осзер, видимо, идентичные повинностям того же названия в Польше¹²⁷. Судя по всему, система налогов и повинностей, характерных для раннефеодального государства центральноевропейского типа, не получила в Поморье значительного развития.

Особенно существенно полное отсутствие сведений о служебном населении и служебной организации (а соответственно и о регалиях, связанных с их деятельностью). Создание "служебной" организации не в последнюю очередь вызывалось необходимостью обеспечивать потребности "большой дружины" — профессионального войска, размещенного по градам и составлявшего ядро формировавшегося господствующего класса. "Большая дружина" была тем орудием, которое позволило князьям сломить власть племенной знати и ликвидировать сепаратизм. Образование государства в Поморье пош-

ло, очевидно, в ином направлении — по пути компромисса княжеской дружины с местной знатью, наметившегося к западу от Одры уже в конце 20-х годов XII в. В связи с этим "большая дружина" не сложилась, а потребности самого князя и его ближайшего окружения мог обеспечить труд несвободной челяди, занятой в княжеском хозяйстве. О том же свидетельствует и структура государственного аппарата. Административные округа в Поморье заметно отличались от тех, что были в соседней Польше. Если в Польше наряду с крупными административными округами — "провинциями" существовали малые округа во главе с наместниками (каштелянами), во многих случаях совпадавшие с территорией соседской общины — "ополя", то в Поморье мы знаем лишь наместничества высшего уровня, а в малых округах княжеской администрации не было¹²⁸.

Все сказанное позволяет прийти к выводу, что в Поморье в отличие от других стран региона образование раннефеодального государства не привело к созданию мощной и разветвленной системы централизованной эксплуатации и к складыванию на ее базе широкого социального слоя (прежде всего в составе правящей верхушки), тесно связанного с этой системой и заинтересованного в ее сохранении.

Здесь следует отметить, что, хотя о складывании государства можно говорить в Поморье не ранее середины XII в., уже во второй половине XII — начале XIII в. в документах появляются сведения о земельных пожалованиях монастырям (хотя и с санкции князей) и о крупных комплексах владений поморской знати. К 70-м годам XII в. относятся первые дарения Вартислава Святоборича, наместника Щечина (род его имел обширные владения в обеих частях Поморья)¹²⁹. Еще до 1173 г. Мирогнев и его братья наделили землями монастырь в Даргуне. В грамоте того же времени капитулу в Камне Казимир I подтверждает ряд дарений, сделанных ранее "знатными нашей земли из своих вотчин" ("nobiles terre nostre de suis hereditatibus"). В грамоте 1193 или 1194 г. упомянуто дарение Генриха и Борта Рановичей церкви в Требятове на "все деревни в области долензан, принадлежащие им по наследству" ("villas omnes que per proviniciam Tolenz ad eos spectant hereditario")¹³⁰. Отмеченные особенности поморской государственности, конечно, влияли на возникновение условий для перехода к развитому феодализму. Однако вопрос этот не относится уже к проблематике этой книги. Нарисованная выше картина характерна не только для Поморья; очень сходным образом, хотя и с определенным запозданием, развивалось и княжество с центром на о-ве Рана.

Этническая эволюция поморского общества после складывания еще в догосударственную эпоху этнополитической общности поморян вела к превращению этой общности в народность в рамках раннефеодального государства — Поморского княжества. Представление об особом "народе поморян" ("Pomeranica gens")¹³¹ передано в документах второй половины XII в. вполне отчетливо. Эта линия развития осложнялась тем, что в княжестве сосуществовали в XII в. представители двух родственных, но разных по историческим традициям этносов — собственно поморского и лютичского. В памяти населения сохранялись старые племенные названия лютичей

(чрезпеняне, долензане), хотя племенные территории уже не соответствовали новому государственному административному делению¹³², сохранялись и представления об особом происхождении местной знати (упомянутые выше Рановичи определены в грамоте, как *illustri Liuticiorum prosapie*)¹³³. Такие воззрения на этническую природу населения княжества проявились и в титулатуре князя, выступающего подчас в грамотах как *Pomeranorum et Liuticiorum dux*¹³⁴. В княжеских грамотах XIII в. Поморское княжество обозначается как *S(c)lawia*¹³⁵. Это, возможно, свидетельствует об интеграции поморян и лютичей на основе признания общего славянского происхождения и о необходимости противопоставить Поморье как особое государство соседним немецким княжествам. В памятниках конца XII—XIII в. местные обычай и институты неизменно обозначаются как "славянские"¹³⁶. Однако то был уже период широкого проникновения в Поморье представителей разных слоев немецкого этноса, что положило начало этапу в этнической истории края.

¹ *Fredegar. IV. 68. P. 155.*

² *Fritze W.H. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960. S. 144–154; Łęciejewicz L. Główne problemy dziejów obodrzyckich // Słowiańska połabska między Niemcami a Polską. Poznań, 1981. S. 172–175.*

³ *Widukind, III. 68. P. 142.*

⁴ *Adam. II. 21. P. 75–76.*

⁵ *ARF. A. 809, 816. P. 129, 144; Annales Bertiniani. Hannoverae, 1883. A. 839. P. 23.*

⁶ *Horák B., Trávníček D. Descriptio civitatum ad septentrionalim plagam Danubii. Pr., 1956. S. 2.*

⁷ *Struve K.W. Die Burgen in Schleswig-Holstein. Neumünster, 1981. Bd. I. S. 10, 47; Donat P. Die Mecklenburg – eine Hauptburg der Obodriten. B., 1984; Die Slawen in Deutschland: Neubearbeitung. B., 1985. S. 210–211, 233–236.*

⁸ *Helmold. I. 52, 84. P. 102, 159–160.*

⁹ *ARF. A. 789. P. 84; Fragmentum Annalium Chesnii. A. 790 // MGH SS. 1826. T. I. P. 34.*

¹⁰ *Hordák B., Trávníček D. Op. cit. S. 2. Cp.: Dralle L. Släven an Havel und Spree. B., 1981. S. 78–85, 157–162; Die Slawen... S. 532, Anm. 33.*

¹¹ *Cp.: Strzelczyk J. Rewizja dziejów Wieletów-Luciców? // Studia historica slavo-germanica. 1983. S. 130, 11.*

¹² *Horák B., Trávníček D. Op. cit. S. 2.*

¹³ *Nalepa J. Wyprawa Franków na Wieletów w 789 r. // Slavia Antiqua. 1954. T. 4. S. 217–223; Labuda G. Civitas Dragawiti // Europa Slavica – Europa Orientalis. B., 1980. S. 91–98; Dralle L. Op. cit. S. 94–95, 163.*

¹⁴ *Grebe K. Die Brandenburg (Havel) – Stammeszentrum und Fürstenburg der Heveller // Ausgrabungen und Funde. 1976. 21. S. 156–158; Die Slawen... S. 211.*

¹⁵ *Thietmar. VI. 23–25. P. 302, 304; Adam. II. 21. P. 76.*

¹⁶ *Chronicon Moissiacense. A. 806 // MGH SS. T. I. P. 308.*

¹⁷ *Cp.: Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1973. T. V. S. 239. Przyp. 753; Die Slawen... S. 255, 530, Anm. 9.*

¹⁸ *Annales Bertiniani. A. 839. P. 23.*

¹⁹ *Hordák B., Trávníček D. Op. cit. S. 2.*

²⁰ *Cp.: Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1970. T. 4. S. 88–90.*

²¹ *ARF. A. 817, 823. P. 147, 160.*

²² *Die Slawen... S. 219.*

²³ *Thietmar. VI. 25. P. 304; Helmold. I. 36, 38. P. 71, 77.*

²⁴ *ARF. A. 822. P. 159; Chronicon Moissiacense. A. 804. P. 307; Annales Fuldenses. Hannoverae, 1891. A. 895, 897. P. 126, 131.*

²⁵ *Annales Bertiniani. A. 839. P. 23.*

- ²⁶Cp.: Procházka V. Danová A jiná běhemena u polabsko-pobaltských Slovanů // Právněhistorické studie, 1955. D. 1. S. 164–166; Łowmiański H. Op. cit. T. 4. S. 138, 150, 228; T. 5. S. 260–261.
- ²⁷Annales qui dicuntur Einhardi. A. 789 // ARF. P. 87.
- ²⁸ARF. A. 808. P. 125.
- ²⁹Widukind. III. 55. P. 138.
- ³⁰Cp.: Gieysztor A. Mitologia Słowian. W-wa, 1982. S. 254–258; Die Slawen... S. 312, 315, 540, Ann. 103.
- ³¹Helmold. I. 84. P. 159.
- ³²Ронин В.К. Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII — начале IX в. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 87–95.
- ³³ARF. A. 826. P. 171.
- ³⁴Die Slawen... S. 139–140.
- ³⁵ARF. A. 821. P. 157.
- ³⁶Ibid. A. 826, 823. P. 171, 165.
- ³⁷Ibid. A. 819, 821, 823, 826. P. 149–150, 157, 160, 162, 169, 171.
- ³⁸Ibid. A. 817, 826. P. 147, 171.
- ³⁹Ibid. A. 809, 819, 823. P. 129, 149, 160, 162.
- ⁴⁰Ibid. A. 808, 809. P. 125, 128; Annales Fuldenses. A. 844. P. 35.
- ⁴¹ARF. A. 819, 823, 826. P. 149, 160, 162, 169.
- ⁴²Annales Fuldenses. A. 884, 901. P. 113, 135.
- ⁴³Kowalski T. Relacja Ibrāhīm ibn Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekriego. Kraków, 1946. Cp.: Die Slawen... S. 219, 235–236.
- ⁴⁴Widukind. III. 68. P. 142.
- ⁴⁵ARF. A. 808. P. 126.
- ⁴⁶Cp.: Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämmen zwischen Oder/Neisse und Elbe. B., 1968. S. 172–174; Sudowski Z. Sporne problemy dziejów Związku Więciów-Luciców // Słowiańska... S. 158.
- ⁴⁷Annales qui dicuntur Einhardi. A. 789. P. 85, 87.
- ⁴⁸ARF. A. 823. P. 160.
- ⁴⁹Widukind. II. 21. P. 85.
- ⁵⁰Annales Bertiniani. A. 839. P. 23.
- ⁵¹Annales Fuldenses. A. 858. P. 51.
- ⁵²Cp.: Schlesinger W. Die Verfassung der Sorben // Siedlung... S. 79; Łowmiański H. Op. cit. T. 5. S. 239–240.
- ⁵³ARF. A. 826. P. 169, 171.
- ⁵⁴Cp.: Ронин В.К. Христианизация полабских славян // Принятие христианства народа —ми Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 194–196.
- ⁵⁵Helmold. I. 14, 18. P. 28–29, 37–38. Cp.: Die Slawen... S. 259.
- ⁵⁶MUB. I. 65, 90. S. 58, 84; Cp.: Procházka V. Daňová... S. 176.
- ⁵⁷Helmold. I. 18, 34, 37, 38, 57. P. 37–38, 67–68, 72–74, 112.
- ⁵⁸Thietmar. VIII. 5. P. 498.
- ⁵⁹Adam. II. 42. Schol. 27. P. 102.
- ⁶⁰Ibid. 79. P. 137.
- ⁶¹Cp.: Черниловский З.М. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959. С. 88–89.
- ⁶²Helmold. I. 49. P. 97.
- ⁶³Adam. III. 19–20. P. 162–163.
- ⁶⁴Cp.: Die Slawen... S. 217–219.
- ⁶⁵Adam. III 19. P. 162.
- ⁶⁶Ibid. 19–21, 51. Schol. 80. P. 162–164, 194.
- ⁶⁷Ibid. 23, 50–51. P. 166, 193–195; Helmold. I. 23–25. P. 46–48.
- ⁶⁸Helmold. I. 34, 36, 37. P. 68, 72–74.
- ⁶⁹Die Slawen... S. 220, 235, 263.
- ⁷⁰Helmold. I. 34, 41, 46, 48, 49. P. 69, 83, 91, 95, 97.
- ⁷¹Leciejewicz L. Miasta Słowian północnopołabskich. Wrocław etc., 1968. S. 90–96; Die Slawen... S. 132, 220, 235, 263.
- ⁷²Helmold. I. 36. P. 72; MUB. I. 29. S. 27.
- ⁷³Ibid. 14, 15. P. 29, 31.

- ⁷⁴Ibid. 52. P. 102.
- ⁷⁵Cp.: Ронин В К Христианизация.. С. 199–201.
- ⁷⁶Heimbold. I. 25, 34, 38, 84. P. 47, 67, 74, 75, 160.
- ⁷⁷Ibid. 49, 55, 84. P. 97, 107, 159, 160.
- ⁷⁸Ibid. 93. P. 184.
- ⁷⁹MUB. I. 126, 127, 147, 148, 152, 244. S. 123, 142, 144, 150, 229.
- ⁸⁰Heinrici de Antwerpe Tractatus de captione urbis Brandenburg // MGH SS. 1880. T. XXV. P. 482.
- ⁸¹Kahl H.-D. Slawen und Deutsche in der brandenburgischen Geschichte des 12. Jahrhunderts. Köln; Graz, 1964. S. 26–76, 273–326; Die Slawen... S. 134, 266.
- ⁸²Heinrici de Antwerpe Tractatus... P. 483. Cp.: Kahl H.-D. Op. cit. S. 358, 378, 384–386; Die Slawen... S. 266, 387, 397.
- ⁸³Thietmar. VI. 25. P. 304.
- ⁸⁴Wachowski K. Słowiańska Zachodnia. Poznań, 1950. S. 102–103, 119–120; Sułkowski Z. Geneza i upadek państwa Wieletów-Luciców // Kwartalnik Historyczny. 1963. R. 70. S. 325, 337.
- ⁸⁵Thietmar. VII. 64. P. 478.
- ⁸⁶Adam. II. 21. P. 165.
- ⁸⁷Leciejewicz L. Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław etc., 1962; Idem. Kształtowanie się pierwszych miast u Słowian Nadbałtyckich // Slavia Antiqua. 1970. T. 17. S. 93–123; Filipowiak W. Wolin-Wineta: Wykopiska zatopionego miasta. Rostock; Stralsund, 1986; Szczecin we wczesnym średniowieczu: Wzgórze zamkowe. Wrocław etc., 1983.
- ⁸⁸Cp.: Dąbrowska E. Etapy kształtowania się osadnictwa grodowego i formowania organizacji grodowych u Słowian zachodnich we wczesnym średniowieczu // Archeologia Polski. 1978. T. 23, z. 2. S. 432–433, 435–438.
- ⁸⁹Horák B., Trávníček D. Op. cit. S. 2.
- ⁹⁰Historia Pomorza. Poznań, 1969. T. 1, cz. 1. S. 293; cp.: Łosiński W. Osadnictwo plemienne Pomorza VI–X w. Wrocław, 1982. S. 195–198.
- ⁹¹Historia Pomorza. S. 308–313, 317–318.
- ⁹²Annales Altahenses maiores. A. 1046 // MGH SS. 1868. T. XX. P. 802.
- ⁹³Adam. II. 22. P. 80–81; IV. 13. P. 241.
- ⁹⁴Dowiat J. Pochodzenie dynastii zachodniopomorskiej ukształtowanie się terytorium księstwa zachodniopomorskiego // Przegląd Historyczny. 1954. T. 45, z. 2/3. S. 236 passim.
- ⁹⁵Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum. Gracoviae, 1952. S. 96, 110, 114. Cp.: Łowmiański H. Op. cit. T. 5. S. 415–420.
- ⁹⁶Главные исследования политического строя поморян по данным житий см.: Черниковский З.М. Указ. соч. С. 63–81; Wachowski K. Op. cit. S. 207–253; Procházka V. Politické zřízení polabsko-pobaltských Slovanů v závěrečném údobí rodové společnosti // Slavia Occidentalis. 1962. T. 22. S. 236–246; Zernack K. Die burgstädtische Volksversammlungen bei den Ost- und Westslawen. Wiesbaden, 1967. S. 225–242.
- ⁹⁷Herbord. II. 25–26, 30. S. 110–113, 118.
- ⁹⁸Vita Prieflingensis, II. 10. S. 41.
- ⁹⁹Wachowski K. Op. cit. S. 225–227, 235–237.
- ¹⁰⁰Procházka V. Organizace kultu a kmenové zřízení polabsko-pobaltských Slovanů // VPS. 1958. D. 2.
- ¹⁰¹Dowiat J. Ewolucja państwa wczesnofeudalnego na Pomorzu Zachodnim // Przegląd Historyczny. 1956. T. 47, z. 3. S. 475–477.
- ¹⁰²Herbord. II. 32. S. 123.
- ¹⁰³Cp.: Procházka V. Politické zřízení... S. 241–242.
- ¹⁰⁴Vita Prieflingensis. III. 5. S. 62; Ebo. III. 1. S. 93–94.
- ¹⁰⁵Ebo. III. 7. S. 106–108.
- ¹⁰⁶Cp.: Wachowski K. Op. cit. S. 232, 237; Черниковский З.М. Указ. соч. С. 68–69.
- ¹⁰⁷Vita Prieflingensis. II. 2. S. 31; Herbord. II. 11. S. 81–82
- ¹⁰⁸Ebo. II. 5. S. 65; Herbord. II. 19–22. S. 96–100.
- ¹⁰⁹Cp.: Dowiat J. Pochodzenie... S. 257–259.
- ¹¹⁰Herbord. III. 2. S. 150.
- ¹¹¹Ebo. III. 13. S. 118.
- ¹¹²Vita Prieflingensis. II. 5. S. 34–35; Ebo. II. 7. S. 67.
- ¹¹³Ebo. III. 20, 23. S. 129–130, 133–135.

- ¹¹⁴ Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 89–119.
- ¹¹⁵ *Herbord.* III. 1–2. S. 149, 150; *Ebo.* III. 7. S. 107.
- ¹¹⁶ *Vita Praelingensis.* III. 4. S. 61.
- ¹¹⁷ *Ebo.* III. 6. S. 104–106; *Herbord.* III. 3. S. 152–155.
- ¹¹⁸ *Ebo.* III. 7. S. 106–108; *Herbord.* III. 5. S. 158–159.
- ¹¹⁹ PUB. I. 43, 48, 51a, 94. S. 48, 52, 58, 124.
- ¹²⁰ *Ibid.* 106, 108, 109. S. 137, 140, 142.
- ¹²¹ *Ibid.* 67, 70. S. 86, 92.
- ¹²² *Ibid.* 30. S. 33–34.
- ¹²³ *Walachowicz J.* Pierwotne uposażenie biskupstwa kamieńskiego // *Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza.* W-wa; Poznań, 1979. T. 13, z. 1.
- ¹²⁴ Cp.: *Walachowicz J.* Monopole książęce w skarbowości wczesnofeudalnej Pomorza Zachodniego. Poznań, 1963. Cp. также поправки, сделанные К. Бучеком. *Buczek K.* Przemiany ustrojowe na Pomorzu Zachodnim w XII i XIII wieku // *Kwartalnik Historyczny.* 1965. R. 72. S. 360 passim.
- ¹²⁵ *Buczek K.* Op. cit. S. 375–376.
- ¹²⁶ *Pošvář J.* Počátky mince u polabských a pobaltských Slovanů // *VPS.* 1958. D. 2. S. 130—134.
- ¹²⁷ *Walachowicz J.* Immunitet ekonomiczny na Pomorzu Zachodnim w okresie wczesnofeudalnym // *Czasopismo Prawno-Historyczne.* 1963. T. 15, N 1. S. 49–53; *Buczek K.* Op. cit. S. 354 passim.
- ¹²⁸ *Slaski K.* Podziały terytorialne Pomorza w XII–XIII wieku. Poznań, 1960. S. 225–226.
- ¹²⁹ *Chłopocka H.* Powstanie i rozwój wielkiej własności ziemskiej opactwa cystersów w Kolbaczu w XII–XIV wieku. Poznań, 1953. S. 24–28; *Dowiat J.* Pochodzenie... S. 256–257.
- ¹³⁰ PUB. I. 61–62, 70, 120. S. 75–76, 78–81, 91–92, 159.
- ¹³¹ *Ibid.* 108, 119. S. 140, 158.
- ¹³² *Slaski K.* Op. cit. S. 49–50, 52–56.
- ¹³³ PUB. I. 120. S. 159.
- ¹³⁴ *Ibid.* 91, 165. S. 120, 206.
- ¹³⁵ *Ibid.* 171, 172, 197, 213. S. 214, 215, 244, 263.
- ¹³⁶ *Buczek K.* Op. cit. S. 350.

В. ТЫПКОВА – ЗАИМОВА

СТРУКТУРА БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ IX – НАЧАЛО XI в.) И ПРОБЛЕМА ГЕГЕМОНИИ НА БАЛКАНАХ

Развитие Болгарского государства после введения Борисом христианства определялось несколькими факторами, среди которых необходимо выделить наследие языческого периода и византийскую модель, которая все сильнее утверждалась на тех балканских землях, где политическое влияние империи было особенно интенсивным.

Симеон вступил на престол после серьезного политического кризиса, из которого Борис вышел победителем. Раскол в среде протоболгарской аристократии, которая до введения христианства держала в своих руках главные функции военного и административного управления, не был полностью преодолен в ходе крещения. Бесспорным доказательством этого являлась попытка возвращения к "законам дедов", предпринимаемая старшим сыном Бориса князем Владимиром-Расате. Попытка, однако, закончилась ослеплением

Владимира и свержением его с престола по инициативе самого князя Бориса, покинувшего на время монастырь.

Оппозиционные христианству силы, поднявшие мятеж в 893 г. с целью восстановления язычества, представляли одни и те же круги в течение почти трех десятилетий, начиная с крещения в 864/65 г. вплоть до собора в Преславе (893 г.). Это была высшая протоболгарская аристократия. Актом крещения Борис ввел Болгарию в круг развитых и цивилизованных для того времени государств, но одновременно нанес тяжелый удар по мятежному протоболгарскому элементу, который в свое время создал и укрепил само Болгарское государство. Известно, что часть протоболгарских боляр из десяти комитатов, составлявших в них основу военного и административного аппарата, была уничтожена вместе с семьями. Таким образом была обезврежена вся антивизантийски настроенная протоболгарская группировка. Борис все больше опирался на славянскую знать, которая уже занимала основные посты в государстве и постепенно вытесняла из церкви византийских (греческих) проповедников, через которых на первоначальном этапе в Болгарию проникало христианство¹. Так в отнюдь не простой ситуации была начата при Борисе и достроена при Симеоне государственная модель и структура новой христианской державы².

Идея легитимности высшей власти, освященная традицией, и сама политическая доктрина в целом в Византии были во все эпохи сообразованы с учением Цареградской церкви. Согласно Евсевию Кесарийскому, Константин Великий получил от церкви титул Ἰσαῦρος благодаря универсальности его миссии как в политической, так и в духовной сфере. Как политический институт императорская власть в Византии представляла собой воплощение связи между римским этатизмом и восточным христианством. Византийская система управления не была как целое и во всех своих элементах объектом подражания со стороны соседних "варварских" государств. Объектом подражания был, вероятно, институт императорской власти со всеми ее внешними атрибутами, дворцовыми церемониями и проч.³

В дохристианский период "абсолютная" власть языческих ханов была ограничена наличием вождей Славиний, которые обладали известной самостоятельностью. Христианская модель воспринималась, естественно, гораздо более последовательно после официального введения новой религии. Сохранился документ, позволяющий судить, что следует понимать под византийской "политической моделью". Это — послание патриарха Фотия Борису, в котором патриарх объясняет свое понимание "искусства управления". Он пишет о том, какие, согласно византийским принципам, моральные качества необходимы христианскому правителю и какими из них должен обладать правитель соседней новообращенной страны. Болгарии было предназначено в соответствии с нормами цареградской политики включиться в православную общность, т.е. в сложную систему византийского ойкуменизма⁴.

В правление Бориса, когда, согласно Продолжателю Феофана, царила "безопасность" в отношениях между империей-матерью и при-

нявшей христианство Болгарией, казалось, что византийская модель уже была воспринята. Страна Бориса была включена в византийскую сферу и в "устройство мира", соответствующее византийской политической доктрине. Независимо от этого внутри новообращенной страны формировалась сильная государственная власть. Борис носил титул ἄρχων, который был традиционным для всех правителей мистической "семьи народов", где василевс был "отцом" христианских (иногда и нехристианских) правителей. В славяно-болгарской литературе этот титул переводился как КЪНѧзъ — "князь". Через десять лет после установления автокефальной епархии церковь в Болгарии стала составной частью целостной монархической системы. Завершился этот период церковного строительства двумя соборами — 870 и 879/80 гг. В Болгию была привнесена византийская церковная система, но вместе с тем, несмотря на сопутствующие этому процессу осложнения, начала создаваться и собственная модель общения христианской Болгарии со славянским миром. В этом контексте нельзя упускать из виду, что кирилло-методиевская миссия нашла приют именно в Болгарии и сыграла основополагающую роль в формировании литературы и языка, получивших общеславянское значение.

Через тридцать лет после крещения Болгарии патриарх Николай Мистик попытался в свою очередь воплотить принципы, установленные Фотием, указывая Симеону путь, начертанный его отцом Борисом. Согласно Николаю, истинный мир между Византией и Болгарией состоял в том, "...чтобы ты довольствовался данными тебе властью и честью от дедов и первоначально от бога, чтобы не нарушил границ, которые установили твои деды, и мира между болгарами и ромеями, заключенного, когда вы узнали Христа и бога"⁵. В качестве примера указывался, естественно, Борис, который был принят императором в духовные сыновья: "Он заложил с божьей помощью основы, тебе же подобает строить, а не разрушать и подрывать их", — писал далее Николай Мистик⁶.

К этому времени, однако, отношения с Византией претерпели большие изменения. После побед в войне 894—896 гг. Симеон осуществлял свою дипломатическую деятельность с позиции силы⁷. Немного позже, в течение одного десятилетия (913—924 гг.), он выдвинул программу, которая ориентировалась на внедрение византийской модели, но через постоянное противодействие империи, а не через подчинение ей. В конечном счете его целью было достижение равенства двух моделей — византийской и болгарской.

С одной стороны, этот курс был связан с отказом от изжитого тезиса о "сыновней" зависимости от Византии и с укреплением внутреннего и внешнего положения Болгарского государства. С другой стороны, имело значение и то, что власть в Болгарии оказалась в руках чрезвычайно амбициозной личности. Как сказал о Симеоне кремонский епископ Лиутпранд, "обязанный править, он оставил приятный монастырский покой и вступил в светские бури"⁸. Николай Мистик также утверждал, что Симеон стремился к "земной славе", тогда как в детстве хотел добиться "доброго имени, замечательной и

славной памяти". В другом месте патриарх признает (может быть, в дипломатических целях), что Симеон был некогда боголюбивым, справедливым, ненавидел золото, любил истину, был противником лжи, что он собирался сделать свое управление непорочным и безукоризненным и т.д.⁹ Эти характеристики были даны Симеону еще до того, как конфликт с Византией достиг высшей точки. К 913 г. его обвиняли уже в стремлении к "тирании", т.е. к узурпации.

События развивались примерно так: в 913 г. болгарские войска беспрепятственно пересекли Фракию и достигли Царьграда. Регентский совет при малолетнем императоре Константине VII согласился на встречу с болгарским правителем и его сыновьями, которым были оказаны большие почести. После этого был совершен акт, в котором некоторые современные авторы усматривают обряд коронации¹⁰. Патриарх Николай Мистик возложил на голову Симеона свой собственный эпироптарий "вместо короны", как сказано у Продолжателя Феофана. По нашему мнению, церемония не содержала элементов подлинной коронации, не было при этом и миропомазания. Все ограничилось лишь благословением¹¹. Именно поэтому, как сказано в хронике Продолжателя Феофана и у иных авторов, две стороны расстались, не достигнув согласия. Возвращение матери-императрицы Зои, которая была удалена из столицы и отстранена от регентства на некоторое время, привело к новому обострению отношений.

Расчеты Симеона на династический брак одной из его дочерей с Константином Багрянородным рухнули, и он опять начал опустошительное наступление во Фракии. В сентябре 914 г. болгарские войска взяли после осады Адрианополь. В последующие годы они снова действовали на Адриатике, около Драча и в Солунской области. Попытка создания коалиции против Болгарии не имела успеха: помощь, которую искали у печенежских племен, оказалась неэффективной, переговоры между стратигом Драча и сербским князем Петром Гойниковичем не дали результатов. Петр был свергнут, и военные действия во Фракии и на Черноморском побережье возобновились в пользу Симеона. В знаменитом сражении на р. Ахелой, у соврем. Помория (Анхиало) на Черном море, 20 августа 917 г. болгарское войско одержало победу над византийскими силами. Она имела решающее значение для отношений Симеона с империей: его претензии резко возросли. Византийские авторы говорят, что в 20-х годах X в. Симеон был на вершине славы, а Византийская держава находилась в критическом положении. В Царьграде был совершен новый переворот: летом 919 г. друнгарий (командующий) флота Роман Лакапин вновь отстранил императрицу Зою от власти, выдал свою дочь замуж за Константина Багрянородного и провозгласил себя василеопатором. Отношения между Царьградом и Преславом обострились еще более: Симеон заявил, что Роман Лакапин "должен сойти с престола". Вопреки уверениям Николая Мистика отказаться от своих амбиций, болгарский правитель решил на этот раз силой взять Царьград. Переговоры были прерваны в 921 г., и византийские войска встретились у столицы с силами Симеона, который и на этот раз вышел победителем.

Расчеты болгарского правителя вступить на царьградский престол в 913 г. покоились на надеждах породниться с царствующей династией, когда и само положение юного василевса было ненадежным. Симеон имел, как казалось, и согласие на это самого Николая Мистика, который позже отказался от своих планов. После 922 г., когда, вопреки его собственным большим успехам, болгарский правитель понял, что из-за срыва переговоров с фатimidским халифом он не сможет без помощи флота овладеть византийской столицей, Симеон оказался в большей мере склонным к компромиссу. Он был готов удовлетвориться правом равного с василевсом правителя, т.е. своего рода второго императора на "византийском западе". Но новая встреча государей у Царьграда в 923 г. не дала ожидаемых результатов, хотя Симеон и начал именовать себя в моливдулах Συμεὼν εὐ χριστῷ βασίλεὺς Ῥωμαίουν Συμεὼν βασίλεὺς¹². Принципы теории самодержавия требовали, однако, наличия в стране патриархии, которая освятила бы власть болгарского правителя. Для преобразования Преславской архиепископии в патриархию при явном отсутствии согласия Царьграда Симеон применил догмат о "соборном начале" в церкви. Полагают, что собор в Преславе в 918 г. признал царское достоинство болгарского правителя: "Царь въсѣмъ бльгаришъ и гръкомъ". Естественно, царьградская церковь отказалась болгарам в этом признании¹³. По-видимому, по этой причине болгарский правитель обратился в 926 г. к римской курии, надеясь, вероятно, на признание папой Иоанном X автокефальности болгарской церкви и царского титула Симеона. Но поскольку после присоединения Сербии к Болгарии начались военные действия между Болгарией и Хорватией, закончившиеся неудачей для Симеона, переговоры с папством остались без последствий. Вскоре, 27 мая 927 г., Симеон умер от сердечного приступа.

Само требование Симеона признать его власть равной императорской, а еще больше — его попытки вытеснить империю с Балкан, дают ясное представление о характере соперничества двух соседних держав в начале X в. С точки зрения византийской государственной доктрины, признание, к которому стремился Симеон, означало нарушение мировой гармонии (или "порядка" τάξις)¹⁴, на которой зиждалось и мистическое "семейство народов". Несмотря на то что идеологические и политические конфликты не получили разрешения и претензии Симеона были отвергнуты византийской стороной, центральная власть в Болгарии и ее государственная система приобрели большую устойчивость в этой борьбе. Постепенно создавалась государственная модель, которая имела впоследствии значение и для других Балканских государств¹⁵.

Официальное признание за болгарским правителем царского титула со стороны Византии пришло при наследнике Симеона — Петре I (927—970 гг.). Договором, заключенным сразу же после воцарения Петра, за болгарским царем был признан титул "царь" (βασίλεὺς). Признание было следствием брака Петра с внучкой Романа Лакапина Марией, получившей новое имя Ирина в честь мира. Конечно титул не

содержал добавления тων 'Ρωμαίων: на моливдовулах Петр титуловался только как βασιλεὺς εύσεβῆς и "Петръ йръ българский"¹⁶. Признание распространялось и на болгарскую церковь: духовный глава страны, имевший резиденцию в Дристре, был провозглашен болгарским патриархом.

Все это вывело Болгарское государство на высокий уровень в международных отношениях, как это ясно из письма кремонского епископа Лиутпранда императору Оттону I, где сообщается, что болгарскому посланнику было оказано предпочтение перед епископом на торжественном обеде в Царьграде в Петров день в 967 г. Позже Константин Багрянородный, чьи оценки в отношении его тестя Романа I всегда отрицательны, характеризует уступки Петру как отступление от норм византийского самодержавия: Роман Лакапин был, по его мнению, ιδιώτης καὶ ἀγράφιας ("простым и необразованным человеком")¹⁷.

События, которые произошли в правление Петра, показывают, что эта значительная уступка означала одновременно новую попытку вовлечь Болгарское государство в сферу влияния империи. Не случайно начались сепаратистские движения братьев Петра.

После смерти царя Петра в западных областях Болгарии, удаленных от военных действий империи против киевского князя Святослава, была сделана попытка завладеть властью и переместить туда управление. Но возвращение сыновей Петра из Царьграда, где они находились в качестве заложников, в Преслав и провозглашение царем Бориса II сорвали этот план. Руководителями восстания на западе были так называемые комитопулы — сыновья комита Николы. Они довольствовались отделением от Преслава¹⁸. Новая попытка достижения самостоятельности была сделана после смерти императора Иоанна I Цимисхия (976 г.). Иоанн Скилица пишет: "Болгары отделились и управлять ими были избраны четыре брата — Давид, Моисей, Аарон и Самуил, сыновья одного из могущественных комитов болгар..."¹⁹. До отделения Николы и его сыновей он, вероятно, был комитом (управляющим) области Сердика (Средец). Предполагают также, что Никола был правителем Девольского комитата и что к своему восстанию он привлек и управляющих остальными западными комитатами²⁰. Сведения о комитатах вообще скучны и неясны. Известно, что византийская оккупация при Цимисхии не распространилась на запад от р. Струмицы и Видина²¹. Учитывая значение Сердики в событиях 986 г. и вообще в борьбе с империей под руководством Самуила и Аарона, представляется более вероятным, что Никола управлял областью именно около Средеца.

Кто дал власть Николе и его сыновьям? Очевидно, болярский совет, как это было в болгарской традиции, совет боляр именно западных областей, сохранивших независимость от империи. Позднее к ним присоединились и боляре восточных областей. Ни один источник не дает конкретных сведений о том, как было устроено управление сыновей Николы после отделения их от центральной власти и после смерти Цимисхия. Неизвестно также, когда умер сам Никола. Может быть, в условиях своеобразной "тетрархии" каждый из братьев управ-

лял своей областью. Нет, однако, подтверждений в источниках, как конкретно распределялась власть; предположения делаются главным образом на основе анализа действий каждого из братьев. Что касается Аарона, то он наследовал, по всей вероятности, семейные земли около Средеца²². Согласно другим предположениям, каждый из братьев управлял по очереди, но этот тезис не находит подтверждения в источниках.

Из западных источников следует, что в 973 г. к Оттону I явились с дарами посланники из разных стран, среди которых были и болгары. Если верна датировка (а в ней трудно было бы усомниться, так как она приведена в нескольких памятниках), то необходимо признать, что Болгарское государство в западных областях считалось тогда жизнеспособным и законным²³. Ни в одном из документов того времени не выражено и тени сомнения, от чьего имени прибыло посольство. Впрочем, общее управление комитопулов длилось лишь около десятилетия. Скилица сообщает, что старший сын Николы Давид погиб "внезапно": он был убит где-то между Преспой и Костуром "влахами — ѿѣтai" (под этим выражением следует понимать, вероятно, не "бродяг", как считали раньше, а влахов, которые служили горными проводниками в византийских войсках)²⁴. Впоследствии Давид был канонизирован как святой. После него при осаде г. Серес погиб и Моисей.

Между тем законные наследники Романа II, его юные сыновья Василий II и Константин VIII, заняли престол в Царьграде после смерти Цимисхия. Фактически правил евнух паракимомен Василий, талантливый полководец, но крайне амбициозный вельможа.

В 986 г. состоялся первый поход Василия II через горные проходы Стара-Планины к Сердике. Византийское войско потерпело поражение в ущелье Ворота Траяна. Аарон попытался, по-видимому, заключить сепаратный договор с Василием II, и Самуил, уже проявивший себя как главный руководитель военных акций против Византии, осудил его на смерть вместе с семьей. Живым благодаря заступничеству сына Самуила Гавриила Радомира остался только сын Аарона Иван Владислав.

Таковы события, которые сделали Самуила самостоятельным правителем (или ѹѹнаѹхѹс, как выражается Скилица) "всей Болгарии", т.е. включая и восточные области, которые Самуил присоединил после 986 г. Но он не имел царского титула до тех пор, пока в Скопье находился второй сын царя Петра Роман, носивший также второе имя — Симеон (в честь двух своих дедов — Романа Лакапина и царя Симеона). Роман был скопцом с того времени, когда пребывал в Царьграде, откуда затем бежал вместе со своим старшим братом Борисом II. Но Борис был убит на границе болгарским воином, принявшим его за ромея.

Роман оставался в Скопье, пока Василий II не взял город и опять не пленил его (согласно Скилице, сам Роман передал город императору). Эти события датируются по-разному. Смерть Романа в Византии в тюрьме относят и к 997, и к 1003 г. Хотя Роман не мог иметь наследника и, очевидно, играл второстепенную роль в

Болгарии, Самуил уважал древний принцип престолонаследия. Он называл себя официально в надписи 993 г. только "рабом божиим" и перечислял в ней своих живых родственников. У нас нет данных о коронации Самуила и после смерти Романа, но все источники представляют его как царя. Так его именуют, например, Никифор Вриенний (*βασιλεὺς βούλγαρων Σαμουῆλ*), поп Дуклянин (*imperator*), Яхъя Антиохийский. В грамоте Василия II от 1020 г. "царями" названы Петр и Самуил. Бессспорно, Самуил не мог претендовать на санкционирование со стороны Царьграда его царского титула. В. Златарский высказал предположение, что Самуил искал этой санкции у Рима. Определенного сообщения на этот счет нет. Верно, однако, что в переписке между царем Второго Болгарского царства Калояном и папой Иннокентием III недвусмысленно говорится о якобы существовавших династических связях между Преславом и Охридом. В письме от 1202 г. папа вспоминает "Петра, Самуила и других достопамятных предков", а Калоян ему отвечает: "Симеон, Петр и Самуил, прародители мои и всех остальных царей (*imperator*) болгар". Тем не менее у нас нет конкретных данных о родственных связях в таком виде. Возможно, речь идет о понятии "династического" родства, очень распространенном в средневековье. При таком состоянии источников наиболее вероятным кажется предположение, что царский титул Самуила имеет связь с установлением новой резиденции патриархии, которая была перенесена из Дристры в Средец, а оттуда в Охрид.

Государи Самуиловой династии употребляли титул "самодержец", заимствованный из византийской титулатуры: монархический институт в Византии связан с самодержавием, внешний признак которого выражен в титуле *αὐτοκράτωρ*. Долгое время считалось, что титул "самодержец" на славянской почве впервые появился при Стефане Первовенчанном. Но надпись Ивана Владислава показывает, что этот титул существовал раньше в болгарской титулатуре. В надписи именно Самуил назван "самодержавным", а сам Иван Владислав титулован как "самодержец болгарский". Употребление этого титула связано с желанием подчеркнуть независимость государства в критический период его существования²⁵.

Итак, начиная с IX в. и в течение всего X в., среди европейских государств разгорелось соперничество из-за воплощения в своей стране имперской идеи первоначального римско-византийского наследства (или цетворяемого империей Константина Великого), сопровождавшееся борьбой двух церквей за санкционирование этой власти²⁶. Находясь между Западом и Востоком, Болгарское государство участвовало в этом идейном поединке, поднимая свои претензии до тогдашнего европейского уровня. Даже тогда, когда речь шла о юридическом положении империи (в том смысле, что она охватывала не одну этническую территорию, а держала под своим контролем земли и других народов, на которые распространяла свой политический авторитет), и этот элемент имперской доктрины был налицо, он выразился в претензиях болгарских правителей на западные области полуострова. Мы имеем в виду своеобразный суверенитет

Болгарии над Сербией и Хорватией, на который болгарские правители претендовали главным образом во времена Симеона и который противопоставлялся здесь политическому сюзеренитету Византии. С таким положением с трудом мирились в Царьграде, где считали его одним из факторов, способствовавших отрыву Болгарии от ее духовной зависимости от Византии. Константин Багрянородный уточняет, что все получаемое болгарской стороной от сербов и хорватов было лишь *ξενία* ("дарами"), а не *πάκτω* ("данью"), так как *πάκτω* имел право получать только василевс²⁷.

Идея политического сюзеренитета, которая использовалась при болгарском дворе, сохранялась и при Самуиловой династии, когда, например, зетский князь Иван Владимир оказался в вассальных отношениях с болгарским царем. Проблема обязательной принадлежности государя к правящей династии, как одного из законных наследников, сохранилась и после падения Болгарского государства, завоеванного византийцами. Когда Делян возглавил восстание против византийцев в западных областях и заявил о своей принадлежности к роду Самуила, он был провозглашен царем, а другой вождь восставших, Тихомир, не только изгнан, но и насмерть побит камнями, потому что в условиях двоевластия, как объяснил Делян, борьба против Византии не может быть успешной. В эти события вмешался также сын Ивана Владислава Алусиан, которого провозгласили "царем", подняв его на щит, поскольку такова была болгарская традиция²⁸. Для наших целей не важно, откуда происходит обычай поднятия на щит; важна постоянная ссылка в источниках на болгарские государственные традиции управления, которая повторяется вплоть до времени антивизантийского восстания братьев Асеней.

В надписях и письменных памятниках продолжали упоминаться в X—XI вв. и некоторые протоболгарские титулы. Например, из одной преславской надписи известно, что некий Мостиц был чергубилем при царе Симеоне и царе Петре. Во времена Самуила и его династии подвизались кавхан Феодор и кавхан Дометиан. Также из надписи известны Иван-багатур и канартикин и др. Подтверждают это и протокольные вопросы и ответы, которыми, согласно Константину Багрянородному, обменивались в Царьграде представители византийской власти и болгарские послы. Конечно носители протоболгарских титулов вряд ли имели протоболгарское сознание, если иметь в виду, что некоторые из них носили христианские имена. Поэтому нельзя сказать, были ли их функции теми же, что и в языческий период. Бесспорно, однако, что и в этом отношении существовала известная преемственность²⁹.

Нельзя забывать и тот факт, что после крещения славянская аристократия получила значительный перевес; часто встречающимся явлением была замена болгарских по происхождению правителей областей славянами. Началась она еще с того времени, когда Борис уничтожил осмелившихся восстать против него болгар — правителей десяти комитатов. Хорошим примером замены наместников-болгар славянами является свидетельство о том, что Борис отобрал область

Кутмичевицу в Македонии у болгарина (как показывает его имя) Котокия и доверил управление славянину Домете (тогда же в эту область был послан и Климент Охридский)³⁰. Здесь не место искать причины таких действий Бориса, но, очевидно, в первую очередь была учтена при этом большая концентрация в области населения славянского происхождения. Наблюдалось утверждение и жупной системы. Ко времени после принятия христианства относится чаша жупана Сивина из Преслава, надпись на которой сделана уже на древнеболгарском. Однако жупная система в Болгарии не была, вероятно, распространена столь же повсеместно, как в Сербии и Хорватии. Нельзя ставить знак равенства между строгой централизацией, которая имела место в Болгарии, и своеобразным ступенчатым управлением, существовавшим в Сербии.

В провинциальном управлении система комитатов была сохранена³¹. От времени Симеона нам известен некий комит Дристр, а семейство уже упоминавшегося комита Николы является наилучшей иллюстрацией значительности некоторых комитов. Таким, по крайней мере, было положение в западных и юго-западных областях, где большие знатные семьи играли значительную роль в территориально-административном управлении. Характерна и своеобразная организация, которая продолжала существовать в периферийных зонах, в Задунавье, особенно на восток от нижнего прутско-днестровского междуречья. Еще при ханах-язычниках земли до Днепра, входившие, как полагают, в ареал политического государства болгар, были организованы как своего рода пограничные зоны, которые ограждали собственно государственную территорию, расположенную к югу от Дуная³². Не случайно в связи с войной 894—896 гг. византийская дипломатия направила венгров через задунайские земли на Болгарию. Не случайно также патриарх Николай Мистик угрожал Симеону бросить против него "турок (венгров), аланов, печенегов и русов", если Болгария не будет сохранять мирных отношений с Царьградом³³. Вероятно, эти земли были постепенно утрачены Болгарским государством³⁴. При Симеоне их устройство продолжало оставаться таким, как было установлено традицией. Во время продвижения венгров к Паннонии районы между Тисой и Дунаем управлялись, по данным венгерского хрониста XI в., тремя болгарскими болярами, у которых были значительные имения. Салан владел областью около Тисы и Мароша, Глад — у р. Марош, а Менуморуд — между реками Самоши и Марош³⁵.

Когда Болгарское государство перестало существовать и византийская граница вновь достигла Дуная, стало ясно, каково было значение организованных таким образом задунайских владений даже для самой Византии. Они были своеобразным аванпостом по отношению ко всем землям к югу от реки; аванпостом, на который власть империи не распространялась. Поэтому сразу же после смерти Василия II, в 1026—1027 гг., начались набеги печенегов. На северных границах империи создавалось положение, которое напоминало ситуацию, сложившуюся здесь в VI—VII вв., когда еще не существовало Болгарского государства.

Ответственность, которая падала на болгарских правителей завоеванных земель, предполагала материальное обогащение за счет добычи во время военных набегов. Хорошо известен пассаж из "Жития Марии Новой", где говорится что Симеон периодически сменял управляющих завоеванными городами. После определенного периода они оставляли службу и возвращались домой, обогащенные добычей³⁶. В период успешных войн экономическая мощь служилой аристократии находилась в прямой зависимости от размеров ее военной и гражданской власти. В зависимости от военных успехов происходило и продвижение сановников в военно-административной иерархии Болгарии. Добыча состояла не только из материальных ценностей, но и из рабов, которые затем использовались в имениях болгарской знати. Хороший пример на этот счет имеется в одном из "чудес" св. Георгия³⁷: в качестве раба в доме знатного болгарина трудился плененный им сын одного стратиота из Пафлагонии. Подобные данные и о более низких воинских чинах есть в другом "чуде" св. Георгия: некий болгарский воин, не входивший в придворные круги и живший "среди народа", обладал значительным имуществом; на войну он выступал с двумя конями, имел много золов, свиней и овец, а, кроме того, получал довольно значительную долю воинской добычи.

Упорная и продолжительная борьба не только за упрочение Болгарского государства, но и за распространение его политического влияния в X в. вызывала, как это было повсеместно в те времена, различную реакцию в болгарском обществе. В распространении бого米尔ства следует, несомненно, видеть противодействие высшим государственным и церковным кругам, но наряду с социальными мотивами это движение отразило и недовольство провизантийской позицией двора при Петре. Но оппозиционные течения из-за неразвитости сословной структуры общества не имели четких программ, которые соответствовали бы интересам тех или иных социальных слоев и прослоек. Движение низов приобретало большей частью характер ересей, а их участие в восстаниях, число которых постепенно возрастало к концу XI в., было связано с идеей "освобождения" под руководством вождя, который был бы против существовавшего порядка, но одновременно являлся бы представителем высших слоев, т.е. "добрый царем"³⁸.

В формирующемся мировоззрении средневекового болгарина утверждалась также привязанность к родной земле, своего рода патриотизм, который побуждал его идти на войну с целью защиты своей страны и внушал ему известное смирение перед установленным мировым "порядком". Упрочение этих компонентов болгарского самосознания стало особенно отчетливым с того времени, когда благодаря введению строгой военной и административной организации ускорилось формирование болгарской народности. Все эти факторы наряду с установлением единой религии сыграли существенную роль в осознании и признании неразрывных связей между понятиями "этнос-территория" и "народ-земля". Военно-государственный аппарат, который проводил единую внутреннюю и

внешнюю политику, способствовал интеграции племенной структуры в новую большую и более прочную этническую структуру, болгарскую народность, сложившуюся путем преодоления этнического славяно-болгарского дуализма

В полной мере в духе средневековья было появление в XI—XIII вв апокрифических текстов, в которых поддерживалась идея независимой Болгарии в то время, когда страна утратила свою самостоятельность В апокрифической литературе имела место даже идеализация времени правления царя Симеона, когда в болгарских землях царило якобы материальное благополучие Превозносились там деяния и других болгарских царей Наиболее примечательным в этих преданиях было то, что при перечислении так называемых земных царств Византия ("Греческое царство") ставилась, и это естественно, на первое место, но второе или третье место отводилось "Болгарскому царству", которое упоминалось обычно перед "Алеманским", т.e перед западной империей, что же касается болгарской книги (т.e литературы), то иногда ей отдавалось предпочтение даже перед "греческой"³⁹

Позиция болгар-современников в отношении к собственной болгарской государственной структуре и обществу и к византийской государственной и культурной модели отмечена печатью своеобразной амбивалентности Подобная позиция характерна не только для болгарской средневековой действительности — она налицо вообще в Балканском и даже Европейском регионе в целом в ту эпоху, когда формировалось феодальное общество

¹ Войнов М Някои въпроси във връзка с образуването на българската държава и покръстването на българите // ИИИ 1961 10 С 200 и след

² Об эпохе Симеона см. История на България С, 1983 Т 2 С 278—323, Божилов И Цар Симеон Велики (893—927) Златният век на Средновековна България С, 1983, Краткая история Болгарии М, 1987 С 63—78 Андреев Й Българските ханове и царе, VII—XIV в С, 1988 С 62—72 Из более старой литературы основным остается труд Златарски ВН История на българската държава С, 1971 Т 1/2 С 280—494, см также Мутафчиев П История на българския народ С, 1986 С 117—199 Очень подробной является статья Войнов М Промяната в българо-византийските отношения при цар Симеон // ИИИ 1967 18 С 147—202

³ Tarkova-Zaitova V, Bakalov G Le modèle politique // Гръко-български симпозиум при център "Акад Ив Дуйчев" (в печати)

⁴ Tarkova Zaitova V, Simeonova L Aspects of the Byzantine cultural policy towards Bulgaria in the epoch of Photius // Byzantium and Europe First Intern Byzantium conf Athene, 1987 Р 153—163, Симеонова Л Византийската концепция за изкуството да се управлява според Фотиевото послание до княз Борис I // Проблеми на културата С, 1988 4 С 91—111

⁵ Цит по Войнов М Промяната С 162

⁶ Там же С 166

⁷ О дипломатии Симеона см. Ангелов П Българската средновековна дипломация С 1988 С 82

⁸ Цит по Войнов М Промяната С 167

⁹ Там же С 167, 172

¹⁰ Ostrogorsky G Die Kronung Symeons von Bulgarien durch den Patriarch Nikolaos Mytilikos // ИБАД 1935 IX С 278—283, Божилов Й Цар Симеон С 98 и след

¹¹ Войнов М Просияната С 99 и след, Σταυρίδου — Ζαφράκα А Η συνάντηση τού Συμέων καί Νικολάου Μυστικού (Αύγουστος 913) στα πλαίσια τού βυζαντινού —

- всулгари^{ко}у 'антагонисмо^у Θεοσαлоникη^у 1972, Бакалов Г Средневековият български владетел (титулatura и инсигнии) С, 1985 С 106 и след Снегаров И Коронясан ли е бил княз Симеон в Цариград през 913 г? // ГСУ БФ 1947 XXIV, 4 С 36—38, Fine J The early medieval Balkans Michigan, 1983 Р 144—148
- ¹²Jurukova J La situation des souverains du 1er royaume bulgare d'après les monuments de la sphragistique // Сборник в памет на проф Ст Ваклинов С, 1985 С 228—229
- ¹³Бакалов Г Средневековият български владетел С, 1985 С 113 и след, Златарски ВН Писмата на византийски император Роман Лакапин до българския цар Симеона // СБНУ 1896 XIII С 318 и след, Николов Й Православната църква през епохата на феодализма // Православието в България С, 1974 С 105 и след
- ¹⁴Tarkova Zaitova V L'idée byzantine de l'unité du monde et l'Etat bulgare // Variorum Reprints L, 1979 Т 18 Р 291—298 О византийском "порядке" см Ahrweiler H L'idéologie politique de l'Empire byzantine Р, 1975 Р 129
- ¹⁵Тыпкова-Займова Ф Формы власти в Византии и в Балканских государствах (до Х в) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей М, 1987 С 116—125
- ¹⁶Jurukova J Op си Р 229—230, Бакалов Г Указ соч С 120—121
- ¹⁷Const/ Porph DAI P 72 Cap 13
- ¹⁸История на България Т 2 С 379—421, Андреев Й Българските ханове С, 1987 С 83—88
- ¹⁹Joannis Scylitzae synopsis Historiarum В, 1973 Р 255—256
- ²⁰Венедиков И Военното и административно устройство на България през IX и X век С, 1979 С 99 и след
- ²¹Tarkova-Zaitova V Les frontières occidentales des territoires conquis par Tzimisces // Variorum Т 12 Р 115—118
- ²²Войнов М Българската държавна традиция и Самуилова България // ИП 1979 № 6 С 5 и след
- ²³Йончев Л Някои въпроси във връзка със Самуиловата държава // ИП 1965 XXI, № 1 С 34 и след
- ²⁴Литаврин ГГ Влахи византийских источников X—XIII вв // Юго-Восточная Европа в средние века Кишинев, 1972 С 114—115
- ²⁵Займов Й, Займова В Битолски надпис на Иван Владислав самодържец български С, 1970 С 85, 94, 98 и след, Благоева Б За произхода на цар Самуил // ИП 1966 XXXII, № 2 С 94—95 Tarkova Zaitova V L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare // Variorum Т 12 Р 294—295
- ²⁶Бадаланова-Покровская Ф К, Плюханова М Б Средневековая символика власти крест Константинов в болгарской традиции // Учен зап Тарт гос ун-та Лит и история 1987 Вып 781 С 132—148
- ²⁷Тыпкова-Займова В Владетельская идеология на Балканах (Опыт сравнительного изучения) // Ш Симпоз "Владетелската идеология на Балканите" (в печати)
- ²⁸Цанкова-Петкова Г Влияние на византийские политические институции у българите през XI в // Studia balcanica Sofia, 1970 Т 2 Р 97—104
- ²⁹Литаврин ГГ Социальные и классовые движения в южнославянском обществе IX—XII вв // Typologie ranéfeudálních slovanských stáv Pt, 1987 S 16—17, Койчева Е О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах // Этносоциальная и политическая структура С 156 и след
- ³⁰Vojnov M Мокро^с си ў^{фир}а chez Anne Commene et кото^ко^с dans la Vie détaillée de St Clement d Ochrida // Studia balcanica Sofia, 1970 Т 1 Р 100—101, Иванов Й За името котоко в пространното житие на Кримент Охридски // Славистичен сборник С 1978 С 41—44
- ³¹Венедиков И Указ соч С 56 и след
- ³²Тыпкова-Займова В Долни Дунав гранична зона на византийская Запад (Към историята на северните и североизточните български земли, края на X—XII в) С, 1976 С 26 и след
- ³³Цит по Войнов М Промяната С 164
- ³⁴Тыпкова-Займова В Долни Дунав С 32 и след Вопрос о времени утраты этих земель дискуссионен, см Божилов И Анонимът на Хасе България и Византия в края на X век С, 1979 С 176 и след
- ³⁵Erdelyi örténete Вр, 1986 I kör 594—595 о

³⁶ AASS. Novembris IV. Bruxelles, 1925. Col. 701, 25; Койчева Е. Указ. соч. С. 156.

³⁷ Ангелов Б. Сказание за железния кръст // Страница из истории на старобългарската литература. С., 1974. С. 167—180; Он же. Старобългарска литература. С., 1971. Т. 1. С. 136—155.

³⁸ Ангелов Д. Българинът в средневековието (светоглед, идеология, душевност.). Варна, 1985. С. 271 и след.

³⁹ Тылкова-Занимова В. Византийская и болгарская государственная идеология в эсхатологической литературе и пророчестве // Typologie... S. 147—173; Иванов С.А. К вопросу об элементах этнополитического сознания в болгарской апокрифической летописи // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1988.

С. РАКОВА, Х. МАТАНОВ

ПРОЦЕССЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ У ХОРВАТОВ И СЕРБОВ В IX—XII вв.

История хорватов в раннее средневековье, как и других славянских племен, поселившихся на границе между восточным и западным европейским миром, отмечена серьезными политическими и религиозными конфликтами. Хорватское государство, ставшее с IX в. самостоятельной силой, было вовлечено в столкновение между Византией, Венецией, папством, а позже и Венгрией, т.е. между всеми державами, боровшимися за раздел сфер влияния на северо-западе Балкан и на Адриатическом побережье. В отличие от других славянских княжеств на северо-западе Балкан и Великой Моравии в Центральной Европе, Хорватское государство существовало непрерывно в IX—XII вв.

В последнее время сделана попытка пересмотреть господствующую в историографии периодизацию хорватской средневековой истории по правящим династиям¹. В настоящем исследовании развитие государственных институтов в хорватском обществе в IX—XII вв. рассматривается на основе периодизации, критерием которой являются этапы общественно-экономического развития. На основе немногочисленных источников прослеживается создание политической структуры Хорватии в этот период. В ней, как и в любом другом средневековом государстве, могут быть выделены три основных политических элемента: институт правителя, класс феодалов и церковная организация. Каждый из этих элементов по-своему участвовал в управлении страной, хотя определяющим является, несомненно, институт правителя.

Для периода от поселения хорватов на Балканах до времени князя Трпимира (ок. 845—864 гг.) нельзя сделать каких-либо выводов о политическом устройстве Хорватского государства. Это объясняется не только скучностью известий источников, но и тем обстоятельством, что со времени возникновения Хорватского княжества в Далмации (VIII в.) до середины IX в. данное политическое образование находилось в стадии консолидации. В первых свидетельствах западных альянтистов времен Карла Великого Хорватское государство предста-

ет как вассал франкского короля. Зависимость существовала до 70-х годов IX в., т.е. она сохранялась и после распада империи франков в 843 г.²

Мы располагаем немногими, но очень ценными историческими источниками о Хорватском государстве середины IX в. Это сведения Иоантина Багрянородного, бенедиктинского монаха Готшалка, оулегендарные заметки в Дуклянской летописи и некоторые пиграфические памятники³. Важнейшее значение для изучения процессов становления государства в Хорватии во времена князя Трпимира имеет дарственная грамота Сплитскому архиепископству от 852 г.⁴ Особый интерес представляют данные о титулатуре правителя и его международно-правовом статусе, о церковной организации в хорватских землях, об их административном устройстве. В самом начале текста указывается, что грамота была издана во время правления франкского короля Лотаря в Италии, что свидетельствует о том, что хотя бы формально Хорватское государство в середине IX в. признавало верховную власть франкского короля. Трпимир титулован как "Tigrimir dux Chroatium"⁵. Толкование выражения "comtine consilium meis cum omnibus zuppanis" как доказательство существования государственных соборов в Хорватии нельзя принять безусловной⁶. Это первое упоминание жупанов в местном источнике. Кроме указания на наличие института жупанов, оно свидетельствует о том, что все еще не существовало другого термина для обозначения "народных вождей".

Указанная грамота позволяет сделать некоторые выводы о церковной организации в хорватских землях. Согласно последним обобщающим исследованиям, основание хорватского епископства с центром в Нине может быть отнесено ко времени Трпимира⁷. Так, Хорватское государство, подобно Болгарии во времена Бориса, в середине IX в. воспользовалось спором между Римом и Константинополем и получило самостоятельное церковное устройство⁸. Размещение резиденции епископа в Нине, в центре страны, а не в столице Клисе, которая находилась недалеко от Сплита, показывает стремление хорватов к церковной самостоятельности. Первоначально Нинское епископство было под юрисдикцией Аквилейского патриархата⁹.

Вопрос о существовании церковной десятины остается спорным, тем более что нет никаких других источников более позднего времени, подтверждающих это. В грамоте говорится: "... И с этого года со всех окольных земель нашего двора, названного Клис, взимается десятина для упомянутой церкви, которой начал давать десятину наш предшественник Мислав"¹⁰. И хотя мы ставим под сомнение данные о церковной десятине, исключительно ценным остается упоминание, что земли правящего рода находились около Клиса. Более подробно о дворе Трпимира сообщает бенедиктинский миссионер Готшалк¹¹.

Грамота Трпимира издана "in loco qui dicitur Byaci" (соврем. Бихач) правителем и пятью жупанами, жупы которых не названы. После имени Трпимира и пяти жупанов следуют: "Ozanulo cum fratre",

"самсгаро", четыре персоны без обозначения должностей, Киприан и Мартин (последний являлся писарем), которые имели титулы "пресвитер" и "капеллан". Сведения о центральном и местном управлении здесь скучны, но их можно дополнить более поздней грамотой Мутимира от 892 г.

Другие упомянутые выше источники о правлении Трпимира дополняют наши представления о границах государства и его внешнеполитических отношениях. Так, например, Константин Багрянородный говорит о нападении Бориса, князя Болгарии, на "архонта хорватов", что подтверждает факт продолжающегося конфликта между двумя державами за подчинение сербских земель¹². В других источниках упоминаются нападения хорватского правителя на Сплит и Трогир¹³, а в Дуклянской летописи, в которой Трпимир обозначен, как "гех", рассказывается о его выступлении против "алеманов"¹⁴. Хотя невозможно с точностью определить границы территории Хорватии в тот период, направление его внешнеполитической активности свидетельствует о расширении пределов страны на западе и юго-востоке.

Во второй половине IX в. на хорватском престоле сменили друг друга Домагой (ок. 864—876 гг.), Здеслав, Бранимир и Мутимир (ок. 892—910 гг.). Все эти хорватские князья занимали престол в результате династических переворотов, только Здеслав пришел к власти при поддержке Византии. Междуусобная борьба велась между сыновьями Трпимира Здеславом и Мутимиром и представителями других родов¹⁵. Частая смена правителей была результатом не только внутренних противоречий, но и усиления вмешательства Византии, которая при первых императорах Македонской династии укрепила свои позиции в Далмации. К этому же времени относится и начало военных действий Венеции на Адриатике. Республика св. Марка противопоставила себя империи¹⁶. Стремясь сохранить византийское влияние в Далмации, император Василий I (867—886 гг.) преобразовал далматскую архонтию в фему. Кроме того, было принято решение уступить дань, взимаемую империей с далматинских городов, соседним с ними славянским княжествам. Эти сведения, сообщаемые Константином Багрянородным, являются еще одним доказательством активной политики Хорватии в Далмации. Десять литр золота, которые выплачивали ранее империи Сплит, Трогир, Задар и Дубровник, распределялись между князьями Травунии (Требинья), Захлумии и Хорватии, которая получала львиную долю¹⁷. Внешнеэкономическая ориентация хорватских князей красноречиво свидетельствует об их колебаниях между Римом и Византией: Здеслав был византийским ставленником, а Бранимир искал признания у папы.

Кроме отрывочных сведений в надписях и в папской корреспонденции о титулатуре хорватских князей¹⁸, мы располагаем достоверным местным источником — уже упомянутой грамотой Мутимира от 892 г., которая подтверждает дарственную Трпимира¹⁹. Здесь опять встречается титул "князь хорватов". Эта грамота также была издана в Бихаче, что говорит о стабильности созданных центров государственной деятельности. В грамоте Мутимира упоминаются 18

свидетелей с указанием их титула и должности. Согласно последним исследованиям хорватского ученого Н. Клаич, грамота является фальсификатом Сплитского епископства²⁰, так что принимать ее сведения об устройстве и службах правящего двора и государственной администрации можно с большой долей условности. В свите правителя входили дворецкий (*iupano palatino*), меченосец (*maccechario*), конюший (*iupano caualario*), казначай (*iupano cametario*), чашник (*iupano pincernario*). Все они носили титул "жупан"²¹. Упоминание о жупанах Клиса и Хливно подтверждается сведениями более поздних источников (Константин Багрянородный) о делении страны на жупы²². В этой же грамоте говорится о том, что правитель совещался "*cum meis cunctis fidelibus et primaibus populi*".

Несмотря на то, что мы располагаем малочисленными, разновременными и в основном иноземными источниками, можно сделать вывод о том, что Хорватия "в период княжества" (выражение Ф. Шишича) была хорошо организованным государством с собственной церковью и административно-управленческим аппаратом. Решения сплитских соборов 925 и 928 гг. говорят о создании церковной иерархии²³. Хорватские правители воздвигали церкви и делали дарения епископству, о чем свидетельствуют не только грамоты, но и эпиграфические памятники²⁴. Основной особенностью церковной организации Хорватии было применение славянского языка в богослужении. В отношении церковной юрисдикции проявились те же колебания, что и в политической области. Принималось верховенство то Рима, то Константинополя.

Для X в. характерны такие же источники, что и для предшествовавшего периода. За исключением двух надписей, полностью отсутствуют какие-либо местные свидетельства²⁵. Путем сравнения данных IX и X вв. мы можем проследить развитие политической структуры Хорватии. Хорватское государство переживало подъем в период правления князя, а затем короля Томислава (ок. 910—928 гг.). И в этом случае можно провести параллели с развитием Болгарского государства. Хорватский князь, подобно болгарскому государю Симеону, также предъявлял претензии на более высокий, чем княжеский, титул. Но в отличие от него Томислав ориентировался не на Константинополь, а на Рим. Большая часть исследователей старой школы считала, что Томислав в 925 г. принял королевский титул с благославления папы²⁶. Действительно, он назван в письме папы "королем"²⁷, однако нет других доказательств изменения его титула, т.е. невозможно установить точную дату, когда Хорватия стала королевством²⁸. Летописная традиция с уверенностью приписывает королевский титул Держиславу (969—997 гг.).

Благодаря Константину Багрянородному мы чуть больше знаем о хорватском войске. Оно насчитывало 100 тыс. пехотинцев, 60 тыс. всадников и 80 больших кораблей²⁹. Перед этой значительной для того времени армией не устояли войска Симеона: в 925 г. они были разбиты хорватами³⁰.

Так как королевские грамоты X в. не сохранились, мы располагаем лишь косвенными сведениями Константина Багрянородного об из-

менениях в административном устройстве Хорватии: "Итак, страна их была разделена на 11 жупаний, а именно: Хлевна, Ценцина, Имота, Плева, Песенда, Парафалассия, Вренера, Нона, Тнина, Сидрага, Нина. Бан их владеет Кривасой, Лицей и Гуциской"³¹. Появление института бана связано с присоединением новых земель (Славонии) при Томиславе³². В дальнейшем в грамотах XI баны упоминаются регулярно.

Во времена Томислава были проведены два сплитских церковных собора (925 и 928 гг.). На них присутствовали хорватский король и князь Захлумья Михаил, представители папы и местный высший клир. Созыв соборов связан с активным вмешательством папства в балканскую политику. Конфликты Болгарии с Византией вели к сближению Рима с Константинополем, а это, в свою очередь, к переориентации далматинских епископств на папство. Одним из основных вопросов, рассмотренных на соборах, был вопрос о границах далматинских епископств. Поводом для созыва первого собора были споры между Сплитом и Нином за супремацию над хорватскими землями. До того момента далматинские епископства были ограничены рамками городских центров. Согласно второму канону собора, епископ хорватов подчинялся сплитскому архиепископу³³. Обсуждался и вопрос о славянском богослужении у хорватов, однако добиться его отмены не удалось³⁴. Так как на первом соборе не были приняты окончательные решения из-за войны Симеона с Хорватией и протестов янинского епископа Григория против изъятия подчиненных ему территорий, был созван второй собор в 928 г. В конце концов Григорию было предложено новое епископство в Скрадине. Так папа вмешивался не только в церковные отношения, но и в политику в Далмации. Он выступил посредником между Хорватией и Болгарией в заключении мира.

Истории хорватов после правления Томислава, т.е. современным автору событиям, Константин Багрянородный уделяет незначительное место. Но то немногое, что он сообщает, является почти единственным свидетельством о наследниках Томислава³⁵. Согласно восстановленной Ф. Шишичем генеалогии правителей, престол переходит от отца к сыну или младшему брату. До конца 60-х годов X в. на хорватском престоле сменились Трпимир II, Крешимир I, Мирослав и брат его Михаил Крешимир³⁶. Дуклянская летопись свидетельствуют о том, что при последнем правителе Хорватия покорила всю Боснию. Летопись упоминает бана "Croatia alba"³⁷. Создается впечатление, что бан Хорватии играл важную роль, по крайней мере, в том, что касается военных действий. Из грамоты 1067 г., на которой мы остановимся ниже, известен бан Прибина, участвовавший в междуусобицах между братьями Мирославом и Михаилом Крешимиром (Крешимиром II) и сумевший добиться смены правителя³⁸. Таким образом, в период раскола Хорватии при наследниках Томислава из-за ослабления роли правителей на передний план выдвигаются баны. Их позиции в политическом управлении укрепляются³⁹.

В конце 60-х годов X в. на Балканах происходят значительные изменения в соотношении политических сил. Началось наступление

императора Иоанна I Цимисхия на Болгарское государство. Как противодействие византийским завоеваниям в Северо-Восточной Болгарии на ее юго-западе была создана держава Самуила, которая стремилась к захвату территорий на Далматинском побережье. О походах Самуила до Котора свидетельствует Дуклянская летопись⁴⁰. В ответ на действия Самуила в Далмации Хорватия вступила в союз с Византией, из которого извлекла не только политическую, но и идеологическую выгоду. За помощь, оказанную империи, хорватский правитель Держислав (967—997 гг.) получил от Византии корону и признание его королевского титула⁴¹. Так как невозможно доказать факт коронации Томислава, данное известие является в сущности первым достоверным сообщением о коронации хорватского правителя. Уместно здесь привести и ценные сведения сплитского архиепископа Фомы: "... Ab isto Dirscislauo ceteri successores eius reges Dalmatie et Croatie appleati sunt. Recipiebant enim regie dignitatis insignia ab imperatoribus Constantinopolitanis, et dicebantur eorum eparchi sive patriti"⁴². Таким образом, в конце X в. хорватский правитель уже носил титул "короля Далмации и Хорватии".

В X в. на Адриатическом побережье царил мир. Укрепившись как морская держава, Хорватия со временем князя Бранимира (879—892 гг.) получала дань с Венеции, гарантируя венецианским кораблям свободное плавание вдоль островов. В конце X в. в результате длительного процесса ослабления византийского влияния в Далмации Венеция предприняла наступательные действия. В 1000 г. в связи с экспедицией венецианского дожа Петра II Орсеоло начинается эпоха венецианского господства над далматинскими городами: Задар, Сплит и Трогир признали верховную власть республики⁴³. В борьбе за престол один из наследников Держислава Крешимир также признал верховную власть Республики св. Марка⁴⁴.

В X в. хорватский престол оставался в руках рода Томислава. Отмечается устойчивый традиционализм в именах правителей. Только в самом конце века появились новые имена, проникшие, вероятно, из Сербского княжества: Святослав, Гоислав. Следовательно, можно говорить о формировании сознания преемственности и династической идеологии.

Как мы уже отмечали, в X в. Хорватия неоднократно признавала верховенство то Рима, то Константинополя, то Венеции. Однако признание не было вассалитетом, подобным тому, который имел место в IX в отношении к франкским королям. Это было скорее идеологическим предпочтением сферы влияния то одного, то другого крупного политического центра. На рубеже X—XI вв. появился институт соправителя. Крешимир III (ок. 1000—1030 гг.) взял в соправители своего брата Гоислава, а после его кончины — своего сына Стефана⁴⁵.

К 1018 г. Византия установила свою власть над всем Балканским полуостровом. Были покорены Болгария, Сербское княжество и Захлумье. После смерти императора Василия II и дожа Петра II Орсеоло натиск на Хорватию ослабел. Зато возникла новая угроза — опасность с севера, со стороны Венгрии..

Мы располагаем многочисленными дарственными грамотами XI в хорватских королей монастырям около Задара и Сплита. По мнению Н. Клаич, исследовавшей эти грамоты, все они являются фальсификатами. Даже если мы примем, что Сплитское архиепископство и другие епископские центры, например Задар, создавали фальсификаты путем более поздних приписок в грамотах, то все же данные этих грамот о правителе, его титулатуре, частично о свидетелях могут быть использованы для изучения политической структуры Хорватии того времени⁴⁶.

От времени Петра Крешимира (1058—1074 гг.) сохранились четыре грамоты. Одна об основании бенедиктинского монастыря Иоанна Евангелиста около Белграда и о дарении ему, сделанном в 1059 г.⁴⁷ Оно было совершено в присутствии папского легата и других церковных лиц, а также приора Белграда. В качестве свидетелей названы бан Гоицо, тепчия Болеслав, жупан Луки и жупан Сидраги. В грамоте впервые встречается должность привратника, которой не найдено латинского соответствия. В вышеупомянутой грамоте 1067 г., включенной в более позднюю грамоту аббата монастыря св. Крешевана (*Chrisogonus*)⁴⁸, содержится очень полное упоминание о банах при Крешимире и Держаславе: "... Et eorum potentibus banis uidelicet Pribyne et Gudemiri, et temporibus Suataslao, et eius fratribus, silicet Cresimiri et Goyslau, et filii eius regi(s) Stephani patris mei, fauentibus nobilibus banis... Varda, Bosetrenhc et Stephanus prasca"⁴⁹.

Не останавливаясь подробно на свидетелях, перечисленных в грамоте Петра Крешимира, рассмотрим данные, которые позволяют заключить о росте влияния класса феодалов во второй половине XI в.⁵⁰ По наблюдениям Ф. Шишича, высшие государственные чиновники следовали примеру правителя и со своей стороны делали дарения монастырям Далматинского побережья⁵¹. Это заключение совпадает с выводами Н. Клаич, что именно в XI в. в Хорватии происходили значительные перемены в статусе класса феодалов. Жупаны проявляли стремление превратить свои территории в наследственные владения⁵².

Церковные земли в Хорватии благодаря дарениям правителей значительно увеличились. Есть данные о том, что монастыри были освобождены от налогов⁵³. В конце правления Петра Крешимира было восстановлено Нинское епископство⁵⁴. Для организации далматинских епископств имели значение и решения очередного сплитского собора 1060 г., на котором вновь рассматривались вопросы об отмене славянского богослужения и о выборе епископов⁵⁵.

В результате междуусобиц незадолго до норманнского вторжения в Далмацию на престол вступил Звонимир (1076—1089 гг.), упомянутый в документах 1070 г. как бан. Это первый случай избрания правителя в хорватской средневековой истории, если не считать легендарных свидетельств IX в. об избрании Мислава⁵⁶. Получив корону и инсигнии от Рима, Звонимир принес папе вассальную присягу, текст которой сохранился⁵⁷. После его смерти венгерские короли Ласло I (1074—1095 гг.) и Кальман I (1095—1116 гг.) предприняли ряд походов в Далмацию с целью присоединения хорватских

земель. После десятилетней борьбы в 1102 г. Кальман короновался в Белграде как король Венгрии и Хорватии⁵⁸.

В историографии отмечалось, что доказательством того, что Хорватия и после этого не утратила полностью своей самостоятельности, является автономное положение хорватских земель в рамках королевства Венгрия. До конца средневековья Хорватия и Далмация являлись составной частью королевства Венгрия, управляемой баном, подчиненным непосредственно королю⁵⁹.

Необходимо отметить, что в науке все еще не уделяется должного внимания влиянию хорватской государственной традиции на славянские страны на Балканах в XII—XV вв. Традиции хорватской государственности (дипломатия, административное устройство, дворцовая служба и титулы, идеология правителя) возродились в Сербии Неманичей и в соседней с хорватской этнической территорией Боснии. Это проявилось не только в сохранении и устойчивом существовании института жупанов и титула бана, который в Боснии стал титулом правителя, но и в самой организации государственной власти.

В XII в. хорватские земли опять оказались в центре столкновения королевства Венгрия с Венецией за господство на Адриатическом побережье и с Византией за Северо-Западные Балканы. Последний раз Хорватия фигурировала в титуле константинопольского императора Мануила I Комнина (1143—1180 гг.), отражавшем территориальные завоевания Византии. Господство Византии на Балканах закончилось вскоре после смерти Мануила I Комнина⁶⁰. С этого момента Хорватия оказалась прочно связанной с западноевропейской цивилизацией.

Краткий обзор сведений источников о политической структуре Хорватии в IX—XII вв. позволяет сделать следующие выводы.

Прежде всего следует отметить исключительную скучность источников, в силу чего мы вынуждены сплошь и рядом прибегать к предположениям. Для IX в. можно отметить создание института правителя, осознание преемственности действий хорватских князей, первые дарения в пользу хорватского епископства. С основанием Нинского епископства на хорватских землях создавалась церковная организация. Особенностью религиозной жизни Хорватии было введение и сохранение славянского языка в богослужении на протяжении всего периода существования государства. К этому времени восходят и первые сведения об институте жупанов, который вообще был распространен в славянских средневековых государствах⁶¹. Мы не располагаем, однако, никакими другими данными о других формах участия феодального класса в политическом управлении страной. Неясные сведения источников о государственных соборах не находят достоверного подтверждения.

В X в. происходят заметные перемены во всех элементах политической структуры. Прежде всего изменяется статус правителя: князь стал королем. Утверждается династическая идеология. Наследование престола происходило в рамках одного рода.

Благодаря дарениям правителей росли церковные земли. Впрочем, в X в. территория хорватского епископства была поделена

между далматинскими центрами, а "епископ хорватов" перемещен в Скрадин.

Изменения в хорватской административной структуре выразились и во введении должности бана, который с течением времени стал высшим государственным деятелем и вмешивался в борьбу за престол. Роль бана во внутренней и внешней политике страны особенно сильно возросла в XI в. в связи с ослаблением королевской власти

Процессы, протекавшие в хорватском обществе в IX — начале XII в., привели к созданию политической структуры, характерной для развитого феодализма.

Начало формирования средневекового государства у сербов, как и у других южнославянских народов, связано непосредственно с большими демографическими и общественными переменами, которые произошли на Балканах в VII в., в период массовой славянской колонизации⁶². Для изучения процесса расселения славян в южных частях полуострова благодаря близости этих районов к значительным византийским городским центрам мы располагаем относительно хорошей источниковой базой. Что же касается славянской колонизации в области по обе стороны от Динарских гор, то практически она освещается только в сочинении Константина Багрянородного, писавшего почти три столетия спустя после этих событий⁶³.

Движение сербских племен не было, по-видимому, прямолинейным. Согласно Константину Багрянородному, во время императора Ираклия (610—641 гг.) группа сербских племен обосновалась в окрестностях Фессалоники, однако вскоре вернулась на Дунай и только после этого получила от василевса новые земли для расселения, расположенные вдоль Динарской горной цепи. Константин Багрянородный сообщает, что эта область была опустошена аварами и населявшие ее ранее ромеи укрылись в городах и на островах у Адриатического побережья. Из сообщений византийского писателя вытекает, что в первой четверти VII в., т.е. одновременно с массовым нашествием славян на территории к югу от Дуная, сербские племена обосновались южнее рек Савы и Дрина, достигли на юго-западе верхних течений Ибара и Моравы, а на юге — верхнего течения Лима. На Адриатическом побережье они заняли области между р. Бояной на юге и землями хорватов на севере. Согласно традиции, поддержанной и Константином Багрянородным, города на побережье и острова оставались ромейскими: их жители и в последующие столетия гордились своим происхождением от римлян⁶⁴.

На побережье сербские племена, продвигаясь с севера на юго-восток, занимали Паганию (земля неретвлян), Захлумию, Травунию и Диоклею (Дуклю). Эти названия прочно вошли в номенклатуру топонимии и впоследствии утверждались как государственно-племенные понятия в отличие от названия внутренней территории (Сербия), образованного от этнонима сербов В XI—XII вв. она именовалась также Рашкой⁶⁵.

Даже беглый взгляд на географическую карту убеждает в том, что земли, заселенные сербами, различаются не только природными условиями, но и, судя по топонимике, исторической традицией. Их

расположение само по себе не только не содействовало объединению, но, напротив, усиливало обособленность Славиний, которые в разные периоды и с различной динамикой проявляли тенденцию к превращению в центры государственного объединения. Одну из характерных особенностей развития раннесредневековой государственности у сербов составляет тот факт, что в качестве центров государственной жизни поочередно выдвигались Сербия, Захлумия, Дукля и др.

На Адриатическом побережье сохранялась романско-античная традиция, не уничтоженная даже в результате нашествий варваров. Внутренние же районы были удалены от центров античной цивилизации и почти не испытывали ее влияния. Если рассматривать проблему с точки зрения синтеза общественных систем, то на Адриатическом побережье имело место взаимодействие античного и варварского начал: такой синтез обычно считается благоприятным для развития средневекового общества. Во внутренних же областях очевидный перевес имели общественные формы славян. Процессы общественного и государственного развития в раннее средневековье протекали, как полагают, сравнительно медленно, путем эволюционного преобразования родового строя в раннефеодальный. Подобные логические суждения, однако, не всегда подтверждаются свидетельствами источников. Из данных Константина Багрянородного отнюдь не следует, что славяне, поселившиеся в прибрежных районах, опережали по темпам развития государственности племена внутренних областей. Очевидно, необходимо иметь в виду, что на развитие государственности у сербов оказывали влияние и внешнеполитические факторы. Если, например, в районах Адриатического побережья византийское влияние, особенно после создания фемы Далмация⁶⁶ и отражения арабской экспансии, было значительным, то за внутренние области шла борьба между Болгарией и Византией. Из-за сложного переплетения ускоряющих и замедляющих факторов и внешнего влияния развитие ранней государственности проходило синхронно по обе стороны от Динарского хребта.

В научной литературе велись споры относительно времени возникновения средневекового государства у сербов. То его датировали очень ранней эпохой (VII в.), то слишком поздней (XII в.)⁶⁷. Разногласия порождались не использованием разных источников или предпочтением одних свидетельств другим, а принципиально разным пониманием специфики ранней сербской государственности. Объективные причины различного подхода к проблеме связаны субъективным истолкованием свидетельств Константина Багрянородного, отразивших эволюцию племенной организации сербов в государственную. Византийский автор, подходя к политическому развитию сербов с византийской точки зрения, склонен усматривать здесь континуитет власти. Было бы максимализмом пытаться точно датировать появление государства у сербов. Есть возможность установить лишь некий хронологический период, в течение которого процессы его формирования приобрели определенный уровень

зрелости. Таким периодом можно считать конец IX — начало X в., когда развитие сербского общества существенно продвинулось вперед, а политическая обстановка обусловила ускорение процесса формирования государства⁶⁸. Необходимо также уделить внимание и другим особенностям информации Константина Багрянородного. Так, например, большая часть его свидетельств относится к землям, расположенным к востоку от Динарских гор, между Хорватией и Болгарией. По-видимому потому, что автор считает Адриатику землей с римской традицией, его сведения о княжествах на побережье очень фрагментарны; они появляются только в связи с событиями, непосредственно их касающимися.

Константин Багрянородный утверждает, что династия сербских правителей не прерывалась со временем их переселения вплоть до середины X в. Более того, если принять во внимание, что во главе самой крупной племенной группы сербов, переселившихся на Балканы, стоял вождь, управлявший вместе с братом "белыми сербами" еще до переселения, то становится ясным, что царственный писатель склонен видеть континуитет власти у сербов и в более отдаленную эпоху⁶⁹. Нечто подобное он утверждает в отношении княжеского рода в Захлумии: князь Михаил Вышевич (начало X в.) вел свое происхождение с прародины сербов — из долины Вислы⁷⁰.

Если оставить в стороне данные о континуитете, то сведения Константина Багрянородного о сущности и функционировании верховной власти у сербов следует признать весьма скучными. Несколько более конкретными свидетельствами мы располагаем начиная со второй четверти IX в. Нельзя не отметить, что этот период совпадает со временем выхода сербских земель из политической изоляции, характерной для предшествующей эпохи. Возникает, однако, вопрос, был ли связан этот выход с чисто политическими причинами или он отражал завершение "жупанского периода" и постепенную эволюцию жупанской власти в княжескую. Может быть, такой переход особым образом отражен в тексте Константина Багрянородного: согласно византийскому автору (и это полностью в духе "македонской историографии"), смена старцев-жупанов князьями произошла во времени императора Василия I по его инициативе и повелению⁷¹.

Прослеживая судьбы сербской правящей династии со временем императора Ираклия, когда сербы будто бы приняли крещение от священников из Рима, Константин Багрянородный называет имена нескольких сербских правителей: Вышеслав, Радослав, Просигой и Властимир. Время правления Властимира можно определить благодаря указаниям автора, что тогда впервые произошел разрыв отношений с Болгарией. Против Властимира выступил в поход болгарский хан Пресиан (Пресиам), который, однако, не достиг успеха⁷². Из этих данных следует, что Властимир правил во второй четверти IX в., когда политика ханов Болгарии, направленная на расширение границ, коснулась и сербских земель.

Болгарское наступление на запад было продолжено, но также без особого успеха, при преемнике Пресиана Борисе. Следующий поход,

болгар завершился пленением болгарского престолонаследника Владимира-Расате и 12-ти великих боилов, которые были освобождены только после личного вмешательства хана Бориса и соответствующего обмена подарками⁷³.

Несмотря на то что во времена Властимира сербские земли оказались в сфере "большой политики" крупных соседних держав, уровень развития государственности у сербов был еще очень низким. Об этом свидетельствует такой факт, как неустановившийся порядок передачи власти по наследству. Так, например, Властимиру наследовал не сын, а три его брата — Мутимир, Строммир и Гойник, которые разделили территорию страны. Отсюда следует, что правящий род смотрел на свои владения не как на некое этнополитическое целое, а просто как на свою собственность⁷⁴.

Раздел сербских земель после смерти Властимира породил политическую нестабильность. Между тремя братьями вспыхнули междоусобицы, в которых победил Мутимир. Братья его были высланы в Болгарию, а сыну Гойника Петру удалось бежать в Хорватию. Высылка побежденных претендентов осталась у Константина Багрянородного без комментария. Может быть, только часто повторяемое утверждение, что сербы всегда признавали власть константинопольского императора, является косвенным свидетельством того, что Болгарское государство также претендовало на верховную власть над сербскими землями.

Ко времени жизни наследников Властимира относится свидетельство Константина Багрянородного о том, что до вступления на престол Василия I сербами управляли старцы-жупаны и что многие из них вернулись к язычеству. Василию I приписывается заслуга окончательного крещения сербов и утверждения у них архонтов из южных родов. Кроме того, император, укрепив свою власть на Адриатическом побережье, приказал находившимся там городам платить дань, предназначенную для Византии, соседним славянским князьям. В связи с этим мы узнаем, что в третьей четверти IX в. Захлумия и Травуния имели своих архонтов. Они делили между собой 72 номисмы, которые Дубровник выплачивал им по приказанию императора⁷⁵.

Более многочисленными становятся сведения о политическом развитии сербских земель и состоянии у них государственной власти для конца IX — начала X в., когда на Балканском полуострове разгорелась борьба за политическую гегемонию между Византией и Болгарией.

В 891 или 892 г. умер сербский князь Мутимир. Неустановившийся порядок наследования власти и наличие многих претендентов на нее в соседних государствах стали причинами внутренних междоусобиц. Первоначально власть оспаривали трое сыновей Мутимира. Победителем вышел Прибислав, но он правил только год. Возвратившийся из Хорватии Петр Гойникович сумел овладеть престолом. До самого конца века он был вынужден воевать с различными претендентами, которые находили убежище то в Хорватии, то в Болгарии⁷⁶. Борьба за власть в конце IX в. ясно показывает, что права, которые она давала,

е превышали традиционные параметры патриархального общества.

97—898 гг. Петр Гойникович стабилизировал свое положение и, балансируя между Болгарией и Византией, сумел сохранять хорошие отношения и с болгарским царем Симеоном, и с византийским императором Львом VI, сюзеренитет которого он признавал.

Во время резкого ухудшения болгаро-византийских отношений во втором десятилетии X в. сербские земли были непосредственно вовлечены в борьбу двух сторон. Накануне битвы у р. Ахелой (917 г.) византийская дипломатия через стратига фемы Диррахий Льва Равдуха пыталась привлечь князя Петра Гойниковича вместе с венграми к антиболгарской коалиции⁷⁷. Встреча стратига Диррахия с сербским князем состоялась в Пагании, и это известие трактуется некоторыми историками как свидетельство того, что Пагания входила в состав княжества Петра Гойниковича. В связи с этими событиями становится известным, что болгарский царь имел влияние на князя Захлумии Михаила Вышевича, который осведомил его о переговорах между Львом Равдухом и Петром. Следовательно, в начале X в. в сербских землях не только было несколько центров государственной жизни, но они имели различную политическую ориентацию. Несмотря на усилия византийской дипломатии, антиболгарскую коалицию создать не удалось, и Петр Гойникович не предпринял конкретных действий против Болгарии. Он, однако, оставался небезопасным соседом Болгарии, и поэтому в 918 г. болгарское войско возвело на сербский престол Павла Брановича — внука Мутимира и племянника наследника Мутимира Прибислава. Петр Гойникович был захвачен в плен и закончил свою жизнь в Болгарии.

Вступление Павла Брановича на престол означало усиление болгарского влияния среди сербов. Имперская дипломатия не приимирилась с такой ситуацией, рассматривая ее как результат антивизантийских происков Симеона. Сначала Византия пыталась свергнуть Павла Брановича с помощью его двоюродного брата Захарии Прибыславлевича, находившегося в Константинополе. Захария был взят в плен и отправлен в Болгарию. Только в 921 г. при неизвестных обстоятельствах Павел Бранович отошел от союза с Болгарией и перешел на византийскую сторону. В результате болгарского вмешательства он был отстранен и заменен Захарией. Новый князь только через три года последовал примеру Павла Брановича (перешел на сторону империи), что дало Симеону повод организовать поход против сербов. Потерпев вначале военную неудачу, которая стоила жизни болгарским военачальникам, в 924 г. Болгарии, наконец, удалось сместить Захарию. Ему был противопоставлен князь Чеслав Клонимирович, который родился и вырос в Болгарии. Он был использован как приманка для созыва собора сербских жупанов, которые должны были санкционировать его вступление на престол. На соборе жупаны были захвачены в плен и увезены в Болгарию. Этот эпизод показывает, что, вероятно, в силу древней традиции собор жупанов подтверждал вступление князя на сербский престол⁷⁸.

В 924 г. сербские земли, расположенные к востоку и северо-востоку

от Динарских гор, были включены в пределы Болгарского государства. По другую сторону от гор болгарское влияние осуществлялось посредством князей-союзников, среди которых самым известным был князь Захлумий Михаил Вышевич. До смерти Симеона в 927 г. он сохранял союз с болгарами, а затем искал сближения с Византией. От Константинополя он получил титул антипата и патриархия.

Полагают, что в начале X в. и другие сербские князья на побережье смогли завоевать самостоятельность. Как независимое княжество упоминается в это время Травуния, в пределы которой входила и территория полузаисимой Конавли. Константин Багрянородный говорит, что Травуния имела своих князей еще со временем Властимира и называет имена четырех из них: Белое, Крайна, Хвалимир, Чучимир⁷⁹. Согласно традиции, которой он следовал, Травунское княжество добилось самостоятельности еще во второй четверти IX в. Тогда Белое женился на дочери Властимира и был возведен им в ранг князя⁸⁰. В данном случае византийский автор, вероятно, забыл, что согласно его собственному утверждению, сербские жупаны ставили архонтов (князей) даже во времена Василия I. Может быть, в изложении Константина Багрянородного нашла место некая траувинская традиция, которая утверждала древность порядка занятия местной власти. Не ясен статус Дукли и Пагании, ибо Константин Багрянородный не говорит о наличии в них власти князей. Очевидно, возникновение дуклянской династии, точно засвидетельствованной для конца X в., произошло позже того времени, когда жил и писал Константин Багрянородный.

После смерти Симеона в условиях политического упадка Болгарии оттуда бежал Чеслав Клонимирович, восстановивший свою власть над сербскими землями. Согласно Константину Багрянородному, он управлял областью, простиравшейся на севере до р. Савы, на востоке до верхних течений рек Ибара и Моравы, на юге до р. Лим и на западе до Динарских гор. В сущности временем Чеслава завершаются свидетельства Константина о ранней истории сербов. При изучении сербской государственности в последующие десятилетия можно рассчитывать лишь на спорадические упоминания у византийских авторов XI—XII вв. и на чуть более определенные известия в так называемом Барском родослове (Летопись Дуклянского пресвитера)⁸¹.

Согласно Барскому родослову, князь Чеслав был убит венграми во время одного из их походов на северные сербские земли. Это известие не подтверждается другими источниками, однако вполне соответствует духу эпохи, отмеченной широкомасштабными набегами венгров на Балканы и на страны Центральной Европы.

История сербских земель от смерти Чеслава до появления новых известий о княжеской власти в сербских землях плохо освещена в источниках. Вряд ли мы будем далеки от истины, если допустим, что на рубеже X и XI столетий судьба сербских земель находилась в зависимости от исхода болгаро-византийского противоборства. Может быть, внутренние сербские земли сравнительно рано были присоединены Самуилом, однако их положение под болгарской властью не совсем ясно. То, что нам известно о развитии сербской

государственности в конце X — начале XI в. относится прежде всего к Дукле, сравнительно новому центру государственной жизни.

Первым точно засвидетельствованным архонтом Дукли был Петъ, имя которого известно по найденной оловянной печати⁸². Его преемником в конце X — начале XI в., несомненно, был князь Иван Владимир. Как зять царя Самуила он был оставлен управлять Дуклей под верховной властью своего тестя. Хронология имеющихся сведений указывает на то, что возвышение дуклянской династии может быть связано с упадком других центров Сербского государства. Некоторые исследователи полагают, что, кроме Дукли, и другие сербские княжества находились в вассальной зависимости от Самуила. Так или иначе в интересующий нас период дуклянская государственная традиция оказалась самой сильной: она единственная пережила уничтожение Первого Болгарского царства и установление византийской власти почти над всем Балканским полуостровом.

Барский родослов отмечает существование в 20—30-х годах XI в. жупана Рашики, бана Боснии и князей Захлумии и Дукли⁸³. Может быть, эти известия имеют ретроспективный характер. В XI в. не прерывалась княжеская власть лишь в Дукле, где была создана и собственная династическая идеология, отраженная в Барском родослове.

В XI в. в западных балканских землях византийская фемная организация не была распространена повсеместно. Наряду с фемными территориями существовали автономные области, степень самостоятельности которых варьировалась в зависимости от обстановки. Именно в этот период северные части бывшего княжества Чеслава обособляются в качестве особой области Босния и продолжают самостоятельное существование в течение средневековья. Не было единства и в церковном отношении. Сербские земли оказались поделенными между диоцезом Охридской архиепископии и архиепископиями адриатических городов⁸⁴.

Большая часть сведений по истории сербских земель в XI в. касается Адриатического побережья. Известно, что в этот период Пагания входила в пределы Хорватского государства. В остальных прибрежных областях ведущую роль играла Дукля, где сравнительно рано и успешно началось движение против византийской власти. Это движение, возникшее в 30-е годы XI в., связано с именем Стефана Воислава. Пройдя нелегкий путь, использовав восстание против византийцев болгарина Петра Деляна (1040—1041 гг.), Стефан Воислав укрепил свою самостоятельность и расширил власть от Бояны до р. Неретвы, включая и часть внутренних сербских земель. В 1055 г. Стефану Воиславу наследовал его сын Михаил. Князь Михаил и его сын Константин Бодин были вовлечены в антивизантийское восстание Георгия Войтеха (1072 г.). Восставшие в Скопье имели в виду, вероятно, связь дуклянской династии и рода царя Самуила, провозгласив болгарским царем Константина Бодина⁸⁵.

После подавления восстания князь Михаил был вынужден стремиться к улучшению отношений с Византией. Такую же политику проводил и его наследник Бодин. Во время борьбы империи с

норманами в 80-х годах XI в. он был в принципе на византийской стороне. Это не помешало Бодину воспользоваться затруднительным положением империи и завоевать земли Боснии и Рашики. Управлять ими он поставил своих жупанов. С именем жупана Рашики Вукана связано постепенное перемещение центра Сербского государства во внутренние области. Это происходило в борьбе с Византией и в условиях упадка Дуклянского княжества. Начиная с XII в. на первое место в политической истории сербских земель выходит Рашка. Воплощенная именно в Рашке сербская государственность достигла в течение двух последующих столетий вершины своего развития.

¹ Goldstein I. O etapama u razvoju hrvatskog društva i o periodizaciji hrvatske povjesti do 13 stoljeća // Historijski zbornik. 1988. 41(1). S. 253—279.

² Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1975. S. 206, 221; Тылкова-Занкова В. Формы власти в Византии и в Балканских государствах (до X в.) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 121.

³ Const. Porph. DAI; Katić L. Saksonac Gottschalk na dvoru kneza Trpimira. Zagreb, 1932; Шишић Ф. Летопис попа Дукљанина. Београд, 1928. Šišić F. Prijvrčnik izvora hrvatske istorije. Zagreb, 1914. D. 1. S. 122—125.

⁴ Šišić F. Prijvrčnik... S. 192—195; Klaić N. Op. cit. S. 225, 233.

⁵ У Готшалка Трпимир назван "rex Sclavorum" (Klaić N. Op. cit. S. 225). В надписи из окрестностей Солина, датированной 852 г., встречается термин "dux" (Šišić F. Prijvrčnik.. S. 122).

⁶ Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925. S. 666.

⁷ Klaić N. Op. cit. S. 232—236.

⁸ Пассаж в грамоте, где описываются границы митрополии, считается поздней интерполяцией: Klaić N. Op. cit. S. 234, bjet. 29.

⁹ Klaić N. Op. cit. S. 236; Šišić F. Povijest... S. 660.

¹⁰ Šišić F. Prijvrčnik... S. 193; Ibid. Povijest... S. 332; Klaić N. Op. cit. S. 237—238.

¹¹ Katić L. Op. cit. S. 13—15.

¹² Const. Porph. DAI. 31. P. 151.

¹³ Ferluga J. L'amministrazione bizantina in Dalmazia. Venezia, 1978. P. 162—163; Klaić N. Op. cit. S. 225.

¹⁴ Шишић Ф. Летопис... С. 312, коммент. 172.

¹⁵ Ф. Шишич (Šišić F. Povijest... S.345) считает, что Домогой (864—876 гг.) — представитель другого рода.

¹⁶ Ferluga J. Op. cit. S. 160.

¹⁷ Const. Porph. DAI. 30. P. 147; Ferluga J. Op. cit. S. 176—177; Šišić F. Povijest... S. 388—389; Klaić N. Op. cit. S. 243.

¹⁸ Šišić F. Prijvrčnik... S. 122—124, 201.

¹⁹ Ibid. S. 195—197; Klaić N. Op. cit. S. 259, 261.

²⁰ Klaić N. Diplomatička analiza isprava iz doba hrvatskih narodnih vladara 1 // Historijski zbornik. 1965. 18. S. 147.

²¹ Šišić F. Povijest... S. 395—396.

²² Const. Porph. DAI. 30. 145; Klaić N. Op. cit. S. 285—288.

²³ Goldstein I. Op. cit. S. 265.

²⁴ Ibid. S. 265—266; Šišić F. Prijvrčnik... S. 122, 126—127.

²⁵ Šišić F. Prijvrčnik... S. 126—127.

²⁶ Šišić F. Povijest... S. 414; Klaić N. Op. cit. S. 290, N 63.

²⁷ Šišić F. Prijvrčnik... S. 213.

²⁸ Klaić N. Op. cit.

²⁹ Const. Porph. DAI. 31. P. 151.

³⁰ История на България. С., 1981. Т. 2. С. 291—292.

³¹ См. примеч. 22. Это первое свидетельство существования титула "бан" в Хорватии. Этимология слова выводится из аварского языка (Šišić F. Povijest... S. 680; Klaić N. Op. cit. S. 279).

- ³²*Klaic N* Op. cit. S. 278—279.
- ³³Thomae archidiaconi Historia Salonitana. Zagreb, 1894; Šišić F. Priručnik... S. 213—224; *Klaic N* Op. cit. S. 22—28.
- ³⁴*Klaic N* Op. cit. S. 300.
- ³⁵Const. Porph. DAI. 31. 151; *Klaic N* Op. cit. S. 312.
- ³⁶Šišić F. Povijest... S. 431.
- ³⁷Шишћић Ф. Летопис... С. 323, комент., С. 167, 172; *Klaic N* Op. cit. S. 316.
- ³⁸Šišić F. Povijest... S. 435—436; *Klaic N* Op. cit. S. 312.
- ³⁹*Klaic N* Op. cit. S. 313; Šišić F. Priručnik... S. 250.
- ⁴⁰Шишћић Ф. Летопис... С. 331; Историја на България. Т. 2. С. 411; Историја Срба. Београд, 1981. Т. 1. С. 169.
- ⁴¹Šišić F. Povijest... S. 469.
- ⁴²Thomae... S. 38; Ferluga J. Op. cit. S. 192—193.
- ⁴³Самые достоверные сведения об этой эксплуатации дает венецианский хронист Иоанн Диакон: *Fonti per la storia d'Italia. I. Cronache veneziane antichissime*. Roma, 1890. Р. 153 passim. Ср.: Šišić F. Povijest... S. 474—475; *Klaic N* Op. cit. S. 328—329; *Ferluga J.* Op. cit. S. 195.
- ⁴⁴Šišić F. Povijest... S. 475.
- ⁴⁵*Klaic N* Op. cit. S. 330; Šišić F. Povijest... S. 478.
- ⁴⁶Goldstein I. Op. cit. S. 268; *Klaic N* Op. cit. S. 352—356.
- ⁴⁷Šišić F. Priručnik... S. 230—231.
- ⁴⁸Ibid. S. 249—250. Титулatura правитеља. "Ego Cresimir, qui alie nomine vocatur Petrus, Chroatiorum rex Dalmatinorumque".
- ⁴⁹Имена последних банов — Гварда, Божетех и Стефан (*Klaic N* . Op. cit. S. 313).
- ⁵⁰Šišić F. Povijest... S. 518—519, 524—525, 526—527.
- ⁵¹Ibid. S. 525.
- ⁵²*Klaic N* Op. cit. S. 349—350.
- ⁵³Šišić F. Priručnik... S. 230; *Klaic N* . Op. cit. S. 357.
- ⁵⁴Šišić F. Povijest... S. 552; *Klaic N* . Op. cit. S. 357.
- ⁵⁵*Klaic N* Op. cit. S. 368—374.
- ⁵⁶О бане Звонимире см.: Goldstein I. Op. cit. S. 270.
- ⁵⁷Šišić F. Povijest... S. 559; Idem. Priručnik... S. 268—269.
- ⁵⁸*Klaic N* Op. cit. S. 516—517.
- ⁵⁹Ibid. S. 532.
- ⁶⁰Острогорски Г. Историја Византије. Београд, 1959. С. 364.
- ⁶¹Грачев В.П. Сербская государственность в X—XIV вв. М., 1972.
- ⁶²Тыпкова-Займова В. Нашествия и этнически промени на Балканите през VI—VII век. С., 1966; обзор литературы см.: Düren H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen // Byzanz im 7. Jahrhundert: Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. В., 1978. С. 127—129; Историја српског народа. Београд, 1981. Т. 1. С. 109—124. (автор — Ј. Ковачевич).
- ⁶³Перевод соответствующих фрагментов см.: ВИИН. Београд, 1959. Т. II.
- ⁶⁴Там же. С. 12—13; Const. Porph. DAI. Р. 122—127.
- ⁶⁵Динић М. Српске земље у средњем веку: Историјско-географские студије Београд, 1978.
- ⁶⁶Ферлуга Ј. Византијска управа у Далмацији Београд, 1957.
- ⁶⁷Ср.: Наумов Е.Л. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв М., 1985. С. 189—190
- ⁶⁸Там же.
- ⁶⁹ВИИН. Т. II. С. 47, 48; Const. Porph. DAI. Р. 154—157.
- ⁷⁰ВИИН. Т. II. С. 59; Const. Porph. DAI. Р. 160—162.
- ⁷¹ВИИН. Т. II. С. 14—15; Const. Porph. DAI. Р. 127—129.
- ⁷²ВИИН. Т. II. С. 50; Историја на България Т. 2. С. 158—161.
- ⁷³ВИИН. Т. II. С. 51; Const. Porph. DAI. Р. 154; Историја на България. Т. 2. С. 213—214.
- ⁷⁴Историја српског народа Т. 1. С. 149.
- ⁷⁵ВИИН. Т. II. С. 36; Const. Porph. DAI. Р. 144—146.
- ⁷⁶Историја српског народа. Т. 1 С. 156.
- ⁷⁷Историја на България. Т. 2. С. 278.
- ⁷⁸ВИИН. Т. II. С. 56; Const. Porph. DAI. Р. 158; Историја српског народа Т. 1. С. 187—189
- ⁷⁹ВИИН. Т. II. С. 62; Const. Porph. DAI. Р. 162—164.

⁸⁰Там же.

⁸¹ВИИН. Београд, 1966. Т. III; Шишић Ф. Летопис....

⁸²Историја српског народа. Т. I. С. 169

⁸³Шишић Ф. Летопис.... С. 344.

⁸⁴Историја српског народа. Т. I. С. 170.

⁸⁵История на България. С., 1982. Т. 3. С. 78; Wasilewski T. Stefan Vojislav de Zahumlje, Stefan Dobroslav de Zeta et Byzance au milieu du XIe siècle // ЗРВИ. 1971. XIII. С. 109—126.

Й. ЖЕМЛИЧКА, Р. МАРСИНА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ МОНАРХИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ
(Чехия, Польша, Венгрия)

I

Великая Моравия представляла собой первую большую попытку создания государственной организации у западных славян. После ее гибели развитие государственности пошло быстрее всего в Чешской котловине. Здесь к концу IX в. на смену множеству "дуцес" племени "боэмов" пришло подобие федерации небольшого числа князей, среди которых ведущее место заняла среднечешская династия Пржемысловцев. Племенные институты окончательно вытеснялись княжеской властью нового типа. На следующем этапе, начавшемся и в сущности закончившемся при Болеславе I (935—972 гг.), крепко организованное среднечешское ядро стало базой заключительной фазы объединительного процесса. В ходе него были ликвидированы все ducces, не принадлежавшие к роду Пржемысловцев. Возникло единое пржемысловское государство — первая раннефеодальная монархия в Центральной Европе.

Пржемысловская Чехия стала преемником великоморавских политических традиций¹, но общественно-экономическое наследие Великой Моравии имело более широкое географическое распространение. Некоторые институты и явления, например, градская система и служебная организация, одинаково присущие пржемысловской Чехии, пястовской Польше и арпадовской Венгрии, очевидно, имели свое начало в организационной структуре Великой Моравии. И после падения великоморавской государственности ее образцы использовались при внутреннем устройстве центральноевропейских монархий, формировавшихся уже на собственной местной основе².

В едином пржемысловском государстве даны и поборы, взимавшиеся сначала скорее всего единоразово, на протяжении X—XI вв. трансформировались в постоянную налоговую систему, крепкими путами связавшую бытую "свободу" массы простых земледельцев. Государственное устройство совершенствовалось, народ был при-

креплен к градам и к связанным с ними "службам". За удовлетворением потребностей князя и его "верных людей" строго следила княжеская администрация и ее военные отряды. Классовое господство привилегированного слоя обеспечивала так называемая государственная дружина, служившая не только для защиты от внешнего неприятеля, но и для охраны "прав" князя внутри страны.

В аналогичной общественной ситуации немного позднее, уже в второй половине X в., родилось Польское государство Пястов. Сформировавшиеся монархии, защищающие материальные интересы князя и его "верных людей", смогли противостоять давлению сильных, экспансионистски настроенных соседей — главным образом крупных немецких феодалов и Священной Римской империи как целого. Славянский характер Чехии и Польши сохранился не столько благодаря принятию христианства, которое, по мнению основоположника современной чешской историографии Ф. Палацкого, спасло чешский народ от трагической судьбы полабских славян³, сколько благодаря жизнеспособной государственности, выросшей в результате последовательного развития из местных корней.

Уже в конце X — начале XI в. завершилось формирование политической структуры Центральной Европы. Если Чехия и Польша развивались как государства славянские и только немецкая колонизация развитого средневековья оставила глубокие следы на их этнической карте, то арпадовская Венгрия с самого начала складывалась из многих народностей. Так же и в некоторых других отношениях развитие Чехии и Польши отличалось от ситуации в Венгрии⁴, которая рассматривается во второй части данной главы.

Ядро пржемысловского государства составляла Чехия, защищенная грядами пограничных гор. Лишь небольшие изменения границ сопровождали ее многовековое развитие. Благодаря естественной компактности земель Чешской котловины беспрокойный сосед лишь с трудом мог урвать себе кусочек, а внешние приобретения чешских князей и королей чаще всего оказывались в их руках лишь на краткое время (Майссен, Плейсенский край, Фогтланд, Донин и др.). Скорее всего в 1019 г. князь Олдржих навсегда присоединил к чешскому ядру пржемысловского государства Моравию, с 1055 г. передававшуюся в управление побочным линиям правящего рода. Главным центром всей монархии был Пражский Град. Здесь чаще всего пребывал князь со своими приближенными. С собором св. Вита, с гробницами местных святых (св. Вацлава, позднее св. Войтех) был связан своей службой пражский епископ⁵.

Совсем иные географические условия влияли на развитие равнинной Польши, открытой с запада и востока. Границы здесь не могли быть твердо установлены, под воздействием политических и военных событий они часто менялись. Еще более серьезная угроза целостности монархии заключалась в длительном соперничестве между историческими областями, из которых Великая Польша, Малая Польша и Силезия были более развитыми. Поэтому в стране не возник единый, всеми признанный, общегосударственный центр, наоборот, соперничающих центров, как правило, всегда было несколько.

Недостаточно прочно с основным массивом земель монархии было связано Поморье.

Появление государственности означало, что у чешских и польских славян завершился период разложения первоначального общественного устройства и начал складываться классовый строй. Однако потребовалось время, чтобы правящий класс смог придать феодальной эксплуатации постоянный характер. Создание необходимого аппарата власти затягивалось и по той причине, что на первом этапе князья и дружины скорее полагались на захватнические походы, чем на более трудоемкое, длительное и поначалу менее эффективное принуждение крестьянского населения к систематическим выплатам даней, натуральным поставкам, несению различных служб. Первые шаги Чешского и Польского государств сопровождались большими заграничными походами. Добыча объединяла дружины и делала возможным ее дальнейший рост. Как только этот экстенсивный способ развития достиг своих пределов и начались неудачи, не только быстро отпали подчиненные окрестные земли, но поражения ослабили авторитет князя, дружины и, собственно говоря, весь еще неокрепший государственный организм.

Поэтому чередование успешных захватов чужих земель с кризисными ситуациями было характерным для первых периодов существования пржемысловской Чехии и пястовской Польши. Завоевания Болеслава I и Болеслава II во второй половине X в. распространили власть Пржемысловцев на Силезию, Краков, Моравию и, может быть, на Юго-Западную Русь и Западную Словакию. Тогда же у пражских властителей появился опасный соперник — восточночешские Славниковцы. Конечно, это не были преемники старых хорватско-зличанских князей, как полагает большинство исследователей⁶; скорее всего, речь должна идти о каких-то правителях, поставленных Пржемысловцами управлять важной областью на востоке Чехии. После смерти Славника (918 г.) его сыновья развили значительную политическую активность. Напряженные отношения между обоими родами достигли апогея в 995 г., когда была взята крепость Славниковцев Либице (у Подебрад) и уничтожена большая часть их рода⁷.

В то же время начался первый серьезный кризис Чешского государства, сопровождавшийся утратой восточных областей. На Малую Польшу, Силезию и другие территории стало предъявлять претензии молодое Польское государство, чей первый исторически известный государь Мешко I (около 960—992 гг.) разорвал первоначально добрые отношения с Пржемысловцами и встал на путь конфронтации. Взаимное соперничество достигло высшей точки в начале XI в., когда дружины польского князя Болеслава Храброго (992—1025 гг.) заняла Чехию и Моравию. Только вмешательство германского императора вернуло Пржемысловцев на чешский трон. В 1039 г. Бржетислав I (1035—1055 гг.) отплатил ослабленной Польше той же монетой. Вражда Чехии и Польши продолжалась и далее, но уже с интервалами и в менее четких формах. Внимание правящего класса в полной мере обратилось к систематической эксплуатации местного населения,

заграничные походы стали скорее дополнительным источником обогащения. Их успеху не способствовало и установление политической стабильности в Центральной Европе. Эпоха широкой экспансии отошла в прошлое, и каждая крупная акция грозила не менее сильным возмездием⁸.

Благодаря этим постепенным изменениям раннефеодальные государства Пржемысловцев и Пястов вступили в следующую фазу своего развития. Реликты старых отношений и прогрессивные организационно-административные элементы наложили свой отпечаток на их внутренний характер, имевший еще мало общего с "классическими" феодальными отношениями. Быструю феодализацию сдерживали прежде всего два фактора: низкий уровень производительных сил и незавершившийся процесс ликвидации остатков "свобод" основной массы земледельческого населения. В таких условиях требовалась напряженная деятельность всего привилегированного слоя как единого целого, чтобы из занятых в производстве слоев буквально "добыть" прибавочный продукт, необходимый для его существования. Так государство стало единственным регулятором отношений между возникшими антагонистическими классами. Теоретически получателем даней, натуральных податей и различных повинностей был князь, воплощавший в своей особе государство. Группа, которую мы бы могли назвать дружинной аристократией, нобilitetом или раннефеодальным дворянством, уже существовала, однако у нее отсутствовали права собственности на большие земельные владения и на непосредственных производителей. Свое положение она приобрела благодаря службе государю и династии, иными словами, государству. Прибавочный продукт, добываемый именем князя, затем распределялся среди "верных людей" в соответствии с иерархией занимаемых ими должностей, личными заслугами или желанием государя. Таким образом, не частная собственность на землю и людей, а обладание должностями при дворе и в провинциях открывало чешским и польским вельможам путь к превращению в реально господствующий класс. Уже в XI в. можно считать слой "благородных" в основном сформировавшимся. Поскольку на протяжении всего средневековья происхождение отца определяло и социально-юридическое положение его потомства, можно считать и раннефеодальный нобilitet в определенном смысле наследственным.

Экономическую основу раннефеодального общества составляло земледелие. От темпа его развития зависел прогресс в разделении труда, товарно-денежных отношениях, а следовательно, и дальнейшая феодализация. Источники свидетельствуют, что состав крестьянского населения был весьма пестрым: от зависимой челяди, составлявшей главным образом принадлежность княжеских, вельможеских или монастырских дворов, до более или менее свободных "седлаков" и "дедичей". Верховное право на их землю имел князь, он же собирал с них дань (в Чехии — так называемую дань с мира). Со временем социальное и юридическое положение этих крестьян ухудшилось, многие из них попали в зависимость к обладавшим властью и влия-

нием светским и церковным соседям. Некоторые из крестьян, обедневшие, но оставшиеся лично "свободными", уходили в места интенсивной колонизации и в качестве так называемых гостей принимали участие в обработке земель, ранее поросших лесом⁹.

К опорам власти в раннефеодальном государстве принадлежали видные дружины, вельможи и сановники, все они, как правило, занимали какую-нибудь должность и пользовались доходами от нее. Эти "бенефиции" были основным источником их благосостояния. Однако, чтобы взимание налогов, даней и повинностей могло стать эффективным и ритмичным, была необходима соответствующая административная организация. Уже в течение XI в. в Чехии сформировалась система кастелянских градов, возникла она и в Польше. Большие просторы земель Пястов требовали еще и создания промежуточного звена в виде так называемых провинций, лишь впоследствии разделенных на градские округа — кастелянии. Эта простая, но соответствующая своим функциям организация управления выполняла не только военные, административные и судебные задачи. Кастелян (*castellanus, comes, prefectus*) и другие должностные лица града должны были, кроме того, следить, чтобы там сосредоточивались дань с окрестных земледельцев, штрафы и другие выплаты, таможенные пошлины и т.п. На эти доходы жили князья, вельможи и получавшие от них дары церковные учреждения. Всех этих людей и значительную часть дружины нужно было также одевать, снабжать оружием, заботиться об их быте и досуге. Вокруг кастелянских и других градов и княжеских дворов или же прямо в них работали различные ремесленники и слуги (цирюльники, псари, сокольничий и т.п.), которые поставками оружия, металлических, столярных, ювелирных и пищевых изделий, одежды и самыми различными службами поддерживали жизнь в "своем" кастелянском центре. В специальной литературе такая организация обслуживавшего населения носит название служебной; она действовала не только в Чехии и Польше, но и в Венгрии¹⁰.

Феодальные грады, таким образом, осуществляли не только политические функции, они одновременно служили главным орудием удовлетворения материальных потребностей князя, вельмож и дружины. Большая часть княжеской дружины распределялась по градам и составляла их гарнизоны, тогда как правитель с группой "благородных" объезжал административные центры своей монархии и буквально съедал припасы всех видов, собранные там. Поэтому большее значение имели грады в плодородных и густонаселенных районах давно заселенных территорий, тогда как в малонаселенных краях, главным образом в пограничье, грады выполняли прежде всего военные и стратегические функции¹¹.

В рамках этого простого, но в свое время эффективного механизма созревала внутренняя структура раннефеодального государства. Господствующий класс, хотя еще и не вполне сформировавшийся, но с ясными представлениями о своем исключительном положении в обществе, уже явно концентрировал свои организаторские усилия на систематической эксплуатации массы простых крестьян. Во главе

его стояли правящий князь, члены его семьи и другие члены династии. Стабильное место в слое привилегированных принадлежало магнатским родам, обладавшим высшими должностями при дворе или же в провинциях и кастеляниях. В их среду пытались проникнуть и другие воины и должностные лица. Больше всего везло тем, кто находился в непосредственном контакте с князем. Поэтому некоторые простые слуги могли попасть на высокие светские или церковные должности¹².

Служба князю и династии была самым надежным путем к достижению для себя и своих наследников выдающегося положения. Такой путь избрало большинство *nobilis, primates, seniores*, однако в то время еще не полностью исчезли остатки старой родовой аристократии, жившей главным образом в деревне. Эти люди, которые в правовом отношении никак не отличались от других свободных, выделялись в основном размерами своих владений, где работало много челяди или зависимых крестьян из окрестностей. Об этом слое источники обычно молчат, поэтому мы знаем от нем очень мало, можно лишь предполагать, что и его представители со временем находили путь к княжескому двору и сливались со служилым дворянством¹³.

Князь мог понизить или повысить в должности отдельного человека, но с "верными людьми" как целым, особенно с главными вельможами, он не смел вступать в конфликт. Поступая на первый взгляд авторитарно, он тем не менее был вынужден учитывать мнение своего окружения, которое "помогало" ему править. Данный слой был немногочисленным, но влиятельным и постоянно связанным со своим господином. Частое соперничество родовых кланов и влиятельных групп за благосклонность князя, иными словами за политическую власть, давало Пржемысловцам и Пястам широкие возможности для политического маневра. Важные решения князь выносил на обсуждение собраний знати, воинов и духовенства, созывавшихся нерегулярно. На собраниях, однако, не было места для дискуссий, князь чаще всего домогался согласия со своими решениями или просто сообщал о них. Собрания служили также как своеобразные судебные трибуналы по делам, угрожавшим безопасности князя и государства¹⁴. Если при обсуждении не приходили к единому решению, реализовывалось право сильнейшего¹⁵.

Чрезвычайно важную роль при возникновении и на начальной стадии существования раннефеодальных центральноевропейских монархий сыграли вооруженные формирования. При помощи дружины первые Пржемысловцы, Пясты и Арпады насаждали свой авторитет в массах непривилегированного населения и совершали заграничные походы. В системе так называемой градской организации дружины следила за регулярным сбором налогов, даней и различных поборов. На всем протяжении раннефеодального периода простое свободное население не было отстранено от военной службы, но сам характер военных действий уже отдавал неповоротливое, необученное ополчение на второстепенное место. Кроме ограниченного числа постоянных профессиональных воинов, стоявших в гарнизонах или составлявших дежурные придворные отряды, росло значение отря-
172

дов, созданных из отобранных и вооруженных хорошим оружием свободных крестьян. Из них возникла категория княжеских воинов (*milites*), многочисленных и годных к службе. Они явно были организованы по своим градским округам¹⁶.

Градский округ представлял собой самую важную часть феодальной административной системы, тем не менее практическая жизнь требовала еще более тонких инструментов проникновения государства в сельское общество. Наиболее распространенной открытой единицей расселения была деревня (*villa*) — организация, населенность и характер застройки которой остаются предметом интереса специалистов¹⁷. С XII в. в чешских источниках появляются термины *vicinatus* (*osada*) и его жители — *vicini*, что обычно переводится как "поселки" и "соседи". *Vicinatus* состоял из нескольких деревень или малых территориальных единиц. К сожалению, недостаток источников затрудняет выяснение причин возникновения этого института. Как и лучше изученное старопольское "ополе", вицинат осуществлял различные вспомогательные функции в системе государственной власти: общество "соседей" ручалось за регулярный сбор дани, несло ответственность за преступления, совершенные на его территории, соседи выступали в роли надежных свидетелей, участвовали в проверке межевых рубежей. Вопреки мнению, будто вицинат берет свое начало от родового строя, новейшие исследователи подчеркивают, что он возник в соответствии с потребностями раннефеодального государства. Вицинат и ополе представляют низшую ступень "самоуправления", облегчавшего работу градского аппарата. Таким образом, управляющим противостоял не отдельный человек, а целый коллектив жителей, несущих ответственность за дела в своей местности¹⁸.

Ограниченные возможности раннефеодальной экономики вызывали к жизни особые формы государственной эксплуатации: монархии Пржемысловцев и Пястов походили на рачительные домашние хозяйства, а их механизм был чувствителен к ударам и неудачам. Тем не менее повышалась производительность средневекового земледелия, в старое автаркическое хозяйство с XII в. начали проникать элементы товарно-денежных отношений. Общество последовательно феодализировалось. Наступающие перемены в значительной мере затронули прежде всего дворянство. Вместо забот о приобретении доли коллективного прибавочного продукта оно стало направлять свою энергию на получение собственных земельных владений, что было тесно связано с укреплением феодальных прав на зависимое крестьянство. Старую бенефициальную аристократию в итоге сменило "земельное" дворянство эпохи развитого феодализма. Кастелянская система в пржемысловской Чехии выполнила свою историческую миссию и в первой половине XIII в. уже явно отмирала. Сановники и исполнительный аппарат стремились достичь увеличения своих бенефиций, а нечеткость границ, разделявших предоставленную им административную власть и область частного права, очень часто позволяла им добиться этого¹⁹.

Ускорение этого процесса происходило в основном в периоды

внутридинастических распрай, одновременно сопровождавшихся ослаблением центральной власти. Знать умело использовала это для достижения своих эмансипационных целей. Неоднократно мнение вожаков было решающим при определении прав престолонаследия среди членов правящей династии. Хотя официальным форумом дво-рянства оставались собрания, так называемые *colloquia*, в кризисные моменты важную политическую роль играли группы враждующей знати. В более обширной Польше, кроме того, не переставали действовать центробежные тенденции отдельных областей, полностью развившиеся после 1138 г., когда установление Болеслава Кривоустого расчленило до тех пор единую монархию на несколько уделов, которые в свою очередь были раздроблены постоянно ссорящимися Пястами на еще более мелкие территориальные княжества.

Пржемысловцам, наоборот, удалось сохранить целостность государства. В определенном отношении это облегчала географическая замкнутость чешских земель. Хотя после смерти Бржетислава I Моравия стала удельным княжеством, впоследствии разделенным на оломоуцкую, брненскую и зноемскую части, чешские властители не выпускали моравские дела из своих рук. Моравская ветвь Пржемысловцев также не хотела реального отторжения, хотя и стремилась ограничить влияние Праги, так как по закону Бржетислава I о престолонаследии от 1055 г. старшему представителю династии, включая моравскую линию, принадлежало преимущественное право на трон всей монархии. Стремление поставить моравских родственников в более тесную зависимость от центральной власти и исключить их из числа преемников, с одной стороны, и стремление моравских князей добиться своих прав — с другой, были причинами частых столкновений, однако со вступлением на престол Пржемысла Отакара I (1197—1230 гг.) этот вопрос быстро потерял значение Моравия, превращенная в конце XII в. в маркграфство, стала неотъемлемой частью земель чешской короны²⁰.

Чешская, а затем и польская монархии развивались с самого начала как государства формально христианские. Новую веру прежде всего принимали князь с дружиной, и лишь постепенно она распространялась в низших слоях. Раньше всего она нашла себе твердую почву в Чехии. Чешские миссии, в особенности пражского епископа Войтехса (982—997 гг.) и его коллег, активно участвовали в христианизации Польши и Венгрии. Уже в 973 г. Болеслав II добился учреждения в Праге самостоятельного епископства, подчиненного Майнцу, но почти целое столетие пржемысловские земли должны были ждать "обновления" моравского диоцеза с резиденцией в Оломоуце. Более удачливыми в этом отношении были властители Польши. Мешко I, в 965 г. взявший в жены дочь чешского князя и вскоре после этого крестившийся вместе со всем двором, добился установления миссионерского епископства с резиденцией в Познани, а в 1000 г. по инициативе болеслава Храброго и при содействии императора и папы возникла митрополия в Гнезно с несколькими новыми епископствами на ее территории. Стремления же Прже-

мысловцев сделать Прагу архиепископством до самого конца их правления оставались тщетными²¹.

Христианство и церковь сыграли важную роль, в том числе и политическую, в начальный период чешской и польской государственности. Однако строительство церковной организации шло медленно, так как ее основные кадры были связаны с административными центрами, а отдаленные места долго оставались в стороне от систематической деятельности священников. Сеть приходских храмов до XII—XIII вв. оставалась очень редкой, монастырей и капитулов, основанных князем, а затем и знатью, вначале также было мало. Простому сельскому жителю элементы христианского вероучения долго были неизвестны, тем более, что пастырские способности клириков были невелики. Упорно сохранялись реликты язычества. Народное восстание, которое в 30-х годах XI в. вспыхнуло в Польше (в основном в Великой Польше) и смертельно угрожало стабильности монархии, хотя и было вызвано усилившимся нажимом феодального государства и церкви на крестьянские массы, в некоторых местах проходило под знаменем возврата к "старым богам". В конце XI в. чешский князь Бржетислав II (1092—1100 гг.) еще считал необходимым жестоко преследовать языческие обычаи "невежественного" народа²².

Положение польской и чешской церкви в обществе также не было простым. Ее господином и покровителем фактически являлся князь, по воле и на средства которого строились храмы, монастыри и капитулы. Государь решал вопросы о "выборах" епископов и других церковных иерархов и даже сам издавал законы, касавшиеся церковной жизни и земель церкви²³. Священники в княжеских градах выполняли задачи в рамках государственного управления, даже десятину, которая полагалась церкви и ее учреждениям, обычно присваивала себе светская власть. Хотя церкви далались богатые дары, отписывались земли и люди, однако право распоряжаться и взимать доходы с этих владений часто сохранял за собой бывший хозяин. Даже пражский епископ имел скорее положение главного капеллана при дворе князя, чем представителя и руководителя духовенства своего диоцеза. Стремления к реформам церкви, разыгравшиеся главным образом под влиянием монастыря в Клюни, а позднее папства, с большим трудом пробивали себе дорогу в славянских монархиях Центральной Европы²⁴.

Несмотря на эти трудности, христианство с его проповедью покорности, терпения, с верой в блаженную загробную жизнь для бедных и угнетенных превращалось в идеологическую опору укрепляющегося феодализма. Церковно-политические мотивы проникли и в государственную идеологию пржемысловской Чехии. Уже в конце X в. так называемый Кристиан в своей легенде о св. Вацлаве и св. Людмиле размышлял о возникновении княжеской власти. Прежде славяне в Чехии долгое время жили скверно, без законов и без власти. Затем по совету "какой-то прорицательницы" они выбрали себе князем Пржемысла. Но решительный поворот к лучшему принесло только христианство, принятое Борживоем из Великой Моравии.

Затем, в XI в., в кругах высшего духовенства начала укореняться мысль, что князья Пржемысловцы лишь представляют "свое" государство, а держится монархия на единении князей и чехов. В этом понимании ключевую роль играла интерпретация пржемысловской легенды, которую дал хронист Козьма (умер в 1125 г.). Чехи жили, не зная ярма зависимости, до тех пор, пока добровольно не отдали свою свободу первому князю — легендарному Пржемыслу-пахарю, мужу колдуны Либуше. По этому договору, вечному и нерушимому, наследники Пржемысла получили верховные княжеские права над чехами. Само ядро легенды имеет индоевропейские параллели, однако старые мотивы актуализировались использованием библийской символики, сложилась ясная и целостная идеологическая концепция пржемысловской монархии²⁵.

В ней ключевую роль играли и первые местные святые — князь Вацлав и его бабушка Людмила, а из мучеников, не принадлежавших к роду Пржемысловцев, — Войтех, второй пражский епископ, убитый язычниками-пруссиами за миссионерскую деятельность. Войтех, сын восточночешского князя Славника, был в плохих отношениях с Болеславом II и его окружением. Он бескомпромиссно требовал от них соблюдения церковных предписаний. Глубокие конфликты, в которых мы чувствуем и политические причины (напряженные отношения между Пржемысловцами и Славниковцами, события в Либице в 995 г.), наконец, вынудили епископа покинуть Чехию. Над его прахом, перенесенным в Гнезно, в 1000 г. был построен кафедральный собор, а сам Войтех, друг императора Оттона III (983—1002 гг.) и Болеслава Храброго, сразу стал патроном только что христианизированной Польши. В 1039 г. чешский князь Бржетислав I предпринял поход на Гнезно. Он приказал перевезти в Прагу останки Войтеха. Войтех вошел в пантеон чешских святых, вместе с тем его популярность в Польше не уменьшилась (говорили, что чехи унесли из Гнезно поддельные мощи). Почитание Войтеха оказало значительное влияние на государственную идеологию обеих славянских монархий.

Однако в значительно большей мере в Чехии распространился культ св. Вацлава. Этот князь, внук Борживоя и набожной Людмилы, по традиции, основанной на многочисленных легендах, считался восторженным распространителем новой веры. По приказу своего брата Болеслава в 935 г. он был убит. Почитание его мощей, хранившихся в кафедральном соборе на Пражском Граде, еще в X в. определило его место среди святых: из покровителя епископского храма и чешской церкви он стал символическим небесным заступником правящей династии и всей страны²⁶.

Монеты второй половины XI в. показывают, что Вацлава стали изображать в основном как князя-воина, своего рода вечного владельца Чехии. При таком понимании правящий князь рассматривался как заместитель Вацлава на земле, которому святой лишь временно поручил управление страной и людьми. С середины XII в. эти представления наиболее ярко проявились в княжеских печатях. Если на их лицевой стороне изображен князь, то на реверсе — сидящий на

троне Вацлав в латах и с государственными инсигниями. надпись гласила: "Pax sancti Wenceslai in manu ducis..." ("Мир святого Вацлава в руках князя..."). Святоцлавский мотив на печатях чешских князей, а впоследствии королей, сохранился вплоть до конца XIII в.²⁷

"Вечный правитель" князь Вацлав должен был обеспечить мир чехам — "челяди святого Вацлава" ("familia sancti Wenceslai"), т.е. всему "чешскому народу". Это понятие охватывало всех свободных жителей, но на первом месте стояли знатные лица — сановники, воины "первого ранга" и духовенство. Идея вечного государя, известная и в других странах (Испания, Норвегия, Франция, Венеция и др.), замещала здесь абстрактное понятие государства: правители воцаряются и умирают, но их цепь связывает вечный и бессмертный владыка, покровитель и законодатель в одном лице.

Вместе с тем чехи — "челядь святого Вацлава" — заняли в мышлении тогдашних образованных людей достойное место в христианском мире. Около 1170 г. неизвестный миниатюрист, украшая список сочинения блаженного Августина (453—430 гг.) "О граде Божьем", воспользовался необычной схемой. Наряду с евангелистами, ангелами, пророками, апостолами и мучениками он поместил в граде Божьем, означавшем мир небесный, также и чехов (Boemenses), о которых блаженный Августин, разумеется, ничего не говорил. Таким образом, упомянутая миниатюра вместе с другими признаками изображения на монетах моравских и пражских Пржемысловцев позволяет, что в Чехии рано развилось сильное сознание принадлежности к особой этнополитической общности (народности). По контрасту с папским и имперским универсализмом в Чехии возникло представление о христианском мире, состоящем из отдельных народов. По мнению тогдашних чешских интеллектуалов, чехи относились к числу народов, избранных для пребывания в Небесном Иерусалиме²⁸.

Мысль о том, что правящий князь лишь замещает вечного князя Вацлава, стала приобретать со временем и другой смысл. В период, когда дворянство начало быстро усиливать свои позиции, свято-вацлавская идеология, первоначально служившая в основном интересам центральной власти, постепенно становилась достоянием "челяди святого Вацлава", начинавшей говорить о своей непосредственной связи с патроном.

Князь был крепко связан с чехами, как "политическим народом", также традиционным и, несомненно, очень древним обрядом интрализации. Его описание сохранилось у Козьмы: Обычаю, по которому избранного кандидата подводили к каменному трону в Пражском Граде, сажали на него, представляли собравшемуся народу и приветствовали дружными возгласами, должен был подчиниться каждый Пржемысловец, желавший достичь в Чехии общего признания²⁹. Королевская коронация, имевшая уже несколько иной характер, давала центральной власти в нараставших внутриполитических осложнениях желанную поддержку.

Еще Древний Рим, а затем Византия привлекали к себе окрестных "варварских" властителей предоставлением им королевского дос-

тоинства, однако лишь при франкских Каролингах обряд коронации приобрел мистико-литургическое значение, соединившись с помазанием короля по ветхозаветному образцу освященным елеем. Это превратило Каролингов в "помазанников божьих". Сопротивление их власти было теперь не только политическим преступлением, но и оскорблением Бога и его земных установлений. К началу IX в. и у франков, и в Византии коронация стала единым церковно-литургическим актом³⁰. В источниках центральноевропейских властителей сначала обозначали как *duces*, *principes*, *reguli* и т.п. События в Гнезно, где император Оттон III в соответствии с византийской традицией в 1000 г. возложил на голову Болеслава Храброго свою диадему, вручил ему копье и якобы назвал его "*frater et cooperator imperii*", хотя и не были королевской коронацией, но явно были важным шагом к ней. Болеслав Храбрый короновался лишь в 1025 г., перед самой смертью. Дестабилизация положения после его кончины была причиной того, что следующие властители Польши правили вновь как князья³¹.

Основателем ранней королевской традиции в Венгрии был Иштван из рода Арпадов (997—1038 гг.), получивший корону из рук папы Сильвестра II при согласии Оттона III. Благодаря этому акту Венгрия стала леном папской курии, хотя в реальной политике данный факт не имел большого значения. Несмотря на различные препятствия и противодействие извне, венгерские государи сохранили за собой королевский титул³².

События в Гнезно и превращение Венгрии в королевство соответствовали универсалистским идеалам императора Оттона III. Сотрудничество империи и папства должно было быть надежной опорой таких планов. Однако именно обострившиеся отношения между этими двумя силами дали толчок для новых пожалований королевских титулов. Начался так называемый спор об инвеституре. Обещанием королевского титула оба лагеря привлекали к себе сторонников. Наибольшее понимание они встречали в славянских землях³³.

В 1075 г. папа Григорий VII наделил королевским титулом хорватского государя Звонимира, а в 1076 г. с его же помощью добился короны польский князь Болеслав Смелый. Его королевское правление было недолгим. Ко внутренним неурядицам, достигшим своего апогея после убийства краковского епископа Станислава, прибавились интриги враждебно настроенного к полякам императора Генриха IV и его чешского союзника Вратислава. Болеслав был изгнан из страны, а его преемник уже не носил королевского титула³⁴.

Первым Пржемысловцем, получившим королевские регалии, был Вратислав II (1061—1092 гг.). К этому стремились уже некоторые его предшественники, но лишь последовательная поддержка, оказанная им королю, а затем императору Генриху IV в борьбе с оппозицией в Германии и с папством дала результаты. Этот акт готовился весьма долго. Успех пришел во время заседаний рейхстага в Майнце в 1085 г., где император возложил на Вратислава королевскую корону; обряд был завершен на следующий год в Праге трирским архиепископом Эгильбертом. Если верить Козьме, Вратислав уже в Майнце был также провозглашен королем Польши³⁵. Королевский титул Врати-

слава не стал наследственным. После его смерти власть в монархии Пржемысловцев опять перешла к князьям, садившимся на старый каменный трон на Пражском Граде. Лишь с конца XII в. королевский титул прочно закрепился за правителями Чехии.

В Польше после изгнания Болеслава Смелого в 1076 г. королевский титул был надолго утрачен. Болеслав III Кривоустый в 1138 г. разделил единую монархию на ряд фактически самостоятельных княжеств, и, пока продолжалась феодальная раздробленность, ни одному из польских князей не удалось приобрести королевский титул и закрепить его за своей династией³⁶.

Постоянные усилия Пржемысловцев и Пястов добиться королевского титула показывают, какое значение он для них имел. Вполне очевидны внешнеполитические причины этого: в средневековой иерархии король стоял намного выше князя. С королевским титулом также были связаны независимость и государственный суверенитет. И для внутриполитических отношений королевский титул и коронация были очень важны. Начиная с раннего средневековья в ареале западно-европейской культуры помазание было единым церковно-литургическим обрядом, который должен был обеспечить легитимность государственной власти. Королевский титул чешских Пржемысловцев означал переворот в старой княжеской идеологии, где князь был лишь земным представителем св. Вацлава. Королевский титул, передаваемый по наследству старшему сыну монарха, давал центральной власти важную идеологическую опору и более широкий простор для маневрирования³⁷.

С самого начала на развитие центральноевропейских монархий оказывали сильное воздействие внешние влияния. Серьезную угрозу самобытности чехов и поляков (в меньшей степени Венгрии) представляла Священная Римская империя, государи которой, как короли, так и императоры, претендовали на верховное руководство западным христианским миром. В итоге эти непомерные претензии свелись к стремлению обладать хотя бы Центральной и частью Восточной Европы, но возникшие и стабилизовавшиеся здесь централизованные монархии воспрепятствовали этому. Лишь в исключительных обстоятельствах, какими в особенности были внутридинастические распри, власть правителей империи распространялась на Чехию, Польшу или Венгрию. К более прочным результатам не приводили даже военные интервенции. Реально римские короли и императоры, с XI в. постоянно боровшиеся с центробежными силами в самой Германии, могли добиваться лишь выгодного для них политического равновесия сил между тремя сильными центральноевропейскими монархиями, восстанавливая одно государство против другого.

Чешское государство, географически значительно выдвинувшее на запад, более, чем его польские и венгерские соседи, должно было считаться с империей и отдельными немецкими князьями. Но, несмотря на военное и политическое давление с запада, монархия Пржемысловцев сохранила свою самобытность и внешнеполитическую самостоятельность, хотя и вошла в состав Священной

Римской империи. Особые отношения Чехии с империей проявились прежде всего в принесении чешскими государями ленной присяги римским королям и императорам. Поскольку этому акту предшествовало избрание правителя внутри страны на собрании "всех чехов", то принесение присяги носило скорее формальный характер. Лишь иногда империя пыталась использовать внутреннее ослабление государства Пржемысловцев для более прочного подчинения Чехии и Моравии. Римский король (или император) не пользовался в Чехии теми правами, которыми он располагал в Германии. Он не имел здесь никаких владений, никаких доходов, не вершил суд. Наследственные права Пржемысловцев на власть в Чехии считались как внутри страны, так и за границей само собой разумеющимися.

Что касается Польши и Венгрии, то случаи принесения ленной присяги отдельными венгерскими правителями в XI в. и польскими князьями в XII в. не имели для этих государств сколько-нибудь серьезных политico-правовых последствий.

II

Венгрия с момента своего возникновения занимала гораздо большую территорию, чем современная Венгерская Республика, так как в нее входили земли современной Словакии, Закарпатской Украины, Трансильвании (часть современной Румынии), а также земли к северу от Дуная и Савы (ныне в составе Югославии). В отличие от Чешского и Польского государства, население которых при их возникновении было этнически единым, Венгрия с самого начала была страной многонациональной. Территорию, занятую мадьярами, населяли ко времени их прихода почти исключительно славяне³⁸, которые жили там и во время возникновения этого государства и позднее были основным населением на его окраинных землях, преимущественно на севере и юге. Поэтому закономерной является постановка вопроса о роли славян в процессе возникновения здесь государства и феодального общества.

В начале X в. власть великокняжеского рода Арпадов ослабла, и вся занятая территория распалась на домены относительно самостоятельных племенных правителей (князей). Основной предпосылкой возникновения раннефеодального государства было развитие производительных сил и постепенный переход на этой основе к классовому обществу. Внешне же этот процесс находил свое выражение в увеличении земель, принадлежавших одному князю. Несмотря на дезинтеграцию племенного союза мадьяр, наибольшие возможности в этом отношении имел великокняжеский род Арпадов, не только благодаря своему традиционно высокому положению, но и потому, что ему вместе с подчиненным ему племенем принадлежали земли в центре Дунайской низменности, которые перед приходом мадьяр относились к числу экономически наиболее развитых. Владения великокняжеского племени и тесно с ним связанного племени кабаров лежали вдоль Дуная, а также, возможно, к северу от него, где-то вдоль Ипеля, около горного массива Матра и тянулись на

восток и северо-восток от Буковых гор и в Бихар. После 955 г. собственная территория Арпадов увеличилась за счет земель вождей (князей) Булчу, Лела и Шура (Эрша), погибших вместе со всем войском в битве при Лехе³⁹. Эти земли находились в пограничье, к западу от территории, занятой родом Арпадов. Экспансия Арпадов продолжалась при великом князе Гезе (970—997 гг.), правление которого было временем зарождения Венгерского государства. Гезе военным путем или же с помощью договоров, заключенных под давлением, удалось приобрести еще две племенные территории, расположенные между Дравой и Савой и у р. Криш. Судить об этом можно исходя из того, что позднее власть Ападов здесь была бесспорной. В целом при Гезе почти две трети Дунайской низменности находились непосредственно под властью Арпадов, здесь сложилась система уделов отдельных членов великокняжеского рода. Геза (или еще его отец Такшонь) дал своему младшему брату Миклошу удел, вероятно, с центром в Нитре. Миклош умер насильственной смертью около 978 г.⁴⁰. Возможно, уделом потом управляла его жена, польская княжна Аделаида. После того как около 985 г. она стала женой Гезы, во главе нитранского удела, возможно, встал ее старший сын от первого брака Ласло Лысый, если только Геза не сохранил в то время уже имевший большое значение нитранский удел для своего сына Иштвана, возместиив Ласло ущерб уделом в Бихаре. Около 995 г. держателем Нитранского удела был Иштван, живший в Нитре вместе со своей женой Гизелой⁴¹.

Еще до этого, особенно интенсивно после 955 г., начался распад родовых связей. Начальники (князья) территорий, занятых отдельными племенами, постепенно приобретали все большую власть и имущество и создавали собственные дружины, при помощи которых они могли сломить сопротивление тех глав родов, которые с недовольством относились к росту их влияния. Наиболее развитой эта внутренняя дифференциация была на землях, подчинявшихся роду Арпадов. Слияние со славянами и конечная неудача грабительских походов привели к распространению оседлого образа жизни и тем самым к большей зависимости членов племени от "первых людей" ("аристократии"), среди которых постепенно все более значительную роль играли друдинники, а не старая родовая знать. Постепенное изменение экономических и социальных отношений, ведущее к созданию феодального классового общества, было возможно за такой короткий срок лишь потому, что существенные импульсы в этом направлении исходили от местного славянского населения, которое находилось на более высокой, чем мадьяры, ступени социально-экономического развития уже к моменту их прихода. Развитие общества сделало возможным возникновение раннефеодального государства, а главной политической движущей силой в деле его создания стал род Арпадов.

Уже при Гезе был решен вопрос об ориентации Арпадов на Запад, а не на Византийскую империю. Конкретным доказательством этого является разрешение деятельности христианских миссионеров с Запада, крещение Гезы и его сына Вайка-Иштвана⁴² и брак последнего с

баварской принцессой Гизелой (996 г.). Ко времени Гезы относится и появление у него на службе баварских рыцарей. Одновременно с их приходом изменился характер войска: в нем по западному образцу все более значительную роль стали играть рыцари, главным оружием которых был тяжелый обоядоострый меч.

Это развитие продолжалось и при преемнике Гезы Иштване (997–1038 гг.). В начале своего правления он вступил в конфликт со своим родственником с отцовской стороны, т.е. также членом рода Арпадов Коппанем, который на основе старого права пытался стать преемником Гезы. Иштван бежал от Коппана из Эстергома, который, очевидно, со временем Гезы был великолической резиденцией, на север от Дуная, на территорию современной Словакии⁴³. Собрав войско и используя помощь западных рыцарских дружин, он разбил Коппана (998 г.?).

Уже при Гезе, но еще более интенсивно после поражения Коппана, шел процесс частичного присвоения великим князем владений, ранее выделенных отдельным родам (племенам)⁴⁴. Конечно, это происходило не без конфликтов, было и общее сопротивление, и локальные бои⁴⁵. Результатом был не только упадок власти старой родовой знати, но и существенное усиление экономической, а тем самым и политической власти великого князя как верховного собственника огромных земель.

Вскоре после поражения Коппана Иштван вступил в конфликт со своим родственником с материнской стороны Дьюлой II, который владел Трансильванией и не хотел признавать верховную власть Иштвана. Иштвану удалось нанести ему поражение (1003 г.). В это же время Болеслав Храбрый занял северную часть территории, приналежавшей Иштвану, которая вновь стала частью Венгрии лишь около 1017–1018 гг.⁴⁶ Очевидно, уже до этого, где-то около 1008 г., Иштван I разбил правителя племенной территории, лежащей между Марошем, Тисой и Нижним Дунаем, — Айтона⁴⁷, который вел самостоятельную внешнюю политику, крестился в Видине и начал распространять христианство на своих землях с помощью миссионеров из Византии. С поражением Айтона и возвращением земель, занятых Болеславом Храбрым, под властью Иштвана сложилось территориальное ядро Венгерского государства.

При обстоятельствах, подробнее неизвестных, папа Сильвестр II в 1000 г. даровал Иштвану, первому из восточноевропейских государей, королевский титул и принял его под свое покровительство⁴⁸. К эпохе Иштвана I относится и создание административной и церковной организаций в Венгрии, которые, по мнению современной венгерской историографии, развивались по западному (франкскому) образцу. При этом не отрицается, что само слово "король" (király), как и обозначения придворных должностей, по меньшей мере их окончания, являются заимствованиями из славянского языка (röhárnik — röhárnoch, tovarník — tárnok, naddvoršpan — nádorispán). Предполагается, что это заимствования из хорватского языка⁴⁹. В таком случае названия должностей могли возникнуть только в последней трети правления Иштвана I, потому что лишь тогда, после занятия

Славонии (1026 г.)⁵⁰, стали более интенсивными контакты Венгерского государства с Хорватией.

Термины "жупан" (*ispán*) и "жупа" (*megye*) — несомненно славянские заимствования. Правда, в последнее время венгерские историки уже не считают, что жупная организация (хотя бы в некоторых случаях) могла быть связана на местах с домадьярской традицией. Жупная организация, введенная Иштваном I, как они утверждают, представляет собой синтез развившихся к этому времени мадьярских региональных институтов и нововведений Иштвана I⁵¹. Такой гипотезе противоречит тот факт, что некоторые центры жуп в Венгерском государстве имели названия славянского происхождения; археологические раскопки этих центров также подтвердили непрерывный континуитет населения в IX—XI вв.⁵² К таким центрам на территории современной Словакии относятся Нитра, Братислава, Комарно и, очевидно, Теков и Тренчин, а также Чонград (Црнград), Эстергом (Остригом), Ноград (Новоград), Пилиш (Плеш), Вишеград (Вышеград) на территории современной Венгрии. Конечно не случайно, что их подавляющая часть находится на территории, вначале входившей в восточную часть ядра Великой Моравии, а затем в состав первоначальных владений рода Арпадов.

Следовательно, при создании жупной организации славянская традиция сыграла большую роль, чем допускает современная венгерская историография, и нельзя отрицать участия сохранившегося коренного славянского населения Дунайской низменности в процессе возникновения раннефеодального Венгерского государства и влияния на него ранее существовавшей здесь политической (великоморавской) организации.

После присвоения Арпадами земель, первоначально принадлежавших родам, возникли следующие виды земельных держаний. Владения, принадлежавшие государству (короне), ими управляли из административных центров — градов. Владения, принадлежавшие государю (династии), ими управляли в рамках системы государственных хозяйств (дворов). Владения, принадлежавшие высшим слоям населения, т.е. тем представителям старой родовой знати, которые поддерживали государя и стали его сторонниками, а также тем людям, которые за верную службу великому князю (королю) получили по большей части конфискованную землю. Это были как местные уроженцы, так и иностранцы. Особую группу земельных владений составляло имущество церковных организаций, образованное из дарений государя и других землевладельцев храмам и монастырям. Владения, дарованные государем церкви, выделялись из его личной собственности (из дворов) или из земель, конфискованных у потерпевших поражение племенных вождей⁵³, а также у недовольных или неверных вельмож (представителей родов). Венгерские ученые полагают, что в отличие от Чехии и Польши в Венгрии в первоначальный период развития раннего феодализма наряду с возникавшей государственной собственностью параллельно сохранялись старые родовые владения, которые перестали быть коллективной собственностью всех членов рода и превратились в частную соб-

ственность предводителей родов, поддерживавших централизаторские усилия государя. Однако из старейших письменных свидетельств следует, что такие владения не образовывали крупных территориальных комплексов⁵⁴.

С изменением структуры землевладения изменилось и социально-экономическое положение населения, так как возникло классовое общество. Господствующий класс составляли королевские сановники, жупаны, вельможи, королевские слуги (*servientes regis*)⁵⁵ и королевские йобагионы (*iobagioncs regis*), которые по большей части происходили из королевских дружиинников. Они являлись землевладельцами и несли воинскую службу. Подавляющая часть первоначально свободных стала классом зависимого крестьянства, не владевшего, а лишь пользовавшегося землей. Класс крестьянства состоял из нескольких слоев. Владения градов обрабатывали преимущественно простые свободные или полусвободные крестьяне, которые в определенных случаях несли воинскую повинность и платили дань как свободные. Из них, очевидно, постепенно выделился слой йобагионов градов. За пользование определенным земельным наделом они регулярно несли воинскую или же другую службу в градах и выполняли низшие административные функции, а во время войны вступали в полки под командованием соответствующего жупана и были младшими командинрами. Дворовые первоначально были несвободными, все средства существования и средства производства им предоставлял землевладелец. В хозяйстве церковных землевладельцев первоначально работали рабы. В период раннего феодализма приписанные к градам крестьяне и дворовые были организованы в десятки и сотни, во главе которых стояли десятники и сотники⁵⁶.

Ремесленное производство было сосредоточено в так называемых служебных поселениях, число которых в то время, очевидно, еще более возросло. Вскоре после коронации Иштвана стали чеканить монету, регулярной чеканка стала с 1020 г.⁵⁷ В это время, вероятно, интенсифицировалась добыча драгоценных металлов, прежде всего серебра (в Банской Штявнице)⁵⁸, которые были необходимы для регулярной чеканки монеты.

Во время Иштвана I все государство было поделено на 45—50 жуп, во главе которых стояли жупаны, назначавшиеся королем. Из позднейших источников мы знаем, что жупану принадлежала треть всех королевских доходов в жупе. На эти средства он должен был содержать гарнизон града и административный аппарат жупы, который он сам назначал. Жупан был высшим военным, судебным и административным представителем власти в жупе, во время войны он командовал ее войском, в состав которого входили все военно-обязанные жители, кроме королевских слуг. Жупанами обычно становились крупные землевладельцы; неоднократно эта должность совмещалась с функциями при королевском дворе.

Интенсивная христианизация, осуществлявшаяся в основном из Пассау, проводилась уже с 70-х годов X в. После принятия христианства членом династии Вайком-Иштваном началось массовое и не всегда добровольное крещение остальных жителей страны. Около

1000 г. возникла самостоятельная венгерская церковная провинция во главе с архиепископом, резиденцией которого стал Эстергом⁵⁹. В дисцез Эстергома входили земли современной Словакии вплоть до Спиша и Гемера. Еще до 1000 г. существовали бенедиктинские аббатства в Паннонхальме и на Зоборе у Нитры⁶⁰, которые, следовательно, были основаны до возникновения церковной организации.

В 1018 г. Иштваноказал помошь византийскому императору в покорении Западноболгарской державы. Первые конфликты с Германской империей относятся к 1030 г., мир 1031 г. принес Венгрии власть, хотя и временную, над небольшой территорией за Лейтой и Моравой вплоть до р. Фиша⁶¹. Хотя Иштван создал государство, управлявшееся из единого центра, система уделов в рамках династии не перестала существовать. После его вступления на велико-княжеский престол правителем удела в Нитре стал, очевидно, его двоюродный брат Ласло Лысый. Затем Иштван передал его своему сыну Имре. После трагической смерти Имре в 1031 г. владельцем нитранского удела стал, очевидно, младший сын Миклоша Вазул, который в борьбе за наследство Иштвана был в 1037 г. ослеплен.

Введение нового общественного порядка отразилось и в законах Иштвана⁶². Первая книга законов, изданная в начале его правления, содержит статьи, обосновывающие новый общественный порядок в светской и церковной сфере, обеспечивающие охрану частной собственности, регулирующие отношения собственности на землю и рабочую силу. Подчеркивается свободное распоряжение частной собственностью. Во второй книге законов, изданной в 30-х годах, эти установления еще более конкретизируются. В формальной стороне этих законов, несомненно, можно наблюдать баварское влияние; местное обычное право проявляется прежде всего в способе определения размеров штрафов. Законы более суровы по отношению к лицам низкого общественного положения, что ясно показывает классовый характер законодательства. В "Наставлениях" Иштвана сыну Имре, так называемом государевом зерцале⁶³, подчеркивается, что государь должен уважать всех гостей, приносящих с собой разные языки и обычаи, ибо королевство одного языка и единых обычаев слабо и непрочно. Хотя здесь говорится о гостях как людях, приходящих из других стран, четко сформулированный тезис о слабости королевства одного языка можно отнести и к самой Венгрии, где славяне в то время составляли значительную часть населения.

Вражда между двумя ветвями рода Арпадов (линия Гезы и линия Миклоша) усилилась после смерти Иштвана. Королева Гизела посадила на венгерский трон племянника Иштвана Петера Орсеоло, а все четыре внука Миклоша ушли на чужбину⁶⁴. После краткого правления Петера (1038—1041, 1044—1046 гг.) и шурина Иштвана Шамуэля Абы (1042—1044 гг.) на венгерском троне окончательно утвердилась ветвь Миклоша. Призвание на венгерский трон сына Вазула Эндре (в 1046 г.) было связано с восстанием пастухов в Потисье во главе с Ватой против введения феодальных порядков и связанной с этим христианизации. В историографии его называют "языческим восстанием", так как восставшие требовали от Эндре, чтобы он разрешил им жить в

язычестве, убить епископов и священников, разрушить храмы. Затем в Буде они убили трех епископов, которые собирались торжественно приветствовать Эндре⁶⁵.

"Языческое восстание" показало, что в некоторых частях Венгрии, прежде всего в Потисье, введение феодальных порядков и сопровождавшая его христианизация зиждились на шатких основах. Хотя восстание фактически помогло Эндре I получить корону, он наказал его участников и продолжал в сущности политику Иштвана I. Другое антифеодальное и антихристианское восстание вспыхнуло под руководством сына Ваты Яноша в 1061 г., после вступления на венгерский престол Белы I. Это указывает на то, что еще спустя многие десятилетия после официального введения христианства в Венгрии в некоторых ее регионах были живы языческие традиции. Только при Ласло I, когда в 1084 г. были провозглашены святыми Иштван I и его сын Имре, христианство стало общепризнанной идеологией.

Во второй половине XI в. Венгрия несколько десятилетий вела борьбу с Германской империей, которая стремилась поставить ее в зависимое положение. Наиболее интенсивными эти стремления были во время правления сына Эндре Шаламона (1063—1074 гг.), женатого на сестре германского императора Генриха IV. В итоге победили сыновья Белы I воеводы Геза и Ласло, которые правили как уделом третьей частью королевства с центрами в Нитре и Бихаре. Эти земли дал в удел их отцу в 1048 г. еще Эндре⁶⁶.

После того как притязания Германской империи были окончательно отвергнуты, центр экспансиионистской политики, на этот раз Арпадов, переместился на юг. Ласло I (1077—1095 гг.) по приглашению своей сестры Илоны, вдовы хорватского короля Звонимира, со смертью которого пресеклась династия Трпимировичей, вступил в борьбу за хорватский трон и посадил королем в Хорватии сына Гезы I Альмоша (1091 г.), который, однако, там не удержался. Более ощутимые успехи были достигнуты после того, как хорватскими делами занялся Кальман I (1095—1116 гг.). После военной интервенции в 1102 г. он короновался в Биограде в Далмации, а спустя три года ему удалось занять южную часть Приморской Хорватии (Задар, Трогир, Сплит). Так возникла венгеро-хорватская персональная униония⁶⁷. Постепенное укрепление феодальных общественных отношений отразилось в сохранившихся законах Ласло I⁶⁸, уточнивших и детализировавших установления Иштвана I. Увеличилось число предписаний об уважении частной собственности. В законах короля Кальмана⁶⁹ (начало XII в.) штрафы и наказания уже несколько уменьшаются. Из норм наследственного права вытекает, что дворянские владения полностью стали частной собственностью. Как и при Иштване, родовое (наследственное) владение, так называемый аллод, становится выморочным лишь при пресечении рода. Приобретенным (купленным) владением собственник может свободно распоряжаться, однако нужно доказать справедливость его приобретения. Предоставленное владение (дарованное монархом) наследовалось по прямой линии. Ежегодная дань со свободных (восемь серебряных

и наров) в законах Кальмана упоминается уже как старая повинность.

В заключение можно констатировать, что в начале XII в. после длительной борьбы в Венгрии в общегосударственном масштабе завершился переход к феодализму, упрочилось положение церкви и ристяянской идеологии, сложились институты раннефеодального государства, сумевшего защитить свою самостоятельность.

¹Třeštík D. Počátky Přemyslovčů. Pr., 1981. S. 87—96; *Idem.* Boživoj a Svatopluk — vznik českého státu a Velká Morava // Velká Morava a počátky československé státnosti. Pr.; Br., 1985. S. 273—301.

²Krzemienška B., Třeštík D. Hospodářské základy raně středověkého státu (Čechy, Polsko, Uhry v 10. a 11. století) // Hospodářské dějiny. Pr., 1978. T. 1. S. 149—230.

³Malacký F. Dějinu národu českého v Čechách a v Moravě. Pr., 1876. T. 1. S. 227—229.

⁴Labuda G. System państw Europejskich w średniowieczu // Polska—Niemcy—Europa: Studia z dziejów myśli politycznej i stosunków międzynarodowych. Poznań, 1977. S. 63—90.

⁵Dobidš J. Seit wann bilden die natürlichen Grenzen von Böhmen auch seine politische Landesgrenze? // Historica. 1963. 6. S. 5—44; Borkovský I. Pražský hrad v době přemyslovských knížat Pr., 1969; Hosák L. Teritoriální vývoj Českého státu a jeho zemí. I // Historická geografie. Pr., 1971. T. 6. S. 133—149; Krzemienška B. Wann erfolgte der Anschluss Mährens an den böhmischen Staat? // Historica. 1980. 19. S. 195—243.

⁶Surek R. Slavníkovci a jejich panství. Hradec Králové, 1982; Nový R. Slavníkovci v raně středověkých Čechách // Slavníkovci ve středověkém písemnictví. Pr., 1987. S. 11—92.

⁷Třeštík D. O vzniku českého státu, Slavníkovcích a Charvátech (в печати).

⁸Krzemienška B. Krize českého státu na přelomu tisíciletí // ČSČH. 1970. 18. S. 497—532; *Eadem.* Politický vzestup českého státu za knížete Oldřicha // CSČH. 1977. 25. S. 245—272; *Eadem.* Břetislav I. Pr., 1986; Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1985. T. 6, cz. 1. S. 11—78; Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1988. T. 2.

⁹Graus F. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské. Pr., 1953; Třeštík D. K sociální struktuře přemyslovských Cech: Kosmas o knížecím vlastnictví půdy a lidí // ČSČH. 1971. 19. S. 537—567; *Idem.* Proměny české společnosti ve 13. století // FHB. 1979. 1. S. 131—154; Sasse B. Die Sozialstruktur Böhmens in der Frühzeit: Historisch-archäologische Untersuchungen zum 9.—12. Jahrhundert. B., 1982; Struktura feudalní společnosti na území Československa a Polska do přelomu 15. a 16. století. Pr., 1984; Modzelewski K. Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej. Wrocław; W-wa, 1987.

¹⁰Třeštík D., Krzemienška B. Zur Problematik der Dienstleute im frühmittelalterlichen Böhmen // Siedlung und Verfassung Böhmens, in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967. S. 70—98; Nový R. Přemyslovský stát 11. a 12. století. Pr., 1972. S. 96—104; Sláma J. K pocatku hradske organizačce v Čechách // Typologie raně feudálních slovanských státu. Pr., 1987. S. 175—190; Buczek K. Gospodarcze funkcje organizacji grodowej w Polsce wczesnofeudalnej (wiek X—XIII) // Kwartalnik Historyczny. 1979. 86. S. 363—384; Modzelewski K. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego, X—XIII wiek. Wroclaw etc., 1975.

¹¹Zemlička J. Přemyslovská hradska centra a počátky měst v Čechách // ČSČH. 1978. 26. S. 559—586.

¹²Интересен рассказ о Шебирже, слуге князя Олдриха, который благодаря своему кулинарному искусству получил должность пражского епископа. См.: Cosmas I. 41. P. 76—77.

¹³Arnold S. Możnowładstwo polskie w. XI i XII i jego podstawy gospodarczo-społeczne // Przegląd Historyczny. 1925. 25. S. 1—32; Zhdanč S. Jak vznikla státočeská šlechta. Brno, 1930; Graus F. Adel, Land und Herrscher im Böhmen vom 10. bis 13. Jahrhundert // Nachrichten der Giessener Hochschulgesellschaft. 1966. 35. S. 131—153; Łowmiański H. Op. cit. T. 4, 6, cz. 1; Nový R. Přemyslovský stát.. S. 29—63; Zemlička J. Odboj královce Přemysla v letech 1248—1249 a jeho sociální zázemí // ČSČH. 1985. 33. S. 564—586.

¹⁴Известен процесс Собеслава I против предателей вельмож в 1130 г. См.: FRB. Pr., 1874. T. II. P. 203—237.

¹⁵Nový R. Přemyslovský stát... S. 36—39; Russocki S. Protoparlamentarystm Czech so poczatku XV wieku. W-wa, 1973. S. 24—44.

¹⁶Choc P. S mečem i štítem: České raně feudální vojenství. Pr., 1967; Zajączkowski S.M. Udział

ludności wiejskiej w polskiej wojskowości do połowy XV wieku // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 1984. 27. S. 3—80.

¹⁷ Posińska Z. Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wcześniejszym średniowieczu: Źreb, wieś, opole. Wrocław, etc., 1971; Klápště J., Žemlička J. Studium dějin osidlení v Čechách a jeho další perspektivy // *CSCH*. 1979. 27. S. 884—906.

¹⁸ Fritze W.H. Phänomene und Probleme des westslawischen Bauerntums am Beispiel des frühpremislidschen Böhmen // *Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters*. Göttingen, 1977. S. 503—508; Morszelewski K. Organizacja opolna w Polsce piastowskiej // *Przegląd Historyczny*. 1986. 77. S. 177—222.

¹⁹ Nový R. Přemyslovský stát... S. 105—114; Žemlička J. Přemysl Orobak I (w. печати); Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Historia państwa i prawa polskiego. W-wa, 1976. S. 112—118.

²⁰ Kejř J. O tzw. bezprostřední podřízenosti Moravy k říši // *Sborník archivních prací*. 1978. 28. S. 233—285; Krzemieńska B. Moravští Přemyslovci ve znojemské rotundě. Ostava, 1985.

²¹ Флоря Б.Н. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 122—158; Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1987, 1988. T. 1—2.

²² Łowmiański H. Op. cit. T. 6, cz. 1. S. 67—78.

²³ Cosmas. II. 4. P. 85—90.

²⁴ Hrubý F. Církevní zřízení v Čechách a na Moravě od X. do konce XII. století a jeho poměr ke státu // *Český časopis historický*. 1916. 22. S. 17—53. 257—287, 385—421; 1917. 23. S. 38—73; Fiala Z. Die Organisation der Kirche im Přemyslidstaat des 10.—13. Jahrhunderts // Siedlung und Verfassung... S. 133—143; Dowiat J. Historia kościoła katolickiego w Polsce (do połowy XV wieku). W-wa, 1968.

²⁵ Ludvíkovský J. Kristiánova legenda: Život a umučení svatého Václava a jeho báby svaté Ludmily. Pr., 1978. S. 17—25; Cosmas. I. 3—7. P. 7—18.

²⁶ Karwaszka J. Wojciech // *Słownik Starożytności Słowiańskich*. Wrocław etc., 1980. T. VI/2 S. 549—550; Graus F. St. Adalbert und St. Wenzel: Zur Funktion der mittelalterlichen Heiligenverehrung in Böhmen // *Europa Slavica — Europa Orientalis*. B., 1980. S. 205—231.

²⁷ Čarek J. O pečeťech českých knížat a králu z rodu Přemyslova. Pr., 1934; Homolka J. K ikonografii pečetí posledních Přemyslovce. Pr., 1982. S. 159—179.

²⁸ Třeštík D. Kosmova kronika. Pr., 1968. S. 166—231; Merhautová A., Třeštík D. Ideové proudy v českém umění 12. století. Pr., 1985. S. 47—105.

²⁹ Kulecki M. Ceremoniał intronizacyjny Przemyślidów w X—XIII wieku // *Przegląd Historyczny*. 1984. 75. S. 441—451.

³⁰ Eichmann E. Die Kaiserkrönung im Abendland I. Würzburg, 1942. S. 78—95; Zientara B. Świat narodów europejskich. W-wa, 1985. S. 96—97.

³¹ Łowmiański H. Op. cit. S. 618—621; Wasilewski T. La couronne royale — symbole de dépendance à l'époque du Moyen Age: Les deux couronnements de Boleslas le Vaillant prince de Pologne // La Pologne au XVe Congrès International des Sciences Historiques à Bucarest. Wrocław etc., 1980. S. 25—50.

³² Homann B. Geschichte des ungarischen Mittelalters. B., 1940. Bd. 1; Gyöffry Gy. Zu den Anfängen der ungarischen Kirchenorganisation auf Grund neuer quellenkritischer Ergebnisse // *Archivum Historiae Pontificiae*. 1969. 7. S. 79—113.

³³ Hirsch H. Das Recht der Königserhebung durch Kaiser und Papst im hohen Mittelalter // Festscriffr E. Heymann. Weimar, 1940. Bd. 1. S. 209—249; Grudziński T. Polityka papieża Grzegorza VII wobec państw Europy Środkowej i wschodniej (1073—1080). Toruń, 1959.

³⁴ Grudziński T. Boleslaus the Bold and Bishop Stanislaus. W-wa, 1985.

³⁵ Novotný V. České dějiny. Pr., 1913. T. I/2. S. 246—260; Patze H. Die Pegauer Annalen, die Königserhebung Wratislaws vom Böhmen und die Anfänge der Stadt Pegau // *Jahrbuch für die Geschichte Mettel- und Ostdeutschlands*. 1963. 12. S. 7—27; Schramm P.E. Böhmen und das Regnum: Die Verleihungen der Königswürde an die Herzöge von Böhmen (1085/86, 1158, 1198/1203) // Adel und Kirche. Freiburg etc., 1968. S. 349—355; Plezia M. Dookoła sprawy św. Stanisława // *Analecta Cracoviensia*. 1979. 11. S. 291—293.

³⁶ Wyżorunski J. Historia Polski do roku 1505. W-wa, 1984. S. 155—158.

³⁷ Žemlička J. Ranč feudální monarchie a královský titul u západních Slovanů // Typologie. S. 77—92; Labuda G. Wykształcenie władzy królewskiej u Słowian we wcześnieym średniowieczu // Z polskich studiów słowistycznych. Ser. 2. Historia. W-wa, 1963. S. 61—72.

³⁸ См. главу "Славяне и мадьяры в конце IX—X вв."

- ¹MOT. Br., 1984. I/1. köl. 694. o. (автор Д. Дьёрфи); *Kristó Gy.* Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig. Br., 1980. 467. o.
- ²Vajay Sz. Grossfürst Gejza vom Ungarn // Südostforschungen. 1962. 21. S. 45—101.
- ³György Gy. István király és műve. Br., 1977. 112.—113. o.; MOT. I/1. köl. 749. o.
- ⁴MOT. I/1. köl. 749. o.
- ⁵SSRH. Br., 1937. T. 1. P. 313; лагерь находится в Бине.
- ⁶György Gy. Tanulmányok a magyar állam eredeteiről. Br., 1959. 32.—35. o.
- ⁷Petri Ransani Epithome rerum Hungarorum. Br., 1977. P. 98. Автор считает, что Геза поступал по отношению к своим людям строго и деспотично;
- ⁸Cp.: Hrušovský F. Boleslav Chrabrý Slovensko // Sborník na počest J. Škultétyho. Martin, 1933. S. 454—482.
- ⁹Порожение Айтона иногда относят к 1028 г.: Magyarország történelmi kronológiája. Br., 1983. 1. köl. 80., 82. o.
- ¹⁰Подлинная грамота не сохранилась, дошедший до нас текст грамоты папы Сильвестра II от 1000 г. был написан в XVII в.: Karácsonyi. J. Szent István király oklevelei és a Szilveszter bulla. Br., 1891. 178.—216. o.
- ¹¹György Gy. István király... 211.—213. I. Э. Мольнар (*Molnár E.* A magyar társadalom története az óskortól az Árpádkorig. Br., 1949. 121. o.) предполагал, что названия должностей мадьяры заимствовали из Блатенского княжества.
- ¹²Sikić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. Zagreb, 1962. S. 128—129.
- ¹³György Gy. István király... 210. o.; Kristó Gy. A vármegye kialakulása Magyarországon. Br., 1988. 5.—16. o. Ранняя венгерская марксистская историография не сомневалась в том, что жупная организация времен Иштвана I была связана с предшествовавшей славянской организацией управления. См.: Molnár E. Op. cit.; Lederer E. A feudalizmus kialakulása Magyarországon. Br., 1959; MOT. I/1. köl.
- ¹⁴Но всегда на том же месте, но всегда в соответствующем пространстве. См.: Marsina R. Využívanie systému včasnosfeudálneho uborského štátu // Typologie... S. 131—142.
- ¹⁵Согласно так называемой паннонхальмской грамоте 1002 г., Паннонхальмское аббатство получило десятину с имущества, конфискованного у Коппана. См.: György Gy. Koppány lázadása // Levéltári évkönyv (Somogy megye). 1970. 1. 5.—30. o.
- ¹⁶Cp.: Marsina R. Štúdie k Slovenskému diplomatáru. I/2 // Historické štúdie. 1973. 18. S. 111—112.
- ¹⁷"Servientes" в значении "nobiles" со ссылкой на времена Иштвана I упоминаются в Золотой булле Эндре II от 1222 г.: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Br., 1971. T. 1. P. 199—201.
- ¹⁸Kučera M. Desatinná a stotinná organizácia v ranostredovekom Slovensku // Historické štúdie. 1966. 11. S. 57—77.
- ¹⁹Gedai I. A magyar pénzveres kezdete. Br., 1986. 26.—33. o.
- ²⁰Cp. карту в кн.: György Gy. István király... 206.—207. o.
- ²¹Cp. Шушарин В.П. Христианизация венгров // Принятие христианства... С. 159—186.
- ²²О грамоте Зоборскому аббатству от 1111 г. Иштван I как его основатель не упоминается (Codex diplomaticus... T. 1. P. 63).
- ²³Pauler Gy. A magyar nemzet története. Br., 1899. I. köt. 71.—72. o.
- ²⁴Zdovcsky L. A szent István, szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai. Br., 1904. 15.—56. o.
- ²⁵SSRH. II. P. 613—627.
- ²⁶Marsina R. Údelené vojvodstvo na Slovensku // Zborník Slovenského Národného Muzea. Br., 1987. 81: Historia, N27. S. 206—208.
- ²⁷См. легенду о св. Герхарде: SSRH. I. P. 339—342. Ненависть к епископам усиливала их иностранное происхождение.
- ²⁸Kristó Gy. Az XI. századi hercegség története Magyarországon. Br., 1974. 60. o.
- ²⁹Sikić F. Op. cit. S. 144—146.
- ³⁰Zdovcsky L. Op. cit. 57.—82. o.
- ³¹Ibid. 83.—118. o.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

В истории эволюции общественных структур и формирования раннефеодальной государственности у славян одним из самых сложных является вопрос об уровне их социального развития (по крайней мере тех групп, жизнь которых после их вторжения на территорию Византийской империи стала отражаться письменными источниками) в VI—VII вв. и о характере созданных ими в то время первых политических объединений. Причиной этого является как неполнота письменных источников, так и отсутствие таких данных археологии, которые можно использовать для характеристики социальной структуры. Общий вывод исследователей, что это время в истории славян было периодом "военной демократии", представляется верным, но трудность заключается в неясности конкретных социальных и политических структур и путей перехода к структурам раннефеодального общества. Возможный путь преодоления трудностей мог бы состоять в сравнении немногих свидетельств об общественном строе древних славян VI—VII вв. с научной реконструкцией строя тех народов региона, жизнь которых на аналогичной ступени развития гораздо лучше освещена в источниках, например прусского общества XIII в., отличавшегося особым архаизмом социального развития. Капитальное исследование строя пруссов было осуществлено еще в начале 30-х годов XX в. Г. Ловмяньским¹.

Прусское общество XIII в. выступает как уже сложный социальный организм, где наряду с основной массой рядовых пруссов (свободных общинников) выделился слой в известной мере наследственной знати, "nobилей", основными занятиями которых являлись война и охота. Они имели свои укрепленные резиденции. Это — конные воины (в отличие от пеших общинников), они шли на войну в сопровождении клиентелы — родственников и "друзей", с которыми могли самостоятельно организовывать военные набеги. Собрания знати играли видную роль в политической жизни пруссов.

Особый интерес представляют данные о политико-территориальных структурах пруссов. Как единица низшего уровня выступает "волость", которая по ряду параметров может быть сопоставлена с такими социальными ячейками раннефеодального общества, как польское ополе или чешская осада. "Волость" представляла собой объединение общинников, обладавших общим правом на пользование находившимися на этой территории не поделенными в индивидуальное владение угодьями. Размеры "волости" довольно резко колебались (от 200 до 700 кв. км), а численность населения, напротив, была стабильной — около 1 тыс. человек. Разумеется, стабильность такого показателя связана с закономерностями организации хозяйственной жизни, но здесь важно отметить, что эта стабильность определялась

также функционированием "волости" как политической структуры со своими укрепленными границами, способной осуществлять самостоятельные политические действия (вплоть до вступления в войну и заключения мира). Верховным органом такой структуры было собрание всего населения. Советы знати играли важную роль в подготовке обсуждения тех или иных вопросов на народном собрании, которому, однако, принадлежало право решения. Думается, можно говорить о наличии причинной связи между прямым народовластием и децентрализацией политической структуры.

По мере роста численности населения и освоения новых территорий на новых землях возникали новые "волости", аналогичные уже существовавшим в первоначальном очаге расселения. Группы "волостей", связанные единством происхождения, объединялись в сложные образования: более мелкие из них — "земли" — состояли из нескольких "волостей", более крупные — племена — включали от 10 до 20 "волостей". Состав "земель" не был стабильным, и в них следует видеть скорее переходную форму, чем устойчивую структуру. Племя же было главной формой политического объединения пруссов. В нормальной ситуации именно племя (точнее, народное собрание племени, в котором "nobilia", по-видимому, принадлежала более значительная роль, чем в народных собраниях отдельных "волостей") было главным субъектом политических и военных действий, самостоятельно заключало соглашения, имело свои укрепленные границы и т.д. Название племени было одновременно главным этнонимом и политонимом.

Определенная историко-культурная общность объединяла все прусские племена. Известны даже места межплеменных собраний в общепочитаемых центрах языческого культа, но никакого прочного политического объединения (и тем более институтов управления) всей общности прусских племен не существовало.

Следует особо отметить отсутствие у прусов четко оформленвшегося института княжеской власти. Хронистам-крестоносцам были известны лишь военные вожди, выбиравшиеся отдельными племенами или "волостями" на время войны. Положение их не было устойчивым: одно и то же лицо выступало как военный вождь то всего племени, то только своей "волости". При заключении договоров с Орденом пруссов представляли "seniores", "nobiles", т.е. их социальная верхушка, а не эти вожди.

Наличие многочисленных аналогий между социальной и политической структурой прусского общества и более развитого, хотя также догосударственного поморского (у поморян в XI—XII вв. уже существовал институт верховной и наследственной княжеской власти) и шведского IX—XI вв.² позволяет, по-видимому, рассматривать ее как универсальную форму организации доклассового общества в интересующем нас регионе.

Ее основные черты могут быть распространены и на древних славян VI—VII вв., хотя полной аналогии здесь быть не может, так как пруссы XIII в. не находились в состоянии массовой миграции, а это должно было накладывать отпечаток на всю социальную и политическую организацию общества. Что касается славян, расселившихся в

Македонии ко второй половине VII в., то немногие свидетельства о их общественном устройстве в целом хорошо укладываются в рамки очерченной выше модели: существование слоя знати, стоящего во главе племени (показательны в этом плане слова источника о "князьях племени другувитов"), роль племени как главной политической структуры, отсутствие прочного межплеменного объединения. Вместе с тем появление в отношении отдельных славянских вождей конца VI—VII вв. определений и наименований — "сам Даврентий", "сам рекс", указания на их родственные связи ("Мезамир, сын Идаризия, брат Келагаста") заставляют думать, что власть их, возможно, была более значительной, чем власть выборных военных предводителей. Явно не похож на выборного (на время войны) вождя и "рекс" ринхинов Первуд.

Характерно, что род сербских правителей происходил от Серба, принявшего в VII в. вместе с соплеменниками протекторат императора Ираклия. Наконец, в пользу такой гипотезы говорит и наличие в VIII в. княжеской власти в подчиненной протоболгарами Славинии северов.

Анализ чешской легенды о Пржемысле (предке чешской княжеской династии) позволяет также предполагать, что в отличие от пруссов и литовцев у славян (по крайней мере в некоторых районах) существовал известный ряду индоевропейских народов институт сакрального вождя — главы культа, магическая деятельность которого обеспечивала племени мир и плодородие. Очевидно, в VI—VII вв. у древних славян уже зарождался институт княжеской власти, и они находились на более высоком уровне развития, чем пруссы. Именно с оформлением и укреплением этого института была связана дальнейшая эволюция не только политической, но и социальной структуры древнеславянского общества.

Для понимания путей ее эволюции важен еще один вывод Г. Ловмяньского о древнепрусском обществе: прусские "нобили" не обладали крупной земельной собственностью. Их владения не выходили за пределы одной "волости" и не превышали размера нескольких крестьянских наделов, которые обрабатывались трудом рабов (преимущественно из пленных). Вместе с тем у некоторых "нобилей" уже накапливались значительные ценности (драгоценные металлы, меха, оружие), появление которых лишь отчасти можно считать результатом удачной торговли или военных набегов. Часть этих ценностей, несомненно, притекала к "нобилям" в результате их руководящей роли в жизни племени.

Лишь для самого раннего этапа развития (с учетом крайней скучности источников) можно ограничиться реконструкцией некоей структуры, которую теоретически можно считать общей моделью развития славянского мира.

В дальнейшем речь должна идти по крайней мере о двух разных путях эволюции: а) на основе самостоятельного развития собственно славянского общества; б) на основе взаимодействия славянского земледельческого общества с обществом кочевников, принадлежащих к иному культурно-хозяйственному типу. С самого начала процессы

зарождения классов и государства у ряда славянских обществ протекали при постоянном взаимодействии с кочевниками. Применительно к славянам, оказавшимся в конце концов за пределами власти кочевых объединений VI—VII вв. (аваров, протоболгар), можно, вероятно, говорить о противоречивом характере их влияния. С одной стороны, пытаясь подчинить земли славян, кочевники замедляли развитие их общества, с другой стороны, необходимость борьбы с таким врагом становилась стимулом для политического объединения и, следовательно, ускорения развития.

В научной литературе, впрочем, ставился и вопрос о возможном заимствовании ряда политических институтов аварского общества славянскими народами Центральной и Юго-Восточной Европы, находившимися в орбите влияния Аварской державы. Однако если даже и принимать гипотезу об аварском происхождении ряда славянских социально-политических терминов, то определить характер заимствования совершенно невозможно при полном отсутствии сведений о соответствующих институтах у аваров.

Несомненно, более глубоким и разносторонним было взаимодействие славян и кочевников на территориях их совместного проживания. При этом именно кочевники выступали как политически господствующая сила, подчиняющая себе земледельцев. Подобная ситуация принципиально отличалась от той, что существовала в децентрализованных племенных структурах предшествующего этапа. Вопрос нуждается в специальном исследовании не только потому, что вне такого взаимодействия невозможно представить процесс формирования государственности на этих землях, но и потому, что в разных местах оно приводило к разным результатам.

В литературе неоднократно поднимался вопрос, почему сосуществование кочевников-протоболгар и земледельцев-славян привело к образованию раннефеодальной державы — Первого Болгарского царства, а сосуществование аваров и славян в Паннонии не привело к такому результату³. Выяснить это тем более важно, что уровень развития кочевников был в обоих случаях близким⁴. То же, вероятно, можно сказать о степени развития славянского населения. Кроме того, судя по данным археологии, как и в Болгарии, в ряде районов Паннонии имел место тесный аваро-славянский симбиоз, сопровождавшийся переходом кочевников к оседлости.

Думается, что здесь имело значение различие географических условий. В ряде районов Подунавья они давали возможность населению заниматься отгонным скотоводством, характерным для второй стадии кочевания (хотя и в полуоседлом, а не полукочевом его варианте), тогда как в Болгарии это было осуществимо лишь в пределах небольшой территории Добруджи. Поэтому, по-видимому, несмотря на несомненное смешение части аваров с местными славянами, основное их ядро сохраняло кочевой (уже полуоседлый) образ жизни и сталкивалось со славянами лишь во время зимних стоянок. В этих условиях сохранялись характерные для политических объединений кочевников примитивные формы эксплуатации земледельческого населения. В Болгарии же при сравнительно быстром (вынужденном

обстоятельствами) отказе протоболгар от кочевого образа жизни развитие пошло по другому пути. Характерно, что резиденции прото-болгарских правителей относительно быстро стали превращаться в государственные центры, а резиденция аварских хаганов — "ринг", судя по описаниям каролингских хронистов, таким центром не была, и, вероятно, не случайно ее следы не обнаружены.

Предложенное здесь объяснение можно подкрепить наблюдениями за ходом событий, сопровождавших образование в Подунавье раннефеодального Венгерского государства. Расселение мадьярского союза племен, правда, находившегося на несколько более высоком уровне развития, чем авары VII в., благодаря пребыванию до переселения в более развитом социальном окружении⁵, происходило в иных исторических условиях. Тогда в ряде районов этого ареала, входивших в состав Великоморавского государства или вассала Каролингов — Блатенского княжества, уже сложились отношения господства — подчинения, характерные для раннефеодального общества. Устранив (или ассимилируя) на этих землях местный господствующий класс, социальная верхушка мадьяр могла использовать сложившиеся здесь социальные структуры для своего превращения в господствующий класс раннефеодального общества. Все это обусловило дальнейшее развитие, отличное от протекавшего на той же территории в VII—VIII вв.⁶ Именно эти районы и стали главным очагом формирования Венгерского раннефеодального государства. Те же места, где мадьяры имели возможность сохранять традиционный полукочевой быт (долина Тисы), стали центром сопротивления формирующимся раннефеодальным порядкам, именно здесь в XI в. происходили так называемые языческие восстания.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о характере вклада кочевников в дело формирования раннефеодального государства в ходе взаимодействия двух этносов, одновременно переходивших от доклассового общества к классовому (например в Болгарии). Вклад кочевников усматривают преимущественно в сильной централизованной военной организации, которая обеспечила самостоятельность нового политического объединения и на основе которой складывались затем раннефеодальные административные институты. Это заключение верно подчеркивает ведущую политическую роль протоболгар и бесспорную связь центральных государственных институтов Болгарии VIII—X вв. с их политическими институтами.

Вместе с тем ряд моментов, связанных с пониманием процесса вовлечения кочевого этноса в строительство раннефеодального государства, нуждается в дополнительном осмыслении. Кочевое общество (особенно во время переселения) в гораздо большей мере, чем любой массив земледельцев, представляло собой единую организацию "народа-войска", чем и объяснялось его военно-политическое превосходство. Однако эта сплоченность определялась не совершенством самой организационной структуры, а прежде всего фактами социальными: экстремальной ситуацией переселения в условиях борьбы за территорию с другими кочевыми народами, а затем и общей заинтересованностью в сохранении господства над земледельцами.

цами. Сама же военная организация кочевников в условиях господства, особенно в эпоху переселения⁷, институтов "военной демократии", основывалась только на родовых связях, исключительно прочных в кочевом обществе и при переходе ко второй, а затем и третьей стадиям кочевания и даже при оформлении классовой структуры. После прекращения таборного кочевания и выделения отдельным родам территории для постоянного проживания неизбежно усиливалась роль родовой аристократии и появлялись элементы децентрализации. Такую децентрализацию в среде половцев в условиях их постоянного поселения в восточноевропейских степях проследила С.А. Плетнева⁸. Вопрос о том, в какой мере влияли на политическую структуру кочевого союза не только раздел территории между родовыми объединениями, но и их переход к оседлости, нуждается в специальном изучении. Возможно, тогда яснее стал бы характер политических кризисов, потрясавших во второй половине VIII в. формирующееся Болгарское государство, как и смут, разразившихся в VII в. в Аварском хаганате⁹.

Первый период в истории формирования Древнеболгарского государства определяется как период "административного дуализма", который проявлялся в том, что разными были способы управления ядром державы (территорией расселения протоболгар) и подчиненными этому ядру автономными Славиниями. "Административный дуализм" находил, несомненно, свое отражение также в том, что по отношению к подчиненному славянскому населению представители протоболгарской знати выступали уже как чиновники зарождающегося государственного аппарата, а по отношению к протоболгарам они могли еще оставаться традиционными главами родов. В таком смысле "административный дуализм" мог сохраняться и после ликвидации автономии Славиний, чем, может быть, и следовало бы объяснить участие большого количества протоболгарских родов, в восстании, направленном против введения христианства.

Как меру, имевшую одной из своих целей ослабление роли родовых институтов у протоболгар, следовало бы, возможно, рассматривать и создание в начале IX в. "большой дружины" — гвардии Омуртага из представителей разных родов и даже из лиц без определенной родовой принадлежности¹⁰.

Выяснению роли кочевников в процессе создания раннефеодального государства могло бы способствовать сравнительное изучение истории формирования Древнеболгарского и Древневенгерского государств. В частности, заслуживает внимания тот факт, что центральные органы государственного управления в Венгрии не обнаруживаются как будто генетической связи с политическими институтами кочевого общества. Во всяком случае, по отношению к политическим объединениям, созданным с участием кочевников, трудно говорить о наличии именно здесь особо благоприятных условий для создания раннефеодального государства. С одной стороны, верховная власть здесь сосредоточивала в своих руках значительные ресурсы в виде даней с подчиненных земледельцев, которыми не располагала знать Славиний. Опираясь на военную силу своих "улусов", кочевые влады-

ки легче могли подчинять себе славянские политические структуры, утверждая отношения господства и подчинения. С другой стороны, им необходимо было изменить характер общественных институтов, связанных с родовой организацией кочевников, гораздо более прочной, чем родовая организация земледельческого общества¹¹.

Правда, можно было бы допустить, что в результате вторжения кочевников перемены, ведущие к созданию государства, происходили в рамках крупной надплеменной политической структуры, но это отнюдь не было общим правилом. С участием протоболгар действительно с самого начала возникло стабильное крупное политическое образование, но после поселения в Паннонии мадьяр возник ряд независимых княжеств, и их позднее пришлось подчинять силой основателям Венгерского государства — Гезе и Иштвану.

Иной характер развития славянских обществ на местной основе в немалой степени определялся тем, что здесь везде исходным пунктом развития служили децентрализованные племенные объединения эпохи "военной демократии", охарактеризованные выше. Социальный аспект эволюции от этих структур к раннефеодальному государству источники отражают крайне слабо, и этот пробел очень мало восполняют данные археологии. Характеристику общего положения в структурах такого рода и тенденций их развития на общесоциологическом уровне дал в свое время Ф. Энгельс. Отметив существование уже в первобытных общинах институтов, представлявших "зачатки государственной власти", он писал: "Постепенно производительные силы растут, увеличение плотности населения создает в одних случаях общность, в других — столкновения интересов между отдельными общинами: группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине антигонистическое положение, становятся вскоре еще более самостоятельными"¹².

Имеющийся материал не дает возможности всесторонне охарактеризовать весь этот процесс, но он вполне позволяет наметить такие его итоги, как приход на смену временным военным вождям института наследственной княжеской власти, исполнявшей важные функции военно-политического руководства и создававшей более обширные, чем ранее, и более устойчивые политические образования, в рамках которых характерные для "военной демократии" принципы народовластия претерпевали глубокую трансформацию.

Сохранившийся материал о некоторых из таких еще догосударственных структур свидетельствует о значительной сложности их функционирования, связанной с развитием противоречий не только между общинами и надобщинными центрами власти, но и между самими возникавшими органами власти разных уровней. Наиболее подробны сведения о Поморском союзе. Отметим его важнейшие структурообразующие черты. Княжеская власть выступает как единственный

институт, объединяющий в единое целое разные "земли" в рамках союза, как его военно-политический руководитель. Князь обладает собственными земельными владениями и укрепленными центрами и опирается на поддержку значительной дружины, связанной с ним личными узами верности. Однако реальная власть на местах — в отдельных "землях" — принадлежала не князю и дружине, а местной знати, опиравшейся на свою экономическую мощь и многочисленную клиентелу и использовавшей сохраняющийся институт народных собраний (в них по-прежнему участвовало все население) для соперничества с княжеской властью за руководство обществом. Представляется, что в действиях обеих этих сил выражались как бы две альтернативы перехода от структур военной демократии к государственным структурам. Как показывает пример шведской федерации IX—XI вв. (а ее структура весьма сходна с Поморским союзом), соперничество этих двух сил могло сохраняться в течение длительного времени, препятствуя окончательному оформлению раннефеодального государства.

Наблюдения над структурой Поморского союза позволяют также констатировать (сходство с положением шведской федерации проявилось и здесь), что внешняя экспансия способствовала усилению именно княжеской власти. Как единственный связующий институт она сосредоточивала в своих руках управление присоединенными территориями, включавшимися в состав федерации как неравноправная часть.

Возможно, к структурам такого типа следует причислить и Карантанское княжество VII—VIII вв. Во всяком случае, земский судья, по традиции представлявший здесь князя собранию эделингов, избранных на местных судебных собраниях, обнаруживает типологическое сходство со скандинавским институтом "лагманов" — знатоков закона и судей из среды родовой знати. Они на тингах "присуждали в короли"¹³.

Материалы, относящиеся к другим частям славянского мира (славянское Полабье, чешские и сербохорватские земли), а также результаты исследований Г. Ловмяньского о догосударственных структурах Литвы позволяют утверждать, что структура Поморского союза не была ни единственным, ни наиболее распространенным вариантом переходной структуры.

Появление в некоторых из этих районов уже на рубеже VIII—IX вв. "княжеских погребений", многочисленные находки шпор и конского снаряжения показывают, что уже в это время на некоторых славянских землях княжеская власть, опиравшаяся на поддержку конной дружины, начинала играть главную роль в общественной жизни. Вместе с тем княжеская власть, существовавшая здесь наряду с традиционными народными собраниями, находилась на разных уровнях развития: имелись князья, стоявшие, подобно главе Поморского союза, во главе всего объединения, и были князья, власть и функции которых распространялись на территорию лишь одной "земли" или племени. Как показывает пример анализированного Г. Ловмяньским и В.Т. Пашуто текста договора 1219 г. между Волынью и федерацией

литовских земель, ситуация могла быть и еще более сложной. Договор указывает на существование не только группы "старших" князей, стоявших, очевидно, во главе федерации (они, по-видимому, не все были родственниками), но и князей из "Дьяволты", одной из четырех "земель", на которые делилось историческое ядро Литвы — Аукштайтия¹⁴. Разумеется, в такой многоступенчатой структуре и взаимоотношения между князьями и местной знатью выступали не в столь чистой форме, как это имело место в Поморском союзе. Здесь был возможен союз местной знати со "своими" князьями против князей другой "земли" или племени, либо против князей, стоявших во главе всего объединения. В условиях, когда не было возможностей для экспансии, содействовавшей укреплению роли княжеской власти, соотношение сил в рамках даже такой структуры могло оказаться стабильным и тормозить создание государства, как это наблюдалось у полабских славян IX—XII вв.

Представляется также неслучайным, что сильная княжеская власть, уже фактически подчинившая себе общество, складывалась прежде всего на территориях, которые стали усиленно заселяться (как, например, в Посавье) лишь на этом, предгосударственном, этапе развития и где поэтому не успели сложиться устойчивые племенные структуры.

Следует кратко коснуться также некоторых других изменений в социальной структуре и организации управления, которые предположительно имели место в рассматриваемую эпоху. По-видимому, в обстановке постоянных военно-политических конфликтов в обществе догосударственных структур сложился наряду с княжескими дружинами обширный слой полупрофессиональных воинов, образовавший позднее нижние слои господствующего класса (его исторические судьбы специально исследовал Г. Ловмяньский)¹⁵. В Карантании даже выборы правителя стали ограничиваться кругом представителей этого слоя, а не всего общества, как ранее. Учитывая возможность появления на этом этапе политических объединений, включавших в свой состав подчиненные, неравноправные территории, можно предполагать, что уже в то время с них не только взимались дани: подобные территории могли становиться местом проживания княжеской дружины, которая добывала здесь средства на свое содержание (нечто аналогичное русскому полюдью)¹⁶.

С точки зрения чисто политической внутренней борьбы в структурах такого рода вела к концентрации власти в руках верховного правителя за счет как устранения от власти других князей (претендентов на верховную власть и правителей на местах), так и за счет ликвидации традиционных институтов, в рамках которых осуществлялось участие населения в общественной жизни и управлении. С концентрацией власти князя следует связывать два ряда изменений, в корне трансформировавших характер всей общественной структуры. Это прежде всего создание органов территориального управления, зависимых от монарха и опиравшихся на систему укрепленных градов, и приход на смену добровольным приношениям и общественным работам системы повинностей и налогов на содержание

аппарата управления, набиравшегося из рядов профессионального войска, возникшего на базе дружины.

Нет возможности представить конкретно, как происходили эти изменения, какую реакцию они вызывали в разных кругах общества, какие факторы оказывали влияние на ход борьбы. В полном смысле уникально свидетельство "Легенды Кристиана", позволившее Д. Тржештику установить, когда и при каких обстоятельствах князь Боржива и его дружины утвердили свою власть над чехами.

В капитальном исследовании "Roszaki Polski" Г. Ловмяньский специально выделил те формальные признаки, наличие которых в имеющихся скучных источниках позволяет говорить о появлении структур государственного типа. Это прежде всего ведущая роль правителя во внешних контактах как единственного полномочного представителя страны, решения которого не нуждаются в дополнительной санкции какого-либо органа. Это также обозначение представителей социальной верхушки не как "предводителей" народа (*řítmorcs populi*), а как "верных" правителя, "его" людей. При наличии двух таких признаков приобретал большое значение и третий — раздел территории страны между сыновьями правителя после его смерти.

Отмеченные этими формальными показателями объем власти правителя и характер организации правящей верхушки явно не были свойственны структурам догосударственного типа. Еще одним таким показателем, свидетельствующим о политической и социальной эволюции, можно, по-видимому, считать появление в источниках "собрания всей знати", участникою в принятии важных внутриполитических решений. Как дополнительный критерий могут быть использованы и данные археологии о создании системы укрепленных градов — центров власти. Выявление суммы подобных признаков дает возможность констатировать появление государства в славянских странах в IX—X вв., но, разумеется, не позволяет всесторонне представить характер организации государства и общества, те или иные "модели" развития. Такую возможность дает лишь ретроспективный анализ источников, относящихся к последующим этапам развития этого государства, когда и формы политической организации общества и его социальная структура уже претерпели глубокие и всесторонние изменения.

Приступая к сопоставлению разных типов славянских раннефеодальных государств, следует начать с характеристики двух из них, отличных между собой и по происхождению, и по характеру социально-политической организации. Один из этих типов — чешско-польский (помимо близости главных черт государственности, весьма сходна здесь и сама терминология, отражающая основные социально-политические институты) подробно охарактеризован в соответствующем разделе данного труда. Большое типологическое сходство с этой моделью обнаруживает, как показал Г. Ловмяньский, раннефеодальное Литовское государство. Ниже будут отмечены лишь те его структурные особенности, которые представляются важными для сопоставления со структурами иных государств и для постановки вопроса об их происхождении.

Главная структурная особенность этой модели заключалась, видимо, в том, что вся организация общества (включая и отношения между классами) опиралась на систему государственной эксплуатации, совокупность даней и повинностей населения в пользу государства и его представителей, выступавших в виде корпорации "воинов". Эта корпорация практически совпадала с государственным аппаратом, доходы от централизованной эксплуатации были главным источником ее содержания, а личные земли, обрабатываемые трудом рабов, имели лишь подсобное значение. Наиболее ярко свидетельствует о зависимости этого господствующего класса от государственного содержания "служебная организация"¹⁶. Вероятно, что в период расцвета данной модели каким-то способом обеспечивалась монополия государства на прибавочный труд всего свободного населения. Характерная особенность модели состояла также в отсутствии в обществе какой-либо социальной верхушки, стоявшей за рамками этой корпорации, в отсутствии каких-либо данных о преемственности между верхним слоем корпорации и старой родоплеменной знатью.

Все эти особенности модели позволяют представить ее генезис как результат узурпации княжеской властью, опиравшейся на дружины, функций управления прежними догосударственными структурами, включая право взимать приношения и принуждать к повинностям, необходимым для выполнения этих функций. Подобный вариант возникновения классов и государства в условиях, когда общество уже оказалось в состоянии производить достаточный для содержания господствующего класса прибавочный продукт как один из двух теоретически возможных отметил Ф. Энгельс в "Анти-Дюринге", писавший, что "все возрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом"¹⁷. В данном конкретном варианте речь должна идти о раннефеодальном обществе с системой отношений, основанной на государственной собственности господствующего класса, объединенного в корпорацию "воинов", во главе которой стоит монарх. Именно в рамках этой структуры в дальнейшем зарождались отношения, характерные для классического феодализма, и отдельные воины — члены корпорации превращались в феодалов-землевладельцев. Подчинение догосударственных структур новой власти носило в этом случае по преимуществу насильственный характер, сопровождаясь уничтожением как родоплеменной знати, так и конкурирующих военных объединений. Существующие территориальные структуры не только подчинялись княжеской власти, но и подвергались существенной перестройке. Ее характер выяснил Г. Ловмянский путем анализа перемен, последовавших за образованием Литовского государства¹⁸, так как благодаря сообщениям крестоносцев догосударственная структура литовских земель известна достаточно хорошо. В то время как низшая единица догосударственной организации — "волость", и далее продолжала сохранять свою сущность; даже названия четыре "земель", на которые еще в XIII в. делилась Литва и которые представляли своеобразные племенные терри-

тории, не упоминаются в источниках XIV в. Новая сеть административных округов, опиравшаяся на систему укрепленных градов — центров размещения дружин, не находилась ни в какой связи со старым административным делением. Выводы Г. Ловмяньского вполне подтверждают наблюдения над административной структурой раннефеодального Польского государства. Здесь также сохранялась как низшая единица административного деления "община" — "волость" — ополе, тогда как округа — каштеляни и объединения более высокого уровня (провинции) не имели никакого отношения к старому племенному делению, хотя некоторые из них (например, Силезия, Мазовия) носили старые племенные названия.

Другой вариант, который можно условно назвать "поморским", есть основания рассматривать как государственную структуру, сложившуюся иначе — путем компромисса княжеской дружины с племенной знатью, сливавшимися постепенно в единый господствующий класс. Эта гипотеза объясняет две характерные взаимосвязанные между собой черты данной модели: недостаточное развитие системы централизованной эксплуатации (отсутствие, в частности, "служебной организации") и присутствие в составе социальной верхушки родовой знати, обладавшей родовой земельной собственностью. По-видимому, аналогию такому развитию следует искать в Скандинавии, где процесс слияния занял гораздо более длительное время. Эта аналогия, в свою очередь, позволяет думать, что в данном варианте имело место скорее изменение характера территориальных структур, чем их существенная перестройка. Учитывая историческую перспективу, следует отметить, что во втором варианте возникало государство, менее сильное и сплоченное, менее приспособленное к внешней экспансии, но с более благоприятными условиями для развития в его рамках феодальных отношений сеньориального типа.

Сопоставление этих двух сравнительно четко выявленных вариантов с реальным развитием отдельных государств рационально начать с выяснения характера третьего крупного центральноевропейского государства — Венгерского королевства. Близость государственной организации и общественного строя всех трех центральноевропейских стран неоднократно отмечалась в науке. Однако определить точнее соотношение между польско-чешским и венгерским вариантами не дает наличие противоречий в наших знаниях о характере Венгерского государства и общества. Венгерские исследователи подчеркивают значительную роль насилия в образовании Венгерского государства и уничтожении землевладения враждебной Гезе и Иштвану родовой знати, но они же полагают, что часть этой знати, перейдя на Королевскую службу, сохранила свое родовое имущество¹⁹. Отмечается и наличие у ряда жупанов уже в середине XI в. значительных земельных владений с сотнями крестьянских дворов²⁰. К этому следует добавить отсутствие в Венгрии ранних форм обеспечения Церкви за счет доли княжеских доходов: монастыри и епископы уже при Иштване I превратились в крупных земельных собственников. Все это, казалось бы, говорит о быстром распаде системы централизованной эксплуатации и о формировании крупного феодального земле-

владения как отличительной черте венгерского варианта. Однако существование в этой стране сотенной и десятинной организации, охватывающей все податное население страны²¹, практика переписей, сильное развитие "служебной организации", отличавшейся именно в Венгрии особо разветвленной структурой (наличие руководителей многих профессий в общегосударственном масштабе), заметный по размерам слой "иобагионов градов" — воинов, сидевших не на своей, а на королевской земле и находившихся поэтому в полной зависимости от монарха, наконец, очень широкий объем власти венгерских королей даже в XII в. — все это, напротив, говорит о Венгерском королевстве, как о стране, где система централизованной эксплуатации получила особо сильное развитие. Анализ этих противоречий (которые, может быть, говорят о противоречивости наших схем) в представлениях о характере Венгерского государства и общества является одной из насущных задач науки. Как представляется, имеется достаточный и актовый, и законодательный материал для решения этой задачи.

По отношению к славянским странам Юго-Западной Европы нет и столь богатого, и столь непрерывно возрастающего на протяжении XI—XIII вв. комплекса источников, который позволил бы решить вопрос о модели государственного строя и общественной организации в этом регионе. Можно, однако, попытаться рассмотреть сохранившиеся данные, чтобы хотя бы гипотетически выяснить, в какую из охарактеризованных выше моделей они лучше вписываются.

Особого внимания здесь заслуживает Хорватия, где имеется комплекс источников IX—XI вв., в частности, грамоты хорватских князей IX в. Трпимира и Мутимира. Характерно, что центральное место в пожаловании Трпимира сплитскому архиепископству занимает подтверждение дарения десятины "от всего, что рождает земля", из княжеского двора в Клисе²². Так как Клис являлся одним из главных административных центров Хорватского государства, то справедливо положение О.А. Акимовой, что речь идет о передаче церкви десятины от доходов, поступавших на княжеский двор в Клисе со всей территории административного округа²³. Такая практика имеет многочисленные аналогии в странах Центральной Европы и должна рассматриваться как веское свидетельство существования в Хорватии IX в. централизованной системы эксплуатации. Этому вполне соответствует и тот факт, что верхушку господствующего класса составляла здесь именно дружинно-должностная знать ("мои жупаны" в грамоте Трпимира, "мои верные" в грамоте Мутимира). Скромными были и ранние дарения представителей знати церкви. Так, сестра второго лица в государстве — бана в 1028 г. снабдила построенную ею церковь всего лишь стадом овец с пастухом, двумя упряжками быков и двумя рабами²⁴. Налицо принципиальная близость Хорватского государства IX—XI вв. к раннефеодальным государствам Центральной Европы, опиравшимся на систему централизованной эксплуатации.

Ряд особенностей общественного строя и государственных институтов Хорватии позволяет уточнить этот вывод. По составу должностных лиц и организации управления Хорватия принципиально не

отличается от центральноевропейских государств, но важно полное отсутствие каких-либо упоминаний о "служилом" населении, крайняя неопределенность сведений о налогах и повинностях²⁵. По-видимому, система централизованной эксплуатации не получила здесь полного развития.

Обращает на себя внимание и та особенность пожалований хорватских князей (а затем — королей) светским и духовным феодалам, не находящая соответствий в польских и чешских материалах, что передаваемая земля представляла собой "*terra regalis*" ("землю короля"). Весьма симптоматичны в этом плане формулировки в грамоте Трпимира о передаче земли "*de regali territorio*"²⁶. Вероятно, землями иной принадлежности правители Хорватии не имели права распоряжаться. В научной литературе отмечаются и скромные размеры княжеских и королевских пожалований (отдельные участки, отдельные поселения или усадьбы), и присутствие в составе дарений лишь несвободного населения — "серлов"²⁷. Ничего подобного практике западнославянских стран, где церковным учреждениям жаловали целые административные округа, хорватские материалы не только IX—XI, но и первой половины XII в. не содержат. Положение хорватских правителей сравнимо скорее с положением правителей Швеции эпохи викингов, которые могли полностью распоряжаться лишь землями своего "Упальского удела", состоявшего из совокупности разбросанных по разным частям страны дворов и усадеб, населенных королевскими рабами²⁸. К Византийской империи Хорватия в этом отношении была ближе (не сыграла ли при этом роль рецепция римского права?), чем к соседней Венгрии.

Кроме того, господствующий класс Хорватского княжества включал, вероятно, в свой состав не только знать, генетически связанную с дружиной монарха, но и родоплеменную по происхождению. Так, по верному замечанию О.А. Акимовой, окружение Мутимира в конце IX в. складывалось из его "*fideles*", т.е. дружинников, и "*primates populi*", видимо, представителей родоплеменной аристократии²⁹. В этой связи интересно так называемое соглашение короля Коломана с 12 хорватскими "племенами" (*tribes*)³⁰. Само соглашение мало достоверно, но существенно, что патронимы большинства упомянутых в нем родов фигурируют в документах второй половины XII в.³¹, а в некоторых случаях речь идет о лицах, в то же время не заимствовавших патроним у близкого предка. Патронимы двух из этих родов (Гусичи и Могоровичи) встречаются уже в документах второй половины XI в., хотя некоторые из упоминаемых в них членов рода Гусичей не принадлежали к одной семье³². С этим следует сопоставить почти полное отсутствие патронимов в чешских и польских источниках XI—XII вв., а в XIII в. патронимы зачастую производны от имени ближайших предков — княжеских приближенных второй половины XII в. В Хорватии соответствующий слой представлял собой, по-видимому, родовую знать, генетически связанную еще с догосударственными структурами.

Все эти наблюдения позволяют выставить тезис о большей близости модели хорватского развития не к "польско-чешскому", а к "поморс-

кому" варианту, разумеется, с учетом того, что на Балканах более устойчиво сохранялись черты патриархальных структур (хорватские "племена" были, по-видимому, родовыми объединениями людей разного социального уровня). И здесь, вероятно, государственность возникла на основе компромисса между княжеской дружиной и племенной знатью. Следствием этого стала неразвитость системы государственной эксплуатации и возможность формирования феодального землевладения на более широкой социальной основе, в кругах, непосредственно не связанных с государственным аппаратом. Так, хорватский "нобиль" второй половины XI в. Петр Црни, не занимая никакой должности, сумел для основного им монастыря св. Петра скупить главным образом у собственников крестьянского типа несколько десятков участков и поселить на них купленных им же серпов³³.

Что касается сербских земель, то нарративные источники (прежде всего "Летопись попа Дуклянина") и немногие грамоты князей XI, а главным образом XII в. (подлинность их, впрочем, оспаривается) содержат еще более неясные сведения о модели сербского общества и государства, чем материалы о Хорватии. Данные всех этих источников свидетельствуют все-таки о значительной общности социальной терминологии и политических институтов хорватских и сербских земель (общими были институты банков, жупанов как правителей округов, сотников как представителей низшего звена администрации, "легга regalis", которой правитель распоряжался по своему усмотрению и др.). Сделанные на хорватском материале выводы следовало бы, вероятно, распространить и на сербские княжества. Видимо, в их внутреннем строе черты преемственности с догосударственными структурами были выражены еще более ярко, чем в Хорватии, ибо Хорватское государство сложилось в результате объединения ряда племенных территорий, в то время как каждое из сербских княжеств IX — начала XI в. включало в себя, как правило, лишь одну племенную территорию.

Учитывая, что модель государственного устройства раннефеодальных Чехии и Польши была воссоздана главным образом на основе ретроспективного анализа актов XIII в., подобное же исследование сербских актов XIII в. также могло бы, по-видимому, прояснить более ранний период.

Особенно сложен вопрос о характере общественного строя Болгарии в IX—XI вв., так как здесь документальные источники почти полностью отсутствуют, а нарративные памятники слишком неопределенны. И все-таки наличные сведения позволяют говорить о близости социально-политического строя Болгарии скорее к государствам Центральной Европы (естественно, с учетом того, что развитие Болгарии хронологически шло с опережением). О существовании в Болгарии развитой системы централизованной эксплуатации говорит размах великодержавной политики болгарских правителей на рубеже IX—X вв., требовавшей огромных ресурсов. На это же указывают данные о высокой степени развития государственного аппарата. Согласно "Ответам папы Николая на вопросы болгар", даже границы

страны строжайше охранялись: без разрешения не мог покинуть Болгарию не только раб, но и свободный. Как свидетельство о государственной эксплуатации следует рассматривать сообщения Константина Преславского и Козьмы Пресвитера об исполнении властельской работы", "работы владык земных" ("земных властель")³⁴. Характерно, что Козьма сначала говорит абстрактно о "работающих царю", а затем — более конкретно о "рабах", трудящихся на своего господина³⁵ (небольшие хозяйства воинов, основанные на труде рабов, описаны в "Сказании о железном кресте").

Контакты Болгарии с Византией (в IX—X вв. более тесные, чем у других славянских стран) в тот период, когда императоры Македонской династии энергично боролись за сохранение системы централизованной эксплуатации, лишь способствовали укреплению именно такой модели. Сообщение Ибрагима ибн Якуба, что царь болгар имеет писцов и налоговые регистры³⁶, является свидетельством именно такого византийского влияния на Болгарию и показателем действительно высокого уровня развития системы централизованной эксплуатации.

С учетом этих соображений следует подходить к оценке сигиллиев Василия II, подтверждавших права болгарских епископий на то количество крестьян, освобожденных от уплаты податей, которыми они располагали при Самуиле. Указанные в этих сигиллиях цифры — от 12 до 40 крестьян — выглядят весьма скромно по сравнению с владениями чешской или польской церкви XI—XII вв., включавшими порой крепости и целые административные округа. Подобные данные о Первом Болгарском царстве следует рассматривать не как свидетельство слабых возможностей центральной власти по обеспечению церкви, а скорее как показатель особой прочности системы централизованной эксплуатации, не допускавшей развития структур сеньориального типа.

Определение типа государственности в Болгарии заставляет изучить вопрос о возможной роли родовой знати. Данные "Именника" болгарских ханов и надписей первой половины IX в. не оставляют сомнений в существовании в Болгарии (по крайней мере в среде протоболгар) родовой знати, связанной с догосударственными структурами. Необходимо отметить, что все эти данные относятся к первым этапам формирования болгарской государственности, заключительный же этап, по бесспорным свидетельствам источников, начался с истребления князем большой группы знатных протоболгарских родов, выступавших против принятия христианства. В более поздних памятниках родовые патронимы как будто уже не встречаются.

Что касается областных правителей, игравших видную роль в политической истории Первого Болгарского царства (из их среды вышла и новая правящая династия) и переходивших на сторону византийцев со своими крепостями и клиентелой, то их преемственность со старой родовой знатью сомнительна. Очевидна, напротив, их типологическая близость с чешскими или польскими наместниками более позднего времени, использовавшими административные функции для

создания магнатских латифундий на территории управляемых ими округов Развитие в этом направлении было прервано византийским завоеванием и переселением болгарской знати в Малую Азию

Особого внимания заслуживает вопрос о характере Великоморавского государства, в частности сравнение его с государствами, сложившимися позднее на его бывшей территории Преемственность была налицо, но ряд черт общественного строя Великой Моравии заметно отличал ее от позднейших государств Центральной Европы Эти черты существование собрания мораван, способного самостоятельно принимать политические решения, наличие иерархии подчиненных главе государства самостоятельных правителей, роль великоморавских градов не только как княжеских крепостей, но и как центров общественной и экономической жизни окрестного населения Все это, несомненно, объясняется особенностями генезиса Великоморавского государства, не сопровождавшегося глубокой ломкой догосударственных структур Если эти соображения правильны, то в историческом развитии Центральной Европы налицо смена вариантов развития раннефеодального государства, что и составляет, вероятно, еще одну проблему истории раннего феодализма, которая ждет своего решения

¹Łowmiański H Studia nad poczatkami społeczeństwa i państwa litewskiego Wilno, 1931—1932 T 1—2, Пашуто В Т Образование Литовского государства М, 1959 С 332—338

²Ковалевский С Д Образование классового общества и государства в Швеции М 1977 Гл II

³Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв М, 1985 С 144—145

⁴Ср Плетнёва С А Кочевники средневековья М, 1982 С 27—28 46, 48—49

⁵Там же С 29—30

⁶Там же С 134

⁷Там же С 14

⁸Там же С 60

⁹Как показывает характер смут, в обоих объединениях не сложилась традиция наследственной передачи верховной власти в рамках одного рода

¹⁰В отличие от надписей болгарских ханов IX в., определение родовой принадлежности знати в собственно славянских раннефеодальных государствах — явление крайне редкое (в лучшем случае указываются отец или дед)

¹¹Об особой прочности родоплеменных связей у кочевников даже в условиях формирования классовых структур см Плетнёва С А Указ соч С 30—31, 102, 115

¹²Маркс К, Энгельс Ф Указ соч 2-е изд Т 20 С 184

¹³Об институте "лагманов" см Ковалевский С Д Указ соч С 100—101, 192—194

¹⁴Пашуто В Т Указ соч С 338 и след, Łowmiański H Studia T 2 S 184

¹⁵Łowmiański H Poszuki Polski W-wa, 1967 Т 3 С 430—464

¹⁶Разработка вопроса о зачаточных, догосударственных формах эксплуатации типа полюдья см Łowmiański H Początki Polski W-wa, 1970 Т 4 С 138

¹⁶В этом плане следует отметить также результаты исследований Г. Ловмиянского, показавшего отсутствие у литовской знати XIII—XIV вв крупной земельной собственности См Łowmiański H Studia T 1 S 277—285

¹⁷Маркс К, Энгельс Ф Указ соч С 184

¹⁸Łowmiański H Studia T 2 S 107

¹⁹Gyorffy G Wirtschaft und Gesellschaft der Ungarn um die Jahrtausendwende Bp, 1983 S 105

²⁰Ibid S 99—112, 157

²¹Не связана ли была такая специфическая форма организации с необходимостью контроля за населением, ведущим скотоводческое хозяйство и следовательно подвижным?

¹Codex diplomaticus regni Chroatiae, Dalmatiae et Slavoniae Zagrabiae, 1967 Vol I N 3 Ср упоминание десятины "de omnibus virtualibus" в грамоте Загребской епископии 1193 г
²Акимова О А Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства С 237 Характерно, что в документе о подтверждении прав сплитской церкви королем Коломаном (фальсификат второй половины XII в) фигурируют "Clisie et eius distritus" (Codex Zagrabiae 1904 Vol II N 7)

³Codex Vol I N 47

⁴В этом плане скучные свидетельства актов IX—XI вв мало чем может дополнить ретроспективный анализ актов XII—XIII вв Подробнее см Бромлей Ю В Становление феодализма в Хорватии М 1964 С 276 и след

⁵Codex Vol I N 3 Формулы о пожалованиях из regalibus terris см в фальсификате грамоты Крешимира IV (Codex Vol I N 64/II) и в грамотах Крешимира IV (Codex Vol I N 68, 77)

⁶Бромлей Ю В Указ соч С 253 и след

⁷Ковалевский С Д Указ соч С 111

⁸Codex Vol I N 120, Акимова О А Указ соч С 235

⁹Codex Vol II N 5

¹⁰Codex Vol II (указатель)

¹¹Бромлей Ю В Указ соч С 186 и след

¹²О хозяйственной деятельности Петра Црни см Там же С 240—250, 335—351

¹³Петров П., Гюзелев В Христоматия по истории на България С, 1978 Т 1 С 139, Бегунов Ю К Козьма Пресвитер в славянских литературах С 1973 С 352—353

¹⁴Бегунов Ю К Указ соч С 342

¹⁵Петров В., Гюзелев В Указ соч С 169

А.И. РОГОВ, Б.Н. ФЛОРИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

О зарождении зачаточных форм общественной мысли и политической идеологии есть основание говорить с того времени, когда возникают первые политические объединения славян. Начатки такой общественной мысли нашли свое выражение в легендах о происхождении тех или иных племен или племенных союзов, некоторые сведения о которых сохранились в более поздних источниках. Примером здесь могут служить сообщения "Повести временных лет" о происхождении восточнославянских племенных объединений радиличей и вятичей. Два брата — Радим и Вятко, переселились из земли ляхов "и пришедши седоста Радим на Съжю, и прозвавшися радиличи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвавшися вятичи"¹. Представление о происхождении всего племени от родоначальника, некогда поселившегося со своим родом на определенной территории, помимо чисто мировоззренческой (определение своего места в окружающем мире), имело и определенную общественно-политическую функцию — утверждение единства племени как общности потомков одного родоначальника (или членов одного рода) и исторического права племени на занимаемую им территорию.

Как типологически близкие и относящиеся к тому же этапу общественного развития можно рассматривать предание о "праотце Чехе", некогда поселившемся на земле будущей Чехии, содержащееся в Хронике Козьмы Пражского, предания о переселении сербов и хорватов на Балканы, отразившиеся в труде Константина Багрянородного "Об управлении Империей" (хорватов привел в пределы Далмации некий Хорват со своими братьями и сестрами, сербов — Серб, позднее считавшийся родоначальником сербской княжеской династии). Как более поздний, уже христианизированный вариант такого предания можно рассматривать рассказ болгарской "Апокрифической летописи" о том, как пророк Исаия по повелению бога привел болгар на их бывшую тогда пустой новую родину за Дунаем².

Внутреннее развитие в рамках этих ранних объединений славян закономерно вело к формированию новых классовых отношений, что в сфере надстройки нашло свое отражение в образовании института наследственной княжеской власти. Его возникновение в условиях родоплеменных отношений было новацией, и для ее признания обществом было необходимо идеологическое обоснование. В наиболее общем виде можно сказать, что в качестве такой санкции выступали предания, утверждавшие происхождение княжеского рода от предков, получивших власть чудесным образом, при помощи богов (или самих являвшихся богами). Анализ и реконструкция соответствующих преданий представляют немалые трудности, так как отголоски древней традиции дошли до нас в трудах, написанных уже христианскими книжниками — церковными клириками или строгими монахами-аскетами, совершенно не заинтересованными в сохранении такой традиции в ее первоначальном виде. Наиболее значительные ее следы сохранились в предании о Пржемысле и Либуше — предках чешского княжеского рода Пржемысловцев, дошедшем до нас в двух разных версиях: в Хронике Козьмы Пражского и в "Легенде Кристиана"³. Как показано в исследованиях Д. Тржештика⁴, выделившего различные напластования в текстах обеих версий, Пржемысл и "пророчица" Либуше были первоначально богами, "чудесный брак" которых обеспечивал плодородие земли и, следовательно, главные условия существования племени. Дальнейшее развитие традиции, когда Пржемысл и Либуше оказались наделенными чудесной силой предками чешского княжеского рода, а с их браком стало связываться представление о появлении власти и общественного порядка⁵, отражает ее переосмысление в интересах княжеской власти, осуществленное еще в дохристианский период.

Легенда, обосновывающая власть династии происхождением от древних, почитаемых предков, наиболее полно отразилась в чешской традиции, но определенные параллели можно обнаружить и у других народов. В этой связи может быть отмечен рассказ Константина Багрянородного о роде сербских правителей, ведущих свое происхождение от того Серба, который некогда привел сербов на Балканы⁶. Может быть назван в этой связи и такой памятник, как составленный протоболгарской среде "Именник болгарских ханов"⁷, содержащий перечень правителей протоболгар, уходящий во времена до их

переселения за Дунай, в котором тщательно отмечалась их принадлежность к определенным родам. Не зная точно происхождения династии, пришедшей к власти в Болгарии в конце VIII в., все же можно полагать, что она обосновывала свое право на власть какой-то связью с родом Дуло, которому, судя по данным "Именника", изначально принадлежала княжеская власть у протоболгар. Указанное в "Именнике" количество лет правления первых правителей этого рода Автохола (300) и Ирника (170) позволяет думать, что в их лице мы также имеем дело со своего рода "полубогами", обладавшими волшебной силой. Заслуживает внимания и свидетельство более поздней Болгарской апокрифической летописи об основателе Протоболгарской державы Испоре-Аспарухе, что он первоначально был "детишт в краве ношен"⁸.

Еще более важно, что такая черта чешской традиции, как устойчивое наименование Пржемысла "пахарем", находит определенное соответствие в польском династическом предании, где также отмечается происхождение династии от землемельца Пяста⁹. С этим можно сопоставить и такую деталь сохранившегося древнего обряда интронизации правителей Карантании¹⁰, когда претендент на трон должен был облачаться в крестьянскую одежду. Такие сопоставления говорят в пользу гипотезы о связи в землемельческом обществе зарождающегося института княжеской власти с отправлением культа, обеспечивавшего плодородие с помощью обряда "священной пахоты". Переход такой важной общественной прерогативы в руки представителей одного княжеского рода, хотя и при определенном контроле со стороны народного собрания, выбиравшего из него правителя, был также важным шагом в области общественного сознания на пути к созданию государственной власти.

Об исполнении славянскими правителями жреческих функций говорят данные лингвистики. Так, в польском языке слово *Ksiądz* еще в XVI в. означало как духовное лицо, так и светского правителя¹¹.

Уже к концу интересующего нас периода для зарождающихся в Центрально и Юго-Восточной Европе государств в условиях расширявшихся контактов с более развитыми в социальном и государственном отношении соседями — такими христианскими державами, как Империя Каролингов или Византия, стал актуальным вопрос об отношении к государственной идеологии этих стран. Материал, относящийся к Первому Болгарскому царству, показывает, что определенное использование идеологических образцов этих стран имело место еще до принятия им христианства. Наиболее ярким примером здесь может служить постепенная смена в греческих надписях протоболгарских правителей первой половины IX в. традиционного тюркского титула "хан сибиги" — "вождь войска", подчеркивавшего роль правителя как военного вождя, новым, заимствованным явно из византийской терминологии титулом "от бога архонт". В нем подчеркивалось божественное происхождение ханской власти, хотя речь шла пока о санкции на власть со стороны не христианского, а языческого верховного бога протоболгар — Тенгри. Стоит отметить в этой связи и печать хана Тервеля (начало

VIII в.), на которой хан-язычник изображен в императорской короне с крестом и надписью: "Богородица, помоги Тервелю кесарю"¹².

Окончательное утверждение раннефеодальной государственности у славянских народов закономерно совпало с принятием ими христианства. В ситуации, когда сложение новой организации общества оказалось связано с принятием новой религии, господствующий класс раннефеодального государства столкнулся с рядом проблем связанных как с международным положением "варварских" государств, так и со складывавшейся в них новой внутриполитической обстановкой.

В принятии новой религии соображениям международного порядка принадлежало видное место. Принимая христианство, "варварские" славянские государства рассчитывали занять самостоятельное место в политической структуре Европы, установить нормальные и равноправные отношения с христианскими соседями. Вместе с тем их правители стремились не допустить того, чтобы с принятием христианства они оказались в зависимости от христианских держав. Неслучайно поэтому во всех памятниках местной традиции так настойчиво подчеркивалась самостоятельная роль славянских правителей в принятии христианства. Неслучайны также повсеместные и настойчивые попытки этих правителей обеспечить церковную самостоятельность своих владений путем создания особой церковной епархии или даже особой автокефальной церкви. Здесь могут быть отмечены усилия Бориса Болгарского в IX в., создание Гнезненского архиепископства в результате целенаправленной политики польских Пястов в 1000 г., неоднократные попытки чешских Пржемысловцев добиться создания архиепископства в Праге. На этом историческом фоне представляется, что и особое архиепископство для Великой Моравии было результатом целенаправленной политики великоморавских правителей, интересы которых отстаивали перед папской курьерской Кирилл и Мефодий.

Потребностью занять в христианской Европе свое особое место и вместе с тем закрепить свой контроль за местной церковью следует объяснить и действия славянских правителей, направленные на подготовку кадров духовенства из среды местного населения, их содействие введению богослужения на славянском языке, распространению славянской письменности и установлению культа ее создателей — Кирилла и Мефодия.

Одним из путей к признанию за "варварскими" государствами своего самостоятельного места в структуре христианской Европы было стремление добиться санкции одного из главных светских или духовных глав тогдашней Европы (римского папы, византийского или римского императоров) признания за правителем бывших "варваров" королевского титула, являвшегося тогда наиболее бесспорным внешним атрибутом власти самостоятельного государя. На протяжении изучаемого периода попытки (удачные и неудачные) приобрести королевскую корону были предприняты почти во всех славянских государствах Центральной и Юго-Восточной Европы. Исключением здесь явилась лишь Болгария, правитель которой Симеон в начале

Х в. принял высший в византийском сообществе государств титул "vasilevsa" — "цесаря болгар и греков" (у его преемников он принял форму "vasilevsa болгар"). Особенности Болгарии следует объяснять, возможно, не только острым политическим соперничеством с Византийской империей (не случайно последние болгарские правители перед византийским завоеванием так настойчиво подчеркивали "самодержавный" характер своей власти), но и тем, что в периоды усиления Первого Болгарского царства оно было своего рода "великой державой" на Балканах, от которой зависел ряд более мелких государств, и обоснование такого положения требовало также аргументов из арсенала имперской идеологии. Принятие новых титулов влекло за собой появление новой государственной символики — новых знаков власти (регалий)¹³ и нового обряда интронизации правителя — коронации.

Зaintересованность правителей в получении королевской короны была связана с особенностями не только международного положения, но и с общей идеологической ситуацией в славянских странах после принятия христианства. Дело в том, что с принятием новой религии утрачивали свое значение те особые санкции, которые требовались для получения княжеской власти и которые были выработаны в предшествующий период. Хотя в практической жизни эти традиционные санкции не сразу утратили свое значение (о чем может свидетельствовать, например, включение рассказа о призвании на княжение Пржемысла в написанную в начале XII в. Хронику Козьмы Пражского), однако с распространением христианства аппелация к авторитету "божественных" предков правящей династии должна была становиться все менее убедительной. Отсюда и интерес представителей верховной власти к идеи коронации, превращавшей правителя с помощью определенного литургического обряда в "помазанника божьего". Правда, при этом следует иметь в виду, что если коронация и являлась, несомненно, очень серьезной новой санкцией законности власти, то состояние источников пока не позволяет ответить на вопрос, расширялся ли с помощью коронации (и если да, то в какой мере) объем реальной власти правителя по отношению к подданным.

Эти особенности общеполитической ситуации позволяют лучше понять такое явление идейной жизни IX–XI вв., как оформление и развитие культа святых — "патронов" отдельных стран. Здесь можно отметить косвенные, но убедительные свидетельства разных источников (в том числе и произведений искусства) о культе крестителя Болгарии Бориса-Михаила. Его житие может быть частично реконструировано на основе греческих хроник Скилицы, продолжателя Феофана и русской "Повести временных лет", сохранились и его изображения как святого в рукописях XII–XIV вв., в княжеской одежде и с моделью храма в руке. Возможно, уже к концу изучаемого периода следует отнести и возникновение культа царя Петра. В X в. в Чехии возникает кult Людмилы и приобретший еще большее значение кult ее внука Вацлава. Патроном Польши стал изгнанный чехами из страны и убитый язычниками-пруссами пражский епископ Войтех, которого со временем и чехи стали считать своим патроном. В этом ряду, по-

видимому, следует назвать и культа Ивана-Владимира Дуклянского, который, однако, так и не стал патроном сербов. Как типологически близкие и отражающие, очевидно, ту же закономерность развития, здесь могут быть отмечены древнерусский культ Бориса и Глеба, культ "святых королей" Иштвана (Стефана) I и Ласло I в Венгрии, культ св. Олафа в Норвегии.

Важнейшей причиной возникновения такого культа было стремление найти особое место своего государства и своего народа в христианском мире. В сонме святых из разных христианских стран, окружавших трон Христа, было психологически важно приобрести "своего" представителя перед богом. Само появление такого культа было свидетельством силы и крепости новой религии в стране перед лицом христианских соседей. И, вероятно, не случайно установление культа Войтехом, похороненного в польском Гнездо, сопровождалось предоставлением Польше церковной самостоятельности. От святого ожидали, как показывает, в частности, анализ большого комплекса текстов, связанных с культом св. Вацлава¹⁴, что он своим чудесным вмешательством оградит страну от нашествия врага и прекратит раздоры между членами династии, обеспечит стране мир.

Однако на себя внимание, что большинство этих "патронов" были членами правящей династии, канонизированными либо за обращение страны в христианство, либо за мученическую смерть (хотя неоднократно шла речь о политическом убийстве, не имевшем отношения к религиозным спорам). Это позволяет поставить вопрос о еще одной функции данных культов. Небесная опека давала власти князей — их потомков, новую идеологическую санкцию, на свой лад не менее надежную, чем прежняя санкция "божественных предков" в языческую эпоху. Такая направленность нашла, например, свое отражение в развитии культа св. Вацлава, который и формально стал со временем рассматриваться как "вечный правитель" Чехии, земными наместниками которого являются сидящие на пражском троне Пржемысловцы.

Жития этих святых писались видными представителями церковных кругов, которые в соответствии с настроениями среды и нормами агиографического жанра, наделяли своих героев всем набором добродетелей монаха-аскета, однако, наряду с этим в текстах отражались и черты светского правителя как храброго воина и справедливого судьи. Такой идеал под воздействием норм христианской морали был обогащен чертами защитника и покровителя убогих и слабых, чудесного исцелителя больных и освободителя узников.

Наиболее полно развитие общественно-политической мысли раннефеодальной эпохи позволяют представить исторические труды, возникшие тогда в ряде славянских стран. Наиболее ранний из них — "Легенда Кристиана" (повествование о принятии христианства Великой Моравией и Чехией и о первых чешских святых — своеобразный гибрид агиографического памятника и исторической хроники) был написан в конце X или первой половине XI в. В первой четверти XII в. были написаны "Хроника чехов" Козьмы Пражского и "Хроника и деяния князей или правителей польских" Галла Анонима (значительную типологическую близость к ним обнаруживает древнерусская

"Повесть временных лет"). К тому же периоду — второй половине XI—XII вв. относится, по-видимому, и создание болгарской "Апокрифической летописи".

Для изучения официальной идеологии раннефеодальных государств наибольший интерес представляют хроники Козьмы и Галла. Несмотря на различия в характере исходного замысла (Козьма имел своей целью описать историю чехов от момента их поселения на своей родине, а Галл хотел "прославить подвиги правителей Польши"), оба сочинения представляют собой очерк истории возникновения и развития раннефеодального государства и прежде всего истории княжеской династии, стоящей во главе этого государства и его олицетворяющей.

Хотя обе хроники не были и не могли быть политическими трактатами, хронисты, однако, были приверженцами определенных политических доктрин, которые они пропагандировали, как воссоздавая свои идеалы на материале прошлого, так и предлагая свою собственную трактовку известных современникам фактов настоящего. Ряд специальных исследований¹⁵ позволил не только реконструировать их социально-политические взгляды, но и, изучая их приемы полемики и политическую практику, определить соотношение между этими взглядами и иными воззрениями, имевшими хождение в социальных верхах чешского и польского общества.

Одна из главных идей обеих хроник — идея верности своему отечеству, необходимость защищать его интересы даже ценой собственной жизни. Эти интересы и Козьма, и Галл, согласно усматривали прежде всего в защите независимости страны от внешних посягательств. Признавая высокий авторитет императора как главы (в их понимании) христианского мира, принадлежность своих стран к общству государств, возглавлявшемуся Священной Римской империей, и даже наличие определенных обязательств по отношению к Империи (их конкретный объем в Праге и Кракове представляли себе по-разному), оба хрониста утверждали, что император не может требовать ничего сверх установленного традицией, категорически отвергали всякое его вмешательство во внутренние дела своих стран. В этой связи они с полным одобрением писали о вооруженном сопротивлении своих правителей таким требованиям и славили их победы над имперскими войсками. Нет оснований сомневаться, что подобные политические взгляды, пропагандировавшиеся хронистами, пользовалась единодушной поддержкой господствующего класса Польского и Чешского государства.

Иначе и более сложно обстояло дело при трактовке внутриполитических проблем. Правда, при общем принципиальном подходе оба хрониста исходили из традиционно установленных норм отношений между правителем и знатью: знать должна верно служить монарху, жертвуя даже жизнью для его защиты, а монарх должен решать все вопросы, советуясь со знатью, управлять градами при ее посредстве, щедро награждать вельмож за службу. Не подлежит сомнению, что в таком понимании общих норм во мнениях современников также наблюдалось полное единодушие.

Однако в трактовке иных сторон во взаимоотношениях правителя и подданных такого единодушия уже не было. В этом плане заслуживает особого внимания, как оба хрониста трактуют историю появления и утверждения института княжеской власти. Его возникновение в обоих хрониках относится еще к языческому периоду, и несмотря на принадлежность и Козьмы, и Галла к христианскому духовенству, сопровождается чудесами и знамениями, а сами первые правители (Пяст и Земовит у Галла, Пржемысл у Козьмы) и основанные ими династии выступают с самого начала как избранные богом. Разумеется, хронисты должны были считаться с существующей традицией, но не меньшее значение имели их собственные политические взгляды (или взгляды стоявших за ними политических сил). Исследование текстов Козьмы показало, что, пересказывая языческое предание о Пржемысле, он обогатил его текстами, заимствованными из 1 книги Царств, чтобы показать полноту власти правителя над подданными. Кроме того, используя аргументы немецких публицистов второй половины XI в., он стремился доказать, что акт избрания Пржемысла как основоположника чешской княжеской династии был по природе своей необратимым, и власть Пржемысловцев над чехами, следовательно, никем не может быть оспорена¹⁶. Для Галла Пясты — "естественные господа" (*domini naturales*); и за то, что поляки "не сохранили верности" этим господам, они были наказаны нашествием чехов и крестьянским восстанием (Галл. I. 19)¹⁷. Козьма также подчеркивает необходимость для подданных всегда быть верными своему монарху: Дуринка, предавшего своего князя, хронист называет "вторым Иудой" (Козьма. I. 13). В его изложении Болеслав I, убивший своего брата, св. Вацлава, выступает как явный тиран (Там же. I. 19), но он избегает говорить о праве подданных низложить такого правителя. К этому следует добавить имеющиеся в обеих хрониках элементы критики правителей, подчиняющихся руководству вельмож

Исследователь "Хроники" Галла Я. Адамус в свое время обратил внимание на то место во вступлении к третьей, заключительной книге этого труда, где говорится, что "защитники родины и отцовского наследства... предпочитают погибнуть в битве славной смертью.. нежели позорно подчиниться собственным подданным". Исследователь справедливо усмотрел в этом высказывании полемический выпад против тех, кто не разделял взглядов хрониста и не намеревался безусловно повиноваться власти монарха¹⁸. Действительно, изучение характера аргументации хронистов, их "обмоловок", политической практики, отразившейся в их сочинениях и известной по другим источникам, заставляет внести существенные поправки в ту картину общественно-политической мысли, которую можно было бы нарисовать на основании их доктрин. Следует признать существование достаточно распространенного представления о праве подданных (на практике феодалов) низлагать нарушающего существующие нормы отношений или неспособного к ведению государственных дел правителя, равно как и об их праве избирать на престол из числа членов правящего рода того, кто окажется наиболее способным для

управления государством. Несмотря на принадлежность к правящему роду, правитель должен был своими действиями (прежде всего военными победами) убеждать знатных людей в том, что именно он является "избранником божиим". К этому следует добавить, что и сама монополия правящего рода на верховную власть, в принципе общепризнанная, все же не пользовалась всеобщим одобрением и неоднократно ставилась под вопрос в критических ситуациях¹⁹.

Противоречия между очень значительной и формально ничем не ограниченной верховной властью, монарха и фактически также значительными, но формально не закрепленными правами знати усилились с возникновением тенденций к феодальной раздробленности, когда знать, используя раздоры между членами правящего рода, стала претендовать на решающую роль в государственных делах. В этих условиях выступление хронистов, обосновывавших на историческом материале необходимость подчинения подданных сильной верховной власти, избранной самим богом, представляло собой попытку сил, заинтересованных в сохранении раннефеодальной монархии, предотвратить развитие процесса, последствия которого они считали губительными и для народа, и для государства.

Не подлежит сомнению, что существенной частью официальной идеологии было обоснование необходимости и закономерности существующего социального строя, в том числе и с помощью исторических аргументов. Особенно показателен с этой точки зрения рассказ Козьмы о создании княжеской власти в Чехии (Козьма. I. 54), в котором библейский источник, обогащенный реалиями чешской действительности, был использован для того, чтобы обосновать власть правителя (выступающего в данном случае как олицетворение наиболее общих интересов всего господствующего класса) над подданными, его право назначить им "службу", какую он найдет нужным, и отчуждать продукты их труда по своему усмотрению²⁰.

Несколько иное отношение к раннефеодальному государству и его функциям обнаруживается в "Апокрифической летописи", возникшей на болгарской почве в условиях национальной трагедии (утраты собственной государственности) и отражавшей отчасти осмысление исторического процесса не верхами, а скорее низами болгарского общества. Здесь также излагается своя версия возникновения государства, основанного по повелению самого бога пророком Исаией, поставившим болгарам их первого царя Слава²¹. И здесь, таким образом, уже первый правитель выступает как своего рода "избранник божий". Как и в польской, и чешской хрониках, возникновение государства относится здесь еще к языческому времени и характеристика языческих правителей является вполне позитивной, несмотря на имеющиеся выпады против язычества как такового ("погани зело, и безбожни соуште и в нечестии много"). Главные достоинства правителей в повторяющихся их позитивных характеристиках — это защита от врагов, заселение страны и строительство градов²². У христианских правителей к ним добавляются благочестие и строительство церквей и монастырей²³.

При общем совпадении взглядов на историческую роль и функции

государственной власти здесь обращает на себя внимание полное отсутствие характерных для польской и чешской хроник сообщений об успешных походах на соседние страны и щедрых раздачах добычи войску. В других отношениях различия еще более значительны. Так, в образ идеального правителя — польского монарха Болеслава Храброго в "Хронике" Галла как характерная черта входит стремление не обременять подданных налогами и оказывать справедливость беднякам. Но гораздо большее место в ней занимает описание щедрых пожалований знати и пиров, устраивавшихся постоянно для дружинников в разных градах, забот монарха об умножении и охране имущества церкви²⁴. Составитель "Апокрифической летописи", рисуя своих идеальных монархов, болгарских царей Симеона и Петра, говорит только об изобилии продуктов в стране ("не бе оскудения ни о штomy, ny be сиость и изобильство от всего до изволения божия") и о низком размере дани ("льжицу масла и яице на годину")²⁵. Этот пример ясно показывает складывание в верхах и низах общества своих систем ценностей, отчасти перекрещивавшихся, но во многом существенных моментах противоположных.

В этом следует видеть одно из проявлений тех внутренних противоречий в развитии раннефеодального общества, которые находили свое выражение как в идейном противостоянии, так и в массовых выступлениях их обобщенная характеристика будет дана в следующей главе работы).

¹Повесть временных лет. М. Л. 1950. Т. I. С. 14

²Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С., 1970. С. 281.

³Kristiánova legenda. Pr., 1978. S. 16–19; Cosmas. I. 9. Помимо письменных текстов в христианском храме-ротонде св. Екатерины в Зноймо сохранились выполненные около 1137 г. фрески с изображением сцен сказания.

⁴Třešťák D. Kosmova kronika. Pr., 1966. S. 166–182; Merchauová A., Třešťák D. Románské umění v Čechách a na Moravě. Pr., 1983. S. 26–29.

⁵Чехи первоначально жили, не имея ни правителей, ни законов (как необузданный конь) (Кристиан), а затем Пржемысл "с помощью законов... укротил это дикое племя и необузданный народ усмирил" (Козьма).

⁶Константин Багрянородный Об управлении империей. М., 1989. С. 140–143.

⁷Именник на българските ханове / Критично издание с коментар и объяснителни бележки от Ив. Богданов. С., 1981. О нем см.: Дуйчев И. "Именник за първобългарските ханове" и българската държавна традиция // Векове. 1973. № 1.

⁸Иванов Й. Указ. соч. С 282.

⁹Łowmiański H. Dynastie Piastów we wczesnym średniowieczu // Początki państwa polskiego. Poznań, 1962. T. 1. S. 112.

¹⁰Об этом обряде см.: Grafenauer B. Ustoličevanja koroških vojvod in država karantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952.

¹¹Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. W-wa, 1970. S. 277.

¹²Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С., 1979. С. 231.

¹³Об имперских регалиях болгарских царей см.: Лев Диакон. История. М., 1988. С. 83. О королевских регалиях хорватских правителей см.: Акимова О.А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. М., 1985. С. 230–231.

¹⁴Их анализ см. в исследовании Д. Тржештика: Třešťák D. Kosmova kronika. S. 184–214.

¹⁵Třešťák D. Kosmova kronika; Idem. Kosmas. Pr., 1972; Adamus J. O monarchii Gallowej. W-wa, 1952; Idem. Ideologia feudalna w Polsce wieku X–XII // Studia wczesnośredniowiedzne. W-wa, 1958. T. 4; Russocci S. Protoparlamentarystm Czech do początku XV wieku. W-wa, 1973; Lalik T. Spoleczne gwarancje bytu // Kultura średniowiecznej Polski X–XIII w. W-wa, 1985. S. 139–149, 155–158.

¹⁶ Třeštík D. Kosmova kronika. S. 175–182.

¹⁷ Подробнее об этой доктрине Галла см.: Adamus J. Op. cit. S. 93.

¹⁸ Ibid. S. 34–35.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Lalík T. Op. cit. S. 138–141 (использован и польский и чешский материал).

²⁰ Подробнее см.: Třeštík D. K sociální struktuře přemyslovských Čech: Kosmas o knížecim vlastnictví půdy a lidí // ČSČN. 1971. N. 3.

²¹ Иванов Й. Указ. соч. С. 281.

²² См. характеристики Испора, Изота (Там же. С. 282).

²³ Характеристика Бориса-Миханла.

²⁴ Галл. I. 9, 10–16.

²⁵ Иванов Й. Указ. соч. С. 283–284.

Г.Г. ЛИТАВРИН, Б.Н. ФЛОРЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И КЛАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В VII—XII вв.

Прежде всего несколько замечаний о самих понятиях "социальные противоречия" и "классовые движения". Как видно из предшествующего изложения, первое понятие хронологически значительно более раннее и гораздо более широкое, чем второе. Само развитие человеческого общества, начиная от самых низших форм его организации, было в значительной мере обусловлено появлением и углублением социальной дифференциации, а следовательно, и социальными противоречиями. Социальная дифференциация вполне различима уже на последней стадии развития первобытнообщинного строя, она была следствием отнюдь не только имущественных различий, но гораздо более сложных процессов.

Традиционно в марксистской историографии вплоть до настоящего времени под социальными противоречиями имеются в виду прежде всего противоречия между эксплуатируемым большинством и социально, политически и имущественно господствующим меньшинством. Спектр социальных противоречий был, однако, гораздо более обширным. Учитывать это обстоятельство следует, по всей вероятности, тем внимательнее, чем о более раннем периоде средневековья идет речь. Несомненно социальный, жизненно важный характер для данного племени, союза племен, племенного княжества, раннегосударственного образования имели противоречия не только между массой свободных земледельцев-общинников и племенной знатью (а затем и правящей в государственным объединением верхушкой), но и между господствующим племенем (родом) и ему подчиненными племенами (родами), между верховным правителем и родоплеменной аристократией, между княжеской дружиной и предводителями народных ополчений, между деревней и городом, земледельцами и скотоводами и т.д. Разумеется, именно первое из названных противоречий имело постоянный, непреходящий характер.

именно оно у большинства славян (как и в Византии) генетически предшествовало классовым, хотя его яркие и массовые проявления относительно редки как в VII-IX, так и в X-XII вв. Значение антагонистических, т.е. остро непримиримых, разрешаемых лишь средствами вооруженной борьбы и отражающихся на социальной и политической жизни всего общества, приобретали на тех или иных этапах столкновения между другими социальными силами (например, между старой, родоплеменной аристократией и новой, дружинной знатью, окружавшей князя).

Не менее существенные оговорки следует, по всей видимости, сделать и при употреблении понятий "классы" и "классовая борьба" применительно к славянскому обществу эпохи раннего средневековья. Обоснованные несколькими поколениями медиевистов-марксистов применительно к западноевропейскому средневековому обществу и сравнительно широко признанные в мировой историографии эти понятия становятся значительно менее определенными, когда рассматриваются социальные процессы в славянских странах и Византии. Социальная структура здесь была более сложной, чем на Западе, грани между социальными слоями и классами менее четкими, социальные отношения в силу постоянного вмешательства центральной власти более консервативными. Социальная и политическая жизнь в центре Европы и на Балканах в раннее средневековье (а вместе с тем содержание и формы социальных и классовых конфликтов) в существенно большей мере, чем на Западе, осложнялась воздействием еще двух факторов: почти непрерывным вмешательством во внутрисоударственную жизнь славян крупных внешнеполитических сил (Каролингской, затем Германской империи, других западноевропейских держав, Византии, кочевых племен венгров, печенегов, узов, половцев) и сравнительно большей, чем в странах Западной Европы, этнической неоднородностью населения; практически в любом славянском государстве постоянно проживали устойчивые меньшинства немцев, греков, влахов, армян, албанцев, представителей разных тюркских народов¹.

Поскольку терминологический инструментарий, которым до сих пор пользуется советская медиевистика, имеет в виду, строго говоря, лишь развитые формы классического (т.е. западноевропейского) феодализма, для уяснения нашей позиции необходимо сделать еще два замечания. Во-первых, мы считаем, что об эксплуатации (а следовательно и об антагонистических социальных противостояниях) правомерно вести речь с того момента, с которого источники свидетельствуют о более или менее регулярном изъятии с помощью внешнеэкономических средств принуждения прибавочного продукта у непосредственных производителей в пользу господствующего в обществе слоя. Во-вторых, в связи со сказанным государственной данную социально-политическую систему следует, по всей вероятности, считать с того времени, когда изъятие (безвозмездное, внешнеэкономическое) прибавочного продукта совершается у большинства непосредственных производителей систематически, в определенные сроки, с применением или под угрозой применения насилия и

осуществляется в соответствии с нормами, установленными официальной властью или признанными обычным правом².

При такой исходной посылке есть, видимо, необходимость подчеркнуть, что известная марксистская формула о возникновении государства в результате раскола общества на антагонистические классы вполне применима к раннефеодальному обществу, если в качестве антагонистических классов рассматривать массы свободного налогобязанного крестьянина, с одной стороны, и всех представителей, гражданских и военных, средних и высших звеньев государственно-административной системы — с другой. Они осуществляли управление страной и в столице, и провинциях, использовали налоговые взносы и натуральные повинности населения в своих интересах (при посредничестве верховной власти). Иными словами, в раннефеодальную эпоху, когда в большинстве славянских стран на Балканах и в центре Европы первоначальными и преобладающими формами были централизованные (государственные) формы эксплуатации, а частновладельческие являлись по преимуществу вторичными, формируясь на первых порах при решающем участии верховной власти (дарения, награды, льготы), правящая государством служила знать являлась на начальном этапе коллективным классом-эксплуататором.

Как показано выше, такими были лишь наиболее общие линии становления системы эксплуатации в феодальном обществе и лишь в его ранний период. Упомянутые частновладельческие формы эксплуатации начали складываться и вследствие имущественной дифференциации, и разложения общины, и в результате насилия местной племенной знати, к которому она прибегла еще до упрочения единого централизованного государства, не говоря уже о более позднем времени. Частновладельческая эксплуатация стала преобладающей формой в большинстве славянских стран в эпоху зрелого средневековья. Сколь ни скучны сохранившиеся источники, мы располагаем даже для раннефеодального периода свидетельствами о действиях, направленных против отдельных имущественно состоятельных и знатных лиц со стороны представителей социальных низов.

Оговоримся, наконец, что вопреки выдвинутому выше тезису, что социальные и классовые противоречия отнюдь не всегда обязаны своим происхождением наличию эксплуатации одной стороны другой, ниже мы будем рассматривать в основном конфликты, порожденные именно этой причиной, и не столько по недостатку места, сколько потому, что социальный аспект противоречий иных видов, изучавшихся преимущественно в политическом плане, еще слабо исследован.

Уже сама формулировка заглавия данного раздела и наши предварительные замечания предполагают выделение в истории социальных конфликтов по крайней мере двух отчетливо выраженных периодов: предгосударственного, т.е. эпохи племенных союзов и племенных княжений, и периода существования уже вполне сложившихся раннефеодальных государств. Хронологическая грань между этими периодами для разных регионов славянского мира в силу исторически обусловленной неравномерности темпов развития была существенно различной.

Для первого, догосударственного, периода наши знания о социальных конфликтах чрезвычайно бедны. Опираясь на отдельные свидетельства, можно, по-видимому, заключить, что причина этого отнюдь не в господстве "социальной гармонии" и редкости самих конфликтов, а в исключительной скудости сохранившихся источников. Упомянутые разрозненные, нередко косвенные данные позволяют полагать, что становление и развитие и военно-политических объединений, племенных княжений и в особенности государственно-политических организмов во главе с единоличным правителем, опиравшимся на родственный клан (династию) и наемную дружину, сопровождались острыми социальными конфликтами, массовыми актами насилия и настоящими войнами. Жестокие войны друг с другом вели славянские объединения антов и "склавинов" уже в VI в., обращая при этом захваченных в боях пленников в рабов. Северы занимали особое положение среди славянских союзов, обосновавшихся в правобережье Нижнего Дуная как до прихода в этот район протоболгар, так и после возникновения здесь славяно-болгарского государственного объединения под эгидой протоболгарских ханов.

Имущественные и социальные противоречия в славянском обществе уже в конце VI в. угадываются в сообщении Маврикия, что славяне припрятывали (видимо, не только от врагов-иноплеменников, но и от своих соплеменников) все наиболее ценное ("излишнее") в тайниках³. Вожди антов на общем совете, в котором главенствовали представители одного рода, решили выкупить (разумеется, на средства, собранные с соплеменников) у своих врагов аваров, как пишет Менандри, "некоторых военнопленных из своего племени"⁴. Вряд ли мы ошибемся, предполагая, что примененный здесь принцип отбора — кого выкупить — имел социальный характер и не мог удовлетворять рядовых воинов-соплеменников: они не участвовали в упомянутом совещании. О социальных противоречиях в Аварском хаганате и в Первом Болгарском царстве в VI-IX вв. свидетельства более многочисленны и определенны, но эти конфликты осложнены этническим моментом и не могут расцениваться в связи с рассматриваемой здесь проблемой как достаточно репрезентативные.

Об имущественных и социальных различиях среди славян, осаждавшихся во второй половине VII в. Фессалонику, говорят разница в вооружении их различных отрядов, наличие "отборных частей". Несомненно, уже испытанные рядовыми воинами репрессии и насилия со стороны вождей (или вообще рода-племенной знати) побуждали простых соплеменников всячески усердствовать на глазах своих предводителей и в военных схватках, и в строительстве осадных сооружений⁵.

Массовые движения социального характера в эпоху перерастания союзно-племенных объединений в государственные и превращения добровольных взносов в пользу вождей, жречества и на общественные нужды (т.е. на выкуп пленных, возведение оборонительных сооружений и т.п.) в регулярные налоги и повинности представляются вполне возможными. Поэтому упрочение монархической власти князя в большинстве славянских государств на их раннем этапе

развития сопровождалось ожесточенной борьбой со старой родовой аристократией и даже ее физическим истреблением и уничтожением ее укрепленных племенных центров.

В качестве примера регионального (несомненно, поддержанного массами местного населения) восстания против центральной власти может рассматриваться отложение от Болгарии в 818—819 гг. племени тимочан.

Что касается славян, которых с середины IX—X вв. принято называть "западными", то об их внутренней жизни в предгосударственный период на территории Польши, Венгрии, Чехословакии практически ничего неизвестно. Весь имеющийся на этот счет материал относится почти исключительно к землям полабских славян и поморян, где, как выше показано, в VII—XII вв. имел место весьма специфический вариант развития.

Одно из немногих свидетельств о социальных столкновениях у славян в догосударственную эпоху за пределами полабско-поморского региона — рассказ "Легенды Кристиана" о крещении Борживоя. Он дает представление о четком противостоянии двух основных социальных сил в переломный момент перехода от язычества к христианству: с одной стороны, это крестившиеся князь и его дружины, а с другой — "весь чешский народ", изгнавший князя за отказ от "отцовских нравов". Несомненно, легенда верно отражает главное для предгосударственной структуры противоречие: между интересами княжеской дружины, заинтересованной в упрочении центральной власти, и основной массой свободных общинников, стремившихся сохранить традиционные порядки. Однако и в данном случае столкновение в социальном смысле проявилось не в "чистом виде". Во-первых, в среде "чешского народа" были не только общинники, во-вторых, народ этот не был единодушен — были в его составе и сторонники князя. Характерен и финал конфликта: Борживой узурпировал власть над племенем, опираясь на вооруженную поддержку извне — со стороны Святополка Моравского. В условиях усиления именно на этапе оформления государства, неравномерности темпов развития, одновременного возвышения нескольких соперничающих политических центров и неустойчивого равновесия между ними внешнее вмешательство подчас решающим образом влияло на исход событий.

Большинство известий о социальных противоречиях в предгосударственный период относится к социально-политическим структурам на землях полабских славян, на пути превращения которых в государственные возникали значительные трудности и процесс затягивался на длительное время, не завершившись до иноземного завоевания. От IX—XI вв. сохранились данные о многочисленных конфликтах не только между соперничавшими племенными центрами и их правителями, но и внутри отдельных племен, в рядах формирующейся социальной верхушки ("nobilей"). К сожалению, источники дают мало материала для суждения о стремлениях враждующих сторон. Как представляется, здесь могли бы помочь скандинавские аналоги, так как в Швеции и Норвегии процесс перехода от догосударственных к государственным структурам оказался также весьма

растянутым во времени и сопровождался серьезными и многочисленными столкновениями, подробно отраженными в скандинавских сагах⁶. Разумеется, результаты, полученные с помощью такого метода, следует воспринимать с существенными оговорками.

Достаточно определенными были здесь позиции двух объективно противостоящих друг другу социальных сил, правителей с их дружинами (они стремились создать и повсеместно утвердить обще-государственные институты и систему централизованной эксплуатации) и упорно противостоявшей этим устремлениям массы свободного населения. Что же касается третьей силы — старой родоплеменной знати, верховодившей на местных собраниях и распоряжавшейся в местных центрах языческих культов, то ее поведение не было однозначным. Имелись и тенденция к слиянию этой знати с дружиной в один господствующий класс, и серьезные противоречия: родовая знать неоднократно оказывалась силой, организующей движение масс рядовых общинников против монархии. Процесс слияния этих двух группировок и уничтожения тех из них, которые не смогли приспособиться к новым условиям, был противоречивым и длительным и являлся важным тормозом на пути становления государства, в особенности на полабских, сербских и польских землях.

Сведения о положении дел в Западном Поморье в XII в., содержащиеся в житиях Отто Бамбергского, дают ясное представление о противостоянии правителя с его дружиной и местной родовой знати в связи с принятием христианства (аналогичный конфликт на норвежском материале прослежен А.Я. Гуревичем⁷). Именно такой конфликт был главной причиной длительного и сложного пути формирования государственности у полабских славян. В связи с этим встает вопрос о причинах, в силу которых социальные антагонизмы приняли именно такой характер

Одна из таких причин уже отмечена в литературе: это постоянная внешняя опасность со стороны Каролингской (затем Германской) империи⁸. Ситуация перманентной войны обусловливала сохранение ополчения свободных общинников, его военно-политического значения. Идеологическая же конфронтация с христианским миром вела к повышению идейно-организационных функций языческого жречества, тесно связанного с родоплеменной знатью. Помимо данного фактора действовал и другой, с ним до известной степени взаимосвязанный. Он заключался в отсутствии, по крайней мере с середины IX в., благоприятных условий для экспансии в отношении соседних территорий. Поскольку функции военно-политического руководства племенным объединением сосредоточивались именно в руках князя, постольку успешная экспансия (причем не столько захват добычи, сколько организация управления подчиненными территориями и получение с них регулярных доходов) усиливалась власть князя и дружины и способствовала привлечению родовой знати на княжескую службу и в состав княжеской дружины.

Различия в степени воздействия обоих названных факторов на развитие общества и государства можно проиллюстрировать разницей исторических судеб двух главных составных частей будущего Литов-

ского государства: Аукштайтии и Жемайтии. Менее подверженная внешней угрозе со стороны немецких феодалов и имевшая благоприятные условия для внешней экспансии на древнерусские земли Аукштайтия уже к середине XIII в. стала центром раннефеодальной монархии Миндовга, тогда как в Жемайтии, оказавшейся во враждебном окружении двух рыцарских орденов, в ходе исторического развития исчез (или не оформился) сам институт княжеской власти. Еще более роковые последствия для процессов становления государственности имело непрерывное военное давление, а затем и завоевание словенских, словацких и полабских земель немцами и венграми. Сходными в принципе были результаты подчинения Византией (после подавления нескольких массовых вооруженных восстаний в IX–X вв.) славян, поселившихся в VI–VII вв. на Пелопоннесе: тенденции к формированию здесь самостоятельного славянского государства были прерваны, хотя императоры были вынуждены предоставить на первых порах славянам этих мест ряд льгот.

Расстановка социальных сил, а вместе с тем и характер социальных и классовых противоречий претерпели существенные перемены с оформлением и упрочением централизованных раннефеодальных славянских государств. Именно для этого периода характерны массовые социальные (преимущественно крестьянские) движения: крупные антиналоговые восстания, выступления против принятия христианства, массовое бегство (целыми деревнями и общинами) в соседние страны, народно-освободительные восстания, участие в еретических движениях и в мятежах оппозиционной правительству знати. Социальная структура общества стала более четкой, углублялась поляризация классовых сил, противостоявших друг другу, т.е. прежде всего служилой и землевладельческой знати, консолидировавшейся вокруг престола монарха, и масс налогообязанного и вовлекаемого в феодальную зависимость крестьянства. В X–XI вв. в центре Европы и на Балканах сложились крупные славянские централизованные монархии (Чешская, Польская, Болгарская). В силу особых условий развития несколько иным было положение на сербских землях, где процессы консолидации затянулись до XII в. Однако и здесь основное содержание социальных противоречий было сходным.

Отмеченные основные линии развития не исключали порой весьма острых конфликтов внутри господствующего класса, о конкретных причинах которых мы не всегда хорошо осведомлены по недостатку источников. Так, практически ничего не известно о причинах конфликта, приведшего в 1079 г. к изгнанию из Польши короля Болеслава Смелого. Наиболее типичной формой столкновений внутри правящего класса в эту эпоху были конфликты, связанные с наследованием трона. Важно, однако, отметить, что такие столкновения были, как правило, непродолжительными. Единственное серьезное исключение в центре Европы — образование в конце 30-х годов XI в. в одной из польских земель — Мазовии, так называемого государства Мацлава, что следует, видимо, связывать с традициями еще не изжитого племенного сепаратизма, характерными для предшествующего периода⁹. То же самое, вероятно, можно сказать и о временном отделении мо-

равских земель от государства Пржемысловцев. На сербских землях политическое преобладание переходило то к одному, то к другому княжеству. В Болгарии в конце 60-х годов X в. имело место (правда, в условиях вторжения войск киевского князя Святослава) временное отделение части страны в особый государственно-политический организм во главе с братьями-комитопулами.

В целом правомерно, однако, говорить как о господствующей тенденции в славянских раннефеодальных государствах о сплочении правящего класса, обусловленном, несомненно, общей заинтересованностью всех его слоев в укреплении централизованной системы эксплуатации, с которой были тесно связаны и благосостояние, и общественный престиж служилой (военной и гражданской) знати. Такого рода сплоченность обеспечивалась не только указанными объективными обстоятельствами, связанными с практикой распределения материальных благ и видных государственных постов, но и серьезным идеологическим воздействием христианского учения и церковной проповеди. Так, в славянском житии чешского князя Вацлава приведено якобы взятое из священного писания выразительное изречение: "Всяк встали на господин свой Иуде подобен есть"¹⁰. В этом плане внутриполитическая жизнь Чехии и Польши, как и Болгарии X в., заметно отличается от внутренней ситуации в Венгрии, где несколько десятилетий XI в. после смерти Иштвана I были заполнены длительными смутами. Судя по данным венгерских хроник XIII–XIV вв. (если только соответствующие мотивы не возникли в них в результате позднейших интерполяций), одной из причин такого положения дел было привлечение правителями (начиная с Иштвана I) на службу в широких масштабах иноземных (главным образом немецких) феодалов¹¹. С этим обстоятельством следует, по-видимому, связывать и участие части мадьярской знати в так называемых языческих восстаниях середины XI в.

Усложненность социальной структуры общества в связи с принятием и утверждением христианства (в состав господствующего класса влился новый крупный слой — среднее и высшее, белое и черное духовенство) привела не к ослаблению, а к дальнейшей интеграции высшего социального слоя (класса). Хотя в своей идейной деятельности представители духовенства порой подвергали острой критике образ жизни и поступки многих носителей светской (иногда высшей) власти, в раннефеодальный период нам неизвестны серьезные конфликты между светскими и духовными феодалами в славянских странах или между духовенством и монархом.

Столкновения происходили и здесь (как преходящие эпизоды), но они находили объяснение не в социальной сфере, а в приверженности местной среды к старым традициям и в особенностях личности духовного пастыря, воспитанного в кругу иных ценностей. Таким был, например, конфликт пражского епископа Войтехом с князем Болеславом II и чешской знатью. Причем чешское духовенство, по свидетельству Бруно Кверфуртского, вовсе не поддерживало своего владыку и даже выступало против него¹² (отчасти то же самое имело место в конфликте Мефодия со Святополком). Участвовали иногда

представители духовенства и в "мятежах" (краковский епископ Станислав был казнен по этой причине королем Болеславом II)¹³. Бывали случаи, когда представители княжеского рода использовали епископскую кафедру для удовлетворения личных политических амбиций (случай с пражским епископом Яромиром). Но все эти столкновения не отражали сколько-нибудь серьезных противоречий между интересами светской знати и духовенства, как особых социальных слоев. Церковь в эту эпоху находилась в полной материальной зависимости от светской власти и целиком опиралась на ее поддержку в деле распространения христианства и организационного устройства.

Лишь с окончательным упрочением всеобщей централизованной эксплуатации, получившей четко выраженные правовые и организационные формы, в конце раннефеодального периода возникли условия для борьбы между территориальными группировками феодалов (или между "профессиональными" их контингентами — военачальниками и высшим гражданским чиновничеством) за рездел централизованной ренты, за ее "приватизацию" и право сбора, что послужило началом перехода к новому этапу социального и политического развития славянских государств — этапу феодальной раздробленности.

Пока же, в рамках раннефеодальной социальной и государственной системы, главное противоречие было обусловлено существованием централизованных форм эксплуатации масс свободных общинников. Сохраняя юридический статус полноправных "свободных мужей", они оказывались практически в подчинении у правящей военно-административной корпорации, олицетворявшей государство и выступавшей от его имени. Естественно поэтому, что и борьба масс населения, эксплуатируемых центральной властью, была направлена прежде всего против государства.

Именно такой характер имело, например, восстание в Польше в 1037—1038 гг., восстания в Венгрии в 1046 и 1061 гг. Подобного рода восстания имели место, вероятно, и во время упадка Великоморавской державы. Вопрос о том, почему таких восстаний не знала раннефеодальная Чехия, еще ждет специального рассмотрения. Важной особенностью всех этих восстаний был их антихристианский характер: убивали представителей духовенства, разоряли храмы и демонстративно (что особенно отчетливо проявилось в Венгрии) возвращались к отправлению языческих обрядов. Такого рода действия восставших свидетельствуют об инстинктивном осознании ими тесной связи между церковью и раннефеодальным государством, о стремлении "вернуться" к тем временам, когда не существовало ни государства, ни эксплуатации. Своеобразным символом старины было язычество. В этом смысле восстания XI в в Центральной Европе типологически близки к так называемому восстанию Стеллинга в Саксонии в начале 40-х годов IX в., когда саксы восстали, чтобы вернуть себе "законы их предков времен язычества"¹⁴. Еретические движения, известные в Юго-Восточной Европе, не были в ту эпоху свойственны центральноевропейским странам. Лишь в южных областях Венгрии в середине XI в появились приверженцы богомильства,

проникшие сюда скорее всего из Болгарии, но их влияние осталось ограниченным¹⁵.

Обратимся теперь к материалам источников по южнославянскому ареалу, сравнительно более богатым, чем для западного славянства. Больше здесь сохранилось известий и о массовых социальных движениях, и о разрозненных, групповых или индивидуальных, проявлениях социального протesta. В последнем случае в качестве критерия, с помощью которого можно отличить социальный характер акции от элементарно уголовного поступка, следует, по-видимому, считать данные о солидарности трудового населения с "провинившимся" и об особой тревоге властей, усмотревших в его деянии опасность существующему порядку¹⁶. В этой связи весьма интересны так называемые Законы Крума, хана Болгарии, сколь ни легендарна их форма. Законы карали за посягательство на чужую собственность раздoblением ног, за предоставление пищи укравшему — конфискацией имущества. Крум усматривал опасность в распространении нищенства и в интересах самого правящего слоя рекомендовал давать нищим не подаяние, а достаточные для жизни средства, возможно, участки земли в держание и орудия труда. Еще более отчетливы свидетельства об эксцессах социального характера против отдельных знатных лиц и представителей властей, содержащиеся в другом правовом документе — актах Сплитского собора 925 г., в которых предусмотрены случаи мятежей "плебса", убийств главы провинции и убийств подвластными людьми своих господ, т.е. проявления противоречий, порождаемых и частновладельческой, и централизованной эксплуатацией.

Существенная особенность классовой борьбы на Балканах — наиболее раннее для средневековой Европы в целом появление богословской ереси — богомильства¹⁷. Необходимо, однако, оговориться, что определение "антифеодальная ересь" в отношении бого米尔ства в известном смысле условно: оно действительно было остро враждебно феодализирующему государству, но апогей развития ереси (вторая четверть X—XI в.) приходится на время, когда феодальные отношения в Болгарии с характерными для них частновладельческими формами эксплуатации еще не стали господствующей системой. В отличие от более поздних западноевропейских ересей и от более раннего византийского павликанства (ближневосточной по происхождению дуалистической ереси, с которой бого米尔ство было генетически связано) бого米尔ская доктрина не стала идеологической основой массовых вооруженных восстаний против существующего строя. Не следует, видимо, преувеличивать сами масштабы распространения ереси: испытывавшие влияние еретиков поселяне не были бого米尔ами в собственном смысле слова, они оставались правоверными христианами. Бого米尔ская дуалистическая доктрина исключала выработку какой бы то ни было конструктивной программы преобразования мира социальной несправедливости. Весь видимый, материальный мир, включая физическую природу самого человека, объявлялся творением сатаны, "миром зла". Не только перестроить, но и улучшить этот мир было принципиально невозможно.

"Мир же добра", где человек "праведной", т.е. богомильской, веры мог найти "спасение", мыслился как потусторонний, загробный.

Секрет влияния богомилов на народные массы состоял в их социальных идеях, сводившихся к отрицанию как "творения дьявола" существующих институтов, прежде всего государства и церкви. Освобождая угнетенных и униженных от страха перед "ложным" богом, богомилы объявляли непослушание и ненависть к царю, господам и церковнослужителям не грехом, а добродетелью. Определенных свидетельств об участии богомилов в вооруженной борьбе нет. Правда, представители "родственных" богомильству манихейства и павликанства брались за оружие и даже осмеливались на убийство. Но учение богомилов запрещало кровопролитие как величайший грех, хотя Анна Комнина пишет, что богомилы "были согласны в восстаниях с манихеями". Несомненно, что богомилы возбуждали народ против господ,ластей и духовенства. Особенно активными были еретики в эпоху византийского господства в Болгарии (1018—1186 гг.), когда они объявили константинопольский храм св. Софии главным убежищем сатаны. Возможно, они были причастны к восстанию Петра Деляна в 1041 г., так как их общины подвергались особо суровым гонениям на болгарских землях после разгрома восставших. Позднее еретики-богомилы появились в странах Центральной и Западной Европы, оказав влияние на формирование местных еретических учений.

Существенной особенностью общественной жизни южных славян сравнительно с западными было также то обстоятельство, что приверженность к язычеству (или возвращение к нему) не играла здесь заметной роли как одна из форм социального протesta. В защиту язычества выступали в Болгарии до конца IX в. не народные массы, а консервативные слои протоболгарской аристократии, поклонники тюркского божества Тенгри. Причины этого состояли, по-видимому, в том, что христианство утвердилось здесь тогда, когда уже давно функционировала система централизованной эксплуатации: народ не видел оснований связывать ухудшение условий своей жизни именно с принятием христианства. Ни в коей мере не было антихристианским и движение глаголящей в X—XI вв. в Хорватии: это была борьба за славянскую церковь с ее бытыми кирилло-мефодиевскими традициями, когда она еще не выступала в роли феодала-эксплуататора¹⁸.

Наиболее крупными были восстания в XI—XII вв., в эпоху византийского господства на болгарских землях (в 1040—1041, 1072 и 1186 гг.)¹⁹. В их ходе ставилась цель восстановления независимого Болгарского государства, т.е. они носили народно-освободительный характер. Всеми ими руководили представители местной (болгарской, славянской) знати. Поводом ко всем трем восстаниям послужило увеличение имперского налогового, т.е. централизованного гнета. Определение сущности этих движений является до сих пор предметом научной дискуссии. Ряд историков считает возможным утверждать, что восстания, хотя их возглавляли вожди из знати, стремившиеся утвердить над своим народом собственное господство вместо византийского, имели не только освободительный, но и

социальный характер. Основные доводы в пользу этой точки зрения следующие.

В возникших (более всего в XII в.) в демократических кругах апокрифах идеализировались прошлое независимой Болгарии, ее правители, их политика, в особенности в отношении налогов (они были тогда якобы минимальны) и материального благосостояния страны (было "изобилие всего"). В восстаниях принимали участие не только болгары, но также и сербы, албанцы, влахи и даже (что особенно важно) греки. Иначе говоря, социальные цели восстания воспринимались как более существенные, чем этнические. Во время восстания 1040 г. образовался второй его центр, где в противовес уже коронованному в качестве царя Болгарии знатному лицу (Петру Деляну) в качестве правителя и вождя был избран простой воин Тихомир. Тот факт, что восставшие во время всех этих восстаний стремились посадить на трон своего, "доброго царя", не умаляет социальных мотивов народных движений: средневековое крестьянство при исторически обусловленном тогда уровне классового сознания вдохновлялось "царистской" идеей даже в ходе вооруженных антифеодальных восстаний.

Другие ученые не считают, однако, эти доводы достаточными для признания каких бы то ни было социальных тенденций в упомянутых восстаниях; они рассматриваются в ряду всех прочих антиналоговых движений в любом ином районе империи. Налоговый гнет в такой трактовке — явление не социальное, а выражение государственного суверенитета.

Социальные мотивы в поведении простых поселенцев мы усматриваем и в тех случаях, когда они участвовали в мятежах полководцев-узурпаторов против правящих императоров, но участвовали добровольно, надеясь на улучшение положения и следуя за теми из узурпаторов, которые учитывали эти чаяния угнетенных и умело прибегали к социальной демагогии. По существу такие движения были также "царистскими", хотя в отличие от названных выше восстаний на болгарских и сербских землях речь шла не о восстановлении независимого государства с "собственным" государем, а о смене на престоле повелителя самой империи.

В качестве такого рода движений можно назвать мятежи двух византийских узурпаторов: Георгия Маниака весной 1043 г. и Никулицы Дельфина летом 1066 г.²⁰ Путь первого (а он направлялся к столице империи) пролегал на Балканах от Диракхия (Драча) к Фессалонике. Маниак объявил об отмене тяжелых налогов в пользу фиска, и к нему стекались албанцы, греки, сербы, болгары. Мятеж прекратился лишь в связи с внезапной гибелью вождя. Восстание Дельфина вспыхнуло в Фессалии в результате резкого увеличения государственных податей. Основную массу его участников составили фессалийские славяне (в источнике они названы болгарами) и влахи, а также жители города Лариса.

Восстание готовилось заранее. На совещания сходились жители Ларисы, земледельцы и пастухи (влахи) округи. Был заключен договор между повстанцами и городами Трикалы и Фарсал. Повстанчес-

кое войско обошло Фессалию по долине р. Плирис с целью пополнить свои ряды, что и произошло. На роль вождя (нового императора в случае успеха) избрали местного военного (может быть, наместника провинции) полуславянина (полуболгарина?)—полуармянина по происхождению Никулицу Дельфина. Характерное для простых поселян средневековья доверие к опальным представителям знати ярко проявилось в ходе этого восстания: Никулица не скрывал своих колебаний, страшился, мало веря в успех, за свою участь и судьбу близких родственников, искал удобного случая для прекращения мятежа, тайно обещал императору Константину X Дуке расстроить мятеж и успокоить повстанцев, если тот отменит налоговые надбавки.

Но Никулица как профессионал-военный был нужен повстанцам. Они только пытались контролировать его действия, приставив к нему двух своих выборных представителей. Когда от императора в район Фессалоники, куда пришли отряды Никулицы, прибыли грамоты с обещанием отменить налоговые надбавки и предоставить чины и льготы самому Никулице и его близким, он сумел, несмотря на негодование повстанцев, угрожая казнить их предводителей (Никулица имел всецело подчиненный ему собственный или вверенный ему отряд профессиональных воинов), прекратить восстание.

В заключение хотелось бы сделать несколько общих выводов. Во-первых, как явствует из предшествующего изложения, наиболее крупные социальные и классовые конфликты в раннефеодальном славянском обществе приходятся на IX–XI вв. Причины этого коренятся, по всей вероятности, в социально-экономических и политических процессах, характерных для данной эпохи. Одновременно упрочивались раннефеодальные централизованные государства, оформлялась и принимала четкие юридические формы системы государственных налогов и повинностей, совершались интенсивные процессы становления частновладельческих форм эксплуатации, углублялось имущество и социальное расслоение общины, появился слой безземельного крестьянства, росли налоги и повинности в пользу казны. Положение самых широких слоев народа (прежде всего крестьянства) резко ухудшилось. Ослабление привычных, традиционных порядков и форм жизни, ощущение социальной нестабильности сеяли тревогу за завтрашний день среди масс крестьян и побуждали их к сопротивлению властям и господам, к борьбе за сохранение своего прежнего статуса.

Во-вторых, в IX–XI вв. в славянских странах (а в некоторых из них еще и в XII столетии) свободное податное крестьянство еще преобладало над частновладельческим, оно сохранило вековые традиции общинной солидарности. Значительная его часть в порядке выполнения государственных повинностей еще служила в военном ополчении и по праву владела оружием. Обеспокоенное перспективой утраты своего социального статуса свободное крестьянство и стало в раннефеодальный период главной движущей силой народных движений.

География наиболее крупных восстаний на территории Болгарии в XI–XII вв. подтверждает заключение об особой активности в эту эпоху свободных крестьян-общинников. Наиболее ранние восстания вспых-

хивали именно в тех районах, где был более многочисленным слой мелких землевладельцев. Сначала это были юго-западные болгарские земли, в которых процесс феодализации происходил замедленными темпами. Затем, когда византийские власти и крупные землевладельцы упрочили свое господство на юго-западе Болгарии и развитие феодальных частновладельческих отношений здесь ускорилось, центр антифеодальной борьбы стал перемещаться (к последней четверти XI в.) в центральные области страны и, наконец (к концу XII в.), в Северо-Восточную Болгию. К тому времени именно здесь был сравнительно многочисленным слой свободного крестьянства, которое и составило главную опору Асеней во время восстания 1186 г., приведшего к образованию Второго Болгарского царства. Разумеется, социальные и политические противоречия, приведшие к возрождению болгарской и сербской государственности, не могут быть квалифицированы как антифеодальные. Однако социальные мотивы в поведении и крестьян, и горожан в ходе этих движений вполне различимы. Логически закономерно допустить, что во время борьбы за освобождение от византийского господства и в первое время после ее успешного завершения высшая правящая верхушка Болгарии была вынуждена сделать существенные социальные уступки боровшемуся с оружием в руках свободному частновладельческому крестьянству. Именно поэтому в течение следующего, примерно четвертьвекового, периода на болгарских землях имело место временное ослабление широких социальных конфликтов, в которые были бы вовлечены массы трудового населения.

Выше уже было отчасти сказано о месте христианской церкви в социальных столкновениях, но преимущественно в столкновениях в рамках лишь господствующего в обществе класса. Необходимо поэтому сказать о позиции церкви в более острых (социальных, межклассовых) конфликтах. Церковь, как было упомянуто, нуждалась в раннесредневековую эпоху во всемерной поддержке государства, но и сама она постоянно служила опорой официальных властей. Охрана социального мира в стране, обеспечение повиновения паства монарху, чиновничеству, господам, вменялись в прямую обязанность духовенству. Недостаточно энергично исполнявшие этот свой долг священнослужители могли подвергнуться репрессиям со стороны высшей светской власти.

С другой стороны, духовные лица неизмеримо чаще, чем представители светской знати, публично выступали против крайних форм угнетения, произвола чиновничества и стяжательства иереев и монахов. В источниках X-XII вв., имеющих прямое отношение к южному славянству и написанных на старославянском и греческом, нередко проводится отчетливо выраженная мысль: непомерный гнет господ, произвол властей и нарушение духовенством евангельских заповедей — главные причины народных восстаний и социальных эксцессов²¹.

Социальные противоречия в раннесредневековом обществе были весьма разнородны. Столь же разнообразными и неоднозначными были и последствия социальных и классовых столкновений. По недос-

татку источников мы лишены возможности в каждом конкретном случае многосторонне оценить значение того или иного крупного конфликта. Тем не менее приведенные выше материалы позволяют, как представляется, сделать наиболее общий вывод о том, что социальный протест и классовая борьба угнетенных сдерживали темпы возрастаия и централизованной, и частновладельческой эксплуатации, объективно обеспечивали сохранение относительно благоприятных условий, необходимых для нормального функционирования самостоительного крестьянского хозяйства. Крестьянство отстаивало свое право на часть производимого им прибавочного продукта и тем самым создавало предпосылки для развития производства, а в конечном счете — и всего общественного прогресса в целом.

¹ Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; Typologie ranéfeodálních slovanských států. Pr., 1987;

Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988.

² Раннефеодальные государства на Балканах, VI—XII вв. М., 1985.

³ ГИБИ. С., 1958. Т. 2. С. 282.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de saint Démétrius. Р., 1979. Т. 1: Le texte. Р. 218.

⁶ Обобщенную характеристику социальных противоречий на этом этапе см.: Гуревич А. Я. Образование раннефеодального государства // История Норвегии. М., 1980. С. 126—151.

⁷ Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977. С. 213.

⁸ См., напр.: Королюк В. Д. Славяне и восточные романы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 88—89.

⁹ Подробнее см.: Lowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1985. Т. 6, cz. 1. S. 87—94.

¹⁰ Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 37.

¹¹ Вероятно, не случайно в поучении Иштвана I своему наследнику Имре ("Libellus de institutione potum") подчеркивалась необходимость для правителя иметь на своей службе феодалов разного этнического происхождения.

¹² Pomińki dziejowe Polski. W-wa, 1969. Т. 6, cz. 2. S. 13, 51.

¹³ Grudziński T. Bolesław Śmiały – Szczodry i biskup Stanisław: Dzieje konfliktu. W-wa, 1982.

¹⁴ О восстании Стеллинга см.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе, VI—VIII вв. М., 1956. С. 222—224.

¹⁵ Pražák R. Bogomilismus v Uhrách v 11. století // Studia balcanica bohemoslovaca. Brno, 1970. Т. 1.

¹⁶ Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.

¹⁷ Ангелов Д. Богомилството в България. С., 1969; Он же. Богомилы и катари // Славянские культуры и Балканы. С., 1978. С. 81—99; Драгојлович Ђ. Богомилство на Балкану и у Малој Азији. Београд, 1974. Књ. 1: Богомилски родонаачалници; 1982. Књ. 2: Богомилство на православном истоку; Примов Б. Бугрите: Книга за поп Богомил и неговите последователи. С., 1970; Литаврин Г. Г. Социальные и классовые движения в южнославянском обществе IX—XII вв. // Typologie... S. 7—26; Он же. О социальных воззрениях богомилов // Богомилството на Балканот во светлината на новите истражуванња. Скопје, 1982. С. 31—39.

¹⁸ Бромлей Ю. В., Королюк В. Д., Литаврин Г. Г. Становление крестьянства в южнославянских и западнославянских странах (до конца XII в.) // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 350—372.

¹⁹ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. С. 376—464.

²⁰ Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972. С. 252—268, 514—559; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 274—287.

²¹ Принятие христианства... С. 255—257.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

Эпоха раннего средневековья, как известно, ознаменовалась в этно-социальной сфере кардинальными переменами — образованием новых славянских народов, возникших на базе прежней общности славянского этноса¹. Историки VI в. (Иордан, Прокопий) воспринимали славянский этнос как единую языковую и социокультурную общность, несмотря на появление особых наименований отдельных ее ветвей (главными из них тогда были склавины и анты). Процесс разделения единой славянской общности лишь начинался: Иордан и Прокопий подчеркивают общность происхождения славян, единство их верований, жизни, законов, физического облика и быта. Уже Иордан говорит о множестве наименований разных частей славянства, что объяснялось, по-видимому, существованием различных военно-политических объединений. По его словам, "их (венедов. — Е.Н.) наименования теперь (курсив мой. — Е.Н.) меняются соответственно различным родам и местностям, все же они преимущественно называются склавенами и антами"².

Славянская этническая общность в VI в. включала и узколокальные социальные единицы, названные по "родам и местностям", и более крупные объединения. Совсем иная картина славянского мира представляла в XI—XII вв. перед средневековыми (славянскими и неславянскими) историографами новых славянских народов. К этому времени широкую славянскую метаэтническую общность сменили раннефеодальные народности. Однако память о единстве их происхождения сохранялась. В своем этнографическом введении к "Повести временных лет"³ Нестор особо подчеркивал, что все славяне прежде составляли один народ (согласно средневековой терминологии — "язык"): ".. Бе бо един язык Словенъск: Словене, иже седяху по Дунаеви... и Морава и Чеси и Ляхове и Поляне, яже ныне зовомая "Русь" Наставая на том, что все известные ему славянские народы вышли из одного корня, Нестор писал далее: "И от тех Словен разидошася по земле, и прозвашася имена своими, кде седше на котором месте. Якоже пришедше седоша на реце именем Морава и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекоша, Словене же ови прешедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне; Ляхове друзья — Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. А се — ти же Словене; Хорвати Белии и Сербы и Хорутане..."⁴

Иными словами, летописец изображает "общество" самостоятельных, но родственных народностей. Разумеется, в свидетельствах

средневековых авторов зафиксирован результат длительного этнического развития славянского мира; лишь мельком проскальзывает в их сочинениях указания на перипетии расселения ("расхождения") славян по разным регионам ("на разные ветви") и на причины этого широкого явления. По словам арабского путешественника Х.в. Ибрагима ибн Якуба, древние славянские племена "поссорились между собой, так что пропал у них порядок (т.е. единое устройство? — Е.Н.), а их племена образовали особые объединения, и каждым племенем стал править особый король"⁵. Нестор писал по поводу этих сложных процессов: "И живяху каждо со своим родомъ на своихъ местехъ, владеюще каждо родомъ своимъ, имеяху обычай свои, законъ отецъ своихъ и предания, каждо свои нравы..." Впрочем, Нестор, как можно судить из последующего описания, допускал и возможность влияния на этническую ситуацию межплеменных конфликтов, и в особенности воздействия вторжений иноплеменных народов: "волохов", "хазар", "угров" (венгров)⁶.

Несмотря на появление значительного числа работ советских и зарубежных ученых, сложные и противоречивые этнические процессы в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы изучены еще недостаточно. Многое еще требует уточнения и авализа, хотя очевидны не только разнообразие, но и иерархичность этносоциальной динамики, неоднозначные тенденции этнической эволюции проявлялись одновременно "как бы на разных ярусах и подчас даже в разных направлениях"⁷. Представляется несомненным, что тщательному анализу проблемы мешает и неизученность принципиальных методологических и терминологических вопросов, возникающих не только при анализе письменных источников той эпохи, но и при современной реконструкции соответствующих этносоциальных понятий.

В раннесредневековых (византийских и др.) источниках отсутствует четкое разграничение и противопоставление понятий "народ" и "племя", один и тот же этноним или этникон употребляется для обозначения разных по своему уровню (в нашем понимании) этнических общностей⁸. Особенности этнической номенклатуры источников заметно отразились, на наш взгляд, на терминологических и методологических сторонах современных исследований в советской и зарубежной науке. Имеют место серьезные расхождения в оценках, гипотетичность суждений о характере этнических общностей той эпохи⁹. Необходимы дальнейшая разработка и уточнение понятийного аппарата. Применительно к рассматриваемой здесь проблеме представляется правомерным введение понятий горизонтальной и вертикальной динамики¹⁰. Под горизонтальной этносоциальной динамикой, если говорить о славянском этносе, следует, по нашему мнению, иметь в виду расселение славян в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе и их перемещения, вызванные вторжениями иноязычных народов (аваров, протоболгар, венгров). Что же касается вертикальной динамики, то она предполагает качественные этносоциальные изменения, происходившие в самой славянской среде, внутри тех или иных регионов и подразделений славянского этноса,

хотя в состав более поздних славянских этносоциальных общностей могли входить, разумеется, и поселения неславянских племен и народов (аваров, влахов)¹¹. Однако масштабы возникшей уже в VI—VII вв. этнической "чересполосицы" оказались в целом менее значительными, чем социально-культурные различия между отдельными славянскими группами и племенами, обусловленные иногда именно горизонтальной динамикой, т.е. приходом в одну и ту же область славянских племен из разных частей некогда единого праславянского ареала.

На эту особенность этнических процессов той поры уже неоднократно указывалось в литературе. В.Д. Королюк обращал внимание на неоднозначность воздействия античной цивилизации на разные славянские племена в зависимости от их первоначального места-нахождения¹². Различия между полабо-поморскими племенами следуют, вероятно, судя по археологическим материалам, связывать с приходом их предков в эти земли из самых разных краев славянского мира¹³.

В последнее время в литературе наметилась тенденция к пересмотру прежних, уже установившихся в науке представлений о хронологии и исходных пунктах миграций славянских племен. Этот пересмотр обусловлен особым интересом именно к горизонтальной этнической динамике. Так, например, югославский медиевист Р. Новакович полагает, что сербы пришли на Балканы из ареала полабских славян¹⁴. Он подкрепляет этот тезис указанием на существование на Среднем Дунае в начале IX в племен "ободритов", которые, по его мнению пришли туда из Полабско-балтийского региона, вероятно, во второй половине VII в.¹⁵ Напротив, Х. Кунстман, опираясь на это же свидетельство 824 г. франкских анналов об ободритах на Дунае, считает, что переселение ободритов происходило в прямо противоположном направлении и готов признать возможной этимологию термина "ободриты" от греческого алатрис" — "лишенный родины"¹⁶. Упомянем в этой связи и попытки Л. Маргетича и Н. Клаич пересмотреть вопрос о прародине хорватов¹⁷. Само появление подобных гипотез свидетельствует о настоятельной необходимости снова вернуться к вопросу о направлениях и хронологии миграций славянских племен¹⁸.

Горизонтальная этническая динамика была тесно взаимосвязана с теми изменениями этносоциального характера, которые можно называть вертикальными и для которых были характерны разные уровни этносоциальных общностей (и соответственно — этнического самосознания). На первом этапе раннефеодальной эпохи одерживает верх, так сказать, "нисходящая" (центробежная) направленность — единая славянская общность разделяется на разные союзы и племена. Но уже тогда или несколько позднее начинает все сильнее проявляться направленность "восходящая" (центростремительная), связанная не только с консолидацией родственного населения, но и с переходом к этносоциальным общностям более высокого уровня — протонародностям и раннефеодальным народностям. "Союз родственных племен, — писал Ф. Энгельс об этнических процессах такого

типа, — становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа¹⁹.

Проявление этой общей закономерности этнического развития — от племен и племенных союзов к раннефеодальным общностям — результат сложного взаимодействия этнических организмов, разных форм и видов, отличавшихся и по размерам, и по уровню этно-социальной и политической иерархии, и по предпосылкам формирования (например, по образованию народности на базе одного или нескольких племен и т.п.)²⁰.

В историографии справедливо подчеркивалась взаимосвязь процессов формирования раннесредневековой государственности и этнических общностей²¹. При этом данная констатация подразумевает и внутриполитические факторы консолидации возникавших тогда славянских общностей, и необычайно значимую в тот или иной период их военно-политическую конфронтацию как с соседними славянскими княжествами или союзами, так (в особенности) и с гораздо более могущественными державами той эпохи: Франкским королевством, Аварским хаганатом, Византийской империей, Германской империей или же отдельными германскими герцогствами, Венгерской державой²².

В рамках очерченного выше круга вопросов было бы важно охарактеризовать возникшие на начальном этапе "восходящей" вертикальной динамики этносоциальные общности в соответствии с разработанными советскими учеными таксономами и положениями об уровнях этнического развития, дав одновременно оценку тем терминам, которыми они определялись в средневековых источниках. Последнее, как уже отмечалось, тем более необходимо, что средневековые понятия (в особенности "племя" и т.п.) нередко многозначны: это порой и "большое племя", и союз племен, и даже постплеменные народности, т.е. народности раннего или зрелого феодализма²³.

Другая методологически не менее значительная задача состоит, на наш взгляд, в оценке уровня этносоциальной общности в тех случаях, когда развитие соответствующих "протонародностей" или народностей продолжалось в условиях утраты государственной самостоятельности. Отдельные славянские народы (предки словенцев, полабские и поморские славяне, словаки) оказывались под иноземным господством в условиях их этнокультурного и политического подавления иноэтнической правящей верхушкой. Высказывается мнение, что сам факт иноземного владычества был связан для покоренных славян "не только с утратой политической независимости, своего старого культа и своей старой народной культуры, но и с утратою своей народности"²⁴. Однако и различия конечных (в рамках раннего средневековья) результатов этнической эволюции в указанных условиях, и неоднозначность этносоциальной динамики, в особенности в X—XII вв., делает, вероятно, правомерным рассмотрение данной проблемы дифференцированно, а не в целом для всех частей названного славянского ареала.

Такой метод локального анализа тем более оправдан, что в

историографии уже установлена неравномерность развития славянских народов, хотя неоднозначность этнической ситуации и получает весьма разные оценки в литературе²⁵. Разноголосица мнений обусловливается не только несовпадением методологических подходов и неразработанностью понятийного аппарата, но и вольным или невольным перенесением на этносоциальную динамику раннего средневековья результатов этнического развития последующего периода. Разумеется, между более ранним и последующими процессами существовала взаимосвязь, но тем не менее не всегда, вероятно, ход этнической истории в раннее средневековье определялся *непосредственно* наличием или утратой самостоятельной государственности. Фактом является сохранение до XIX и даже XX в. ряда славянских народностей, долго не имевших своих государств.

Помимо таких трудностей изучения этнических процессов в славянском мире в раннее средневековье, как скудость источников, слабость методики сравнительного комплексного исследования и неразработанность понятийного аппарата, необходимо особо остановиться на ряде положений современной этнологии, которые сплошь и рядом не учитываются в исследованиях ученых (преимущественно археологов и лингвистов). Так, нередко не проводится никакого различия между понятиями "этнос" и "народность", "этническое самосознание" и "самосознание феодальной народности", тогда как внутри каждой из двух пар названных выше терминов существуют крупные смысловые различия. Понятие "этнос" отнюдь не обязательно связано с территорией обитания его представителей и не предполагает определенную социальную структуру обозначаемого этим понятием этнического сообщества (свою принадлежность к данному этносу в древности, как и в наши дни могут признавать люди, связанные общностью происхождения, языка и культуры, где бы они ни родились и где бы ни жили), Славяне Балканского полуострова (в том числе сербы и болгары) представляли собой в X—XII вв (как и позднее, и ныне) славянский этнос, но совершенно разные славянские народности. В отличие от этноса народность (а также племя, союз племен, племенное княжение, раннефеодальное этническое единство) являлась непременно и этносоциальным организмом, т.е. определенным образом социально и политически организованным устройством, территориально устойчивым единством. В отличие от славянского этноса, византийский (имперский) социум был организованным и социально, и политически, но не был ни этносом, ни народностью (многоплеменное единство "ромеев" состояло вплоть до конца XII в. из множества этносов, в том числе славянского, а греческая феодальная народность сложилась только в XIII в.).

Итак, народность — это обязательно не только этническое, но и социально-политическое единство. Народности сложившиеся в условиях государственной самостоятельности и вне этих условий, существенно различались друг от друга. Это различие отражалось и на особенностях этнического самосознания представителей упомянутых двух видов народностей. Необходимо подчеркнуть, что

именно этническое самосознание — решающий фактор, определяющий этническую принадлежность любого сообщества и индивида: ни факт рождения от родителей той или иной этнической принадлежности, ни знание языка, ни усвоение основ культуры сами по себе не решают вопроса о том, представителем какого этноса (или этносоциального сообщества) человек является. Все зависит от того, кем он себя осознает.

Следует отметить также, что этническое самосознание этносоциальной общности всегда было более сложным и иерархичным, чем самосознание просто этнической общности, так как оно включало, помимо собственно этнических представлений, идею политического подданства, верности отечеству и собственной церкви, было территориально определено и т.д.²⁶

Признавая в целом тесную взаимосвязь процессов этнической (точнее этносоциальной) эволюции с экономическим и политическим развитием, следует учитывать, что уже в эпоху раннего средневековья сплошь и рядом идеологический (религиозный) фактор во время критических межэтнических (а иногда и внутриэтнических) конфликтов играл более существенную роль, чем собственно этническая принадлежность или политическое подданство²⁷. Тезису о религии как важнейшем компоненте этнического самосознания не противоречит, как мы полагаем, положение о решающей роли государства в процессе этнической консолидации в эпоху раннего средневековья, поскольку смена язычества христианством произошла во всех регионах славянского мира при определяющем воздействии светской власти. Остается, по-видимому, справедливым вывод о том, что "лишь в пределах государств произошло завершение формирования раннесредневековых народностей как устойчивых этносоциальных единств и становление их этнического самосознания"²⁸, хотя завершение этого процесса неразрывно связано с принятием и утверждением христианства. Именно оно содействовало окончательному — с помощью светской власти — оформлению идеологического (вероисповедного) единства народностей²⁹.

Представляется целесообразным обратиться прежде всего к проблемам оформления раннефеодальной болгарской народности в силу по крайней мере двух главных причин. Во-первых, именно на землях, вошедших в пределы Первого Болгарского царства, темпы этнической консолидации в славянском мире (во всяком случае среди южных славян) были особенно интенсивными. Предпосылки, обусловившие это опережение, создались на левобережье Нижнего Дуная еще до переселения в данный регион протоболгар. Давние контакты здешних славян с самым цивилизованным государством Европы того времени — Восточноримской империей (Византией) способствовали прогрессу местного славянского общества и ускорению темпов его этнической консолидации. Крупнейший из племенных славянских союзов, сформировавшихся еще на левобережье Нижнего Дуная (союз "Семь родов", или "Семь племен"), вступил, по всей вероятности, в договорные отношения с империей. Затем, когда тюрки-протоболгары, разгромив византийскую армию, вторглись на Балканы, он

заключил договор с победителем ромеев ханом Аспарухом и принял активное участие в создании государства, верховная власть в котором принадлежала протоболгарской знати³⁰.

Во-вторых, развитие славяно-болгарской этнической общности (от племенного союза до средневековой болгарской народности) совершалось на территории Болгарии в особых условиях, отличавших этот регион от остального славянского мира, — в условиях симбиоза двух народов (славян и протоболгар), различных по этническому происхождению и по хозяйственно-культурному типу. Мало того, через посредство византийцев славяне усвоили элементы древней народной культуры фракийцев, ассимилированных доминировавшим на Балканах в IV—VI вв. греко-римским населением. Все это обуславливает, кстати говоря, необходимость более подробно остановиться на этом вопросе.

Главное направление этнического развития населения Болгарии (в подавляющем большинстве славянского) состояло в постепенном усвоении славянами чужого этнонима ("болгары") при сохранении славянского самосознания и, напротив, в сохранении протоболгарским меньшинством собственного этнонима при постепенной утрате тюркского этнического самосознания. Протоболгары к середине X в. были практически ассимилированы славянами. Примеров усвоения одним этносом этнонима другого при сохранении прежнего этнического самосознания история славян в VI—IX вв. дает немало (упомянем хотя бы антов, хорватов, сербов, этнонимы которых иранского происхождения). Обычно принимался этноним того племени, которое политически доминировало в данном объединении. Сходной была с конца VII до середины IX в. ситуация и на территории Первого Болгарского царства. Для созданного Аспарухом с участием племенной знати местных славян государственного объединения была характерна ярко выраженная дуалистическая структура и в хозяйственной, и в политической, и в культурной, и в этнической сферах. Именно последний фактор (этнический) играл при этом решающую роль.

Экономика протоболгар в конце VII в. была типичной для кочевников-скотоводов на стадии их перехода к постоянным зимовищам. Она существенно отличалась от оседлого земледельческого хозяйства большинства местного (славянского) населения. Но в новых условиях, вдали от бескрайних причерноморских степей, старые формы кочевнического хозяйства оказались бесперспективными. Протоболгары становились оседлым народом, рушился их старый быт, создавались условия усвоения ими системы хозяйства живших по соседству славян, ускорилась ассимиляция. Положение разных групп славян в Болгарии конца VII—IX вв. под властью протоболгар не было одинаковым. В центре территориально-политической организации протоболгар, господствовавших над славянами, были их укрепленные военные пункты — лагери и одновременно убежища и зимники, постепенно превращавшиеся в типичные для континентальных районов Балкан города. Вокруг них (преимущественно в Южной Добрудже) располагались станы и кочевья — вежи

протоболгар, организованные по родам и коленам. Часть местного (преимущественно славянского, но также автохтонного) населения оказалась в непосредственном подчинении и служении у протоболгарской родоплеменной верхушки, большинство же подчинялось своим князьям и проживало в Славиниях — политических организациях славян, которые сохранили автономию или полуавтономию под верховной властью хана.

"Пояс" полуавтономных Славиний (они обозначены в источниках как "окольные") вокруг протоболгарского "ядра" был в Первом Болгарском царстве более плотен на юге, западе и севере. Среди Славиний выделялись прочностью своей социальной и политической структуры Славиния северов у юго-восточных границ государства и выделенные Аспарухом из бывшего союза "Семи родов" Славинии на западных и северо-западных границах страны. Автономия и полуавтономия Славиний способствовали сохранению основной массой славянского этноса своей этнической идентичности. Когда в начале IX в. центральная (ханская) власть взяла курс на ликвидацию административного дуализма (что означало прежде всего уничтожение всякой автономии Славиний и засилия славянской племенной знати на местах), эта политика уже не могла привести к изменению этнической ситуации в стране в пользу протоболгар. Во-первых, высшая славянская племенная знать все более втягивалась в центральную систему управления, становилась в большей мере, чем высшая протоболгарская аристократия, опорой для централизаторского курса ханов Крума и Омуртага, а во-вторых, власть окружавших хана знатнейших протоболгарских родов быстро слабела.

Превращение Болгарии из "варварского", примитивного государственного образования при Круме и Омуртаге в подлинное государство с писанными законами, общими для всех подданных независимо от их этнического происхождения, и с организацией управления не по этническому, а по территориальному принципу, было бы невозможно, если бы хозяйственно-культурный и этнический облик основной массы протоболгар не претерпел за истекшие полтора столетия существенных изменений.

Естественно развивавшийся процесс славянизации протоболгар и формирования из славянского и протоболгарского компонентов новой этнической общности более высокого уровня (народности) сдерживался религиозной разобщенностью подданных правителя, носившего уже, по-видимому, с правления Пресиана, славянский титул "князь".

В стране в первой половине IX в. существовали одновременно три вероисповедные системы: славянское язычество, доминировавшее среди подданных князя, но не поддерживавшееся им официально, а лишь терпимое; протоболгарское (туркское) язычество, культивировавшееся верховной властью, распространенное лишь среди меньшинства населения страны и чуждое его большинству, и проникавшее из Византии и гонимое, но постепенно укреплявшееся и находившее приверженцев среди славян и протоболгар христианство. Территория Болгарии в IX в. расширялась за счет территорий

империи, лежавших к югу, западу и юго-западу от Балканского хребта (во Фракии и в Македонии), населенных в значительной мере славянами, которые ко времени включения их в состав Болгарии уже были христианами³¹. Все острее ощущалась необходимость ликвидации вероисповедных барьеров не только между славянами и протоболгарами, но и между отдельными частями самого славянского этноса.

Принятие в 865 г. христианства (при подавлении сопротивления протоболгарской аристократии, остро проявившегося в 865 и 893 гг.) вывело страну из упомянутого кризиса и, ликвидировав религиозный дуализм, создало условия для окончательного изживания последнего, наиболее стойкого дуализма — этнического³².

Преследуя собственные политические цели, государственная власть добилась в первой половине IX в. распространения понятия "болгары" на все население страны. Однако лишь меньшей частью подданных это понятие осознавалось как этноним, для всех прочих (прежде всего для славян) оно являлось политонимом и выражало лишь понятие подданства. Источники не позволяют проследить в деталях процесс превращения в сознании славян политонима "болгары" в этноним (самоназвание новой славянской народности). Как нам представляется, этот политоним фундаментально сыграл важную роль в оформлении специфических черт болгарской народности как одной из славянских. В данной связи уместно еще раз напомнить, что нельзя ставить знак равенства между этническим самосознанием и самосознанием народности, так как лишь для народности как этносоциального организма было характерно представление о единстве этноса и подданства, территории обитания и исторической памяти народа о пережитых на ней событиях и т.д. Иными словами, не могло не претерпевать существенных изменений и самосознание славян, становившихся болгарами: сохраняя представление о себе как славянах, они одновременно усваивали и отдельные компоненты этнического сознания протоболгар, в первую очередь их государственно-политическую традицию.

В византийских источниках IX в. все реже протоболгары и славяне Болгарии противоставляются друг другу, все реже вообще упоминаются "славяне" в Болгарии "Славянами" все чаще называют лишь славян, которые жили на Пелопоннесе, в Южной Македонии, на северо-западе Балкан. И напротив, когда требовалось уточнить этническое значение понятия "болгары", именно в иноземной (арабской) литературе X столетия давалось и второе их определение — "славяне".

Решающий этап перехода этнонима "славяне" в этноним "болгары" и одновременно совмещение понятий подданства и этнической принадлежности приходится, по всей вероятности, на время правления Симеона (893—927 гг.). Процесс оформления раннефеодальной болгарской народности в целом завершился в иерархической структуре этнического самосознания населения Болгарии понятия "славяне" и "болгары" (как родовое и видовое) заняли те места, которые они занимают и в настоящее время: члены болгарской этносоциальной

общности считают себя представителями славянского мира в целом, а также южной ветви славянства и, наконец, одной из его разновидностей — болгарской, обладающей ярким своеобразием, специфическими, только ей присущими исторически сложившимися общественно-культурными традициями³³.

В течение последующего 90-летия существования Первого Болгарского царства (его завоевание Византией было завершено в 1018 г.) продолжалось, как позволяют судить источники, укрепление этнического самосознания болгарской народности. Источники не содержат никакого бесспорного и важного свидетельства для этих 90 лет, которое бы позволяло заключить о перерыве традиции в тенденциях этнической эволюции или о каких-либо переменах в этой сфере. Крупные политические события в Болгарии, связанные с временным отделением ее западных и юго-западных провинций в 969 г., были обусловлены в конечном итоге межгосударственными конфликтами и борьбой внутри господствующего класса, а не этническими противоречиями. Источники не позволяют фиксировать какие-либо существенные особенности в самосознании населения провинций, отделившихся в 969 г. под властью комитопулов, сравнительно с самосознанием жителей северо-восточной части Болгарии³⁴.

Становление раннефеодальной болгарской народности (как и любой другой) влекло за собой, несомненно, ослабление или кризис прежних форм этнических общностей (родоплеменных, союзноплеменных). Упрочение самостоятельных славянских государств и специфические пути этнической эволюции каждого из них привели к ослаблению и представлений об общеславянском единстве. В этом же направлении оказывала влияние и зависимость церкви разных славянских стран от различных мировых центров христианства.

Однако существенное корректирующее значение в этом процессе имел еще один фактор, характерный в конце IX—X в. для общественно-культурной жизни Болгарии (а затем и большей части южнославянского и отчасти западнославянского ареала). Мы имеем в виду распространение славянской письменности, создание литературы на старославянском языке и утверждение в Болгарии богослужения на славянском языке.

Изобретенная Кириллом и Мефодием письменность была ориентирована на культурные нужды славянства в целом. Естественно поэтому, что в сочинениях кирилло-мефодиевского круга речь идет лишь о славянском языке как языке населения самых разных славянских стран, в том числе Болгарии. Идея общеславянского, прежде всего этнокультурного, единства, горячо пропагандировавшаяся в этой литературе, противодействовала дезинтеграционной тенденции внутри славянства. Вплоть до гибели Первого Болгарского царства, когда термин "болгари" уже давно и бесспорно являлся этнонимом — самоназванием болгарской этнической общности (народности), источники говорят о языке населения Болгарии не как о болгарском, а как о славянском. Понятие "болгарский язык" встречается уже в источниках XI в., однако его окончательное осмысление в качестве одного из особых славянских языков произошло лишь в эпоху визан-

тийского господства (1018—1186 гг.) и в первые десятилетия истории Второго Болгарского царства. Подобным образом обстояло дело и в других славянских странах: появление и утверждение понятия о собственном языке, присущем именно данной славянской и никакой иной народности, произошло не в рассматриваемый в данной книге период (раннесредневековое общество), а в эпоху зрелого феодализма. Это отличие (в сфере представлений о языке) и является, на наш взгляд, одним из главных критериев, позволяющих отличать раннефеодальную и феодальную народность друг от друга как две разные ступени ее развития³⁵.

Рассмотрим теперь, как складывалась судьба славянских народов в Полабско-поморском регионе. Политическая и этническая обстановка характеризовалась здесь непрерывным противоборством славян с Франкской (затем Германской) державой, нарастающей агрессией германских и датских феодалов, ожесточенной внутриполитической борьбой в процессе становления новых государственных образований, ориентацией тех или иных социальных групп на западное христианство или местное язычество. К середине VII в. здесь стало исчезать племенное деление славян, на смену ему приходили политico-территориальные объединения, главными из которых были союзы ободритов, вильцев (впоследствии — лютичей) и сорбов.

Социально-экономические сдвиги, необходимость (в условиях военной конфронтации) все более устойчивой политической консолидации разных племен, этническая оппозиция не только с германцами, но и с соседними славянскими народами вызвали появление племенных княжеств у полабских славян и предпосылки к возникновению больших надплеменных объединений, превращавшихся в этно-социальные общности нового, более высокого уровня. Относительно характеристики этих общностей и их места в этнической системе того времени не прекращается научная дискуссия. В работах некоторых ученыхдается порой однозначная, "уравнивающая" славянские общности этого региона характеристика. Такая единая оценка предполагает, что и вертикальная динамика была тогда повсюду в данном ареале равномерной, и незавершенность этносоциального развития — примерно одинаковой. Так, полагают, что уже в IX—X вв. формируются три раннефеодальные народности: сорбы, велеты (вильцы, позднее — лютичи) и ободриты, однако процессы становления названных народностей остались незавершенными в силу прежде всего ликвидации (или отсутствия) независимых государств, в результате завоевания этих земель германскими феодалами³⁶. Вместе с тем в историографии указывалось и на различия в "зрелости" (или "развитости") трех упомянутых зарождающихся полабо-поморских народностей: самой развитой признавалась ободритская, за ней следовала лютическая и, наконец, сорбская³⁷.

Для понимания многогранности и противоречивости этносоциального развития этого региона важно отметить признаки метаэтнической, наднародностной общности, т.e. возникновение общего полабославянского самосознания, которое, впрочем, иногда трудно отличить от проявлений общеславянского самосознания³⁸.

Основанием для сомнений в уже высказанных тезисах служат общеизвестный факт зарождения данных народностей на базе ряда племен или племенных княжеств, а также слабость и неустойчивость их политических организаций. А.Н. Саливон полагает, например, что политоним "лютичи" "не перерос в этноним", а "специфика политического устройства лютического союза" (т.е. обособленность и внутренняя самостоятельность входящих в союз племен) "препятствовала процессу формирования раннефеодальной лютической народности"³⁹. В ряде других работ термин "народность" либо применен лишь к ободритам, но не к сорбам и лютичам, либо же все эти общности отнесены лишь к разряду племенных объединений; иными словами, отвергается порой возможность даже начальной фазы зарождения более высокой по уровню общности — народности⁴⁰.

Состояние вопроса требует, таким образом, дальнейших исследований. Однако уже теперь можно было бы указать, что представляется мало аргументированным, а что — перспективным для понимания характера этносоциальных общностей раннего средневековья в Полабо-поморском регионе. Так, например, нам кажется во многом преувеличенным акцент на слабости лютического союза, разобщенности составлявших его племен. Именно этот подход служит предпосылкой для отрицания даже первоначальной фазы этнической консолидации лютичей. Представляется более правомерным особо подчеркнуть важность для этнической консолидации таких факторов, как конфронтация лютичей с христианской Германией и стойкость местного языческого культа⁴¹. Это обстоятельство заставляет усомниться в приведенном выше тезисе, что термин "лютичи" не стал этнонимом: сам факт упоминания лютичей в титуле князя Поморского княжества (XII в.) можно, вероятно, истолковать в пользу устойчивости наименования складывавшейся или уже сложившейся народности, по крайней мере для XI—XII вв.

Кроме того, стабильность этнических общностей той поры (например, сорбов)⁴² заставляет вновь вернуться к вопросу о содержании понятия "племя", как оно употребляется в средневековых источниках, и о соответствии этого термина с его пониманием в современной науке. Заслуживает, например, внимания тезис, что большие территориальные "племена" VII—XII вв., в частности ободритов, представляли собой в действительности "промежуточную степень между малым племенем и народностью"⁴³. Иначе говоря, такое "племя" раннего средневековья трактуется иногда то как протонародность, то как почти народность. Именно такой взгляд, по нашему мнению, позволяет более точно оценить не только последующие центростремительные тенденции (в особенности на землях сорбов), но в некоторых случаях и процессы ассимиляции славянами новых поселенцев-немцев⁴⁴.

Вполне понятно, что этносоциальная динамика в других славянских странах оказывалась иной, в частности ввиду отсутствия прямой конфронтации с Германской империей, с немецкими феодалами и колонистами. Следует, конечно, учитывать и большую скучность и фрагментарность сохранившихся свидетельств, например,

для польских земель и Западного и Восточного Поморья. На всей этой территории, вошедшей затем в состав монархии Пястов, происходила постепенная консолидация "больших" или "малых" племен, представлявших, видимо, уже племенные княжения или союзы (общепоморский союз, княжество вислян и др.). Само становление древнопольской народности сочеталось, по всей вероятности, с образованием метаэтнических общностей, включавших, в частности, мазовшан, поморян, что было связано с воздействием внешнеполитического фактора — с политикой Пястов, а позднее — с противостоянием агрессии немецких феодалов⁴⁵.

Что касается особенностей этносоциальных процессов в Чехии, Моравии и Словакии, то нельзя не отметить их сходство с процессами, рассмотренными выше применительно к землям полабо-балтийских славян и Польши⁴⁶. Здесь также появляются новые этнические общности, притом не только низшего уровня (племена или племенные княжества), но и гораздо более высокого (например, зарождающаяся великоморавская народность, древнечешская народность и, наконец, начавшая формироваться позднее словацкая народность). Здесь также целесообразно применение термина, отражающего новый таксономический уровень, — "метаэтническая наднародностная общность".

В самом деле, в период существования Великоморавской державы такая общность, выражавшаяся, вероятно, и в принадлежности к единому государству и в едином понятии "мораване", объединяла как население собственно Моравии ("мораван" в узком смысле), так и жителей областей современной Словакии. Применительно к более позднему времени можно, видимо, говорить о метаэтнической чешской общности (в пределах Чехии и Моравии), хотя затем, в XI—XII вв., "мораване" входили как локальная (областная) общность в состав чешского народа. Иными словами, в данном случае важно учитывать, как нам кажется, не только место соответствующей общности в этнической иерархии раннего средневековья, но и многозначность самих этнических терминов той поры (так, понятие "мораване" выступает и как этноним, и как политоним)⁴⁷. Характерно, что на землях самой Великой Моравии (в IX в.) и на ее территории после падения этой державы не сохранилось упоминаний о каких-либо иных племенах; напротив, в источниках говорится лишь о единой политической и этнической общности — о "славянах моравских", или о "мораванах"⁴⁸.

Столь же противоречивы результаты консолидации местного славянского населения в раннее средневековье и на тех землях, где жили предки современных словенцев. Примерно так же, как и в пределах Великой Моравии, здесь налицо более сплоченная общность, которая, однако, не включает в себя в тот или иной момент население соседних, близких по языку и обычаям "племенных" территорий. Наряду с карантанской протонародностью (в рамках Карантанского княжества VII—IX вв.) существовало объединение "карниольцев" и других альпийских славян. Сходным положением было и в Хорватии: здесь, в части Далматинской Хорватии уже

юзника хорватская народность (или во всяком случае "ядро хорватского народа), в сферу политического и этносоциального воздействия которой постепенно втягивались и окрестные княжества Далмации и Хорватского Приморья (гачане и др.)⁴⁹.

Проблемы воссоздания этнической иерархии и периодизации этнических процессов требуют и здесь дальнейшего исследования, необходимо уточнение применяемых в литературе понятий и переводов средневековых терминов. Одни исследователи, говоря об упомянутых общностях карантанцев и хорватов, именуют их "племенами"⁵⁰, другие же пишут о карантанцах как об устойчивом надплеменном территориально-этническом единстве, непосредственно предшествующем образованию раннефеодальной народности. Как складывающуюся раннесредневековую народность они рассматривают и альпийских славян⁵¹. Важно, однако, учитывать не только отсутствие в пределах Карантанского княжества, как и во владениях хорватского князя Борвы, этносоциальных составных частей, но и постепенное распространение этнонимов "карантанцы" и "хорваты" на соседние территории (соответственно в Паннонии и Хорватии). Употребление в дальнейшем названия "Карантания" в более широком смысле (как "Великая Карантания") позволяет предполагать, что этот термин был не только чисто политическим, но, может быть, отчасти и этнополитическим обозначением для всех земель альпийских славян в противовес собственно немецким, итальянским и другим областям.

Эта тенденция этносоциального развития осталась незавершенной в силу разделения Великой Карантании на ряд герцогств и княжеств. Их границы стали со временем соответствовать районам расселения отдельных, локальных словенских общностей — областных этнокультурных организмов ("славян" из Каринтии, Крайны, Штирии)⁵². Любопытно, что в известной степени сходными оказались и некоторые процессы этнического развития в Хорватии после ее включения в состав Королевства Венгрии (1102 г.). Здесь, как можно судить по скучным свидетельствам, также (особенно в XII—XIII вв.) возросла роль метаэтнического сознания, утвердились весьма широкое определение "славяне" применительно к жителям хорватского Приморья и Далматинской Хорватии (в противовес "латинянам" — романским далматинцам и венграм) и, напротив, усилилось значение более "узких общностей" и "родов" в пределах отдельных княжеств и жупаний (Хливно, Дувно и др.)⁵³.

Особенно трудно выявить конкретные пути и особенности этнического развития славян сербской группы в раннее средневековье. Главная причина этого — чрезвычайная скучность источников и слабо выраженное проявление этнических процессов, протекавших преимущественно в рамках замкнутых, отделенных друг от друга самой природой (главным образом горной местностью) территорий.

Специфика формирования народности была обусловлена в этом регионе, помимо отмеченного природного фактора, медленностью и противоречивостью путей развития государственности и христианизации на сербских территориях, ярко выраженной изоляцией (хозяйственной, политической и культурной) приморского (на Адриа-

тике) региона, тяготевшего к морю, к связям с городами Италии и к высшей церковной супремации Рима. Даже после завершения в XII в. славянизации городов азиатического сербского Поморья самосознание "сербов" этой части страны отнюдь не стало идентичным самосознанию населения основного массива сербских земель в эпоху раннего средневековья. Приходится вообще весьма осторожно говорить о самосознании сербской раннефеодальной народности в X—XII вв., так как процесс ее формирования вплоть до начала XIII в. не представляется завершенным.

Видимо, лишь в начальный период своего пребывания на Балканах сербам удалось (в 30—40-х годах VII в.) создать в борьбе в основном с аварами на западе и северо-западе полуострова обширное славянское союзно-племенное объединение под своей эгидой, распространив при этом наименование своего (доминировавшего в союзе) племени на другие славянские племена. Однако в дальнейшем сербское объединение не смогло надолго сохранить свое единство. С 70-х годов VII в. процесс политической, а следовательно, и этнической консолидации развивается крайне медленными темпами. Племенные и союзно-племенные традиции продолжали играть существенную роль и внутри образовавшихся в IX—X вв. на сербских землях княжеств, боровшихся друг с другом за преобладание. В результате этоним "сербы" вновь приобрел локальное значение наряду с другими этническими обозначениями славян, образованными от местных географических названий.

Политическая раздробленность сербских земель затрудняла становление единой сербской народности и обусловливала чрезвычайную неравномерность этого процесса. Наиболее быстро он протекал в пределах княжества, носившего собственно наименование Сербия (Рашка). Оно стало центром этнической консолидации, в особенности во второй половине IX — первой половине XI в. Борьба с экспанссией Первого Болгарского царства и Византией содействовала в этот период политическому укреплению Сербии и росту этнического самосознания ее населения, хотя тенденциям к оформлению единой народности сопутствовали одновременно тенденции к сохранению в ее пределах нескольких протонародностей⁵⁴.

После временного утверждения византийского господства на сербских землях в начале XI в. политическая инициатива возрождения независимой государственности перешла к Дукле (Зете). К середине XI в. этоним "сербы" вытесняет локальные этнические наименования на значительной территории, более обширной, чем когда-либо ранее. Тем не менее местный политический и этнический партикуляризм не был полностью преодолен (характерно, что уже в X в. источники фиксируют начало процесса выделения из сербских земель особой этнополитической общности — Боснии).

Отнюдь не случайно с конца XII в. на смену единой, хотя еще рыхлой и недостаточно сплоченной, сербской народности приходят два новых этносоциальных единства, складывавшихся в недрах державы Неманичей и в Боснии. Отсутствие длительно существовавшего централизованного, единого государства — главный фактор

незавершенности этнической консолидации сербской народности в раннефеодальную эпоху.

Характерно, что употребление термина "славяне" применительно к сербским территориям полностью соответствовало описанным выше процессам: ослабление сербского политического ядра в X в., затем в конце XI в. — Дукли неизменно вело к возрождению и более широкому употреблению упомянутого этнонима. Он приобрел при этом более чем обычную многозначность: это и представители общеславянского этнического единства, и члены наднародностной общности (например, вместе и сербы, и хорваты), и население локальных политических образований (Рашки, Дукли)⁵⁵.

Итак, можно сказать, что этническая история славян в эпоху раннего средневековья может считаться и в наши дни еще относительно новой отраслью исторического знания. Эта крупная тема не могла быть в должном объеме поднята и в данном труде. Чтобы подойти к проблеме достаточно серьезно, необходимо вернуться к истокам славянского этноса в целом, начав рассмотрение проблемы с изучения "прадолины" и путей миграции славян на заключительном этапе Великого переселения народов.

¹ См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; Ангелов Д. Образование на българската народност. С., 1971; Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978; Graefenauer B. Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslaven im Mittelalter. Ljubljana, 1966; Havlík L.E. Geneze feudální společnosti a státu ve slovanském prostředí. Pr., 1987.

² Цит. по: Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 151. О славянах в VI в. см.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 17, 24—25; Седов В.В. Указ. соч. С. 101 и след.; Королюк В.Д., Наумов Е.П. Перемещение славян в Юго-Восточной Европе и формирование народностей // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979. С. 42—43; Крамар Е. Антская группа славян в светлината на датирането, локализирането и етимология на название "ант" // Ист. преглед. 1988. № 6.

³ Опыт реконструкции этнографического введения к "Повести временных лет" Нестора см.: Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 235—245.

⁴ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 237, 239; ср.: Королюк В.Д. Указ. соч. С. 214—216.

⁵ См.: Королюк В.Д. Указ. соч. С. 208—209.

⁶ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 237—239; ср.: Тржешник Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Структура власти: Раннефеодальные славянские государства в политической системе Европы. София (в печати).

⁷ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 76.

⁸ Иванов С.А. Обозначение славян как этнической общности в "Истории войн" Прокопия Кесарийского // Симпоз. "Античная balkanistika". М., 1980. С. 23—25; Наумов Е.П. Некоторые проблемы раннеизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии // Этногенез народов Балкан и северного Причерноморья. М., 1984. С. 203—206.

⁹ Ср., напр.: Бромлей Ю.В. Указ. соч. С. 48 и след.; Наумов Е.П. К вопросу о разных уровнях этнического самосознания у южных славян: (Эпоха раннего средневековья) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 108—114.

¹⁰ Наумов Е.П. Этнические процессы в средневековой Сербии и Боснии // Сов. этнография. 1986. № 5. С. 42.

¹¹ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 168—169, 195—196, 206.

¹² Королюк В.Д. Славяне... С. 151.

- ¹³Савчук В.С. Проблемы историки полабо-прибалтийских славян (VI—XII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 11.
- ¹⁴Новакович Р. Одакле су Срби дошли на Балканско полуострово. Београд, 1978. С. 386—387, 415.
- ¹⁵Novaković R. Baltički Sloveni u Beogradu i Srbiji. Beograd, 1985. S. 168—169.
- ¹⁶Kunstmann H. Zwei Beiträge // Die Welt der Slawen. 1981. N 2; Новакович Р. Поводом једног мишљења о сеоби Ободрита са Балканског полуострва на обалу Балтичког мора // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1988. Св. 1/4. С. 76—92.
- ¹⁷Margetic L. Konstantin Porfirogenet i wrieme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavodu JAZU. Zagreb, 1977. Sv. 8. S. 7—88; Klaic N. O problemima stare domoviny, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata // ŽC. 1984. N 4. S. 257—262, 270.
- ¹⁸Herrmann J. Byzanz und die Slaven "am äussersten Ende des westl. Ozeans" // Klio. 1972. N 54. S. 309—319; Idem. Die Lusizi im frühen Mittelalter // Letopis. 1975. N 22/1. S. 100—113.
- ¹⁹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 164.
- ²⁰Бромлей Ю.В. Указ. соч. С. 275—277.
- ²¹Жемличка И. Характер славянского заселения и возникновение раннефеодальной народности (на примере Чехии и Моравии) // Этносоциальная и политическая структура... С. 140; Санчук Г.Э. Формирование государственности и раннефеодальной народности у сорбов // Там же. С. 105.
- ²²Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 253—254, 294 и др.
- ²³Бромлей Ю.В. Указ. соч. С. 277.
- ²⁴Державин Н.С. Славяне в древности. М., 1945. С. 34; Ср.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 198.
- ²⁵Пичета В.И. Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов. М., 1946. С. 6.
- ²⁶Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 98, 132—133, 141—142, 145.
- ²⁷Этнические процессы... С. 64—66.
- ²⁸Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 259.
- ²⁹Там же. С. 263; Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 235—243.
- ³⁰Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1985. С. 34—98, 314—334.
- ³¹Там же. С. 132—188.
- ³²Принятие христианства... С. 30—67.
- ³³Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 73—74.
- ³⁴Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 36—45.
- ³⁵Там же. С. 347.
- ³⁶Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 198—210; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 297—298; Саливон А.Н. К вопросу об образовании народности ободритов // Сов. славяноведение. 1979. № 3. С. 54—55.
- ³⁷Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 206, 210.
- ³⁸Там же. С. 210; Наумов Е.П. К вопросу о разных уровнях этнического самосознания у южных славян // Этносоциальная и политическая структура... С. 109.
- ³⁹Саливон А.Н. Вильцы-лютичи // Вопросы истории славян. Воронеж, 1985. С. 132—133.
- ⁴⁰Принятие христианства... С. 187.
- ⁴¹Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 204.
- ⁴²Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 299.
- ⁴³Саливон А.Н. К вопросу... С. 55.
- ⁴⁴Herrmann J. Die Luzici...S. 113.
- ⁴⁵Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 155, 159.
- ⁴⁶Жемличка Й. Характер...; Развитие этнического самосознания славянских народов в

эпоху раннего средневековья. С. 82 и след., 120 и след.; Гавлик Л. Моравская народность в эпоху раннего феодализма // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 156.

⁴⁷Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 85, 94.

⁴⁸Там же. С. 88; Гавлик Л. Указ. соч. С. 173—174.

⁴⁹Подробнее см.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 172 и след.; Историја народа Југославије. Београд, 1953. Т. 1. С. 132 и след.; 167 и след.; Zgodovina slovencev. Ljubljana, 1979. S. 113—115; Grafsenauer B. Op. cit. S. 33.

⁵⁰См. главу 5 данного труда.

⁵¹Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 166—167; Ронин В.К. Карантанское княжество: Проблемы этнополитической истории ранних словенцев // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 18.

⁵²Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 169—170; Бромлей Ю.В. Указ. соч. С. 277.

⁵³Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 181—185.

⁵⁴Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 94—99.

⁵⁵Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский временник. Москва.
- ВИИН — Византийски извори за историју народа Југославије.
- Галл. — Galli Anonimi Cronicae et Gesta Ducum sive Principum Polomorum.
Krakow, 1952.
- ГИБИ — Гръцки извори за българската история. София.
- ГСУ ФИФ — Годишник на Софийския университет. Филосовско-исторически факултет.
- ЖК — Житие Константина.
- ЖМ — Житие Мефодия.
- ЗРВИ — Зборник радова Византолошког института. Београд.
- ИИИ — Известия на Института за история. София.
- ИИБИ — Известия на Института за българската история. София.
- ИИБЕ — Известия на Института за български език. София.
- ИП — Исторически преглед. София.
- ЛИБИ — Латински извори за българската история. София.
- А. — Anno.
- AA ASH — Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- Adam. — Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae, 1917.
- AR — Archeologické rozhledy. Praha.
- ARF — Annales regni Francorum. Hannoverae, 1895.
- BHR — Bulgarian Historical Review. Sofia.
- Const. Porph. DAI — Constantine Prophyrogenitus. De administrando imperio.
Bp., 1949. Vol. I.
- ČSČH — Československý časopis historický. Praha.
- Cosmas — Cosmae Chronica Boemorum. B., 1923.
- EB — Etudes Balkaniques. Sofia.
- FHB — Folia Historica Bohemica. Praha.
- FRB — Fontes rerum Bohemicarum. Praha.
- Fredegar. — Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri IV // MGH Scriptores
rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1988. T. II.
- HČ — Historický časopis. Bratislava.
- Helmold. — Helmoldi presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum. Hannoverae,
1937.
- Iordanes — Iordanis Getica // Иордан. О происхождении и действиях готов.
М., 1960.
- JAZU — Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb.
- JIC — Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd.

- Menander F.* — Menandri fragmenta // Historici gracci minores. Lipsiac, 1871.
T. II.
- MGH — Monumenta Germaniac Historica. Hannoverae.
- MIÖG — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung.
Wien.
- Miracula S. Demetrii. — *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint-Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. P., 1979. T. I.
- MMFH — Magnae Moraviae fontes historici. Praha; Brno, 1966–1977. T. I–V.
- MOT — Magyarország története. Budapest.
- MUB — Mecklenburgisches Urkundenbuch. Schwerin.
- Nic. Brev. — Nicephori Breviarium // Niccophori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica. Lipsiae, 1880.
- PA — Památky archeologické. Praha.
- Paul. — Pauli Historia Langobardorum // MGH Scriptores reum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX. Hannoverae, 1878.
- PUB — Pommersches Urkundenbuch. Stettin.
- SLA — Slovenská archeológia. Bratislava.
- SP — Slovanský přehled. Praha.
- SSRH — Scriptores rerum Hungaricarum. Budapest.
- ŠZ AU SAV — Študijne zvesti Archeologického ústavu Slovenske akadémie vied. Nitra.
- Theoph. Chron. — Theophanis Chronographia. Lipsiae, 1883–1885. Vol. I–II.
- Theophyl. Sim. — Theophylacti Simocattae Historiae. 1887.
- Thietmar — Thietmati episcopi Merseburgensis Chronicum. B., 1935.
- VPS — Vznik a počátky Slovanů. Praha.
- Widukind — Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxoniarum libri III. B., 1935.
- ZČ — Zgodovinski časopis. Ljubljana.
- ZfO — Zeitschrift für Ostforschung. Marburg.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
З. Кланица; Д. Тржештик. Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье.....	7
А. Авенариус. Авары и славяне. "Держава Само".....	26
В. Тыпкова-Заимова. Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII-IX вв.	37
Е. Койчева, Н. Кочев. Болгарское государство с середины VIII до конца IX в	51
Д. Тржештик. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье	69
Д. Тржештик, Б. Достал. Великая Моравия и зарождение Чешского государства	87
Р. Марсина. Славяне и мадьяры в конце IX—X в.....	106
В.К. Ронин, Б.Н. Флоря. Государство и общество у полабских и поморских славян.....	116
В. Тыпкова-Заимова. Структура Болгарского государства (конец IX — начало XI в.) и проблема гегемонии на Балканах.....	137
С. Ракова, Х. Матанов. Процессы государственного развития у хорватов и сербов в IX-XII вв.	150
Й. Жемличка, Р. Марсина. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия).....	167
Б.Н. Флоря. Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства.....	190
А.И. Рогов, Б.Н. Флоря. Образование государства и формирование общественно-политической идеологии в славянских странах.....	207
Г.Г. Литаврин, Б.Н. Флоря. Социальные противоречия и классовые движения в славянском обществе в VII-XII вв.	217
Г.Г. Литаврин, Е.П.Наумов. Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей.....	232
Список сокращений	250

Научное издание

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ
ГОСУДАРСТВА И НАРОДНОСТИ
(южные и западные славяне
VI - XII вв.)

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Заведующая редакцией *Л.С. Кручинина*
Редактор издательства *А.В. Болдов*
Художественный редактор *И.Д. Богачев*
Технический редактор *Г.И. Астахова*
Корректор *Л.А. Агесва*